

ISSN 2309-5431

**ДНЕВНИК
АЛТАЙСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
№31.**

**Современная Россия и мир:
альтернативы развития
(Запад и Восток:
регионы в трансграничном
взаимодействии)**

Сборник научных статей

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2015

ББК 66.4(0), 302 я431

Д 541

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор **Ю.Г. Чернышов** (отв. редактор), кандидат исторических наук, доцент **О.А. Аршинцева**, кандидат исторических наук, доцент **А.М. Бетмакаев**, **Исакова С.Н.** (отв. секретарь); кандидат исторических наук **В.Н. Козулин**; кандидат исторических наук, доцент **О.Ю. Курныкин**

Д 541 Дневник Алтайской школы политических исследований № 31. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Запад и Восток: регионы в трансграничном взаимодействии): сборник научных статей / под ред. Ю.Г. Чернышова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. 318 с.

Сборник содержит научные статьи российских и украинских исследователей (из Барнаула, Владивостока, Вологды, Екатеринбурга, Калининграда, Калуги, Кирова, Москвы, Новосибирска, Петрозаводска, Ростова-на-Дону, Читы и Киева). Перечень рассмотренных сюжетов достаточно широк: от «цивилизационных» аспектов данной темы до конкретных исторических примеров трансграничного взаимодействия регионов в самых разных точках мира. Особое внимание уделено теме «Большого Алтая», где пересекаются интересы сразу четырех государств: России, Казахстана, Монголии и Китая.

Издание предназначено для специалистов (историков, культурологов, международников, политологов, регионоведов, социологов, экономистов и др.), а также для всех, кто интересуется проблемами трансграничного взаимодействия регионов.

ББК 66.4(0), 302 я431

На обложке: карта, размещенная на сайте Ассамблеи европейских регионов. URL: <http://www.aer.eu/publications/tabula-regionum-europae.html>

ISSN 2309-5431

© Алтайская школа политических исследований, 2015

© Оформление. Издательство Алтайского государственного университета, 2015

БАРНАУЛ

**СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ И МИР:
АЛЬТЕРНАТИВЫ РАЗВИТИЯ**

**Запад и Восток:
регионы в трансграничном взаимодействии
(28–30 сентября 2015 г.)**

Е.А. Бикетова, В.Н. Козулин, Ю.Г. Чернышов
Конференция о трансграничном взаимодействии
регионов

Данный выпуск «Дневника АШПИ» продолжает традицию издания материалов ежегодных конференций, проводимых Алтайской школой политических исследований. Это серийное издание включено в Российский индекс научного цитирования и доступно в полнотекстовом варианте на сайте Школы [1].

Школа возникла в 1996 г., и с этого года она проводит научно-практические конференции, посвященные наиболее актуальным историческим, внутривнутриполитическим и международным проблемам. Общая тема «Современная Россия и мир: альтернативы развития» объединяет конференции, посвященные конкретным аспектам, к обсуждению которых приглашаются специалисты из разных городов страны и зарубежных стран. При этом уже в течение 12 лет такие конференции предвараются «заочным» обсуждением докладов в Сети Интернет.

В этом году на обсуждение была вынесена тема: «Запад и Восток: регионы в трансграничном взаимодействии». О ее актуальности свидетельствует все увеличивающееся в последнее время количество публикаций, в том числе и по регионам азиатской части России [2–14]. При этом попытки всестороннего или комплексного изучения проблемы с использованием методов и подходов разных наук, в том числе исторической науки и политологии, встречаются гораздо реже. Отметим, что близкие сюжеты затрагивались в нескольких ранее вышедших «Дневниках АШПИ» [15–20], но специально посвященные этой теме конференции АШПИ не проводились.

Учредителями данной конференции, кроме АШПИ, выступили Алтайский государственный университет (кафедра всеобщей истории и международных отношений), Институт Африки Российской академии наук, Конгресс интеллигенции Алтайского края, Российская ассоциация политической науки.

На интернет-конференцию, проведенную в апреле – июне 2015 г., поступило 44 доклада из 10 российских городов (Барнаула, Владивостока, Вологды, Екатеринбурга, Калининграда, Кирова, Москвы, Петрозаводска, Ростова-на-Дону, Читы), а также из Украины (Киев). Непосредственное участие в сентябрьской конференции приняли гости, приехавшие из Кирова, Екатеринбурга и Новосибирска: **А.Н. Харин** – к.и.н., доцент кафедры гуманитарных наук Кировского филиала РАНХиГС, **К.Г. Муратшина** – к.и.н., ассистент кафедры теории и истории международных отношений УрФУ, **М.Н. Колоткин** – д.и.н., профессор Сибирского государственного университета геосистем и

технологий, **С.В. Козлов** – к.и.н., доцент, декан факультета политики и международных отношений Сибирского института управления – филиала РАНХиГС и **А.М. Барсуков** – к.полит.н., заместитель декана этого же факультета. Кроме того, в числе докладчиков и участников были представители разных учебных подразделений АлтГУ (кафедр востоковедения, отечественной истории, политологии, политической истории, экономической географии и картографии и др.).

Конференция начала работу 28 сентября. На **открытии** председатель оргкомитета, директор АШПИ и заведующий кафедрой ВИМО АлтГУ профессор **Ю.Г. Чернышов** представил гостей конференции и обозначил круг обсуждаемых вопросов. С приветственными речами выступили проректор по развитию международной деятельности АлтГУ доцент **Р.И. Райкин** и декан исторического факультета профессор **Е.В. Демчик**. Было отмечено, что традиция проведения научных конференций АШПИ во многом уникальна, поскольку вот уже 20 лет она ежегодно собирает форумы, отличающиеся междисциплинарными подходами и посвященные актуальным международным и внутривнутриполитическим проблемам, а серийное издание «Дневник АШПИ», насчитывающее уже 30 выпусков, хорошо известно ученым не только в России, но и за ее пределами.

После приветственных слов конференция приступила к работе. В самом начале состоялся **вебинар** с учеными из Москвы, организованный с помощью сотрудников Научной библиотеки АлтГУ. Перед залом, собравшим более 70 человек, выступили: **И.С. Семененко** (д.полит.н., зав. сектором прикладных социально-политических исследований в ИМЭМО РАН), **В.Р. Филиппов** (д.и.н., ведущий научный сотрудник Института Африки РАН), **Е.И. Филиппова** (д.и.н., ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН) и **И.М. Юн** (заместитель руководителя департамента Фонда «Бюро экономического анализа»). По их важным в методологическом отношении выступлениям были заданы вопросы, на которые они развернуто ответили в режиме онлайн.

В.Р. Филиппов в своем вступительном докладе отметил, что в настоящее время фактически идет реколонизация Африки. Он рассказал о причинах выталкивания огромной массы людей из этого региона и высказал озабоченность тем, что миграционный вал будет только нарастать. Отвечая на вопрос профессора АлтГУ О.Ю. Курныкина о специфике африканского сепаратизма, В.Р. Филиппов ответил, что так называемая «эпоха сепаратизма» в Африке в значительной степени спровоцирована своекорыстными интересами великих держав, в частности, Франции, США и Китая.

Выступление **Е.И. Филипповой** было посвящено главным образом современному миграционному кризису в Европе. По ее словам, в современном мире на смену утопическому дискурсу «мира без границ» и всеобщих планетарных потоков приходит понимание того, что границы все же необходимы. Однако при этом необходимо четко различать потоки так называемых гуманитарных мигрантов, которые бегут ради спасения жизни и которым нужно оказывать всяческую помощь, и нелегальных мигрантов, в работе с которыми продуктивнее всего использовать селективный метод, поскольку в современном мире главную роль играет человеческий капитал. На вопрос Ю.Г. Чернышова о готовности России к наплыву мигрантов с юга Е.И. Филиппова выразила сомнение в наличии такой угрозы, так как Россия не дает мигрантам таких социальных гарантий, которые привлекают их в Европу. На вопрос О.А. Аршинцевой, отказывается ли современная Европа от интеграции и каковы дальнейшие перспективы миграционной ситуации, Е.И. Филиппова сказала, что, по ее мнению, то что, пришло в движение, будет двигаться, и эту лавину мигрантов в любом случае не сдержать, это остается лишь вопросом времени. Любопытный вопрос задал студент В.К. Котов, поинтересовавшийся перспективами привлечения мигрантов из Европы в Россию. Отвечая на этот вопрос, Е.И. Филиппова заметила, что на одной из недавних конференций исследовательница Ю.Ф. Флоринская как раз приводила статистику, свидетельствующую о том, что в последний год, к сожалению, происходит существенный отток и без того сравнительно малочисленных европейских мигрантов из России. Причины этого как экономические, так и политические.

И.М. Юн, руководствуясь концептуальными установками теории нации Э. Ренана, рассмотрела трансграничные взаимодействия на Корейском полуострове как диалектический конфликт трех корейских наций: единой корейской нации (эта политическая и социокультурная общность сформировалась еще в эпоху позднего феодализма), а также государственно-политических (гражданских) общностей РК и КНДР. На вопрос студента-политолога о том, необходима ли смена социально-политических моделей в обеих Кореях, или же одна может поглотить другую, как это было в случае с Германией, И.М. Юн ответила, что надеется, что в какой-то мере идеология Южной Кореи повлияет на изменения в Северной Корее.

Завершила вебинар **И.С. Семененко**, которая в своем выступлении поставила ряд важных теоретических вопросов. Во-первых, это вопрос о пространственном измерении трансграничных взаимодействий. Именно эта тематика в последнее время выходит на первый план при прогнозировании направлений социально-политических изменений в

системе современного мироустройства. Для понимания происходящего наиболее продуктивным является использование категории пространства и категории фронта, которые сейчас активно исследуются как зарубежными, так и отечественными учеными (в частности, научной школой, возглавляемой Е.В. Морозовой в КубГУ, которая занимается проблематикой так называемого сетевого фронта — пространства, где сталкиваются сетевые и досетевые формы взаимодействия).

Второй важный теоретико-методологический вопрос — это проблема методов исследования политических взаимодействий. Помимо категории пространственных взаимодействий, ключевое значение имеет изучение идентичностей. Важно понять, например, существует ли так называемая трансграничная идентичность, или это просто новое качество, которое появляется в результате встречи с Чужим, с Иным на границе. По мнению И.С. Семененко, скорее речь идет не о новом качестве идентичности людей, живущих в приграничном пространстве, а о «вбирании» новых потребностей — потребностей во взаимодействии, в диалоге, в понимании Другого. При изучении трансграничных взаимодействий очень важным представляется выявление новых субъектов коммуникаций. Трудность заключается в том, что субъекты здесь зачастую не институционализированы, ведь речь идет и об отдельных людях. Поэтому вопрос о том, как ввести микрополитическое измерение в исследование макрополитических процессов, является фундаментальным вызовом для политической науки и для социальных наук в целом. Было выражено предположение, что сделать это можно путем выявления субъектов таких взаимодействий и анализа их идентичностей. В ИМЭМО РАН готовится масштабная работа, посвященная динамике идентичности в современном мире и оценке потенциала идентитарного подхода для политической науки.

Третья важная теоретическая проблема, поставленная И.С. Семененко, связана с этнополитическим измерением трансграничных взаимодействий. Уже около 15 лет, по ее словам, продвигается тема неонационализма, наблюдается актуализация тематики этничности в странах Запада. И речь идет, в том числе, о политической активизации автохтонных сообществ (каталонский и шотландский референдумы). Этот тренд вкупе со стремительным ростом международных миграций и обострением проблемы беженцев во многом определяет характер трансграничных потоков в Европе. Необходимо учитывать многоуровневый характер трансграничных взаимодействий и особое внимание обращать на проблему субъектов приграничных взаимодействий, среди которых важнейшим является не только регион, но и город. Многоуровневое аналитическое поле создает когнитивный вызов, и насущная задача исследователей современных политических процессов заключа-

ется в формировании повестки дня и аналитических моделей исследований, чему может послужить и данная конференция.

Профессор АлтГУ О.А. Аршинцева поблагодарила И.С. Семененко за обращение к тематике, популярной у сибирских исследователей на рубеже 1990-х–2000-х гг.: уже тогда они обсуждали идею «человека фронта», не получившую, к сожалению дальнейшего развития. Московская исследовательница в ответ высказала идею о возможности организации совместного мероприятия с участием московских, краснодарских и сибирских коллег для обсуждения и продвижения этих проблем. Профессор АлтГУ Я.Ю. Шашкова задала вопрос о том, можно ли говорить об изменении самого содержания национальной идентичности как понятия и как политического явления. Отвечая на вопрос, И.С. Семененко подчеркнула важность этой проблемы для понимания нации и природы национального в современном мире и отметила, что с национальной идентичностью сейчас очень сильно пересекается идентичность гражданская, о чем свидетельствуют, в частности, труды Л.М. Дробизевой, которая пишет о «национально-государственной» и «государственно-гражданской» идентичности как о составляющей российской идентичности, характеризуя «государственническое» качество как одно из ключевых. Что же касается самого содержания национального, то, по мнению И.С. Семененко, сейчас происходит углубление размежеваний между той частью граждан развитых обществ, которая по-прежнему ориентируется на национальное, и другой частью, которая ориентируется на транснациональные модели самоидентификации ввиду своего профессионального опыта, образования, включенности в сетевые взаимодействия. «Встреча» этих групп может произойти в поле гражданской идентичности, в которую должны быть включены составляющие не только гражданского взаимодействия, но и взаимодействия языков, межрелигиозный диалог, формирование общего культурного пространства, утверждение ценностей солидарности и межличностного доверия. Это насущные проблемы для современных многокультурных обществ.

После завершения вебинара начала работу **первая секция** конференции «Теоретические аспекты трансграничного взаимодействия регионов». Открыл заседание секции доклад гостя из Кирова **А.Н. Харина** на тему «Уровни межкультурного взаимодействия». А.Н. Харин выделил два основных уровня межкультурного взаимодействия. Первый уровень — взаимодействие между двумя крупными цивилизационными блоками — мегацивилизациями (одним из наиболее значимых пространств является Индийский океан). На втором уровне взаимодействие, как правило, происходит между отдельными цивилизациями. Здесь большую роль играют пограничные регионы, а

также и субцивилизации. По словам исследователя, взаимодействие между цивилизационными суперсистемами и отдельными цивилизациями имеет несколько уровней. На уровне мегацивилизаций большую роль играют большие промежуточные пространства, а также коммуникационные линии, формирующиеся с древности. Подвижность цивилизационных границ ставит на повестку дня вопрос о значении пограничных регионов, которые могут быть описаны как лимитрофной теорией, так и теорией субцивилизаций. О.Ю. Курныкин поинтересовался, какова «работоспособность» теории В.Л. Цымбурского в современных условиях и какова целесообразность использования некоторых терминов, таких как «великие лимитрофы» и «мегацивилизация», перекликающихся с методологическими построениями Китаева А.И. Кобзева. Отвечая на эти вопросы, А.Н. Харин заметил, что в таких подходах и терминологии есть определенное рациональное зерно. На вопрос А.В. Кротова о факторах устойчивости цивилизации А.Н. Харин отметил, что устойчивость цивилизациям придает наличие богатых традиций и развитого самосознания.

Продолжил работу секции доклад **О.А. Аршинцевой** «Пространство как фактор мировой политики», в котором была предпринята попытка обзора и систематизации подходов к проблеме пространства, сформулированных экспертами-международниками в наиболее популярных концепциях современного миропорядка. На основе сравнительного анализа теории кризиса Вестфальской системы, геополитической парадигмы международных отношений и концепции мировой политики автор выявила принципиальные различия в позициях исследователей по проблеме пространства как реального фактора мировой политики. На вопрос А.Н. Харина о том, можно ли назвать современный кризис Вестфальской системы в Европе в более широком смысле кризисом европоцентризма, О.А. Аршинцева ответила утвердительно, поскольку количество внесистемных игроков, по ее словам, просто перевесило качество этой системы. О.Ю. Курныкин отметил, что для российского самосознания вопрос о пространстве является структурообразующим и в связи с этим попросил прокомментировать, как пространственный фактор осмысливается российскими политологами и международниками. О.А. Аршинцева выделила две противоположных позиции среди российских специалистов — 1) «респектабельную и осторожную» и 2) в последнее время возобладавшую конъюнктурную позицию, крайним проявлением которой являются теории А.Г. Дугина.

Доцент АлтГУ **В.Н. Козулин** выступил с докладом на тему «Проблема восточной границы Европы: география, идеология, культура». В.Н. Козулин отметил, что в попытках решения вопроса о восточной границе Европы (по сути неразрешимого) переплетаются между собой

географические, идеологические и культурологические теории. В общем можно выделить три основные тенденции в трактовке восточной европейской границы: узкую (до границы России) — так называемая «Малая Европа», широкую (до Урала, включая Россию) и максимально расширительную тенденцию, которую условно можно назвать идеей Большой Европы или Европы без границ (от Лиссабона до Владивостока). По мнению докладчика, в свете происходящей глобализации именно последняя тенденция, несмотря на все трудности, возникающие на этом пути, представляется наиболее перспективной. Эта тенденция предполагает стремление к преодолению границ и созданию максимально широкого европейского пространства, включая Россию, в котором каждый европеец будет чувствовать себя «как дома». О.А. Аршинцева, ссылаясь на публикацию одного румынского автора, который утверждал, что Румыния — не часть юго-восточной Европы, а принадлежит к Центральной Европе, задала вопрос о мотиве этой «географической переориентации». В.Н. Козулин согласился с распространенностью такого подхода в странах современной Европы, пояснив, что восточноевропейскими историками уже довольно давно, и в последнее время все более активно разрабатывается термин «Центрально-Восточная Европа», вызванный стремлением жителей Восточной Европы к некой «более европейской» идентичности, противопоставляемой «российско-восточноевропейской». В продолжение вопроса О.А. Аршинцевой доцент АлтГУ Н.С. Малышева спросила о том, какое толкование границ Европы характерно для современной российской политической элиты и для россиян в широком смысле. Отвечая на этот вопрос, докладчик высказал мнение, что в современной России ощущается устойчивый крен в сторону Азии, и Россия в современной политической элите и среди народа воспринимается как культура в большей степени противостоящая европейским ценностям. Доцент АлтГУ Л.В. Мониная задала вопрос о том, насколько значительную роль играют именно ценности в восприятии границ Европы, и могут ли по этой причине и такие страны, как, например, Турция или Казахстан стать частью «Большой Европы». В.Н. Козулин не исключил такой возможности в отдаленной перспективе, учитывая в целом европейскую ценностную ориентацию и позиционирование этих государств в современном мире. Россия же, учитывая современные тенденции ее развития, может, наоборот, сойти на какое-то время с этого пути и начать все больше «ориентализоваться», т.е. попытается, скорее всего, сформулировать некую уникальную систему «традиционных» ценностей, менее консервативных, чем радикальный ислам, но все-таки противостоящих либеральным европейским ценностям. В

таком случае восточная граница Европы (в ментальном смысле) еще на какое-то время отодвинется от России.

Завершил работу секции доклад профессора **Ю.Г. Чернышова** «Пограничное пространство как барьер между утопическими и реальными образами стран и регионов». В докладе на ряде исторических примеров были рассмотрены проблемы идеализированного или негативированного взаимного восприятия жителей разных стран и регионов в условиях труднопреодолимых границ. Утопия и антиутопия, как правило, отделяются от реальности границей, и распространению далеких от реальности образов «других» зачастую способствуют закрытость границ, ограничение информации и прямых контактов, а также односторонняя пропаганда в условиях монополизации СМИ. О.А. Аршинцева, заметив, что доклад вызвал у нее массу ассоциаций, спросила, присутствуют ли какие-то мессианские мотивы в идее так называемого «русского мира», или же она обусловлена исключительно меркантильными мотивами. Ю.Г. Чернышов уточнил, что, если говорить об идее «особой национальной миссии», то можно отметить участвовавшие попытки пропагандистского использования в этом направлении «русской идеи». Однако в современных условиях какие-либо крайние «империалистические» проекты, обыгрывающие национальные мотивы, малоперспективны. О.Ю. Курныкин поинтересовался, существовали ли и в прежние времена такой типаж людей, которые не признают границ и которых можно условно назвать гражданами мира. Отвечая на вопрос, Ю.Г. Чернышов заметил, что такое явление, конечно, имело место еще в древности (например, среди стоиков с их идеей космополиса). Что же касается современности, то представления о том, что все мы — единое человечество и что можно учиться, работать и жить в разных странах, становятся все более распространенными, и мы это прекрасно видим даже на своих студентах. На вопрос Н.А. Заусаевой о том, что в современном мире способствует не созданию, а разрушению границ, Ю.Г. Чернышов ответил, что это прежде всего процессы глобализации, в том числе Интернет, помогающий легко проверить любую информацию и в той или иной степени препятствующий манипуляциям общественным мнением. В целом, стиранию границ способствует активное развитие трансграничных контактов между людьми, межкультурных коммуникаций.

Заседание **второй секции** было посвящено международному опыту взаимодействия приграничных территорий. Первая часть заседания прошла в формате конференции, вторая — в виде «круглого стола».

Заседание открыл **С.В. Козлов** с докладом «Историческая память как компонент региональной идентичности (на примере постсоветской Украины)». Доклад вызвал большой интерес у слушателей, так как

непосредственно был связан и с проблемами «переписывания» истории, и современной политической риторикой правительства Украины о феномене украинской идентичности. В ходе своего выступления С.В. Козлов уже с точки зрения осмысления таких феноменов, как историческая память и национальное самосознание, подтвердил тезис о неоднородности Украины, ее закономерном внутреннем делении на западную и восточную части. Он также отметил, что отсутствие общих представлений о прошлом и раскол исторической памяти оказывают влияние на политические процессы, происходящие в Украине. Кроме того, раскол исторической памяти на сегодняшний день мешает созданию единой украинской нации. В ходе дискуссии, развернувшейся после доклада, поднимались темы присоединения Крыма, особенности взаимовосприятия русских и украинцев, делались прогнозы относительно будущего Украины и возможных сценариев дальнейшего развития ситуации вокруг Донбасса. С.В. Козлов также отметил, что в настоящее время на Украине происходит консолидация населения вокруг украинского проекта на западно-украинском фундаменте, чему во многом способствовала актуализация образа врага в лице России. Что касается дальнейшей судьбы Украины, то был высказан тезис о «приднестровском варианте».

После выступления С.В. Козлова в центре обсуждения оказалось приграничное сотрудничество регионов. Обсуждались проблемы и перспективы взаимодействия приграничных регионов России и Китая (**К.Г. Муратшина**, «Программа сотрудничества приграничных регионов России и Китая в контексте перспектив и рисков в межрегиональном взаимодействии двух стран»), а также Республики Алтай, Китая, Казахстана и Монголии в рамках проекта «Большой Алтай» (**А.М. Барсуков**, «Приграничное сотрудничество регионов Большого Алтая в контексте интеграционных процессов»).

В рамках дискуссии наиболее обсуждаемыми вопросами были перспективы межгосударственных взаимоотношений в самых различных сферах взаимодействия: экономической, транспортной, туристической, экологической. Особое внимание было уделено рассмотрению возможных рисков в плане взаимоотношений России и Китая, в том числе применительно к региональному опыту. В частности, К.Г. Муратшина обратила внимание присутствующих на то, что предложения российской стороны Китаю не были оценены экспертным сообществом с точки зрения стратегической перспективы и возможных рисков. В ходе дискуссии был сделан вывод о том, что Китай интересуется Россией в первую очередь как рынок сбыта и как противовес антироссийским санкциям, выдвинутым странами Запада в связи с присоединением Крыма. Китаю же главным образом необходимы ресурсы Рос-

сии для стабильного развития своей экономики. По сути, от такого партнерства Россия только проигрывает: она истощает свои ресурсы и при этом может рассчитывать лишь на краткосрочную выгоду. В этой связи О.А. Аршинцева подчеркнула, что для китайской стороны характерен расчет на прагматическую экономическую эффективность, а для российской стороны главным является сам факт сотрудничества. Резюмируя дискуссию по этому вопросу, Ю.Г. Чернышов подчеркнул, что общей проблемой во всех этих вопросах является отсутствие в России прочной связки между экспертным сообществом и властными органами, принимающими решения. Он также отметил, что многие проекты лоббируются, даже несмотря на то, что являются невыгодными для России и далекими от реальности. «Экспертное сообщество слабое, у него нет эффективных методов влияния на власть. Нам не хватает развитых институтов гражданского общества (в том числе независимых СМИ), а также горизонтальных связей», — подчеркнул Ю.Г. Чернышов.

После первого заседания свою работу начал «**круглый стол**», на котором выступили студенты и преподаватели АлтГУ. В рамках круглого стола основное внимание сосредоточилось на конкретных исторических сюжетах, связанных с проблемами безопасности внешних границ в Европе, проблемы идентичности в условиях пограничья, а также, основные проблемами межгосударственного взаимодействия в различных сферах, в различные исторические периоды (с сообщениями выступили *П.В. Ульянов, Л.В. Мони́на, Н.С. Малышева, С.Н. Исакова, А.М. Бетмакаев и Л.Г. Коваленко*).

Третья секция была посвящена изучению и осмыслению опыта российских регионов в трансграничном сотрудничестве. В качестве основных проблем, обсуждаемых на секции, были затронуты специфика трансграничного взаимодействия в обширном Центральноазиатском регионе и значимость регионального аспекта трансграничного взаимодействия для межгосударственных взаимоотношений. В ходе секции было заслушано 8 докладов, по каждому из которых развернулась бурная дискуссия. Доклады *М.Н. Колоткина* («Трансграничные туристские тренды Большого Алтая в условиях современных геополитических реалий») и *Е.А. Вerveкиной* («Современные аспекты сотрудничества Алтайского края и КНР: проблемы и перспективы») были непосредственно связаны с региональной тематикой и опытом Алтайского края в межгосударственных взаимодействиях как в плане контактов с другими этническими группами, так и с формированием привлекательного имиджа Алтайского края в трансграничных регионах. В рамках этих выступлений обсуждались проблемы реализации трансграничных проектов как с точки зрения экономических, юридических,

так и культурных вопросов. В частности, был отмечен рост интереса к Алтайскому краю со стороны Китая в плане строительства транспортной инфраструктуры, экономической заинтересованности. В центре внимания оказалось обсуждение «громких» трансграничных проектов — туристических проектов «Большой Алтай», «Золотое кольцо Алтая», экономического проекта строительства газопровода «Сила Сибири-2». М.Н. Колоткин в ходе дискуссии отметил: несмотря на то, что туристический имидж Алтайского края во многом «перебивает» туризм в Горном Алтае, у Алтайского края есть возможности для конкурентного позиционирования в области туристической индустрии — это разнообразие природы и отдыха в Алтайском крае, курорты Белокуриха и Яровое.

В выступлениях Т.Н. Соболевой и Д.С. Боброва («Лимогенез Российской империи в Верхнем Обь-Иртыше в первой половине XVIII в.») и Ю.А. Лысенко и М.Ф. Лысенко («Особенности русско-казахского межэтнического взаимодействия в районе Иртышского десятиверстного пространства (XIX — начало XX вв.)») был затронут исторический аспект межгосударственного взаимодействия. В докладе **Т.Н. Соболевой** и **Д.С. Боброва** был рассмотрен процесс установления границы Российской Империи с Джунгарией. Авторы пришли к выводу, что границы сначала устанавливались на карте, лишь затем их достигали, поэтому во многом они были иллюзорными. В ходе дискуссии Ю.Г. Чернышов отметил, что империи обычно формулируют идеологическое обоснование для своих завоеваний, зачастую оправдывая свои действия цивилизаторской миссией. В этом отношении Т.Н. Соболева отметила, что определенной идеи с целью объяснения экспансии не использовалось, но подчеркивалось, что эти территории являлись «исконными».

В продолжении темы прозвучал доклад **Ю.А. Лысенко** и **М.Ф. Лысенко**, который был посвящен русско-казахскому взаимодействию более позднего периода. Ю.А. Лысенко отметила положительный аспект русско-казахского взаимодействия в конце XIX - начале XX вв., расценив его как взаимовыгодное сотрудничество, которое сопровождалось межкультурным взаимодействием с частичным проникновением культур (например, предметы быта и одежды), не затрагивающим конфессиональную область. В ходе дискуссии Ю.Г. Чернышов отметил, что «для кочевников характерно особое восприятие времени и пространства: для кочевников нет границ, для них есть направления». Представлений о четких границах в степи у них не было, поэтому до того момента, когда на плодородных землях появились крестьяне, серьезных столкновений с местным населением не возникало.

Проблеме межгосударственного взаимодействия в приграничных территориях были посвящены доклады **О.Ю. Курныкина** («Потенциал и факторы сотрудничества приграничных регионов России и Казахстана») и **Е.А. Бикетовой** («Российско-белорусское взаимодействие в приграничных регионах и его влияние на восприятие Белоруссии и белорусов в России»). Основные вопросы, которые были затронуты при обсуждении данных докладов, — дальнейшее внутривнутриполитическое развитие Казахстана и Белоруссии, их перспективы взаимодействия с Россией. В частности, при обсуждении доклада О.Ю. Курныкина было отмечено, что дальнейшее развитие российско-казахстанских отношений во многом будет обуславливаться тремя факторами: 1) преобладанием политических аспектов в сотрудничестве над экономическими, что проявилось и в формировании Евразийского Союза, по форме экономического, а не политического объединения; 2) политической конъюнктурой и приходом к власти тех или иных общественно-политических сил после ухода Н. Назарбаева; 3) дальнейшим развитием китайско-казахстанских отношений: к настоящему времени проникновение китайского инвестиционного капитала в Казахстан более очевидно, чем присутствие там значительных российских ресурсов. В ходе дискуссии также был сформулирован тезис о том, что, хотя в Казахстане партийная система во многом формальна и сохраняют влияние родовые отношения, страна постепенно модернизируется и начинает ориентироваться на западные стандарты. В ходе обсуждения доклада Е.А. Бикетовой также было отмечено, что белорусские общественно-политические силы преимущественно являются европоориентированными, а идеи «евробелорусизма» набирают популярность среди молодых белорусов. Относительно позитивного восприятия Белоруссии в приграничных регионах Л.Г. Коваленко высказала тезис о том, что конструирование позитивного образа во многом происходит на контрасте уровня развития приграничных российских регионов с белорусской действительностью.

Результаты прикладных исследований в области экономической географии были представлены в выступлении **А.В. Кротова** и **А.В. Бусленко** («Экономико-географические предпосылки развития приграничных кластеров России и сопредельных территорий»). В частности, А.В. Кротовым было предложено развивать российские регионы с использованием возможностей трансграничного сотрудничества в транспортной, экспортной, промышленной и других областях. Также был оценен экономический потенциал полуострова Крым: было предложено рассмотреть возможность сделать Крым некой оффшорной зоной (по типу Кипра и Бермудских островов), открытой для Европы и Азии. По словам А.В. Кротова, это позволило бы вывести полуостров

из числа дотационных регионов РФ и улучшить там экономическую ситуацию. В ответ на это О.А. Аршинцева и В.Н. Козулин высказали мнение, что с геополитической точки зрения — в условиях санкций, направленных против России странами Европы и США, а также в условиях блокады полуострова со стороны Украины — это пока выглядит как утопический проект.

При **закрытии** конференции участники отметили, что практически по каждому из прочитанных докладов прошла интересная и содержательная дискуссия. Перечень рассмотренных сюжетов был достаточно широк: от «цивилизационных» аспектов данной темы до конкретных исторических примеров трансграничного взаимодействия регионов в самых разных точках мира. Много внимания было уделено и теме «Большого Алтая», где пересекаются интересы сразу четырех государств: России, Казахстана, Монголии и Китая. Профессор **Ю.Г. Чернышов** поблагодарил всех гостей, участников и организаторов и сообщил, что следующее интернет-обсуждение решено посвятить теме «Сепаратизм и его роль в мировом политическом процессе». Обсуждение этой темы на интернет-конференции АШПИ начнется в апреле 2016 г.

Литература

1. Дневники //Алтайская школа политических исследований. URL: <http://ashpi.asu.ru/prints.html>
2. Ан Е.А. Пространственная интеграция науки, образования, производственных систем трансграничных территорий. Барнаул, 2012.
3. Козулин В.Н. Россия и Запад. Очерки истории взаимодействия культур. Барнаул, 2015.
4. Осадчая О.П. Основные формы организации приграничного сотрудничества. Рубцовск, 2013.
5. Панарин С.А. Трансграничные вызовы и угрозы национальному государству // Восток. 2013. № 6. С. 131–133.
6. Перспективы межрегионального и приграничного сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств // Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии. 2012. № 1. С. 16–18.
7. Приграничные и трансграничные территории Азиатской России и сопредельных стран (проблемы и предпосылки устойчивого развития). Новосибирск, 2010.
8. Романова Н.П. Трансграничный регион: эволюция теоретико-методологических подходов // Вестник Забайкальского государственного университета. 2013. № 6 (97). С. 95–105.
9. Трансграничное сотрудничество: экономические и социально-гуманитарные аспекты развития Большого Алтая. Барнаул, 2010.

10. Филология и культура в трансграничном регионе «Алтай–Монголия»: полевые и лингвокультурологические исследования. Барнаул, 2012.

11. Фролова Е.А. Направления и формы трансграничного сотрудничества в пограничном пространстве Дальневосточного федерального округа и условия его реализации // Власть. 2014. № 10. С. 91–98.

12. Чойропов Ц.Ц. Трансграничное пространство и миграционные процессы (на материалах Республики Бурятия и Монголия) // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2014. № 16. С. 79–81.

13. Этнокультурное взаимодействие народов в трансграничном пространстве Северной Азии. Сборник научных статей памяти Якова Михайловича Кофмана. Барнаул, 2013.

14. Юрченков Е.М. Проблемы развития трансграничного туризма в Алтайском регионе // Туристско-рекреационные ресурсы Алтайского региона: проблемы и перспективы использования. Материалы II международной научно-практической конференции (Барнаул, 15–16 ноября 2006 г.) Барнаул, 2007.

15. Дневник АШПИ. № 19/20. Региональные выборы 2004 г.: волеизъявление народа или триумф технологий? Современная Россия и мир: альтернативы развития (трансграничное сотрудничество и проблемы национальной безопасности) / под ред. Ю.Г. Чернышова. Барнаул, 2004

16. Дневник АШПИ. № 21. Современная Россия и мир: альтернативы развития (национальная, региональная идентичность и международные отношения) / под ред. Ю.Г. Чернышова. Барнаул, 2005.

17. Дневник АШПИ. № 22. Современная Россия и мир: альтернативы развития (этноконфессиональные конфликты и вызовы XXI века) / под ред. Ю.Г. Чернышова. Барнаул, 2006.

18. Дневник АШПИ. № 24. Современная Россия и мир: альтернативы развития (роль российских регионов в формировании имиджа страны) / под ред. Ю.Г. Чернышова. Барнаул, 2008.

19. Дневник АШПИ. № 29. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Запад и Восток: межкультурные взаимодействия и международные отношения) / под ред. Ю.Г. Чернышова. Барнаул, 2013.

20. Дневник АШПИ. № 30. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Трансграничные мигранты и общество страны пребывания: взаимное восприятие и проблемы межкультурного взаимодействия) / под ред. Ю.Г. Чернышова. Барнаул, 2014.

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕГИОНОВ

М.Р. Арпентьева

Аллология как наука о трансграничном взаимодействии

Проблема Чужого и Чуждости — одна из наиболее интенсивно обсуждаемых проблем гуманитарной и, в частности, культурно-исторической мысли конца XX — начала XXI века. Попытки концептуального описания Чуждости, создания некой непротиворечивой и универсальной модели Чужого в его взаимоотношениях с Собственным предпринимаются практически во всех областях гуманитарного знания — от прикладной социологии до философской антропологии, особенно популярны они в исследованиях мультикультурного или поликультурного диалога. «Аллология», «ксенология», или наука о Другом или о Чужом представлена множеством отраслей, во многом повторяющих строение современного гуманитарного знания. Значительны и собственно исторические работы и концепции Чужого, в частности, работы, описывающие особенности архаического, античного, средневекового, современного сознания, их сходства и различия. Различные аспекты генезиса «образов Чужого», их деконструкции и преодоления — темы многочисленных современных европейских и международных исследований в рамках научной и экуменической ориентаций.

Аллология, как наука о трансграничном взаимодействии, обращена на анализ проблем осмысления или «освоения» Другого в процессе взаимодействия с ним, разных стратегий взаимодействия и их различных результатов. Освоение Другого как трансграничный переход, в том числе в контексте практик мультикультурного взаимодействия, и теоретическое осмысление роли Другого как фактора успешности трансграничных отношений связано, в первую очередь, с попытками интеграции общеполитических, социологических, исторических и психологических подходов. Общий контекст осмысления проблемы связан с пониманием того, что человеческое бытие протекает в контексте со-бытия с другими людьми, культурами, оно осмысленно и подлежит осмыслению (пониманию). Человеческое сознание (понимание) всегда включает в себя осознание себя в контексте других людей и наоборот — осознание других людей в контексте собственных смыслов. Бытие человека имеет смысл, создаваемый в процессе со-творчества с

другими людьми, понимание человеком себя и мира интенционально, носит ценностный характер.

Аллологический подход предполагает изучение со-бытия человека с человеком, культур как встречи Своего и Чужого (Другого), попытки осмысления ими себя и друг друга. Такого рода отношения предполагают осознание единства разного: «своего» и «чужого», «Я» и «Другого». Поэтому неудивительно, что одно из наиболее перспективных направлений социально-философских отечественных и зарубежных феноменологически-ориентированных исследований (понимания) представлено ксенологическими («xenol» — «чуждый») исследованиями: изучение (понимания) Другого, Чужого. Это направление работ заставило исследователей обратить на проблему экологичности понимания, субъектности понимания, существования различных критериев его адекватности, особое внимание.

Особенно важным ксенологический подход становится при обсуждении вопросов межкультурной адаптации, вопросов выживания и развития человека, группы, в изменяющемся мире. В ракурсе аллологических или ксенологических исследований фундаментальным фактом человеческой экзистенции полагается “человек с человеком”. Б. Ванденфельс, один из создателей ксенологического направления, отмечает, что человеческое существо «...мыслит другое как другое, как именно это, определенное, иное существо, чтобы соединиться с ним в сфере, простирающейся за пределы их собственных сфер — Между» [1]. Понятие «Между» обозначает место и суть диалога социальных субъектов. «В самые яркие минуты диалога, когда и в самом деле “бездна призывает бездну”, со всей несомненностью обнаруживается, что стержень происходящего — не индивидуальное и социальное, а нечто Третье. По ту сторону субъективного и по эту сторону объективного, на узкой кромке, где встречаются Я и Ты, лежит область Между». Истина — не итог спора, где каждый отстаивает свое мнение. «Она рождается в “отношении Я–Ты”, при выходе из отчуждения субъекта...», — отмечает Г. Померанц [2, с. 34]. Понимание Чуждости опирается на представления о том, что «Я» вторично по отношению к «ты»: вначале бытия и его понимания находится Другой, но не Я. Свое, Собственное, Внутреннее осознается и осуществляет себя через встречу с Другим, Чужим, Внешним [3]. Вот как описывает этот процесс В. Подорога: «Через наше Я проходит раздел мира на Внутреннее и Внешнее... Таким образом, Другой устанавливает пределы Своего, как того, чем Свое обладает» [4, с. 30–31, 144–145].

Другой — не только строго обозначенный предел, ограничивший Собственное. Другой есть способ присутствия человека в мире, структура поля понимания, без которой поле не могло функционировать.

Наша способность понимать и быть понимаемыми возможна лишь потому, что есть Другой. Общение или коммуникации есть выход за пределы Себя, вне Своего к Другому, соединение Себя с Другим, не будь которого, не было бы понимания и общения: Собственное, не осознав себя и свои границы, оставалось бы непроявленным, покоящимся в самодостаточности. Что и происходит тогда, когда та или иная часть Своего оказывается вне контакта с внешним или внутренним Другим [5]. «Я» развивает свое бытие, его границы, благодаря Другому, за счет его. В понимании «Я» самого себя нет ничего, что изначально не было бы Другим, Чужим и даже Чуждым. Даже поля понятий, способы их осмысления принимаются от Другого как данность, созданная Другим, воздействующим и принуждающим к их освоению (пониманию).

Чужое творит «Я», вторгаясь в Собственное, возможности «Я» в его познании связаны с тем, что наличие Другого создает первичный бинер структурирования мира как пространства-времени Своего, доступного и находящегося во владении, и пространства-времени Чужого, недоступного и не находящегося во владении. Чужое осмысляется лишь по отношению к Своему, в его доступности, как непосредственно недоступное, опыт Чужого существует как опыт непреодолимого отсутствия (Э. Гуссерль). Таким образом, оно не поддается постижению Своим: попытки привести Чужое к высказыванию его Собственного смысла уничтожают Чужое как Чужое. Чужое — всегда непостижимое, которое, будучи обретенным и познанным Своим (освоенным), исчезает в Своем [1]. Поэтому понимая Чужое в исторической или диахронической перспективах человек рассматривает опыт Чужого как вариант опыта Себя. Только так может человек понимать что-либо: то, что ничего не значит для него с точки зрения предшествующего или предвосхищаемого опыта, понято быть не может.

Представления о чужих культуре, опыте и понимании (о Чужом) центрируются на культуре, опыте и понимании собственных, которые выполняют роль одновременно и центрального компонента и базовой модели, привносящей в пространство Чужого несвойственную ему систему ориентиров. Действительно существующее строение Чужого в итоге либо не учитывается вовсе, либо воспроизводится измененным. Понимание Чужого всегда есть истолкование его на своем, понятном человеку языке, независимо от того, насколько «свой» и «чужой» языки (способы понимания) совместимы. Процесс (ре)структурирования Другого как «(не)возможного» мира строится в соответствии с «полем (не)возможного», которым субъект обладает в тот или иной момент. Другое неизменно ускользает от понимания в структурах (не)возможного Своего [2, с. 34]. Осознание уязвимости и недоступно-

сти Чужого создает задачу его изучения, поиска интерпретационных стратегий там, где проблемы овладения Чужим и сохранения в неприкосновенности его самости наиболее актуальны: например, в практике и теории психологического консультирования, психологии истории, этнопсихологии и т.д. [3, с. 16–17, 62–63]. Чуждость не может быть просто предписана вещи, событию и личности как таковым: чуждость существует только в отношении к субъекту и в изменчивости ситуаций понимания [1, с. 84].

Понимание чего-либо как Другого/Чужого требует максимального уважения в понимаемом его самодостаточности по отношению к Собственному, к пониманию исследователя. Через признание самодостаточности и потенциального субъектного статуса Чужого возможна попытка войти с ним в диалог, в отношения, о которых говорил М. Бахтин: «диалогическое проникновение в познаваемый смысл», «разговор» не только об объекте, но и с объектом. Кроме того, приложение современных «аллологических» реконструкций к реконструируемым способам осмысления Чужого возможно в ограниченных пределах [5]. Современное, совершаемое в каждой конкретной ситуации понимание Чуждости часто не может быть просто перенесено в понимание в других ситуациях (пространствах и временах). Чужое как самоценное и самодостаточное событие существует только в современной аллологии, ранее Чужое присутствовало как периферия и предел Собственного, вариант Своего мира, которое, хоть и на границах себя самого, но все же как доступное располагало Чужое (эгология). Восприятие Чужого в будущем также недостижимо: в нем Свое приобретет статус Чужого, которое будет осмыслено тем образом, который определится в ситуациях будущего.

Традиционное понимание нацелено отнюдь не на понимание Чужого, автономного от Своего, но на преодоление Чуждости, ее присвоение, т.е. уничтожение. В мультикультурном диалоге как «путешествии духа», связанном с обретением Чужого, более совершенного, чем Собственное, это носит черты мистического, внутреннего, интерпретирующегося как обретение или наделение: либо как движение от Собственного человеческого к Чужому Божественному, либо от «Чуждого внутри Своего» к «Своему в Боге». Человек как носитель нездешней (Чужой) души — странник, чужестранец в мире, который во многих ситуациях (пространствах и временах) считает чужое своим. Аллопластичность (alloplastic), осуществление развития за счет взаимодействия с Другими/Чужими, существует в противоположность аутопластичности (autoplatic), ищущей развития в собственных границах и ресурсах [6]. При этом Другое может быть и выражением возможного более совершенного мира. Однако обретение Чужого, как

показывает опыт, далеко не всегда конструктивно: у «жизненного горизонта», несмотря на всю его изменчивость и «упругость», есть лимит трансформации, превышение которого оказывается фатально для нее. Освоение не приводит к исчезновению Чужого. Чужое продолжает присутствовать в Собственном, воспроизводясь в бесчисленных отношениях и связях компонентов Собственного, каждый из которых также может быть истолкован как Другое. Само Собственное включает в себя «перспективу инаковости», располагающей Свое по шкале от абсолютной Чуждости (непостижимой, невозможной и негативной, пугающей) до центрального Своего (понимание которого представляет его как максимально индивидуализированное, сложное, оправданное негативным Чужим).

При осмыслении Чужого включается механизм «делания понятным», «относительно чужим», в чужом, его вторжении в собственное, понимается модификация, модализация собственного пути развития и/или опыта. Когда граница пролегает внутри индивидуального сознания и расщепляет его на чуждые, враждебные зоны, тоскующий по единству человек на пути к целостности либо решительно переходит эту границу, отказываясь от одной из соперничающих инокультурных и инородных компонент Собственного, либо пытается согласовать разделенное «Я» внутри себя, упраздняя границу для объединения гетерогенных частей Собственного.

В.Н. Топоров сформулировал классический подход к проблеме интеркультурных влияний: «Поскольку приобретение «чужого», как правило, зримо меняет нечто в «своем», то отдающая сторона как бы сама ничего не теряет и не претерпевает изменения». «Экстенсивное» («пространство» культуры) обменивается на «интенсивное» («новый» элемент культуры). Отношения между субъектами оформляются в том числе и за счет выделения различных по степени эксплицитности границ, в типы межсубъектных барьеров (латентных, дискурсивных, договорных, конфликтных и др.) [2].

Отечественные и зарубежные исследователи задаются вопросом: если Чужое творит «Я», вторгаясь в Собственное, то каковы возможности «Я» в его познании? Наличие Другого дает первичное двойственное деление мира на пространство Своего — доступного и находящегося во владении — и пространство Чужого — недоступного и не находящегося во владении. При этом Чужое основывается в проверяемой доступности непосредственно недоступного, а опыт Чужого может существовать только как опыт непреодолимого отсутствия. Отсюда исследователи усматривают источник парадоксальности природы Чужого: оно находится в начале первичного осмысления, временного и пространственного структурирования Своего, но, в то же время, не

поддается постижению Своим. Попытки привести Чужое к высказыванию собственного смысла способны уничтожить Чужое как Чужое. Абсолютно Чужое описывается как всегда непостижимое. Будучи обретенным и познанным Своим (о-своенным), Чужое как чуждое неизбежно исчезает, растворяясь в Своем. В силу этого непреодолимого противоречия современные представления о Чужом в культурно-исторической перспективе конституируются в контексте актуального настоящего, переживание каждого момента которого как еще Своего завершается очуждением его как прошлого — и потому уже Чужого. Опыт Чужого представляется исследователю одним из вариантов опыта самого себя: «Когда мы что-то видим, мы выбираем то, что видим, т.е. мы видим, как картезианские существа — через знание видимого, я бы сказал, через то, что мы уже знаем о том, что видим. В этом смысле мы не видим (да и нам не столь необходимо видеть) то, что ничего не значит для нас с точки зрения предшествующего опыта или воспоминания», — пишет В. Подорога [4]. Поэтому в рамках современной проблематики аллологии, представления о чужой культуре (о Чужом) центрируются на культуре собственной, которая в них выполняет роль одновременно и центрального члена, и базовой модели, привносящей в пространство Чужого несвойственную ему систему представлений и ориентиров. Действительное строение Чужого, таким образом, либо не учитывается вовсе, либо воспроизводится по результатам и процессу его преобразования, воспринимаемого Своим — с той или иной мерой приближенности. Представления Своего о Чужом не есть простое воспроизведение Чужого, но всегда — истолкование его на своем, понятном языке, независимо от того, насколько «свой» и «чужой» языки совместимы.

Литература

1. Ванденфельс Б. Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о «Чужом» // Логос. 1994. № 6. С. 77–90.
2. О разработках проблемы Чужого в современной философской мысли // От Я к Другому. Сборник переводов / Под ред. А.А. Михайлова. Минск, 1997.
3. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии. М., 1994.
4. Подорога В. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. Материалы лекционных курсов 1992—1994 гг. М., 1995.
5. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
6. Magdalino P. The History of the Future and Its Uses: Prophecy, Policy and Propaganda // The Making of Byzantine History. Studies Dedicated to D.M. Nicol on His Seventieth Birthday / Ed. R. Bcaton and Ch. Roueche. L., 1993. P. 3–34.

О.А. Аршинцева
Пространство как фактор мировой политики

Современный миропорядок — сложившийся или формирующийся, в зависимости от подхода, предстает как совокупность все более разнообразных и усложняющихся форм взаимодействий между традиционными и новыми акторами. Правила, регулирующие международные отношения, меняются на наших глазах, но приходится признать, что их пространственное измерение сохраняет свое значение. В связи с этим представляется весьма актуальной попытка систематизации наиболее распространенных подходов отечественных исследователей к проблеме пространства в современном международном анализе.

Эйфория 1990-х гг. по поводу либерализации международных отношений рассеялась к концу десятилетия, и у внимательных наблюдателей сложилось устойчивое впечатление, что «сила вернулась в историю» (П. Кейган) и в мировую политику, в том числе, в виде силового контроля над пространством. Отечественная теория международных отношений, находясь в процессе становления, весьма своеобразно отражала указанные трансформации. Это был период концентрированного освоения достижений западной политической теории и одновременного формирования оригинальных отечественных школ и концепций. Геополитика (причем одновременно традиционные и новейшие школы), пережив короткий всплеск популярности, обрела маргинальный статус — особенно как метод современного международного анализа. На рубеже столетий у большинства специалистов тезис об ограниченных методологических возможностях геополитики не вызывал серьезных возражений. Однако, упомянутые трансформации современного миропорядка спровоцировали и некий ренессанс геополитики. Трудно избавиться от впечатления, что на волне информационной революции геополитика стремительно вернулась, а традиционно присущий ей идеологический контекст внезапно оказался в нашей стране самым востребованным общественно-политическим дискурсом. Этот краткий экскурс в недавнюю историю геополитических представлений лишний раз демонстрирует, что любая геополитическая по происхождению проблема и в современном состоянии легко обретает идеологическое звучание. Весьма актуальным аспектом поставленной проблемы является задача ее деидеологизации.

Современные формы пространственной организации складывались в процессе становления и эволюции государства-нации как универсального элемента Вестфальской системы международных отношений. Государство модерна, если абстрагироваться от конкретно-

исторических особенностей политического развития стран Запада, принято рассматривать как политически организованное пространство в единстве трех основных параметров — территории, границ и суверенитета. Принцип формального равенства суверенитета объясняет известную внутреннюю однородность Вестфальской системы и достаточно четкое разграничение между независимыми государствами внутри нее и остальным миром, представленным несистемными участниками международных отношений [1]. Наглядное проявление — разница в правилах, регулирующих отношения по поводу границ, территориальных претензий и экспансии внутри системы, и действующих за ее пределами. Подчеркнем, что намеренно схематичное описание Вестфальской системы характеризует ее докризисное состояние, оно важно для понимания новейших изменений.

Одно из таких изменений подспудно нарастало по мере расширения масштабов Вестфальской системы до глобальных (после окончательного краха колониализма) в связи появлением на политической карте мира новых независимых государств и касалось основополагающего принципа суверенного равенства ее участников. А уже в 1990-е гг. специалисты-международники дружно заговорили об эффекте «размывания суверенитета» и феномене «неудавшихся государств». Конечно, оценки указанных явлений зависели от контекста исследований и их предметной направленности, но все они так или иначе описывали процесс трансформации миропорядка, даже если не претендовали на столь широкие обобщения. Их совместным достижением следует признать саму постановку проблемы кризиса Вестфальской системы, который признан современным экспертным сообществом международных отношений одним из глобальных мегатрендов. В новейших работах представлены не только симптоматические описания кризиса, но и весьма интересные версии состояния глобального политического пространства. В большинстве своем их авторами являются специалисты-международники и политические географы, которые, следуя собственным методологическим принципам, приходят к сходным заключениям о нарастающем дроблении политического пространства в связи с появлением разнообразных по формам политико-территориальных образований. Оставляя в стороне терминологические споры, подчеркнем, что наиболее употребляемые определения этих образований — неконтролируемые территории, квазигосударство, государство де-факто, непризнанное государство, самопровозглашенное государство — отсылают нас к состоянию суверенитета в качестве отправной точки анализа [2].

Еще более универсально значение пространства для геополитики. Оно зафиксировано во всех без исключения традиционных школах в виде постулата о пространственно-географическом детерминизме, ко-

торый является ключевым в определении природы государства, цивилизации, конфликтов, а также принципов устройства глобального пространства. Понимание пространства как важнейшего силового ресурса для авторов классических геополитических концепций стало логическим обоснованием закона его расширения как способа развития государств (Ф. Ратцель), принципа подвижности границ (К. Хаусхофер), схемы планетарного устройства, исходящей из силового планетарного дуализма (Х. Маккиндер). Несмотря на произошедшие за столетие после «первой волны» геополитики качественные и необратимые изменения в состоянии пространства (как минимум, появление его новых видов), традиционный геополитический подход имеет сторонников среди экспертов-международников и представителей смежных дисциплин, в частности, политологов и географов. Признавая неизбежную эволюцию геополитики как научного направления, исследователи подчеркивают, что она остается востребованной, и даже выступают с умеренной апологией геополитики в духе Н. Спайкмена (не всегда, правда, упоминая его имя). Известно, что именно он одним из первых артикулировал назначение геополитики — вырабатывать рекомендации для формирования адекватной внешнеполитической стратегии государства. Нынешние академические наследники геополитической традиции убеждены в преобладании пространственно-силовой парадигмы международных отношений [3]. Правда, в трактовке силы и пространства они широко используют новейшие концепции. В первом случае это известная концепция «жесткой» и «мягкой» силы Дж. Ная, круг почитателей которой все расширяется — теперь уже за счет публицистов, пропагандистов и публичных политиков. Да и пространство — с точки зрения распространения силы и локализации ее центров — описывается с помощью сложносоставного набора категорий. В результате оно одновременно предстает и как протяженная территориальность (т.н. модернистский подход) и как пространственность политики (синоним государства), что трактуется в постмодернистском ключе как ее представленность в пространстве [4, с. 111]. Оставляя в стороне впечатление от терминологии (в геополитических текстах и не такие термины встречаются), отметим, что картина проясняется при переходе на конкретный уровень геополитического анализа. Именно он предполагает исследование пространственных факторов, которые включают, наряду с локализацией, физическими и антропогенными свойствами и составом территории, ее границами и конфигурацией элементов, суверенность (!) территории и геополитические образы. Из совокупного действия указанных факторов вполне логично вытекают геополитические стратегии и формы геополитического взаимодействия субъектов (или объектов — в зависимости от места) в геополити-

тическом миропорядке, что, в свою очередь, рассматривается как важнейшая часть исследовательской ниши геополитики, претендующей на широкий междисциплинарный подход [4, с. 116–117].

Альтернативные трактовки пространства, при всех различиях между ними, исходят из признания качественных и необратимых изменений в характере, видах, формах организации и роли пространства в мировой политике и поэтому содержат явную или скрытую критику геополитических версий. Причем критический подход объединяет специалистов — международников и экономистов — в анализе глобальных мирополитических и макроэкономических процессов.

Следуя в обратном порядке, отметим в качестве показательного примера позицию известного экономиста В.Л. Иноземцева, которую он демонстрирует при каждом удобном случае, даже высказываясь по конкретному поводу. Так, оценивая перспективы евразийской экономической интеграции для России в ее официальном проекте, он видит его изначальную уязвимость в традиционных геополитических основаниях — положение России на евразийском пространстве трактуется как преимущество. Напротив, он убежден, что территориально-пространственные факторы в современных условиях претерпели инверсию: контроль над территориями из ресурса влияния превратился в серьезный ограничитель интеграции [5].

Наиболее радикальному пересмотру пространственная парадигма подвергается в концепциях, объединенных предметным полем глобализации. Исследуя характер, формы, направления и последствия глобализации, авторы указанных концепций закономерно фиксируют изменения в состоянии глобального пространства. Нелинейный, сетевой характер глобализации (А.Д. Богатуров) в сочетании с конгломератным характером современного мирового сообщества приводит к результатам, не имеющим аналогов в прошлом. Собственно, мировая политика как новое качество международных отношений, порожденное глобализацией, характеризуется исключительным, преобладающим значением международной среды, уплотняющейся и все более ограничивающей свободу действий акторов — как традиционных, так и новых. Ее параметры преимущественно пространственные, но ориентированы они на выявление нового качества пространства. Среди них, в частности, показатели транснационализации международной экономики, характеристики современного киберпространства, контуры сферы единообразного понимания морали и права, индексы транспортной проницаемости планеты [6]. Нетрудно заметить, что из этих характеристик складывается иная парадигма пространства — отличная от мировой политики — глобальное, мироцелостное и анклавное одновременно, находящееся в процессе переконфигурации территорий,

границ, региональных подсистем международных отношений и «большого пространства» глобальных интересов, а также трансформации международно-правовых институтов и неформализованных механизмов взаимодействия [7].

Литература

1. Лебедева М.Н. Что угрожает Вестфальской системе // Международные процессы. Январь–февраль 2008. Т. 6. № 1.
2. Попов Ф.А. От «безгосударственной территории» к «государству де-факто» // Международные процессы. Май–август 2011. Т. 9. № 2(26).
3. Гаджиев К.С. Метаморфозы глобализации: геополитическое измерение // Власть. 2014. № 11.
4. Бусыгина И.М., Окунев И.Ю. Пространственное распределение силы и стратегии государств, или что и как объясняет геополитика // Полис. 2014. № 2.
5. Иноземцев В.Л. Евразийский экономический союз: потерянные в пространстве // Полис. 2014. № 6.
6. Современная мировая политика. Прикладной анализ / Под ред. А.Д. Богатурова. М., 2010.
7. Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / Под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. М., 2013.

В.Ф. Бородич

Институциональный подход к пониманию основ межцивилизационного взаимодействия России и Китая: теоретико-методологическое введение

Исторический контекст межцивилизационного взаимодействия России и Китая

Российское руководство, в условиях введения странами Запада санкций в связи с присоединением Крыма и позицией России в отношении самопровозглашенных Донецкой и Луганской Народных республик, осуществило в своей внешней политике «поворот на Восток». Это обстоятельство сопровождается внешнеполитическими действиями руководства КНР в поддержку России. В двусторонних отношениях с Россией Китай получил, в силу этого, известные преимущества и как стратегический партнер, которому в торгово-экономическом плане нет конкурентов. Такие преимущества существенно ограничивают возможности России добиваться максимальных выгод при заключении сделок по вопросам торговли, внешнеэкономического и военно-

технического сотрудничества с Китаем, включая сотрудничества на приграничном уровне.

Актуальные внешнеполитические и внешнеэкономические перемены происходят на фоне сохранения китайским руководством за собой права на предъявление территориальных претензий к России, права, осознаваемого современным российским руководством*, но редко затрагиваемого в официальных публикациях российских СМИ.

В этих условиях остаются в тени такие стороны государственной политики двух стран, которые проецируют на стратегическую ситуацию факторы, имеющие фундаментальный характер, — важнейшие, долговременно действующие, детерминанты государственной политики, такие, прежде всего, как цивилизационные, институциональные, формационные, а также транслирующие их традиции. Эти факторы, оказывающие влияние и на вопросы сотрудничества России и Китая как представителей разных цивилизаций, можно отнести к разряду основ государственной политики, существенно влияющих на определение своеобразных «окон возможностей» межгосударственного взаимодействия. Без знания этих факторов оценка взаимодействия государств, в том числе на трансграничном уровне, будет поверхностной, основы государственной политики окажутся «непрочтенными» и неучтенными.

В докладе, разбитом на две части, ставится задача осветить некоторые аспекты институциональных основ государственной политики России и Китая. Ограниченность объема не позволяет ставить и решать одновременно задачу прикладного применения теории вопроса. Данная задача будет поставлена докладчиком на будущее.

Актуальность институционального подхода

С точки зрения основного теоретического инструмента, который будет применяться в данном докладе, — теории институциональных матриц, — Китай имеет длительную историю эволюционного развития, наполненную кристаллизацией, формированием как базовых социальных институтов, образовавших его институциональную матрицу (далее ИМ), так и институтов комплементарных, дополняющих базо-

*На китайском портале bbs.tianya 13 марта 2012 г. был размещен комментарий, в котором, со ссылкой на периодическое издание «Цанькао сяоси» (сводка новостей), цитировалось высказывание В.В. Путина, занимавшего тогда пост Председателя Правительства РФ, в котором глава российского правительства якобы заявлял, что китайские руководители не могут забыть дальневосточный регион, что Дэн Сяопин говорил министру иностранных дел СССР Шеварднадзе: «3–4 млн кв. км территории принадлежит Китаю, вопрос с территорией дальневосточного региона – это вопрос, унаследованный исторически, китайцы рано или поздно вернут свою территорию». URL: <http://bbs.tianya.cn/post-worldlook-446279-1.shtml>

вые. Если сама ИМ «определяет характер исторической эволюции государств» [1, с. 7], то роль ее каркаса выполняют базовые институты, а предназначение комплементарных заключается в том, чтобы поддерживать устойчивость, целостность всей матричной конструкции. С функцией комплементарных институтов можно сравнить разнообразные материалы, из которого изготавливают стены традиционного китайского жилища, имеющего каркасно-столбовую конструкцию: пространство между столбами заполняется, для образования стен, и сырцовыми кирпичами, и соломенными жгутами, пропитанными глиняным раствором, и бамбуковыми планками, и плетеными щитами. Во всех случаях каркас изготавливается из дерева, а стены из пригодных в конкретной местности материалов. Комплементарные институты институциональной матрицы в политической сфере объективно являются инструментом государственной политики и государственного управления, позволяющим субъекту власти маневрировать в рамках одних и тех же базовых институтов. Знание этих институтов и умение ими маневрировать определяет во многом успех или неуспех политики государств, включая стратегический уровень государственной политики. При взаимодействии государств, будь то на межгосударственном, или же на межрегиональном уровне, понимание институциональной природы собственной государственной политики и государственной политики сопредельного государства позволяет не только углублять анализ и прогнозирование действия партнера, но и взвешенно подходить к выстраиванию приоритетов российской стороны.

Цель данного доклада — изложить некоторые результаты проверки гипотезы, согласно которой стратегический успех Китая в годы проведения политики реформ и открытости в значительной мере объясняется эффективным использованием руководством КНР комплементарных институтов, а несопоставимо меньший успех политики реформ в России в немалой степени обусловлен отсутствием понимания места и роли таких институтов в политике. Одним из методов проверки данной гипотезы является сравнение использования комплементарных институтов в политической стратегии России и Китая.

Китайская философская мысль вполне самостоятельно выразила, по мнению докладчика, суть теории институциональных матриц ещё в идеях гармонии сущего Чжуан-цзы [2] и ствола и ветвей (бэнь и мо) Ван Би [3]. Последнее можно интерпретировать как основное и дополняющее. Диалектика основного и дополняющего сопровождает всю политическую историю Китая. В качестве дополняющего применялись в политической практике как собственные идеи и институты, так и заимствованные, вначале у соседей, затем у заморских государств. Приблизить некоторые дополняющие институты к уровню основных,

или даже поменять их местами пытались и тайпины, и реформаторы в конце XIX века, и Сунь Ятсен, и власти гоминьдановского Китая, и руководство КНР в 50–60-е гг. Но каждая попытка оборачивалась возвращением бэнь и мо на свои места. Представляется, что лишь политическое руководство Китая, приступив в конце 1970-х годов к политике реформ, проявило то искусство политического управления, которое обеспечило диалектичное использование базовых и комплементарных институтов. Можно без преувеличения говорить о том, что одним из главных условий успеха политики реформ и открытости является именно нахождение китайским руководством чувства гармонии базового и комплементарного в воспроизводстве, применении и развитии базовых и комплементарных институтов своей восточной институциональной матрицы.

Автору не известно, насколько подробно китайские институционалисты знакомы с теорией институциональных матриц, и в какой степени научный мир Китая «виновен» в результативном управлении диалектическим взаимодействием базовых и комплементарных матриц. Очевидно, однако, что сама теория, разработчиком которой является российский социолог С.Г. Кирдина, берет начало на рубеже XX–XXI столетий, т.е. спустя два десятка лет, прошедших с начала китайских реформ. С.Г. Кирдина в 2011 и 2012 годах выступала с лекцией и докладом, поясняющим основные положения ее теории, в том числе применительно к Китаю, сначала в Шанхае, в Университете финансов и экономики, затем в Народном университете. Все это — дела совсем недавнего прошлого, а удачные политические решения руководства КНР, затрагивающие комплементарные институты в их взаимодействии с базовыми, принимались, начиная с конца 1970-х годов. Похоже, политическая традиция и политическая практика стали основными источниками эффективной гармонизации руководством КНР использования базовых и комплементарных институтов в осуществлении стратегии реформ. Не исключаю также возможности того, что еще до оформления С.Г. Кирдиной своей теории, отдельные положения работ западных институционалистов, прежде всего К. Поланьи (1970-е годы) и Д. Норта (конец 1980-х — 1990-е годы), ставшие затем частью этой теории, были известны политическому руководству КНР и совместились с китайской политической традицией [4; 5]. Допускаю, что очень созвучны с политической установкой начала китайских реформ «воспринять все полезное, отбросить все вредное» и положения теории диссипативных систем, также коррелирующей с теорией ИМ.

Что касается России, то происходящая трансформация политической системы и государственной стратегии России выражается в поиске нового баланса между базовыми и комплементарными институтами

как инструменте стратегического планирования. В ходе реформ 1990-х годов ряд комплементарных институтов волевым решением заменил собой соответствующие базовые институты — комплементарный институт многопартийности заменил базовый институт правящей коммунистической партии, комплементарный институт идеологического плюрализма заменил базовый институт государственной коммунистической идеологии.

В своем стратегическом поиске руководство КНР ориентируется преимущественно на базовую иррациональную категорию «гармония», в то время как руководство РФ — на комплементарную рационалистическую категорию «баланс».

О теоретико-методологическом инструментарии

Основные положения теории ИМ, изложенные в публикациях С.Г. Кирдиной, — основного инструмента сравнительного анализа — мы будем интерпретировать следующим образом:

- основу каждого общества составляет триединство экономических, политических и идеологических институтов, находящихся в неизменном соответствии. Изменения экономических, к примеру, институтов в обязательном порядке отражается на состоянии и поведении институтов политических и культурных;

- целостное триединство можно представить в виде институциональной матрицы — «устойчивой, исторически сложившейся системы базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер — экономической, политической и идеологической» [1, с. 59];

- институциональные матрицы инвариантны, но развиваются деятельностью людей, все их институциональные формы обусловлены культурным и историческим контекстом;

- базовые институты, образующие «каркас» институциональных матриц, дополняются комплементарными институтами. Базовые институты отличаются устойчивостью, комплементарные — изменчивостью, эластичностью. Именно воздействуя на комплементарные институты субъекты власти могут трансформировать общественную систему. Трансформация может происходить и спонтанно, как результат процессов самоорганизации внутри общественной системы, а также как результат взаимодействия общественной системы с внешней средой;

- из многообразия институциональных комплексов можно выделить две основные разновидности ИМ: Х-матрица (или матрица Х-типа), условно — восточная, и Y-матрица (или матрица Y-типа), условно — западная. Х-матрица характерна для большинства государств Азии, России и ряда государств других регионов мира. Y-

матрица характерна для большинства государств Западной Европы, США, Канады и некоторых других развитых государств мира;

– основными базовыми институтами государств с матрицей Х-типа (к ним относятся, по мнению С.Г. Кирдиной, и докладчик с этим полностью согласен, Китай и Россия) являются: в экономике — институты редистрибутивной экономики; в политической сфере — институты унитарно-централизованного политического устройства; в сфере идеологии — институты коммунитарной идеологии (ценность интересов коллектива, группы выше, в иерархии интересов, чем ценность интересов индивида);

– основными базовыми институтами государств с матрицей У-типа являются: в экономической сфере — институты рынка; в политической сфере — федеративно-субсидиарное политическое устройство; в идеологической сфере — субсидиарная идеология (ценность интересов индивида выше, в иерархии интересов, чем ценность коллектива, группы).

– перечисленные базовые институты матриц обоих типов не ограничивают перечень каждой из их групп, а лишь указывают на главные характеризующие признаки.

Литература

1. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск, 2001.
2. Чжуан-цзы. Ле-цзы / Пер. В.В. Малявина. М., 1995.
3. Мистерия Дао. Мир «Дао дэ цина». Сост., пер., иссл. и примеч. А.А. Маслова. М., 1996.
4. North D.C. Epilogue: Economic Performance through Time // Alston J., Eggertsson T., North D.C. (eds): Empirical Studies in Institutional Change. Cambridge, 1996.
5. Polanyi K. The Livelihood of Man. N.Y., 1977.

В.Ф. Бородич

Институциональный подход к пониманию основ межцивилизационного взаимодействия: сравнительный анализ отношения к комплементарным институтам в политической стратегии России и Китая в свете международных отношений

Основные сравнения

В этой части доклада будут представлены сравнения лишь некоторых основ государственной политики, влияющих на разработку и осу-

ществование политических стратегий. В качестве отправной точки будет принята предварительная авторская оценка политических стратегий Китая и России:

– стратегия Китая является причиной и, одновременно, ответом руководства страны на непрерывные масштабные количественные и качественные изменения всей общественной системы, растущей, прежде всего, экономически, быстро меняющейся в социальном и культурном отношениях, быстро набирающей геополитическое влияние;

– стратегия России в значительно большей степени ориентирована на поиск путей повышения управляемости общественной системой, ориентированной при этом на увеличение геополитического влияния РФ, вне прямой зависимости от показателей развития.

Институт конкуренции

В соответствии с допущением принадлежности обоих сравниваемых государств к государством с институциональной матрицей Х-типа, и для Китая, и для России институт *конкуренции* является комплементарным. В строгой трактовке теории ИМ по С.Г. Кирдиной, этот институт обозначен как базовый в экономической сфере государств с ИМ У-типа. Однако, рискну предположить, что, в случае с этим институтом, его присутствие в экономике, благодаря жесткой взаимосвязи и взаимозависимости между институтами всех трех сфер институциональной матрицы, дублируется его присутствием и в других сферах, т.е. и в политической, и в идеологической. Выведенные С.Г. Кирдиной институты в неэкономических сферах, соответствующие *конкуренции* в сфере экономики, а именно, институт *многопартийности и демократического большинства* (как институт федеративно-субсидиарного политического устройства), и институт *свободы* (как институт субсидиарной идеологии) являются, по сути дела, превращенными формами того же института *конкуренции*.

Поскольку в докладе акцент делается на политическую, а не на экономическую составляющую, рассмотрим отношение к институту *конкуренции* лишь в сферах политики и идеологии. В Китае унитарное политическое устройство поддерживается базовым институтом *общего собрания и единогласия*. Примером может служить порядок единогласного принятия решений во время заседаний Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК — главного субъекта принятия властных политических решений. Что касается института *конкуренции*, то он, по мнению докладчика, практикуется как комплементарный в форме института *состязательности*.

Институт состязательности организационно реализован, прежде всего, в институте *многопартийного сотрудничества и политических консультаций под руководством КПК*. Комплементарность данного института заключается в том, что участники политического состязания не оспаривают власть, а демонстрируют субъекту власти свои достоинства, стремясь сохранить или улучшить свое положение в около-властной иерархии.

Институт состязательности политически реализован также в принципе *демократического централизма*, центральном организационном принципе правящей компартии Китая. Состязание в рядах КПК, в соответствии с данным принципом, не ставит под вопрос руководящую роль КПК в обществе и государстве.

Что касается отношения российской правящей элиты к институту конкуренции, то данный институт в 1990-е годы получил конституционное закрепление в качестве базового. На этой основе в идеологической сфере заявил о себе производный от института *конкуренции* институт *политического плюрализма*, он организационно реализуется в форме института *многопартийности*. Зарегистрированные должным образом политические партии имеют право оспаривать политическую власть. В действительности можно считать, что после выборов в Государственную Думу РФ 2007 года, в результате которых партия «Единая Россия» получила 315 мест из 450, институт политической *конкуренции завершил этап* трансформации в комплементарный институт политической *состязательности*.

Результат сравнения: комплементарный институт политической *конкуренции* в форме политической *состязательности* в Китае развивается последовательно как институт комплементарный, что соответствует Х-матричной природе политической власти. Учитывая, что в руководстве КПК функционирует институт *общего собрания и единогласия*, страхующий от колебаний государственной политики в зависимости от воли лидера правящей партии, как это имело место быть в годы Мао Цзэдуна, институт состязательности выступает еще одним страховочным инструментом, обеспечивающим преемственность политического курса и политическую стабильность.

В России институт политической *конкуренции* после выборов 2007 года в Государственную Думу из формально базового трансформируется в комплементарный. Этому благоприятствовало то обстоятельство, что, в силу конституционных полномочий, главным субъектом принятия политических решений в России является Президент. Сложившаяся ситуация, когда политическая норма не соответствует нор-

моприменению, когда на равных сосуществуют два контура власти — явный и скрытый, является для России реальным дестабилизирующим фактором, а во внешней политике — фактором, усиливающим значение случайности и снижающим значение преемственности политического курса. Взаимодействуя с Россией на межгосударственном и региональном уровнях, китайская сторона, поэтому, действует, как правило, инвариантно и планомерно, добиваясь, в конечном счете, поставленных задач, а российская сторона действует преимущественно вариативно и ситуативно, соглашаясь, зачастую, идти на уступки.

Институты политического устройства

В полном соответствии с X-матричной природой, Китай — унитарное государство. Институт *самоуправления и субсидиарности* в государственной политике используется как комплементарный, прежде всего, в форме института *национальной районной автономии*. Известно, что до образования КНР принципы самоопределения и федерации, наверняка с ориентацией на пример СССР, назывались в руководящих кругах КПК в качестве ее программных требований. После образования КНР принцип федерации и самоопределения был отвергнут. Подтверждением политической состоятельности методологии институционализма служит позитивная оценка решения руководства компартии Китая придерживаться унитарного политического устройства, данная российским китаеведом А.А. Москалевым, написавшим в 1999 году: «Безусловно, отказ от федеративного устройства и переход к системе районной национальной автономии явились дальновидными решениями, обеспечившими территориальную целостность Китая» [1, с. 460].

Россия имеет федеративное политическое устройство, что, с точки зрения теории ИМ, противоречит X-матричной природе России. Фактически такое противоречие решается, де-факто, так, что при формально провозглашенном институте федерации де-факто функционирует и институт *административного деления*, свойственный государствам с X-матричной природой. Институт *административного деления* выражается в выстроенной «вертикали власти», которая функционирует при: а) соподчиненности территориальных единиц при верховенстве Центра, б) существовании единого поля компетенции, или круга полномочий, в) действии общих принципов и единой системы организации власти во всех территориальных частях страны, г) модельной ситуации, когда вся государственная территория исходно представляет собой единый объект управления, д) выделении тех или иных территориальных единиц, прежде всего, в интересах упорядочивания единого

хозяйства, е) иерархии статусов территорий и поселений [2, с. 139–140] Ни одно из описанных условий не соответствует характеру института федерации, при котором федеральная власть и власть регионов существуют как равноправные и параллельно существующие центры власти [2, с. 132].

Признак выделения тех или иных территориальных единиц в интересах упорядочивания единого хозяйства наглядно был продемонстрирован сокращением числа российских регионов с 89 до 83, к которым 18 марта 2014 г. добавились еще два, по причине, не связанной с внутренними изменениями в РФ. Причем, как и полагается в унитарном государстве, инициатива изменения административно-территориального устройства России принадлежала федеральной власти. Другой признак верховенства Центра проявил себя, когда Указом Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» в России были образованы 7 федеральных округов. Отвечает признаку унитарного государственного устройства порядок, согласно которому Полномочный представитель Президента назначается и освобождается от должности Президентом РФ по представлению Руководителя Администрации Президента.

Фактически, признаки федеративного политического устройства если и присутствуют в теории и практике российской действительности, то на комплементарной основе, как дополнение доминантным институтам унитарного политического устройства.

Таким образом, российская политическая практика демонстрирует комплементарность официальных институтов федеративного политического устройства при, де-факто, сохранении, в качестве базовых, институтов унитарного политического устройства.

Результат сравнения: политическое устройство КНР не противоречит ее институциональной матрице, это позволяет рассчитывать на реальную возможность решения существующих в политической сфере проблем. Политическое устройство РФ фактически регулируется альтернативными, существующими — де-юре и де-факто — политико-правовыми режимами, что создает почву для политической нестабильности и, при организации межрегионального взаимодействия, расширяет китайской стороне свободу маневра.

Идеологические институты

Главной основой сравнения китайских и российских институтов в идеологической сфере докладчик считает институт *государственной идеологии*, который в работах С.Г. Кирдиной **напрямую** не рассмат-

ривается. Не ставя задачу обосновать правомерность отнесения этого института к идеологической сфере Х-матрицы, докладчик ограничится замечанием, что в предшествующей истории и Китая, и России такой институт являлся доминирующим, базовым.

Таковым он продолжает оставаться в Китае. Не отказываясь от государственной идеологии, субъект власти в КНР обеспечивает себе не только контроль над формированием единого пространства политического сознания, но и сам процесс формирования такого пространства. Это означает, что государство вместе с обществом ищет ответы на вопросы, возникающие в коллективоцентричном китайском обществе в связи с возвышением ценностей индивидуализма, прав и свобод человека, правомерности социального неравенства, то есть ценностей, прав и свобод, обусловленных расширением влияния рыночных отношений в социальной, политической и культурной сферах. Для получения ответов на актуальные для страны вопросы китайское государство выдвигает в авангард поиска научное сообщество (там комплементарные идеологические институты и ценности обсуждаются довольно широко), ограничивая свободы обсуждения острых вопросов в обществе до того, как наука предложит свои варианты приемлемых для общественного сознания ответов.

Иное положение в России. С 1990-х годов в стране официально нет государственной идеологии, т.е. формально получили право на приоритетное развитие, доминирование, базовые институты субсидиарной, У-матричной, идеологии (согласно теории С.Г. Кирдиной — это институты индивидуализма, стратификации, свобод). Это означает, что общественное, политическое, в том числе, сознание стало формироваться и контролироваться теми субъектами политики и экономики, которые за счет денежных и административных ресурсов имеют влияние на СМИ и всю сферу культуры. Вся непредсказуемость политики реформ, с отказом от следования базовым институтам во всех сферах жизнедеятельности общества, стала содержанием политической и культурной сфер социализации общества, не имевшего ни опыта, ни каналов обратного влияния на власть и капитал. В результате происходила и происходит дезинтеграция общества, увеличивается отрыв элиты от неэлитных слоев. В последние годы заметно стремление части правящей элиты возвратиться к институту государственной идеологии. При этом решение такой, и без того нелегкой, задачи осложняется тем, что в содержании новой версии государственной идеологии включаются как элементы ценностного ядра советской эпохи, реально объ-

единявшей население СССР в советский народ, так и ценности царского периода истории России.

Результаты сравнения

Китай. Осуществляемая властями КНР политическая стратегия в целом получает позитивную отдачу от того, что в формирование и реализацию стратегии включен учет соответствия политических решений матричной природе страны. Обращение к комплементарным институтам расширяет руководству КНР свободу стратегического маневра как внутри страны, так и за ее пределами.

Россия. Политические решения стратегического характера, принятые в 1990-е годы без должного учета институциональной природы России, поддерживают внутривластное напряжение и снижают управляемость страной. Ряд мер, предпринимаемых российскими властями, фактически свидетельствует о желании привести политическую систему страны в соответствие с присущей ей Х-матрицей. Фокус политических усилий направлен на пересмотр несоответствий установившегося политико-правового порядка матричной природе России. Не исключено, что на изменение стратегического поведения руководства России определенное влияние оказала современная политическая практика КНР. Складывающаяся ситуация существенно ограничивает возможности руководства России развивать взаимодействие с Китаем на максимально выгодных для России условиях.

Литература

1. Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999. М., 1999.
2. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск, 2001.

В.Н. Козулин

Проблема восточной границы Европы: география, идеология, культура. Часть I. «Малая Европа»

Вопрос о границе между двумя частями света — Европой и Азией, является спорным и, по сути дела, неразрешимым уже на протяжении многих веков, по крайней мере, с рубежа Средневековья и Нового времени и по сей день. Этот вопрос, безусловно, является, одним из наиболее ярких примеров того, как наука вообще, и география в частности, используются для нужд идеологии. По словам известного французского историка Жака Ле Гоффа, сейчас проблемой является только восточная граница Европы [1; ср.: 2]. И эта проблема, как не-

трудно догадаться, есть неотъемлемая часть стародавнего вопроса о взаимоотношении европейской и русской культур (в широком смысле — Запада и России).

Идеологическая подоплека этой проблемы хорошо отражена в одном вопросе учительницы географии Г.А. Павленко (из Пермского края), поступившем несколько лет назад в редакцию журнала «Наука и жизнь». «Примерно с 2001 г. слышу..., — пишет Г.А. Павленко, — что Грузия, Азербайджан, Армения и Турция целиком лежат в Европе (?!). Недавно купила «Иллюстрированный атлас мира» издательства «Ридерз Дайджест» (2008 г.). Думала, правда атлас. А в нем на картах Россия вообще не находится в Европе, что не мешает Эльбрусу именоваться высочайшей вершиной Европы! ...Тогда как же быть с учебниками и что говорить детям?» [3]. К ответу на вопрос этой учительницы мы еще вернемся чуть ниже (во второй части исследования), а пока рассмотрим кратко предысторию вопроса и попробуем выделить основные подходы к данной теме. В завершение же попытаемся определить, на наш взгляд, исторически наиболее перспективный подход.

Как отмечал известный отечественный географ А.Б. Дитмар, представления ученых древности относительно рубежа между Европой и Азией «менялись в зависимости от широты географического кругозора и полноты сведений о природе Европы и Азии» [4, с. 35]. Клавдий Птолемей окончательно утвердил границей реку Танаис (Дон), точнее, меридиан, проходящий через устье реки и разделяющий, согласно Птолемею, так называемую Европейскую и Азиатскую Сарматии. Такое представление о границе между Европой и Азией, благодаря огромному авторитету Птолемея, просуществовало до XVIII века [4, ср.: 5; 6; 7].

На рубеже Средних веков и Нового времени, когда на карте мира появилось новое воспрявшее из-под золотоордынского ига Московское государство, эта граница оказалась как нельзя более кстати в качестве обоснования отделения этого государства от остального «христианского мира» (термин, которым в Средние века обозначали Европу [8, с. 7]). Так, польский ученый XVI века Матвей Меховский в своем трактате «О двух Сарматиях» (1517 г.) подчеркивал традиционное Птолемеёво разграничение между Сарматией Европейской и Азиатской (иначе называемой Скифией [9, с. 68]), с границей по Дону, в результате чего Польша и Литва оказывались в Европе, а Московия — вне ее [9; 8, с. 8; ср.: 10, s. 101–105]. Это представление надолго укоренилось потом в польской общественной мысли, где варварская азиатская Московия стала противопоставляться цивилизованной европейской Польше. И здесь, пожалуй, впервые проявляется идеологический

фактор в определении восточной границы Европы, если не считать встречавшегося еще у греков противопоставления эллинов и варваров (к которым, правда, относились отнюдь не только азиатские народы).

Любопытно, что в современной польской литературе представление о России как целиком о неевропейской стране существует до сих пор. Например, современный польский исследователь В. Вильчинский обвиняет в идеологическом уклоне российских и советских географов, которые искусственно притянули Россию к Европе, чтобы избежать того «определенного комплекса и зависти», с которыми Россия «смотрит на Европу уже со времен Петра Великого» [11, s. 21; ср.: 12]. По словам В. Вильчинского, «проблема эта была решена именно при помощи физической географии, которую в России признали ведущей географической дисциплиной, аналогично тому, как рабочему классу приписали руководящую роль». Действительно, согласно исследованию советского геолога П.С. Воронова [13], около пятнадцати миллионов лет тому назад (в геологическом отношении совсем недавно) современные равнины Западной Сибири и Турана являлись дном мелкого моря. Таким образом, Средиземное море было, вероятно, соединено с Северным ледовитым океаном, а Европа и Азия являлись отдельными континентами, «случайно соединившимися геологически недавно» [цит. по: 6]. Побережьем этого моря, отделявшего Европу от Азии, были как раз Уральские горы.

Немаловажно заметить, что Урал в качестве наиболее подходящей восточной границы Европы ученые начали обозначать еще в XVIII веке, задолго до этого геологического открытия. Принято считать, что идея о проведении границы между Европой и Азией по водоразделу Уральских гор впервые была обоснована шведским ученым Ф.И. Страленбергом в 1730 г. Но, судя по опубликованным только в XX веке сочинениям русского ученого В.Н. Татищева, именно он предложил эту идею Страленбергу при встрече с ним еще в 1725 г. [14; см. также: 4]. Татищев же, по-видимому, был первым, кто ввел в науку название «Уральские горы», пришедшее на смену античного названия «Рифейские» и древнерусского «Великий (или Земляной) Пояс» [4, с. 48].

Вообще, к этому времени в науке, преодолевавшей косность и узость средневековой картины мира и стремительно пополнявшей географические познания, наметилась тенденция к «сдвиганию» границы Европы все дальше на восток. Так, еще в XVII веке немецкий ученый и путешественник Адам Олеарий и его современник И. Бозиус проводили границу «крайних частей Европы» по реке Оби [15, с. 159; ср.: 16, с. 138]. Эту же сибирскую реку обозначали границей Европы и Азии

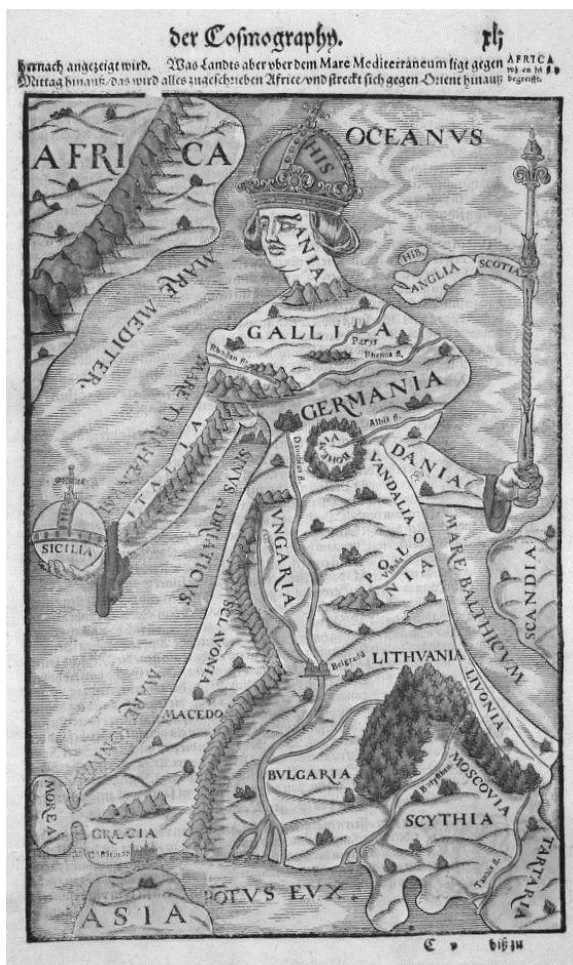
французский географ Гильом Делиль, немецкий историк и географ, живший и работавший в России, Иоганн (Иван) Тауберт и (в качестве одного из двух вариантов границы) Иоганн Гюбнер (Гибнер), автор учебника географии (XVIII в.) [4, с. 39].

Возвращаясь к современному польскому историку В. Вильчинскому, нельзя не подивиться его эмоциональному возмущению тем фактом, что Россию, по крайней мере, ее часть, несправедливо причислили к Европе. По его словам, хотя и «моря эти [разделявшие в древности Евразию на два континента] были мелкие и существовали недолго, но российским географам они послужили достаточным предлогом для того, чтобы отделить западную Россию от остальной ее части и назвать „европейской“. Краткий и малозначительный эпизод в геологической истории Евразии стал, таким образом, предлогом для того, чтобы выкроить из этого континента часть, называемую Европой... В публикациях на тему региональной географии Европы легче найти информацию о Казанском ханстве или Волжской Булгарии, чем о региональной структуре Англии, Португалии или Бельгии, не говоря уж о кашубах или австрийском Форальберге. И все это только для того, чтобы наши братья русские могли называться европейцами» [11, s. 22, цит. по: 12].

Такая тенденция исключения России из Европы характерна не только для современной польской литературы, но отчасти и для европейской в целом [ср.: 17–18; 19, S. 28] и, в том числе, для российской [ср.: 1; 3; 8, с. 7; 20]. И это, как нам представляется, есть первый наиболее консервативный и наиболее узкий взгляд на восточную границу Европы, хотя и с точки зрения культурологической, возможно, имеющий право на существование. Ведь культурные различия между Европой и Россией действительно очень сильны и вполне достаточны для того, чтобы проложить между ними жесткую умозрительную границу. Интересно, что в конце XVIII в. (после присоединения части Польши к России) уже и Польша перестает казаться Европой, восточная граница которой как бы сдвигается еще ближе на запад. Во всяком случае, французский посол в России тех времен граф де Сегюр писал, проезжая через Польшу: «Кажется, что здесь совершенно покидаешь Европу. Все выглядит так, как будто ты отброшен на десять столетий назад» [21, цит. по: 8, с. 8].

Проблема России, безусловно, главный камень преткновения при очерчивании восточной границы Европы. Одни авторы, как уже говорилось выше, полностью отказывают России в праве считаться частью Европы, причем не только в культурном, но даже и в географическом отношении. Как отмечал, например, швейцарский географ Рейнольд,

«Россия — это географический антитезис Европы» [см.: 8, с. 7]. Другие полагают, что в определенной степени и в определенные периоды Россия все-таки принадлежала Европе [ср.: 22, S. 57–58; 23, S. XII]. Существует даже точка зрения о «приливно-отливной Европе», границы которой то накатывают приливом, то отходят [ср.: 24, р. 27–29, цит. по: 8, с. 7]. Интересно, что еще в XVII в. в одном из географических сочинений (итальянского ученого Дж. Риччоли) приводится классификация географов в зависимости от того, причисляют ли они Россию к Европе или нет [16, с. 139, прим. 48]. При этом, стоит заметить, что в сочинениях европейских путешественников, а также на европейских картах раннего Нового времени Московское государство обычно включалось, хотя и с краю, в число европейских [см.: 25; ср. 16, с. 139, прим. 49] (илл. 1–2). Да и сама Московская Россия причисляла себя к Европе. Это очевидно хотя бы из истории дипломатических сношений. Великие князья и потом цари называли себя в переписке братьями европейских государей и постоянно подчеркивали (через своих послов) христианское единство и «любовь между собой» европейских государей.

Илл. 1. «Королева Европа». Иллюстрация из «Космографии» Себастьяна Мюнстера (издание 1588 г.). Источник: URL: <http://www.swaen.com/os/Lgimg/80226.jpg>

Илл. 2. Европа, первая часть Земли, в форме девы.
 Миниатюра из «Путеводителя по Священному Писанию» Генриха Бюнтинга, 1581 г.
 Источник: URL: <http://www.map-fair.com/pub/Lrgimg/24786.jpg>

Тенденция зауживать восточные границы Европы привела к тому, что даже многие западно-христианские по своим корням страны стали игнорироваться в комплексных трудах по истории Европы, под которой стала подразумеваться только история Западной Европы. Особенно это стало характерным в эпоху «холодной войны» и «железного занавеса», когда Европа была разделена на преуспевающий капиталистический Запад и просоветский социалистический Восток. Как писал в то время один западногерманский исследователь, «теперь «пограничный столб Европы и Азии должен стоять у Бранденбургских ворот» [26, S. 159]. Такое отношение по инерции продолжалось и в 90-е годы, после распада коммунистического блока [27; см.: 28, s. 6]. Очень ясно этот узкий подход к пониманию Европы сформулировал немецкий историк Х.-Х. Шрёдер, который в одной из дискуссий, происходивших в Берлине лет 10–12 тому назад, высказал недвусмысленное мнение о том, что Европа в первоначальном смысле — это Нидерланды, Англия и, может быть, еще Северная Италия [цит. по: 29].

Узкий подход к пониманию европейской границы, на наш взгляд, не имеет большой исторической перспективы в глобализирующемся мире. Тем не менее, политико-идеологические мотивы, к сожалению, по-прежнему все еще держат на плаву этот подход. В следующей ча-

сти мы рассмотрим противоположную, более перспективную, на наш взгляд, широкую тенденцию в отношении границы Европы.

Литература

1. Le Goff J. Die Grenzen Europas // Die Zeit. № 50. 7.12.2000. S. 61–64. URL: http://www.zeit.de/2000/50/Die_Grenzen_Europas
2. Границы Европы. Интервью с Ж. Ле Гоффом // Die Zeit. 7.12.2000 / Сокр. пер. с нем. В. Синицы. URL: <http://inosmi.ru/untitled/20001207/144038.html>
3. Как, наконец, проходит граница между Европой и Азией? Ответает д.г.н., проф. А.П. Горкин // География. 2010. № 10. URL: http://geo.1september.ru/view_article.php?id=201001020
4. Дитмар А.Б. К истории вопроса о границе между Европой и Азией // Ученые записки Ярославского государственного педагогического института имени К.Д. Ушинского. Вып. XX (XXX). Ч. 1. География. Ярославль, 1958. С. 35–49. URL: <http://tapemark.narod.ru/pedagog/ditmar2.html>
5. Чибилёв А.А. Евро-азиатская граница: история вопроса и современные представления. URL: <http://orenburg.rgo.ru/about/publikacii/evro-aziatskaya-granica-istoriya-voprosa-i-sovremennyye-predstavleniya>
6. Чибилёв А.А., Богданов С.В. Граница Европы и Азии по Уралу. URL: <http://oren-icn.ru/index.php/retrospectiva/685-eagraniza>
7. Чичагов В.П. Граница Европы и Азии // География. 1997. № 12. URL: <http://geo.1september.ru/1997/no12.htm>
8. Дэвис Н. История Европы / пер. с англ. Т.Б. Менской. М., 2004.
9. Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях / Пер. С.А. Аннинского. М.–Л., 1936.
10. Tazbir J. Myśl i Polska w nowożytniej kulturze europejskiej. Warsz., 1986.
11. Wilczyński W. Europa: geograficzna wspólnota ducha // Pressje. 2011. № 26–27. S. 20–31. URL: http://pressje.pl/media/pressje_shop/article/article__issue_294.pdf
12. Вильчинский В. Где кончается Европа? / Сокр. пер. с польск. URL: <http://www.kresy.pl/publicystyka,opinie?zobacz/gdzie-konczy-sie-europa>
13. Воронов П.С. Очерки о закономерностях морфометрии глобального рельефа Земли. Л., 1968.
14. Татищев В.Н. Избранные работы по географии России / Под ред. А.И. Андреева. М., 1950.
15. Олеарий А. Описание путешествия в Московию / Пер. с нем. А.М. Ловягина. Смоленск, 2003.

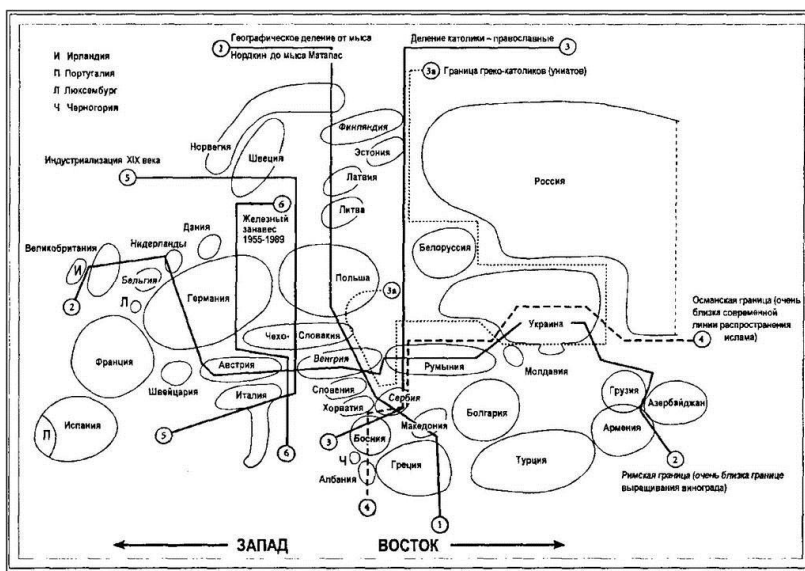
16. Гольдберг А.Л. Формирование и содержание понятия «Европа» в западноевропейской историографии XVI–XVII вв. // История и историки. Историография всеобщей истории. Сб. статей. М., 1966. С. 130–147.
17. Halecki O. Europa-Grenzen und Gliederung seiner Geschichte, Darmstadt, 1957.
18. Duroselle J.-B. Europa als historischer Begriff // Europäische Integration. Gött., 1958.
19. Groh D. Rußland und das Selbstverständnis Europas. Neuwied, 1961.
20. Алексеев А.С. Является ли Россия в историческом смысле частью Европы // Наука и жизнь». 2006. № 11. URL: <http://nkj.ru/archive/articles/8050>
21. Ségur L.-P. Tableau historique et politique de l'Europe de 1786 à 1796. 3e ed. P., 1803.
22. Stökl G. Rußland und Europa vor Peter dem Großen // Rußland, Europa und der deutsche Osten. Münch., 1960.
23. Idem. Russische Geschichte. Stuttg., 1965.
24. Parker W.H. An Historical Geography of Russia. L., 1968.
25. Meurer P. Europa Regina. 16th Century Maps of Europe in the Form of a Queen // Belgeo. Revue Belge de Géographie. 2008. № 3–4. Formatting Europe – Mapping a Continent. URL: <http://belgeo.revues.org/pdf/7711>
26. Staugaard W. Halbinsel Europa. Würzburg, 1957.
27. Duroselle J.-B. Europe. A History of Its Peoples. L., 1991.
28. Davies N. Europa. Między Wschodem a Zachodem. Kr., 2007.
29. Кто «похитил» у России Европу? Александр Аузан, Андрей Колесников. 20 февраля 2015, Центр документального кино. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=zL3B18VZIY8>

В.Н. Козулин
Проблема восточной границы Европы:
география, идеология, культура.
Часть II. «Большая Европа»

Против чересчур узкой тенденции в трактовке восточной границы Европы (рассмотренной в предыдущей части) резко выступили некоторые европейские ученые, утверждавшие, что самым что ни на есть «сердцем Европы» всегда являлись как раз не столько страны Западной Европы, сколько расположенные между ними и бывшим Советским Союзом страны Восточной Европы, и что «нигде в мире так не

верят в реальность и важность европейской культурной общности, как в этих странах» [1, р. 14; ср.: 2].

Что касается территории России, то и ее, как правило, такие исследователи включают в состав Европы. Вообще, вместо устаревшего консервативного деления на Европу и не-Европу в современной науке чаще всего предлагается более логичное (с точки зрения устоявшейся географической традиции) и справедливое деление стран от Атлантики до Урала на Западную и Восточную Европу, каждая из которых имеет свою специфику, и граница между которыми варьировалась с течением веков. По словам известного российского ученого-экономиста А.А. Аузана, «из распада Римской империи вышло две Европы — Западная, „латинская“ Европа, которая собрала одну часть латинского наследия..., и восточно-христианская часть, к которой мы и принадлежим и которая далеко не на нас замыкается...» [3]. Основные критерии и эволюция этой исторической линии деления Европы на Запад и Восток хорошо проиллюстрированы на карте-схеме, приведенной в фундаментальном труде по истории Европы современного британского историка Нормана Дэвиса (илл. 1).

Илл. 1. Восток–Запад: линия деления Европы.

Источник: Дэвис Н. История Европы / пер с англ. Т.Б. Менской. М., 2004. С. 14.

Однако при таком подходе к границам Европы (на сегодняшний день в науке, пожалуй, наиболее распространенном) возникает другая определенная проблема. Если Россию относить к Восточной Европе, то как же быть с Польшей и другими восточноевропейскими странами, которые, в силу своей принадлежности к западно-христианской культуре, сильно отличаются от России, да и географически они все-таки значительно западнее? В целях устранения этой проблемы применительно ко всем восточноевропейским странам (кроме России) уже довольно давно, в период между Первой и Второй мировыми войнами был придуман термин «Центрально-Восточная Европа», который сейчас активно разрабатывается многими европейскими историками [4, с. 10; см. 5].

Наконец, самая широкая и «романтически-оптимистическая» точка зрения на восточную границу Европы состоит в том, что она таковой практически не имеет. В первой части уже говорилось о том, что в XVII–XVIII вв. возникла тенденция сдвигания границы Европы все дальше на восток, вплоть до Оби. Эта тенденция была доведена до логического конца известным немецким ученым Александром фон Гумбольдтом, который во время своего путешествия по России выразил мысль, что границы Европы и Азии, тем более по Уралу, не существует, а существует единый большой материк — Евразия [6]. Эту точку зрения разделяют и некоторые современные географы [ср.: 7]. Но, самое важное, что не только географы все больше придерживаются максимально широкой трактовки понятия Европы. Идея «Большой Европы», Европы без границ уже давно является идеалом и мечтой многих мыслителей, деятелей культуры, ученых и даже передовых политиков.

Действительно, в широком смысле европейская культура, благодаря русской колонизации Сибири и Дальнего Востока, распространилась на эту территорию, и у мира появился шанс на создание единого европейского пространства от Лиссабона до Владивостока, на котором каждый европеец смог бы чувствовать себя везде как дома. И хотя условием этого является преодоление извечных противоречий России и Запада, в настоящий момент кажущееся скорее фантазией, все же это сближение вполне вероятно в более или менее отдаленной перспективе. Неслучайно, несмотря на все обостряющиеся противоречия между Россией и Европой на уровне политики и идеологии, тем не менее, самые разные люди по-прежнему активно высказываются в пользу этой великой идеи — от польского режиссера Кшиштофа Занусси до российского Президента Владимира Путина [8; 9; 10].

Справедливости ради, следует сказать, что эта идея «Большой Европы» была впервые выдвинута еще во времена «холодной войны».

Лозунг «общего европейского дома» провозглашал, например, в 1981 г. во время своего визита в Бонн советский лидер Л.И. Брежнев. По утверждению авторов недавно вышедшей коллективной монографии на эту тему, идея Большой Европы была целью советской внешней политики на протяжении всего послевоенного периода — «идеальной целью, блеск которой зачастую вел к самообману» [11, с. 117]. После окончания «холодной войны», когда, казалось бы, возник реальный шанс на преодоление восточно-западного раскола и созидание Большой Европы, на деле возникла странная ситуация, когда, с одной стороны, «декларировалось, что Большая Европа с участием России будет строиться, но с другой, не было предусмотрено ни одного эффективно-го инструмента для реализации этого обязательства Запада» [там же, с. 120].

Вместе с тем, на наш взгляд, именно за этой идеей — объединения и расширения «Европы», а не разъединения и создания новых «железных занавесов», лежит будущее. Поэтому нам рано или поздно, очевидно, придется вернуться к идее, высказанной еще в конце 80-х гг. прошлого века М.С. Горбачевым, о строительстве новой единой Европы с двух концов, т.е. взаимном движении навстречу друг другу ее западной и восточной частей [см.: 3]. Такой наиболее широкий взгляд на границы Европы подтверждается и современной географической наукой. Здесь самое время процитировать ответ отечественного географа профессора А.П. Горкина, в 1994–2001 гг. возглавлявшего издательство «Большая Российская энциклопедия», на вопрос читательницы журнала «Наука и жизнь», приведенный в начале первой части.

Отвечая на этот вопрос, А.П. Горкин привел интересный случай, к которому он имел личное отношение, когда работал заведующим редакцией географии издательства «Советская энциклопедия»: «Звонок из МИД (80-е годы): „У нас переговоры со странами НАТО о зоне, где нельзя размещать ракеты определенного типа — как СССР, так и странами НАТО. Они предлагают этой зоной считать всю Европу. Можете ли дать точную справку, где кончается (или начинается) Европа на востоке?“ Ю.К. Ефремов (известный советский географ, автор множества статей в энциклопедиях, в том числе статьи «Азия» в Британской энциклопедии) и я дали справку (под которой, по словам ученого, он готов подписаться и сейчас — В.К.), что общепризнанной (или установленной законом) восточной границы Европы нет. Есть несколько вариантов, предлагаемых учеными (не только советскими, но и западными), а также административными органами: по главному водоразделу Урала (или по восточным склонам Урала), по Кумо-Манычской впадине (или по водоразделу Большого Кавказа), по реке Урал (или по

реке Эмба). Кроме того, советские административные органы (Госплан, ЦСУ) к Европе относят Грузию, Азербайджан, Армению. Мы также отметили, что в течение веков географы мира „сдвигали“ так называемые „границы“ Европы к востоку» [12].

Главный тезис ответа состоит в том, что Европа — это «историко-географическое, культурно-цивилизационное понятие, не имеющее на карте четких сухопутных границ» [там же]. А культурно-цивилизационное понятие характеризуется прежде всего определенной системой ценностей. Так что европейское пространство — это, по сути, пространство универсальных общечеловеческих ценностей, выработанных в недрах европейской культуры, и конечно, было бы замечательно, если бы эти гуманистические ценности смогли распространиться как можно шире.

Таким образом, мы выделили, как минимум, три тенденции в определении восточной границы Европы — узкую (до границ России, а в некоторые времена и еще уже), широкую (включая Россию, до Урала) и максимально расширительную тенденцию, которую условно можно назвать идеей Большой Европы или Европы без границ. В многовековом вопросе определения восточной границы Европы переплелись между собой география, идеология и культура. С точки зрения географии, эта граница либо вообще отрицается, либо проводится по восточным склонам Урала (далее на юг — это уже более спорный вопрос) [ср.: 12; 6; 13; 14]. В интересах политики и идеологии, как правило, эта граница существенно суживается. Ну, а культура, которая вообще не любит границ, способствует как раз максимально расширительному толкованию границ Европы, вплоть до их полного преодоления.

Именно последняя тенденция с исторической точки зрения нам представляется наиболее перспективной. Здесь уместно согласиться с мыслью Ж. Ле Гоффа, высказанной им в уже цитированном выше интервью: «С ростом глобализации люди начинают чувствовать потребность жить внутри различных концентрированных кругов. Первый круг — локальный, что соответствует самой природе человека, затем — национальный, который должен сохраняться и в будущем. Далее — европейский круг. Но на этом мы не должны останавливаться. Есть, наконец, универсальный круг: мы все, то есть все человечество» [15; ср.: 16].

Литература

1. Seton-Watson H. What Is Europe, Where is Europe? From Mystique to Politique. 11-th Martin Wight Lecture, delivered at the Royal Institute of

International Affairs, 23 Apr. 1985 // Encounter. 1985. 65/2 (July–Aug.) P. 9–17.

2. Davies N. Heart of Europe. A Short History of Poland. Oxf., 1984.

3. Кто «похитил» у России Европу? Александр Аузан, Андрей Колесников. 20 февраля 2015, Центр документального кино. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=zL3B18VZIY8>

4. Дэвис Н. История Европы / Пер с англ. Т.Б. Менской. М., 2004.

5. Носков В.В. Изобретая Центрально-Восточную Европу. К выходу в свет коллективного труда польских и французских историков «История Центрально-Восточной Европы» // Диалог со временем. 2010. № 32. С. 323–346.

6. Чибилёв А.А. Евро-азиатская граница: история вопроса и современные представления. URL: <http://orenburg.rgo.ru/about/publikacii/evro-aziatskaya-granica-istoriya-voprosa-i-sovremennye-predstavleniya>

7. Parker W.H. Europe: How far? // Geographical Journal. 1960. Vol. 126. Part 3.

8. «Познер». 24 марта 2014 г. Гость в студии — Кшиштоф Занусси. URL: http://www.1tv.ru/sprojects_edition/si5756/fi30337

9. От Лиссабона до Владивостока. Владимир Путин рассказал о перспективах сотрудничества России и Европы. URL: <http://www.rg.ru/2010/11/26/putin.html>

10. Путин предлагает создавать Европу от Лиссабона до Владивостока. URL: <http://www.rg.ru/2014/04/17/bolshaya-evropa-anons.html>

11. Большая Европа: идеи, реальность, перспективы / под общ. ред. А.А. Громыко и В.П. Федорова. М., 2014.

12. Как, наконец, проходит граница между Европой и Азией? Отвечает д.г.н., проф. А.П. Горкин // География. 2010. № 10. URL: http://geo.1september.ru/view_article.php?id=201001020

13. Чибилёв А.А., Богданов С.В. Граница Европы и Азии по Уралу. URL: <http://oren-icn.ru/index.php/retrospectiva/685-eagraniza>

14. Чичагов В.П. Граница Европы и Азии // География. 1997. № 12. URL: <http://geo.1september.ru/1997/no12.htm>

15. Le Goff J. Die Grenzen Europas // Die Zeit. № 50. 7.12.2000. S. 61–64. URL: http://www.zeit.de/2000/50/Die_Grenzen_Europas

16. Границы Европы. Интервью с Ж. Ле Гоффом // Die Zeit. 7.12.2000 / Сокр. пер. с нем. В. Синицы. URL: <http://inosmi.ru/untitled/20001207/144038.html>

А.С. Михайлов
Методологические особенности
идентификации трансграничных кластеров

За последние четверть века изучение пространственно-сетевых форм взаимодействий в рамках усиливающихся процессов трансграничной регионализации во всем мире стало актуальной научно-исследовательской задачей прикладного характера. Начиная с 60–70-х гг. XX века ученые фиксируют формирование межотраслевых сетевых взаимодействий хозяйствующих субъектов, участники которых взаимосвязаны как в рамках цепочки добавленной стоимости, так и в коллаборационных процессах генерации и коммерциализации нового знания с акторами, расположенными за пределами административно-территориальных границ региона (-ов) одной страны. Среди наиболее интересных форм международной экономической кооперации и интеграции в отношении перспектив развития приграничных регионов России является трансграничный кластер (ТК).

Трансграничный кластер, как разновидность международного кластера, представляет собой «устойчивое взаимодействие широкого круга взаимосвязанных, взаимозависимых, взаимодополняющих и конкурирующих стейкхолдеров, локализованных в приграничных территориях соседних стран, функционирующих в смежных отраслях и обладающих сходным уровнем развития навыков и технологий, занимающихся совместным созданием товаров и/или услуг в процессе созидания ценности, что обеспечивает синергетический эффект в развитии соответствующих территорий и диффузии инноваций между ними» [1, с. 66]. Одним из первых эмпирических примеров феномена трансграничного кластерообразования привел М. Портер, отметивший существование ТК химической промышленности между Германией и Швейцарией [2]. Позднее было выявлено и изучено значительное количество ТК в трансграничных регионах стран Северной Америки и Западной Европы [3–7]). В то время как в странах Юго-Восточной Азии, по мнению автора, аналогичной формой взаимодействий можно считать концепцию «треугольников роста» [8], более четко отражающих аспекты трансграничной кластеризации морехозяйственных комплексов приморских территорий.

Положительные внешние эффекты влияния деятельности ТК на уровень социально-экономического и инновационного развития приграничных периферийных территорий обусловили заинтересованность органов государственной власти не только содействовать формированию ТК в рамках государственно-частного партнерства (организованные, дирижерские, спланированные кластеры), но и оказывать адрес-

ную поддержку действующих ТК, функционирующих в приоритетных направлениях экономики. Программы господдержки, как правило, разрабатываются на национальном и наднациональном (например, панъевропейском — ЕС) уровнях и предполагают финансовую поддержку кластера в форме гранта после его «легализации», т.е. после образования формальной некоммерческой структуры — ассоциации членов кластера в том или ином виде. Результатом формализации кластера является кластерная организация (КО) с советом правления и ее членами, что обеспечивает не только репрезентативность кластера, как хозяйствующего субъекта во взаимоотношениях с органами власти и прочими структурами (например, вузами, ТПП и др.), но и относительную ясность в отношении географических границ его пространственно-сетевых взаимодействий.

Большинство западноевропейских организаций, оказывающих содействие кластеризации, в качестве основного критерия в идентификации и картографировании ТК используют данные КО, т.е. подход «самопровозглашенного членства» (*self-proclaimed membership*). В частности, исследование [9] по идентификации трансграничных взаимодействий КО всецело основано на комплексном анализе данных, представленных организациями в Европейскую кластерную обсерваторию; программ и мероприятий, проводимых Европейской Комиссией (например, Europe INNOVA или Европейская кластерная конференция); опросов формальных кластерных инициатив (как правило, финансируемых в рамках программы Interact / Interreg); открытой информации Интернет сайтов. Данный метод позволяет получить детальное представление о структуре и особенностях ТК, однако практически полностью игнорирует существование самофинансируемых кластерных образований, а также обладает высокой зависимостью от компетентности экспертов. В этой связи рассмотрим ряд методов идентификации латентных кластеров и их применимость в отношении ТК.

Отечественными и зарубежными учеными выделяются множество подобных методов, отличающихся своими подходами к сбору и анализу данных, а также к виду используемой статистической, аналитической, исторической и прочей информации, которые условно можно разделить на количественные, качественные и комплексные (см.: [1]).

Первая группа методов — количественные, включает в себя:

– Метод, основанный на коэффициенте локализации (КЛ), то есть на уровне специализации изучаемого региона в рамках определенного вида экономической деятельности (ВЭД). Наиболее часто применяемый пороговый коэффициент равен 1,5, что означает более высокую (на 50%) специализацию данного ВЭД в регионе по сравнению со

средним показателем по стране (иной генеральной совокупности). В рамках идентификации ТК, предлагается провести корреляцию КЛ соседствующих регионов с сопоставимым уровнем специализации в одинаковых или смежных ВЭД. Несмотря на достоинства данного метода (доступность данных, простота расчетов, возможность проведения сравнительного анализа и комбинирования с другими методами), выделим ряд существенных недостатков: не учитываются межотраслевые связи, отсутствует консенсус в выборе порогового значения коэффициента, высокая степень зависимости результатов исследования от выбора границ региона и области сравнения, игнорируются кластеры высокопроизводительных отраслей.

– Метод, основанный на данных по экспорту, который также формирует лишь вероятностные представления о ключевых ВЭД региона и не отображает взаимодействия в рамках кластерных образований. Кроме того, доступность необходимых для расчетов статистических данных в разрезе отдельных регионов и ВЭД ограничена.

– Метод межотраслевых балансов, основанный на таблицах «затраты — выпуск», который получил широкое распространение в мировой практике из-за использования в анализе данных по конечному выпуску продукции, позволяет определить наличие реальных взаимодействий отраслей и размер транзакций. Однако метод не ориентирован на определение локализации промышленности, и учитывает лишь движение товарных потоков, что не отражает роли сопутствующих институциональных структур, присущих кластеру. То есть, его узконаправленность на отношения «покупатель — продавец» не позволяет учитывать коллективные межорганизационные взаимодействия и связи с другими стейкхолдерами (органы власти, вузы, НКО и др.), характерные для кластерного образования. Кроме того, данные таблицы составляются для относительно агрегированных отраслей, что не позволяет выявлять узкоспециализированные кластеры. Возможность выявления ТК затрудняется самим фактом принадлежности отраслей двух регионов к единому кластеру. Результаты, полученные в рамках данного анализа, позволяют выявить «якорные» ВЭД в определенном регионе. При анализе показателей продаж и грузопотока между компаниями различных ВЭД с целью выявления доли выпускаемой продукции и услуг, которые используются одним ВЭД и приобретаются у представителей всех остальных ВЭД, не позволяет определить взаимодействия предприятий смежных регионов, задействованных в единой цепочке добавленной стоимости.

– Новый географический метод или Ripley-K метод (в т.ч. его различные модификации: L-функция Дж. Бегаса, M-функция Е. Маркона

и Q-функция Г. Линквиста и др.) решает одну из методологических проблем, присущих методу КЛ, путем использования более гибкого подхода к определению границ взаимодействий хозяйствующих субъектов. Результаты подобного исследования позволяют выявить наличие или отсутствие локальной сверхконцентрации в рамках глобально-ориентированной промышленности. К недостаткам метода в идентификации ТК могут быть отнесены необходимость составления детализированной карты с указанием расположения большинства фирм анализируемых регионов, а также потребность в специализированном программном обеспечении для проведения расчетов. Более того, как и все количественные подходы, основанные на статистических данных, метод способен выявить лишь степень географической концентрации предприятий, но не степень взаимодействия между ними.

Вторая группа методов — качественные, включает в себя:

– Метод экспертных оценок, в том числе его вариации (например, метод «снежный ком»), позволяет выявить и систематизировать кластеры путем использования различных инструментов: фокус-группы, анкетирование, интервью как сторонних экспертов, так и ключевых представителей компаний КО. Метод позволяет получить детальную информацию об изучаемых объектах, однако обладает рядом недостатков в изучении ТК: при недостаточном количестве экспертов существует риск получения субъективного мнения; зачастую методика не поддается стандартизации и сравнительному анализу регионов; ограниченность обобщающих данных изучаемых приграничных территорий препятствует выявлению взаимосвязей; отсутствие единой аргументированной формы интервьюирования.

– Метод генеалогического древа (в т.ч. метод кейсов) является одним из наиболее эффективных в изучении этапов развития кластера и служит инструментом ретроспективного анализа отдельных кластеров. Составление генеалогии кластера представляет собой трудоемкий и время затратный процесс, который требует труднодоступной специфической информации экономического и исторического характера, зачастую имеющейся в ограниченном количестве и печатном формате. Последующий сравнительный анализ затрудняется индивидуальностью каждого исследования, субъективностью как самой информации, так и ее трактовки.

Третья группа методов — комплексные, включает в себя совокупность количественных и качественных методов. Примером может служить мета-метод «кейс-стади», направленный на воспроизводство изучаемых событий, не отделяя их от контекста, что позволяет учесть

значимые факторы формирования и развития кластера используя поэтапный подход в выборе исследовательского инструментария.

Приведенные выше примеры отражают актуальную проблему эквивокальности в идентификации границ пространственно-сетевых форм взаимодействия акторов в современном геоэкономическом контексте. Формирование ТК ставит под сомнение отчуждение ресурсозависимых и местных ВЭД, а также формирует задачу по выработке соответствующего методологического подхода к идентификации и последующей оценке взаимодействий между участниками ТК. Существующие методы идентификации кластеров на уровне региона носят по большей степени вероятностный характер, поэтому вопрос их применимости в контексте выявления ТК представляется важной методологической проблемой, требующей всестороннего изучения с последующей апробацией в ходе научных исследований.

Литература

1. Михайлов А.С., Михайлова А.А. Межстрановые кластерные взаимодействия: теория вопроса // Регион сотрудничества. 2012. № 1(56). С. 52–87.
2. Porter M.E. On Competition. Boston, 1998.
3. Brunet-Jailly E. Cascadia in Comparative Perspectives: Canada-U.S. Relations and the Emergence of Cross-border Regions // Canadian Political Science Review, 2008. 2. P. 104–124.
4. Johnson C. Cross-border Regions and Territorial Restructuring in Central Europe: Room for More Transboundary Space // European Urban and Regional Studies. 2009. 16. P. 177–191.
5. Mikhaylov A.S., Mikhaylova A.A. Spatial and Sectoral Distribution of International // European Journal of Scientific Research. 2014. 121 (2). P. 122–137.
6. Scott A.J. European and North American Contexts for Cross-border Regionalism // Regional Studies. 1999. 33. P. 605–617.
7. Trippel M. Economic Linkages and Innovation Networks in the Centre Area // Wirtschaft und Management. 2008. 9. P. 29–48.
8. Kettunen E. ASEAN, AFTA and the SIJORI Growth Triangle: Regional and Sub-regional Economic Integration. Licentiate Thesis, Hels., 1998.
9. Walerud C., Viachka A. Transnational Networks of Cluster Organisations. Stockh., 2007.

О. Ч. Реут

***Институциональное направление российско-европейского
приграничного сотрудничества 1990-х — 2000-х гг.***

К концу первого десятилетия XXI века институциональное изменение приграничного сотрудничества стало неотъемлемой частью предметного поля отношений России и стран Европы, но сообщества международных и экономистов дали этому направлению исследований откровенно «асимметричный ответ», отведя ему роль «академического ragvenci». До сих пор демонстрируется синдром стереотипизации: изучение институтов приграничного сотрудничества видится как модное, но побочное увлечение не склонных к полидисциплинарности специалистов. Хотя, вне сомнений, институциональная парадигма вышла «маршем победителя» за пределы периферийного пространства политологического дискурса.

Понимание институтов как сознательно или стихийно складывающихся «правил игры» закономерно ставит вопрос о том, каким образом эти правила могут заимствоваться, импортироваться, транспортироваться, имплантироваться и выращиваться. Понимание институционализации как процесса, где институты приобретают ценность и важность, актуализирует проблему, заключающуюся в выделении реальных «правил игры», т.е. такого набора институтов, функционирование которых оказывает непосредственное влияние на практики приграничного взаимодействия.

Сторонники институциональных подходов, как правило, делают акцент на сознательном выборе норм и на институциональном конструировании. Опора на фундамент этой концепции позволяет последовательно развивать тезис, в соответствии с которым региональное пространство является социально конструируемым феноменом, формирующим идентичность и поведение акторов, вовлеченных в приграничную кооперацию. В принципе, такой подход в полной мере может быть интегрирован с методологией «нового регионализма». Он плюралистичен и открыт различным влияниям, предполагая неизбежность расслоения любого пространственного образования на различные уровни с тем, чтобы каждый из множества акторов мог принять решение, на каком из них его стратегии приграничного развития будут реализовываться наиболее успешно [1]. В результате даже может создаваться ситуация, которую метафорически стоит определить, как «регионализм без региона» в том смысле, что изучаемые территории превращаются в некие «воображаемые пространства» с очертаниями, определяемыми, с одной стороны, их идентичностями, репрезентациями,

нарративами, а с другой — выбранными или сложившимися институциональными структурами.

Очевидно, что различия в уровне экономического, политического и социального развития территорий, участвующих в приграничной кооперации, зависят во многом от сложившихся в них институтов. Направленное на снижение диспропорций и асимметрий, приграничное сотрудничество в разряд принципиальных ставит вопросы о том, насколько быстро могут изменяться институты и каковы способы их изменения. Почему в условиях кросс- и трансграничного взаимодействия неэффективные институты не замещаются автоматически полезными, действенными и результативными? В каких условиях могут возникать институты приграничного сотрудничества? К каким результатам приводит сосуществование принципиально разных институтов, функционирующих по обе стороны границы?

Начавшиеся в 1991–1992 гг. процессы интернационализации российских региональных систем сформировали запрос на ревизию существовавших институциональных структур и на их последовательную модернизацию с учетом практик, сформировавшихся в соседних государствах и в приграничных сообществах. Либерализация режима границы, открытие возможностей для торгово-экономической и миграционной активности, появление на территории России представительств транснациональных корпораций, деятельность международных некоммерческих организаций, развитие образовательных и культурных контактов переформатировали условия функционирования региональных институтов в Российской Федерации.

Самостоятельная внешняя политика российских регионов образца 1990-х годов, характеризующаяся отсутствием нормативной базы при определении полномочий территорий в сфере международной и внешнеэкономической деятельности [2], предполагала невозможность «игры по правилам». В большинстве случаев определяющей выступала политизированность и кажущаяся неизбежной ситуационность нормативно-правового регулирования. Более того, под довольно расплывчатую рубрику «внешние связи» подпадала не только внешнеэкономическая деятельность российских предприятий, но и побратимские контакты, приграничный коммерчески окрашенный туризм, гуманитарные и культурно-образовательные обмены. Институциональные отношения обособлялись в отдельную сферу, но сама модель этих отношений оставалась абсолютно неустойчивой на протяжении почти десятилетия и сохраняла в относительном равновесии систему политических сдержек только благодаря негласному внутривластному контракту.

В рассматриваемый период оформилась довольно радикальная концепция, согласно которой перестроить институциональную структуру российско-европейского взаимодействия на региональном и субрегиональном уровнях можно было бы ускоренными темпами. Стоит лишь проявить политическую волю и подойти к решению актуальных задач предельно рационально, отобрав наиболее эффективные институциональные образцы. Предпринимаемые попытки подобной ломки существующих и импорта обнаруженных в соседних странах институтов привели к противоречивым результатам. Наряду с позитивными преобразованиями возникло множество непредвиденных последствий, слишком высокими оказались социальные издержки преобразований, не удалось обеспечить гармоничного функционирования инфраструктуры приграничного взаимодействия. Но главное заключалось в том, что все это не приводило к снижению диспропорций и асимметрий в социально-экономическом развитии.

В то же время не оправдались и надежды на то, что при расширении поля свободы новые эффективные институты появятся и разовьются в результате спонтанной самоорганизации, проистекающей из ориентированных на рациональность действий множества акторов. Однако для осознания практической ограниченности идей подобного эволюционного рационализма применительно к приграничной кооперации потребовался значительный временной ресурс.

Стоит отметить, что идея сравнительной эффективности институтов является фундаментальной для теории зависимости от предшествующего развития [3]. Исследования условий проведения институциональных преобразований подтверждают, что существующие подходы эволюционного рационализма построены на использовании моделей выбора, в соответствии с которыми методом проб и ошибок в процессе очень большого (в пределе – бесконечного) количества попыток устанавливается равновесная или справедливая эффективность [4]. Для конкуренции институтов приграничной кооперации, напротив, характерны ситуации, когда количество актов установления заведомо ограничено. Делается несколько попыток обнаружить сравнительно неэффективный институт, затем устанавливается некий достаточно эффективный, который, однако, впоследствии либо не корректируется вовсе, либо корректируется малое количество раз. Поэтому достижение оптимального решения является не правилом, а скорее исключением.

Подобный взгляд помогает осознать, что порой называемый рыночным эволюционный рационализм имеет естественные ограничения для объектов оптимизации. Да, возможность выбора сохраняется открытой в

течение длительного времени, но акторы, действующие на институциональном рынке, без труда обнаруживают процессы с положительной обратной связью, которые превалируют над процессами с отрицательной обратной связью, и ограничиваются их текущим использованием. У проблемы изменчивости институтов, таким образом, проявляется и другая сторона — институциональная инерция, которая препятствует выбору и импорту становящихся реально эффективными институтов. К тому же выбор институтов в отличие от выбора сугубо рыночных товаров и услуг носит более коллективный характер, а потому более закономерен [5].

Еще одним важным различием между выбором институтов и эволюционной рационализацией выступают временные рамки. Принцип сравнительной эффективности институтов наблюдается на протяжении всей истории человечества. Институциональная инерция может устоявливаться и фиксироваться лишь тогда, когда формируются глобальные тренды. В рамках этого единого потока событий происходит унификация норм, поэтому позже возникшие более эффективные институты зачастую уже не могут вытеснить появившиеся и укоренившиеся ранее. С другой стороны, процесс глобализации происходит асинхронно в разных сферах общественных взаимоотношений, и единого мира адаптивных субъектов, к которому стоит применять критерии сравнительной эффективности, просто не существует. Все лекала, имеющиеся в арсенале исследователя приграничья, для подобной оценки являются негодными.

Продолжая начатые теоретические размышления, можно сделать предварительное обобщение, заключающееся в том, что именно через перенос апробированных и эффективных институтов в 1990-е годы выстраивался основной вектор осуществления процесса догоняющей модернизации. Эта концепция, однако, самым естественным образом формулирует вопрос об универсальности предлагаемых решений тех или иных общественных проблем. Нет гарантий, что выбранные и импортируемые институты будут полезны, оптимальны и результативны.

На рубеже 1990-х — 2000-х годов все это породило волну разочарования и критики в адрес как рыночно ориентированной самоорганизации, так и существовавших тогда предложений по имплантации институтов. В результате маятник качнулся в сторону пессимистических культурологических концепций, утверждавших, что изменение институтов требует смены нескольких поколений, и в обозримом будущем сколько-нибудь фундаментальные трансформации в принципе невозможны «ввиду жесткого защитного культурного панциря и сильной инерции сложившихся институтов» [6, с. 8]. Медленная изменяемость

или даже неизменность институциональной структуры есть суть этой позиции.

Признавая медлительность и чрезвычайную трудность институциональных изменений, стоит осознавать обусловленность рассматриваемых процессов не столько ограниченностью эволюционного рационализма и культурного детерминизма, сколько недостаточным пониманием закономерностей институциональных преобразований. На пути оформления практик сближения и в определенной степени «срастания» двух частей приграничного сообщества принципиально важным оказывается проблема перехода от взаимовыгодной кооперации к интеграционной политике. В отсутствие целеполагания реализуемые институциональные изменения либо не происходят, так как отторгаются акторами, либо затягиваются, сопровождаясь значительными издержками [7].

Переход к интеграционной политике требует систематических усилий и затрат в течение достаточно длительных периодов времени. «Новая геометрия» пространственной организации показывает, что географические границы регионов и субрегионов больше не совпадают с территориальными очертаниями важнейших проблем, связанных с «мягкими» факторами безопасности, экономики и культуры. Поточный мир постоянно усложняющихся отношений приобретает структуру, отличную от мира территориальных локализаций. Участниками интеграционного взаимодействия являются не только субнациональные органы власти и управления, привязанные к определенной территории, но и различные деловые и профессиональные организации, образовательные учреждения и другие структуры, совокупностью своего потенциала создающие эффект сетевого, внутритерриториального взаимодействия.

Применительно к таким условиям целесообразно оперировать понятием «выращивание институтов», подчеркивающим, что их недостаточно выбрать, насадить или внедрить. Речь идет скорее о прививке новых тканей к социальной материи, о требовании постоянного ухода, включающем предупреждение отторжения и перерождения. В конечном счете, само приграничное сотрудничество не является самоцелью, а должно выступать способом осуществления институциональных изменений более высокого уровня.

Приграничное российско-европейское сотрудничество 2000-х годов было направлено на подчеркивание значимости границ и асимметричности взаимодействующих приграничных сообществ. Участвующие в трансграничной кооперации стороны были вынуждены апеллировать, прежде всего, к сфере традиционных межгосударственных отношений,

при которых партнеры мыслят и оперируют категориями традиционных суверенитетов. Стоит констатировать, что отсутствовал объективный запрос на выращивание институтов приграничного сотрудничества как правил поведения и как регулятивных принципов, которые предписывали либо, наоборот, ограничивали те или иные способы интеграционного взаимодействия.

В таких обстоятельствах вопрос о том, быстро или медленно вырастают и трансформируются институты, не имеет прямого ответа в силу излишней абстрактности. Различные уровни институциональных структур изменяются с различной скоростью. Формальные нормы могут приниматься относительно быстро. Неформальные же правила с трудом поддаются изменениям. Наибольшей инерцией обладают устоявшиеся традиции. Автоматически они не перестраиваются вслед за изменениями официальных «внешних» установок и по велению отдельных акторов. Тем более тогда, когда трансграничные взаимодействия перестают быть заботой и компетенцией только государств. В практических категориях это лишь подтверждает тезис, в соответствии с которым многоуровневые модели регионального и субрегионального сотрудничества способны более полно описать динамику интеграционной трансформации. В рамках этих моделей, наряду с официальными межгосударственными отношениями, учитывается политическая, экономическая и социокультурная роль негосударственных акторов, начинающих со временем действовать исключительно в пространстве десоверенизации.

Это означает, что эффективность приграничного сотрудничества напрямую зависит от выращивания институтов, ориентированных на осуществление интеграционной политики. Субъектность таких институтов определяется самими приграничными сообществами, а это означает необходимость органичной гибкости при выборе инструментов целенаправленного воздействия на разные уровни институциональной структуры. Корректировки законодательных норм, договоров, манифестов, протоколов или программ действий могут быть проведены с использованием административного ресурса либо пролоббированы достаточно узкой группой акторов. Но изменение ранее принятых неформальных стратегий и схем поведения потребует, как минимум, настойчивого администрирования процессов исполнения этих соглашений, даже понуждения к их исполнению в течение определенного периода времени. Административных мер будет явно недостаточно при оказании влияния на культурные слои. Понадобятся немалые усилия по легитимации новых «правил игры» и обеспечению их поддержки в широкой социальной среде по обе стороны границы.

При этом принципиально важным является то, что обсуждаемые преобразования необходимо увязывать с появлением и развитием единых для приграничного сотрудничества институтов. Это не могут быть отдельные предполагающие потенциальное сопряжение российские и европейские институты. Сама идея соединения двух суверено-ориентированных сценариев приводит к отказу от развития, закрепляя сложившееся институциональное равновесие в точке, бесконечно далекой от оптимума. Если же дополнительно действует механизм ухудшающегося отбора, то порой могут институционализироваться далеко не лучшие практики, а привносимая формализация будет приводить к неприемлемым для участников приграничного взаимодействия издержкам.

Литература

1. Макарычев А.С. Глобальное и региональное в центри-периферийной картине мира: двойная деконструкция концептов // Международная интеграция российских регионов / Отв. ред. И.И. Куриллы. М., 2007. С. 16–43.
2. Сергунин А., Рыхтик М. Правовое регулирование международной деятельности российских регионов // Российские регионы как международные акторы: Аналит. доклад / Под ред. А.С. Макарычева. Н. Новгород, 2000. С. 35–60.
3. David P.A. Path Dependence, Its Critics and the Quest for Historical Economics // Evolution and Path Dependence in Economic Ideas: Past and Present / Ed. by P. Garrouste and S. Ioannides. Cheltenham, 2000.
4. Цирель С.В. Qwerty-эффекты, path dependence и закон Седова // Общественные науки и современность. 2005. № 9. С. 133–139.
5. Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Что такое path dependence и как ее изучают российские экономисты // Общественные науки и современность. 2006. № 2. С. 118–129.
6. Кузьминов Я.И., Радаев В.В., Яковлев А.А., Ясин Е.Г. Институты: от заимствования к выращиванию. Опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений // Модернизация экономики и выращивание институтов. Кн. 1 / Отв. ред. Е.Г. Ясин. М., 2005. С. 7–64.
7. Реут О.Ч. Институциональный аспект российско-финляндского приграничного сотрудничества 1990-х — 2000-х гг.: опыт концептуализации // Грани сотрудничества: Россия и Северная Европа. Петрозаводск, 2012. С. 365–375

Исторические ареалы, которые складывались в результате длительных процессов этнического, хозяйственного, торгово-экономического, социального, религиозного и культурного взаимодействия, играли важную роль в судьбах населявших их народов. Поэтому выявление путей их формирования и последующей эволюции занимает место в научных исследованиях так называемого регионального (или субрегионального) направления. Можно констатировать наличие в современной исторической науке целого историографического пласта, образовавшегося в результате такого рода исследований, и объём его продолжает увеличиваться. При этом уточняется терминология и конкретизируется перечень объектов изучения, что прекрасно иллюстрирует пример с так называемыми «контактными зонами».

Тема «контактных зон» весьма неплохо, хотя и не равномерно, изучена в антиковедении, медиевистике (в том числе в византинистике) и русистике на материале нескольких европейских и азиатских регионов. Наиболее крупной проблемой здесь является определение самого термина в региональном и субрегиональном контексте.

В существующей историко-географической литературе для обозначения контактных ареалов нередко употребляются термины «лимес» и «лимитотрофия» (иногда ошибочно — «лимитрофия»). Они описываются как пограничные области, обладавшие фортификационными сооружениями и сетью коммуникаций. Внутреннее устройство таких зон соотносилось с типами государственности, а также с особенностями взаимодействия государств с соседними народами.

В последние годы понятие «контактная зона» вводится в научный оборот всё чаще. В отечественной специальной литературе данное словосочетание впервые было употреблено В.Д. Королюком. Он ввёл это понятие для вычленения обширной области, где процессы генезиса феодальных отношений протекали под влиянием и при участии составляющих такого явления, как «античное наследие» [1]. Иными словами, понятие контактной зоны поначалу применялось только при анализе социально-экономических особенностей обществ переходного типа.

Последующие разработки способствовали обретению словосочетанием «контактная зона» более широкого значения [2; 3]. И если единства относительно рамок используемого понятия среди исследователей до сих пор нет, то можно констатировать общепризнанность некоторых составляющих его ключевых моментов. Считается за данность, что для любой контактной зоны характерно совместное прожи-

вание разных этнических групп на протяжении длительного исторического времени, а также сосуществование культурных, религиозных, административных и иных систем, своеобразная языковая ситуация, неопределённость границ соприкосновения. В связи с этим перечнем используемых в науке факторов исследователи трактуют понятие «контактной зоны» то расширительно, то имплицитно (от полиэтничного поселения до части континента) [4].

Определение этого понятия нередко зависит от конкретной научной области, изучаемой страны и континента. Значительное распространение при этом имеет трактовка контактных зон как территорий, разделяющих одно или несколько государств или цивилизаций. В определении их системообразующих элементов в одних случаях главный упор делается на природно-географические условия, а в других — на этнокультурные и социальные факторы. В последнее время исследователями выдвигается идея многокомпонентного анализа с учетом административной структуры, этноконфессиональных признаков и ментальности. Подчеркивается также существование в историческом прошлом в качестве подобных зон специфических территориальных единиц, имевших свои демографические, религиозные и прочие особенности [5].

Отсутствие единого понятийного аппарата и научно обоснованных критериев создают известные трудности для сущностной детерминации контактной зоны. Представляется очевидным, что для плодотворного исследования данной проблемы следует использовать не столько фактический (прежде всего, археологический) материал, сколько разработки теоретического уровня. Значение при этом приобретает применение комплексного анализа, опирающегося на совокупность достоверных источников. Успешное изучение генезиса и особенностей контактных ареалов зависит от учета многих факторов, связанных с природой и обществом. Предметом исследования должны поэтому служить не только исторические события, но и экология тех или иных регионов, а также климат и прочие подобные естественнонаучные параметры. Специальные изыскания показали, что природные условия издавна влияли на очертания границ культурных ареалов исследуемого региона. В этой связи можно, например, отметить роль периодических трансгрессий Азовского, Черного и Каспийского морей. Подъемы и спады уровней их водного зеркала сказывались на особенностях расселения и хозяйстве местного населения. Эвстатические колебания подобного рода наряду с антропогенным фактором влияли на формирование территорий историко-культурных зон. В своё время черноморская трансгрессия, то есть повышение уровня Черного и Азовского

морей, привела к изменению облика и размеров дельты реки Дон; к середине II тысячелетия до н.э. произошло отступление вод Азовского моря, что способствовало заселению и освоению побережья Северо-Восточного Приазовья. В античную пору в этом регионе важную роль играл город Танаис, поддерживавший в IV—III вв. до н.э. активные торговые связи с греческими колониями Северного Причерноморья.

Вообще, полторы-две тысячи лет тому назад природные условия Европы значительно отличались от современных. Обширные пространства к северу от Альп и Дуная и к востоку от Рейна были покрыты густыми лесами и топкими болотами. Природная среда основной части континента резко контрастировала с ландшафтом и благодатным климатом античного Средиземноморья. Отличался и сам образ жизни обитавших там племён, казавшихся греко-римскому миру дикими варварами. Варвары, в свою очередь, стремились приобщиться к ценностям средиземноморской цивилизации и активно с нею контактировали.

Ареал и характер этнокультурных контактов определялись не только экологическими условиями, но и основными средствами коммуникации, направлением речных и морских путей. В конечном итоге они, наряду с прочими факторами, обуславливали как различие, так и сходство взаимодействующих культур, ускоряли либо замедляли историческое развитие.

Следует отметить также, что естественные рубежи между рассматриваемыми зонами не были константной величиной и изменялись под воздействием комплекса факторов. Немаловажную роль в этом играла активная деятельность человека, в особенности вырубка лесов в хозяйственных целях. Благодаря антропогенному фактору леса отступали с юга на север, изменяя границы земледельческих и скотоводческих регионов.

Изучение генезиса и особенностей формирования контактных зон невозможно без освещения конкретных политических событий, путей образования государственно-административных структур, без учета этнокультурной среды, миграционных, колонизационных и других процессов. Определенное эвристическое значение при этом обретает применение комплексных приемов исследования, используемых в общественных и гуманитарных науках. Весьма эффективным представляется использование компаративного метода, основанного на типологическом анализе исторических явлений [6].

Перспективным кажется и применение разработок научных концепций современной этнологии, в особенности теории историко-культурных провинций и хозяйственно-культурных типов. Начатые со-

ветскими этнографами (М.Г. Левиным, Я.В. Чесновым, Б.В. Андрияновым) разработки в этом направлении показали их особую эффективность при освещении противоречивых синтезных явлений в истории [см., например, 7].

В формировании контактных зон немаловажную роль играло политико-административное устройство молодых государств, претендовавших после своего возникновения на доминирование на прилегающих к их границам территориях или даже на освоение таких территорий. Данный фактор выступал в качестве и структурообразующего компонента, и механизма нивелирования и адаптации населения порубежных регионов в условиях внешнего воздействия. История содержит немало интересных страниц, позволяющих судить о таких процессах. Постепенное включение жителей кордонных линий в административную систему государства-экспансиониста подстегивало развитие хозяйственного обмена, усиливало торговый оборот и этнокультурные связи в контактном регионе. В определенной мере этому способствовало и вполне мирное колонизационное движение части населения на вновь открытые для них земли, хотя таковое сопровождалось и локальными столкновениями с коренными жителями. В рассматриваемом аспекте немаловажное значение имело и направление главных торгово-экономических магистралей международного значения. Сухопутные, речные и морские пути определяли не только степень интенсивности менового и денежного обмена, но и влияли на стабильность и пространственную трансформацию самой контактной зоны.

С другой стороны, нередко происходившие из-за стремления освоить новые пространства походы и войны деформировали границы контактных зон, нередко влекли за собой изменение их культурно-хозяйственного облика.

В истории контактных зон определённое значение имело и взаимодействие религиозных культов, что налагало специфический отпечаток на характер межрегиональных отношений. Этнорелигиозные процессы в соприкасающихся ареалах протекали в основном в форме христианизации или исламизации местного населения. Впрочем, в Хазарском государстве (каганате) в IX в. получила распространение также иудейская вера. Но там иудаизм, ставший религией правящей верхушки, не охватывал всё население каганата. Попытка же хазарских миссионеров навязать иудейство восточным славянам и другим соседним народам не привела к успеху [8, с. 196—218].

Религиозный фактор в контактных зонах играл неоднозначную роль. В одних случаях он приводил к вооружённым столкновениям и продолжительному религиозно-культурному противостоянию. В дру-

гих случаях данный фактор инициировал социально-бытовое нивелирование одного из этносов-участников контакта и способствовал сохранению политического и общественного равновесия между ними.

Серьёзное значение для изучения контактных зон имеет определение их пространственно-временных параметров. Рубежи таких зон обычно не совпадали с государственными, этническими, конфессиональными и иными границами. Они не представляли собой постоянной величины и могли измениться в зависимости от самых различных обстоятельств. Помимо влияния отмеченных выше факторов, такие зоны испытывали также воздействие со стороны миграционных процессов, а также международного политического процесса вообще. В качестве примера можно упомянуть распад Римской империи, который сопровождался наступлением многочисленных этносов, изменившим ареалы расселения земледельческого и скотоводческого населения Европы и отчасти Азии. Произошло изменение линии оседлости и характера контактов оседлого населения с полуоседлыми народами и номадами.

Одной из задач изучения рассматриваемой проблемы является разработка типологии контактных зон. Трудность её разрешения связана с определением их характера, специфики и характерных отличительных признаков. Исследователи обычно пытаются учитывать природные условия и хозяйственно-культурный облик того или иного региона. В соответствии с этим принципом ими выделяются ареалы оседлой и кочевой жизни и быта. Однако при подобного рода «зональном» членении остается немало спорных и нерешённых вопросов. Они возникают, главным образом, из факта многоукладности и смешанности хозяйственно-культурных типов, участвовавших в этнических контактах. Поэтому всякая попытка зональной детерминации должна исходить из ведущих признаков с учётом нетипичных, смешанных и переходных состояний. Очевидно, при решении данной проблемы следует выявлять центры и периферии изучаемых ареалов, характер их взаимосвязей и тяготения к сопредельным областям.

В настоящее время далеко не все зоны межэтнических контактов Европы, Азии и Северной Африки детализированы и точно очерчены. Можно более или менее уверенно говорить лишь о выделении основных сфер взаимодействия ряда наиболее известных контактных зон. Взятая в пределах более узкого отрезка времени и определённой территории, совокупность контактных зон выглядит как почти непрерывная цепочка, разрываемая лишь крупными географическими объектами типа горных систем или морей. К примеру, в Восточной Европе подобная цепочка представляла собой изогнутую дугу, проходящую двумя линиями по степной зоне и отделявшую лесные об-

ласти Восточно-Европейской равнины от Южного Приазовья, Северо-Восточного Причерноморья и Крыма. Начиная с античного времени эта южная дуга проходила по границе с эллинистическими колониями Причерноморья и Крыма, связывая всю зону с культурным миром Средиземноморья. Северная линия вплотную подходила к оседлым цивилизациям Южного Урала, Среднего Поволжья, Нижнего Дона и Приднепровья. В этом обширном ареале уже в эпоху бронзы на большей части его западной территории преобладало земледелие, а на востоке — отгонное или кочевое скотоводство. В водоразделе Днепра, Волги, Дона на рубеже леса и степи происходили ускоренное развитие и интеграция различных культур. В раннем средневековье здесь наблюдаются тесные контакты восточнославянского населения с угорскими и тюркоязычными племенами. В древнерусскую эпоху ведутся непрерывные военные столкновения с приграничными номадами, часть которых оседает на землю [9, с. 18–19].

В целом, на основе вышеизложенных соображений можно констатировать, что изучение контактных зон Восточной Европы является одной из актуальных задач исторической науки. Метод ареального исследования данной проблемы открывает широкие возможности для выявления характера исторических связей, механизмов адаптации, способов передачи и освоения культурного опыта, быта и традиций. Особенно важное значение оно имеет для осмысления сложных и противоречивых межкультурных процессов и их роли в истории и современности.

Литература

1. Королук В.Д. О так называемой «контактной зоне» в Юго-Восточной и Центральной Европе периода раннего средневековья // Юго-Восточная Европа в Средние века. Кишинёв, 1972. С. 31–46.
2. Rapports de XIVe Congrès international des études byzantines. Bucharest, 1971.
3. Lopez R.S. Byzantium and the World around It. L., 1978.
4. Контактные зоны в истории Восточной Европы. М., 1995.
5. Арутюнова-Фиданян В.А. Армяно-византийская контактная зона (X—XI вв.). Результаты взаимодействия культур. М., 1994.
6. Люблинская А.Д. Типология раннего феодализма и проблема романо-германского синтеза // Средние века. Вып. 31. 1968. С. 9–17.
7. Чеснов Я.В. Теория «культурных областей» в американской этнографии // Концепции зарубежной этнологии. М., 1978. С. 36–49.
8. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

А.Н. Харин

Уровни межкультурного взаимодействия

Целью статьи является анализ основных уровней межкультурного воздействия. Британский историк Ф. Фернандес-Арместо как-то отметил, что история цивилизаций «включает и историю установления контактов между ними». Разумеется, взаимодействие цивилизаций давно находится в поле зрения ученых. Среди наиболее значительных классических работ можно отметить фундаментальное исследование «Постижение истории» А. Дж. Тойнби, посвятившего целый том контактам цивилизаций в пространстве [1]. Появились и другие исследования в данном направлении.

Мы рассматриваем *взаимодействие цивилизаций на двух уровнях*. Первый — *взаимоотношения между крупными цивилизационными блоками*. Здесь важна роль так называемых «каналов», связей между ними, существование которых подкрепляется наличием «промежуточных территорий», играющих зачастую связующую роль. К ним относятся как большие пространства на континенте, так и океаны (в первую очередь — Индийский).

Второй уровень — *взаимодействие между отдельными цивилизациями*. Здесь большую роль, помимо указанных выше феноменов, начинают играть цивилизационные границы, а также пограничные территории, в том числе и внутри отдельных цивилизаций.

Сначала обратимся к *первому уровню*. Говоря о *взаимодействии между цивилизационными суперсистемами*, мы используем категорию «мегацивилизация» [2]. В нашем понимании *мегацивилизации* — *крупные надцивилизационные суперсистемы, основанные, в первую очередь, на общности происхождения и ценностной близости*.

Существует две такие мегацивилизации: Средиземноморская и Индо-тихоокеанская, включающие в себя отдельные цивилизации [1]. С одной стороны, данные суперсистемы отчасти формировались изолировано друг от друга, однако уже с глубокой древности между ними находились разнообразные каналы коммуникации. Можно выделить несколько таких важных линий.

Ведущее место в межкультурной коммуникации занимает *Индийский океан*. До XV века он был важнейшей связующей артерией между цивилизациями, в то время как Тихий и Атлантический океаны их разделяли. Именно в бассейне Индийского океана зарождались од-

ни из первых цивилизаций (Междуречье, Иран, Индия). Его воды бороздили, по всей видимости, и египтяне. Позднее Индийский океан связывал античный мир, затем Византию и Средневековую Европу с Индией и Китаем. Также он выступал в роли одной из связующих зон между Африкой, с одной стороны, а с другой — Индией, Китаем, миром ислама. Здесь шло распространение индуизма, буддизма, ислама. Индийскими и мусульманскими мореходами были проложены торговые пути, что потом помогло европейцам совершать свои «открытия» в данном регионе.

В наше время происходит возвращение ему статуса Срединного океана, как центра межкультурных коммуникаций. В отличие от него Атлантический океан — «внутреннее море» для Средиземноморской системы.

Индийский океан — место пересечения большинства цивилизаций: исламской, индийской, буддистской, конфуцианской, африканской и западной. Помимо этого, страны бассейна активно взаимодействуют с рядом других цивилизаций. Например, Индия и ЮАР через группы ИБАС и БРИКС [2] активно сотрудничают со странами иберо-американской цивилизации, а через ту же группу БРИКС и с православной.

Может возникнуть вопрос о Тихом океане, однако он гораздо позднее выступил в роли связующего звена между двумя системами. Более того, он не играет такой важной посреднической роли между Атлантикой и Индийским океаном.

Помимо Индийского океана всегда существовали и иные средства связи. Нельзя недооценивать *роль империй древности и Средневековья*. Во-первых, это империя Александра Македонского и последующие эллинистические государства в Азии. Они сыграли колоссальную роль в культурном обмене и взаимосвязи между цивилизациями Востока и античности. Тойнби даже рассматривал ислам, как реакцию на эллинизм [цит. по: 3, с. 493].

Во-вторых, важную роль в контактах между межкультурными системами сыграли империи арабов и Чингисхана. Хотя обе империи и распались, однако создали механизм взаимодействия между различными частями Евразии. Более того, благодаря арабам и монголам многие достижения того же Китая оказались на Западе и содействовали развитию данной цивилизации.

Нужно сказать, что и в наше время территории, находившиеся некогда под контролем греков, арабов, персов, тюрок (Ближний и Средний Восток, Центральная Азия) играют большую роль в коммуникационных связях между цивилизационными суперсистемами. Не случай-

но, например, Китай старается возродить Великий Шелковый путь, проходивший по этим землям. С.В. Хатунцев при описании данного региона ввел термин «Становой Хребет Великого Лимитрофа» [4], что можно рассматривать и как признание важности обозначенной части Евразии в межцивилизационном взаимодействии.

Одним из важнейших коммуникаторов между мегацивилизациями является *Великая Степь*. С глубокой древности по ее просторам кочевали народы, выступавшие в роли посредников между севером и югом, западом и востоком. Не все они создавали огромные империи, наподобие тюрок и монголов, однако их роль в деле налаживания связей между различными регионами переоценить сложно.

Следующий уровень, связанный с предыдущим — ***взаимодействие между отдельными цивилизациями***, входящими в цивилизационные суперсистемы. Коммуникации здесь предполагают разную степень контактов: одни территории в большей степени, нежели другие, подвергаются влиянию соседей. Отсюда очень часто встает вопрос о цивилизационном пространстве и его границах. Последние, как правило, в отличие от политических, являются размытыми, что и облегчает взаимодействие, и осложняет его.

Разные регионы могут менять культурную ориентацию. Например, Восточное Средиземноморье входило долгое время в состав Римской империи, потом Византии. Однако в результате арабских завоеваний оно было утеряно для обеих христианских цивилизаций. Центральная Азия сначала преимущественно была в орбите влияния иранской цивилизации, но постепенно превратилась в арену борьбы трех миров: буддистского (Тибетская империя, хотя она и смогла распространить свое влияние только на запад Центральной Азии — часть современного Синьцзян-Уйгурского автономного района в Китае), конфуцианского и исламского (в лице Арабского халифата, а потом кочевников-тюрков).

Часть цивилизационного ареала может быть поглощена соседями. Например, греки в Малой Азии длительное время находились под властью Персидской империи, но в то же время являлись неотъемлемой частью (в культурном плане) греческой цивилизации. Также можно сказать про Синьцзян-Уйгурский автономный район и Тибет в Китае.

В связи с размытостью и динамичностью границ цивилизации встает вопрос о т.н. «пограничных территориях». Отчасти они аналогичны «промежуточным регионам» [3]. Но последние выступают в качестве Больших пространств, стягивающих мегацивилизации. Они чаще являются самостоятельными субъектами межцивилизационного

взаимодействия. В свою очередь, пограничные территории, как правило, входят в состав той или иной цивилизации.

Таких регионов много в современном мире. Центральная Америка, являясь частью ибероамериканской цивилизации, испытывает сильное влияние евроатлантического мира. Восточная Африка находится под перекрестным воздействием исламской и индийской цивилизаций. В культурном плане такие регионы могут являться частью иных миров, тем самым выполняя важную коммуникативную функцию между различными цивилизациями.

Для описания подобных феноменов очень важны концепции пограничных территорий внутри цивилизаций. Одним из первых данный вопрос рассмотрел американский политолог Самуэль Хантингтон. В территориальной структуре цивилизации он выделил несколько элементов: стержневое государство; страна-участница; страна-одиночка; разделенные страны; расколотая страна [5, с. 202–210]. Фактически он разделил цивилизацию на отдельные государства, и пограничными, согласно его логике, могут быть только последние. Но так ли это? Не только государства, но и регионы внутри государств могут быть пограничными, считает другой исследователь — отечественный историк С.В. Хатунцев. Он предложил более дробную и гибкую структуру. Любая цивилизация (а также и государство, входящее в ее состав), включает четыре элемента:

- 1) ядро цивилизации;
- 2) лимб — пояс территорий, имеющий лишь некоторые — второстепенные — признаки «пограничности»;
- 3) лимитроф — междцивилизационные пространства;
- 4) лимес — культурно-географическая граница, отделяющую одну цивилизацию от другой [6; 7, с. 159; 8].

Таким образом, данная концепция предлагает методологию для анализа пограничности тех или иных регионов. Соглашаясь с подходом С.В. Хатунцева, добавим, что пограничными являются и крупные образования внутри цивилизаций. И это не обязательно отдельные страны (о чем пишет С. Хантингтон), либо регионы внутри стран (что предполагает, отчасти, и концепция С.В. Хатунцева). Такие образования мы называем субцивилизациями [4]. В нашем понимании это составные элементы цивилизации, формирующиеся на основе ряда факторов: культурном, религиозном, территориальном, этнонациональном.

Каждая из цивилизаций включает в себя несколько подобных частей. Например, евроатлантическая цивилизация сейчас распадается на две части: англо-американскую и континентально-европейскую; ис-

ламский мир — на арабскую, иранскую, тюркскую и малайскую (мы бы к ним добавили еще и тропически-африканскую).

Внутри субцивилизаций присутствуют три основных компонента:

- 1) доминирующие цивилизационные ценности;
- 2) специфические ценности данной субцивилизации;
- 3) ценности, заимствованные из других культур.

Можно сказать, что каждая из субцивилизаций в какой-то степени тоже является пограничным регионом. В ней как раз отражается уровень и характер взаимодействия преобладающей в той или иной цивилизации системы ценностей с другими мирами.

Например, исламская цивилизация. Ее малайская субцивилизация активно взаимодействует с конфуцианским, индийским и буддистским мирами; тюркская — с конфуцианством, а также и с православным миром; арабская и тропически-африканская — с африканским. Количество рассматриваемых компонентов указывает на богатство самой цивилизации, дает возможность для ее дальнейшего развития и коммуникаций с другими мирами.

В то же время отдельно взятая субцивилизация неоднородна. К примеру, если брать континентально-европейскую субцивилизацию, то католический юг больше взаимодействует с Северной Африкой, а протестантский север — с Восточной Европой. Поэтому мы считаем, что для структурирования субцивилизации вполне применима схема С.В. Хатунцева: ядро-лимб-лимес-лимитроф.

Подведем итоги. Во-первых, взаимодействие между цивилизационными суперсистемами и отдельными цивилизациями имеет несколько уровней. На уровне мегацивилизаций большую роль играют большие промежуточные пространства, а также коммуникационные линии, формирующиеся с древности.

Во-вторых, подвижность цивилизационных границ ставит на повестку дня вопрос о значении пограничных регионов. Данные регионы могут быть описаны как лимитрофной теорией, так и теорией субцивилизаций.

В-третьих, большую роль в формировании пограничности цивилизации играют субцивилизации, выступающие в роли передаточного звена между доминирующей системой ценностей и чужеродными элементами.

Литература

1. Тойнби А.Дж. Исследование истории. М., 2010.
2. Харин А.Н. К типологии цивилизационных суперсистем // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 1. С. 247–255.

3. Сравнительное изучение цивилизаций / Ред. Б.С. Ерасов. М., 2001.

4. Хатунцев С.В. Лимитрофы — межцивилизационные пространства Старого и Нового Света // Полис. 2011. № 2.

5. Хантингтон С.П. Столкновение цивилизаций. М., 2003.

6. Хатунцев С.В. «Мысли вслух» о Евразийском союзе // Развитие и экономика. 2012. № 2. Март. URL: <http://devec.ru/almanah/evrazijskij/602-s-hatuntsevmysli-vsluh-o-evrazijskom-sojuze.html>

7. Хатунцев С.В. Вадим Цымбурский, русский геополитик // Тетради по консерватизму. 2015. № 1.

8. Хатунцев С.В. Идите все, идите... на Урал! // Политический класс. 2007. № 12. С. 28–45.

Ю.Г. Чернышов
Пограничное пространство как барьер
между утопическими и реальными образами
стран и регионов

Говоря о взаимном восприятии жителей приграничных регионов, всегда следует учитывать степень адекватности той информации, которой они располагают о «других», находящихся по ту сторону границы. Если между «нашими» и «другими» происходят регулярные взаимовыгодные трансграничные контакты и если между ними нет принципиальных экономических, политических и социокультурных противоречий, образ «других» обычно оказывается достаточно близким к реальности, без сильных перекосов в сторону идеализации или негативации. Иначе происходит, если граница служит труднопроходимым барьером, затрудняющим трансграничные контакты, а жителям регионов систематически внушается некий идеологизированный образ «других». В таких случаях нередко актуализируются все ранее накопившиеся негативные стереотипы, и к ним добавляются новые. В XX веке появилось немало таких примеров, когда, например, даже жители одной страны, разделенные границей, под влиянием массовой пропаганды начинали считать друг друга злейшими врагами (ГДР и ФРГ, Северный и Южный Вьетнам, Китай и Тайвань, Северная Корея и Южная Корея и т.д.). Нечто подобное сейчас происходит на территории Украины в результате появления самопровозглашенных «народных республик». Однако, помимо модели «враждебного противостояния», это сочетание труднопреодолимых границ и идеологизированной информации может выливаться и в дру-

гую модель взаимодействия — «утопической идеализации». На том, как эта вторая модель проявлялась в истории, мы и хотели бы остановиться подробнее.

Важную роль в восприятии «других» всегда играют сложившиеся идентичности и то, как именно люди воспринимают образ жизни «других» и «наших». Пожалуй, первое глобальное «разделение идентичностей» произошло тогда, когда возникли древневосточные цивилизации в Египте, Месопотамии, Индии, в Китае. Эта полоса первых государственных объединений возникла там, где были наиболее благоприятные климатические условия, где за счет создания ирригационных систем в долинах великих рек (Нил, Евфрат, Инд, Хуанхэ и др.) появился прибавочный продукт, позволявший содержать армию, государственный аппарат, жрецов и др. Жители первых цивилизаций вполне осознавали свое отличие от обитавших за границами «варваров», и их отношение к ним чаще всего было потребительско-пренебрежительным. «Варварский» мир рассматривался как дикий и бескультурный, как источник поставки рабов и сырьевых ресурсов. Вместе с тем уже в древневосточной литературе встречаются первые случаи так называемой «идеализации варваров». Так, например, в египетской повести «Странствия Синухета» (XX в. до н.э.) автор, бывший вельможа, рассказывает, что в связи с дворцовым переворотом он вынужден был бежать из страны и много лет прожил среди бедуинов в палестинском регионе: «Это [была] земля прекрасная, именуемая Иаа. Смоквы были там и виноград, [а] вина было больше, чем воды. В изобилии мёд и много оливкового масла, фрукты всевозможные на деревьях её. Были там ячмень и полба, бесчисленные стада всякого скота» [1, с. 27 и сл.]. Описание этой страны как «райской» было дано автором уже после того, как он был прощен фараоном и вернулся в Египет.

Именно мотив «утраченного рая» и стал важнейшим во всей последующей традиции примитивистской идеализации «варварских» народов. Сторонники этой традиции исходили из представлений, что «райская» жизнь в единстве с природой («золотой век» во многих последующих интерпретациях) является единственно праведным и счастливым образом жизни, а «цивилизация», напротив, при всех ее достижениях, несет с собой множество пороков (войны, угнетение, роскошь, упадок нравов и т.д.) [2; 3; 4, с. 23–38]. В античности описание «жизни при Кроносе» или «Сатурнова царства» нередко дополнялись также идеализацией «островов блаженных» и жизни отдаленных «варварских» народов, сохранивших у себя устои «райской» жизни [5]. Характерно при этом то, что границы «идеализируемого» мира постоянно отодвигались по мере того, как греки и римляне осваивали про-

странство Ойкумены: народы и регионы, находившиеся вблизи границ, воспринимались, как правило, более реалистично. В результате граница между реальностью и утопией к началу нашей эры нередко помещалась уже на легендарных островах, лежащих в Атлантическом или в Индийском океанах (Канарские острова, остров Цейлон и др.). При этом идеализация других реально существовавших государств встречалась довольно редко: они чаще воспринимались как соперники, а не объекты для подражания (так, греки зачастую свысока смотрели на «азиатов» Востока, поскольку они жили в несвободе под властью деспотов). Гораздо чаще идеализировались порядки, существовавшие в каких-либо «своих» государствах в ушедшем прошлом (ликургова Спарта, Афины при Солоне, Рим времен Нумы Помпилия и т.п.). Здесь тоже присутствовал «барьер», только хронологический, а не пространственный.

Возникновение мировых религий принесло принципиально новую тенденцию в «разделение идентичностей». Если до возникновения христианства важнейшую роль играла этническая самоидентификация, то теперь на первый план нередко выходит конфессиональная. Провозглашается принцип равенства всех людей перед Богом: «нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос», — говорится в послании Павла к колоссянам [6]. В эпохи поздней античности и средневековья, когда фактически устанавливается идеологическая монополия церкви, идеализация «иноверцев» рассматривалась как опасная ересь. Тем более это правило действовало в ареале распространения самой молодой мировой религии — ислама. Претензия на единственно верное понимание Божьих заповедей исключала преклонение перед «неверными» (эпоха Крестовых походов продемонстрировала это в полной мере), и утопические идеи были связаны преимущественно с эсхатологическими ожиданиями тысячелетнего «царства Божьего» [7, р. 23 ff.]. В Европе, впрочем, и в эпоху средневековья сохраняли популярность предания о сказочной стране изобилия (у разных народов эту страну называли Кокейн, Кокань, Кукканья, Шлараффия, Беловодье...) [8, р. 271–286]. И лишь начиная с эпохи Возрождения и Великих географических открытий начинается активное распространение рационалистических утопий, в которых различные социальные идеалы вновь нередко помещаются за границами известного мира — далеко за океаном или даже на Луне или еще дальше, на других планетах.

Классическая утопия Томаса Мора (первое издание — 1516 г.), как известно, описывала порядки, царящие на острове, расположенном в далекой части океана и названном по-латински «Несуществующее хо-

рошее место» (Utopia — транскрипция с греческого, где слово τόπος означает «место», а «и» может означать и «несуществующее», и «хорошее»). Именно остров как пространство, четко отделенное от всего остального «порочного» мира водной преградой, стал излюбленным объектом для построения различных социальных утопий, или по выражению Петера Слоттердайка, «моделью мира внутри самого мира» [9, с. 311]. Современные утопии и антиутопии тоже очень часто прибегают к этому образу: например, последний роман Олдоса Хаксли «Остров» (1962 г.), роман Джулиана Барнса «Англия, Англия» (1998 г.), фильм-антиутопия «Пляж» режиссера Дэнни Бойла (2000 г.), и даже фильм Павла Лунгина «Остров» (2006 г.), где затерянный на русском Севере остров становится символом монашеского очищения и покаяния.

Не менее популярен и появляющийся еще в «Откровении Иоанна Богослова» при описании Небесного Иерусалима образ «стены», отделяющей «утопический» мир от «реального»: это и роман «Мы» Евгения Замятина (1924 г.), и комедийно-фантастический фильм-антиутопия Юлиуша Махульского «Seksmisja» (1984 г.) и т.д. Во всякой «утопии места» граница или географическая удаленность, как справедливо отмечает Фернандо Аинса, являются необходимым условием автаркии: «Изолированность позволяет утопии избежать глетворного влияния «другого» мира и исключает приграничные контакты — следствие территориальной близости. Этим обусловлены пространственные архетипы утопии: остров, далекие и предпочтительно недоступные территории (внутри лесной чащи, на вершине горы), Ханаан, земля обетованная. Во всех случаях изолированность должна гарантировать неприкосновенность предложенной модели и предотвратить зависимость от другого пространства или его воздействие» [10, с. 52].

Тем не менее, в XX веке в разделенных идеологическими границами «Западом» и «не-Западом» наблюдался не только всплеск враждебности, но и своеобразный феномен «взаимной идеализации». Вопреки тем шаблонам, которые навязывала пропаганда, люди нередко начинали идеализировать образ «других», наделяя их теми чертами, которых не хватало им в окружающей реальности. На Западе в увлеченных идеей социализма кругах нередко встречалось представление об СССР как государстве «всеобщей социальной справедливости», где нет угнетения, эксплуатации, морального упадка и коррупции. Напротив, в «социалистическом лагере», особенно в последние годы его существования, подспудно вызревали представления о Западе как о «свободном и богатом» мире, где нет тотального подавления общества

государством, где люди могут реализовать все свои потребности и возможности. Как это ни парадоксально, такое «соревнование витрин», по мнению некоторых исследователей, за счет помощи «извне» иногда даже способствовало ускоренному развитию разделенных государств (в частности, ФРГ и ГДР) [11]. Падение «железного занавеса» стало во многом губительным для таких утопий: знакомство с реальной картиной «за границей» позволило многим понять, что, наряду с «плюсами», каждой системе присущи и характерные для нее «минусы». В этом смысле глобализация, стирающая границы, несет с собой, по мнению некоторых публицистов, «конец» классической утопии [12, с. 5].

В современном мире с доминирующим в нем принципом «мягкой силы» все большую роль начинает играть продвижение странами и регионами своего международного имиджа, в котором доминирующими становятся такие черты, как «успешность», «высокий уровень развития», «устойчивость», «авторитет», «готовность к взаимовыгодному сотрудничеству». Не только для стран, но и для отдельных регионов (особенно приграничных) это становится важным ресурсом для привлечения инвестиций, развития совместных проектов, обеспечения безопасности и т.д. Бывают и обратные ситуации: в условиях острых международных, межнациональных и межрегиональных конфликтов прием «негативации» образа «других» широко используется для дискредитации, причем этому зачастую способствуют именно закрытость границ, ограничение информации и прямых контактов, а также односторонняя пропаганда в условиях монополизации СМИ. В этом случае построение антиутопических образов «других» может оказывать заметное влияние на массовое сознание. Что же касается элементов «идеализации» при продвижении имиджа для развития сотрудничества, то в условиях открытости границ и доступности интернет-коммуникаций, делающих всех «соседями», это уже, как правило, не приводит к тотальному увлечению локализованными за границей утопическими образами.

Литература

1. Странствия Синухета. Пер. О.В. Томашевич // История Древнего Востока: Тексты и документы / Под редакцией В.И. Кузищина. М., 2002. С. 25–33.
2. Gatz B. Weltalter, goldene Zeit und sinnverwandte Vorstellungen (Spudasmata, 16). Hildesheim, 1967.
3. Evans R. Utopia antiqua: Readings of the Golden Age and Decline at Roma. L.-N.Y., 2008.

4. Чернышов Ю. Древний Рим: мечта о золотом веке. М., 2013.
5. Lovejoy A.O., Boas G. Primitivism and Related Ideas in Antiquity. Balt., 1935.
6. Послание к Колоссянам святого апостола Павла, гл. 3,8 // Новый Завет (любое издание).
7. Cohn N. The Pursuit of the Millenium. Revolutionary Millenarians and Mystical Anarchists of the Middle Ages. L., 1978.
8. Le Goff J. L'utopie medievale: le pays de Cocagne // Revue europeene des sciences sociales. Т. 27. № 85. 1989.
9. Слотердаик П. Сферы: Т. III. Плюральная сферология. Пена. СПб., 2010.
10. Аинса Ф. Реконструкция утопии // Библиотека Гумер. Политология. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/ainsa/01.php
11. Крылов К. «Земля наша велика и обильна». Часть 2. Разделённые государства и их судьба // Агентство политических новостей, 2011-06-25. URL: <http://www.apn.ru/publications/article24385.htm>
12. Капустин М.П. Конец Утопии? Прошлое и будущее социализма. М., 1990.

2. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

Е.С. Арляпова

Риски и опции трансграничности (Сербия)

География Сербии и Балкан, в целом, сама по себе задает жизнеспособность и не утрачиваемую актуальность дискурсу «Сербия между Востоком и Западом», а с геополитической точки зрения, с учетом текущих реалий мировой политики, он является еще и в высшей степени злободневным. В данном контексте хотелось бы проследить, как совершенно логичный, напрашивающийся в силу естественных причин, дискурс обыгрывается сейчас в среде, одинаково не приветствующей ни тяготение Сербии к Востоку в лице России, ни сохранение ею своего срединного положения без аффилиации с Западом.

Как утверждают лингвисты, любое высказывание культурно обусловлено и связано с интересами соответствующего общества или социальной группы, говоря словами П. Серио, в любом из них можно обнаружить властные отношения [1, с. 339]. Поэтому дополнение нейтрального дискурса «Сербия между Востоком и Западом» смысловым сочетанием «Сербия между прошлым и будущим», что происходит все чаще, задает совершенно определенную коннотацию и глубинно меняет смысл, очерчивая жесткие рамки возможного рассмотрения.

Кроме того, уже давно стала общим местом апелляция к небольшому размеру территории страны и ее населения, что отчетливо проявляется в заявлениях ее политического истеблишмента. Лишь изредка, исключительно для внутреннего использования, можно услышать робкие допущения того, что «Сербия не является ни малой, ни слабой» [2], а также похожие на озарения, причем, транслируемые во внешнее информационно-политическое пространство, слова: «Сербия — маленькая страна, которая может стать большой, только если у нее будет сильная международная позиция» [3].

Геополитическая сила и статус определяют международную позицию в той же мере, в какой позиция определяет их. Геополитический ресурс формируется не только и не столько размером государства, но и его локацией. Поддерживаемая изоляция Сербии в Европе активно позиционируется в наши дни как недостаток, подлежащий немедленному устранению любыми путями и средствами, включая сепессию и связанные с этим репутационные издержки [4, с. 82]. Однако именно сейчас, когда геополитическая картина мира динамично изменяется,

самое время посмотреть на эту данность — «остров в Европе» — совершенно иначе, говоря о геополитических возможностях Сербии. Трансграничность, понимаемая в данном случае максимально широко («определенное состояние, качество региона, которое возможно только при условии проницаемости пространства» [цит. по: 5, с. 43] (для трансграничных потоков любой природы), не должна осмысляться исключительно негативно. Важная черта и частый атрибут этого явления — это формирование и наличие особой культуры трансграничного посредничества, положительная ценность которой состоит в постоянном согласовании (а не уступках и сдаче) своих действий и интересов с действиями и интересами Другого [6, с. 29–43; 7, с. 134] и/или Других, что представляется особо актуальным для Сербии. Думается, эта опция на данный момент используется недостаточно, хотя проблема уже давно находится в фокусе тематических исследований [8, с. 193–216].

Трансграничные регионы — это не только пространства, где встречаются и взаимодействуют интересы, культуры и т.д., но где рождаются новые схемы и модели их развития. На стыке культурологии и геополитики трансграничье может быть осмыслено как определяющая черта нового, еще пока формирующегося мира, ключевое отличие которого заключено в постоянном изменении всего, в том числе правил, принципов и установок [9]. Поставленные в определенных обстоятельствах и условиях цели должны отвечать современным реалиям, где «мир — пространство все более конкурентное, арена непрекращающейся битвы за будущее, его образ, содержание, за реализацию собственной формулы миростроительства», «в котором противника порою пытаются лишить самого чувства будущего, замкнув исторический и социальный горизонт» [10, с. 36]. В таких условиях недальновидно использовать прежние меры и методы, а ригид оставшиеся во дне вчерашнем вместе с действительностью, в отношении которой они были выработаны.

Думается, сложность положения дел Сербии во многом обязана именно этой интеллектуальной и политической непластичности, неготовности трансформировать идеи и устремления соответственно новым политическим трендам, которые обещают быть долгосрочными. Отсюда поразительная живучесть лозунга «в Евросоюз любой ценой». Удивительно, что приоритеты во внешней политике не только не были изменены, но и сколь-нибудь заметно скорректированы с момента провозглашения идеи интеграции в Еврозону по сей день, хотя в мировой политике за это время произошли изменения такого свойства, что в значительной степени были пересмотрены стратегии внешней поли-

тики целого ряда государств, включая тяжеловесов международной арены. Стоит заметить, что финансовые затраты на (само)рефлексию такого рода минимальны, что в условиях сегодняшней экономической конъюнктуры немаловажно.

Превентивное признание поражения политическим истеблишментом страны не только наносит огромный вред национальному (в гражданском смысле) самосознанию сербов, но и мешает увидеть, что битва за Сербию все еще идет, даже если кажется иначе. Дискурс, который обсуждается сегодня, и манипуляция с ним, отлично это иллюстрируют. Ведь подобный ракурс практически не используется в отношении стран, поступившихся суверенитетом и аффилированных Евросоюзом, иными словами, в отношении государств, судьба которых была решена, и граждане согласились с этим решением. Сербия же по-прежнему «в игре», несмотря на то, что ее внешнеполитическая активизация чрезвычайно затруднена.

Ответ на закономерный вопрос — почему в случае с Сербией требуется больше усилий? — видится, прежде всего, в том, что Сербия до сих пор воспринимается не столько как часть Европы, которой она принадлежит географически, сколько как часть Русского мира, опять же в трансграничном значении, «не привязывая его ни к Российскому государству, ни к русской нации» [11, с. 270]. Аналогично Сербия воспринимается в России, причем без вмешательства сил «за» или «против», без пропагандистских кампаний и лозунгов. В то время как в Сербии прилагается масса усилий по нивелированию русофильства, которым славны эта страна и ее народ [12, с. 434].

Но факт остается фактом: роль России в истории Сербии велика, а связь этих стран и народов крепка и долговечна. Кроме того, на фоне колоссального снижения международной активности и самостоятельности Сербии не стоит упускать из виду и обратную связь, а именно роль Сербии в истории России. Например, по мнению одного из советников кремлевской администрации А. Роксборо, бомбардировки Сербии авиацией НАТО стали событием, «которое будет определять мышление Путина в международной политике в последующее десятилетие» [13, с. 17].

Сказанное возвращает нас к проблеме трансграничности. Представляется, что в достаточной мере испытав на себе все ее негативные аспекты или риски (такие как транснациональный исламизм и терроризм, особенно применительно к Косово и Метохии; острое соперничество транснациональных капиталов; экологические проблемы; даже прямая международная агрессия, которая как борьба может быть отнесена к разряду негативных трансграничных взаимодействий), Сербии

давно пора попробовать и ее опции, к числу которых относится по-своему уникальная, трудно преодолимая внешними силами, трансграничная связь с историческим союзником, «единым по вере и крови» и до сих пор в какой-то мере связывающим судьбу Сербии с «честью, достоинством, целостью России и положением ее среди Великих Держав» [14].

Литература

1. Серио П. Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинализаций // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М., 1999. С. 337–383.
2. Serbia Is Not Small Nor Weak — Aleksandar Vucic // InSerbia News. January 7, 2014.
3. Ivica Dacic Attended a Business Forum in Washington. May 16, 2013. URL: <http://inserbia.info/news/2013/05/ivica-dacic-attended-a-business-forum-in-washington>
4. Пономарева Е.Г. Балканы как зона (дез)интеграции // Развитие и экономика. 2013. № 5.
5. Ярошенко А.В. Проблемные пути концептуализации трансграничья // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2012. № 52.
6. Зыков А.А., Шинковский М.Ю. Трансграничность в современном политическом дискурсе // Политическая наука. 2010. № 3. С. 29–43.
7. Трубицын Д.В. Трансграничье как объект культурологического исследования: методологический обзор // Гуманитарный вектор. 2011. № 2 (26).
8. Lazic M. Serbia: A Part of Both the East and the West? // Sociologija. Vol. XLV. 2003. № 3. P. 193–216.
9. Неклесса А.И. Трансграничье, его ландшафты и обитатели. М., 2002.
10. Неклесса А. Русский мир. Цивилизация многих народов / Научный Совет РАН «История мировой культуры». М., 2010.
11. Яковлева А.Ф. Трансграничность как цивилизационная особенность Русского мира // Русский мир как цивилизационное пространство / Под ред. А.А. Гусейнова, А.А. Кара-Мурзы, А.Ф. Яковлевой. М., 2011.
12. Гуськова Е.Ю. Религиозный фактор в современном балканском кризисе // Роль конфессий в развитии межнациональных отношений: Россия-Балканы-Поволжье. Самара, 2008. С. 434–440.

13. Роксборо А. Железный Путин: взгляд с Запада / Пер. с англ. С. Бавина и У. Сапциной. М., 2012.

14. Манифест Николая II о вступлении России в войну. 20 июля 1914 г. URL.: <http://www.rusarchives.ru/statehood/06-113-manifest-nikolay-ii.shtml>

А.М. Бетмакаев

Германо-германская граница в годы «холодной войны»

Взаимоотношения двух германских государств — Федеративной Республики Германии и Германской Демократической Республики — в годы глобального конфликта между Западом и Востоком, известного как «холодная война», зависели от внешних и внутренних факторов.

Состояние германо-германских отношений в решающей степени определялось включенностью двух немецких государств в противоборствующие военно-политические блоки. Демаркационная линия, а затем межгосударственная граница между Западной и Восточной Германиями являлись, по сути, линией фронта в «холодной войне», обусловливая и закрепляя раскол страны.

До 1952 г. пересечь германо-германскую границу было очень легко и для отдельных пешеходов, и для групп, и для участников официально организованных событий, например, футбольных матчей. В 1952 г. Восточная Германия начала систематическую программу сооружения границы, строительства ограждений из колючей проволоки, закрытия транзита и высылки жителей из милитаризованной запретной зоны, простирающийся на несколько километров в восточном направлении от границы. С 1961 г., когда Берлинская стена была построена, эти меры были усилены укреплением границы железными заборами, фрагментами бетонных стен и полосами земли, которые часто были заминированы [1, р. 16–20].

В соответствии с этим, а также изменением статуса линии разделения, можно выделить 3 периода в истории германо-германской границы: с 1945 г. до 1952 г. — открытая граница; с 1952 г. до августа 1961 г. — частично открытая граница; с августа 1961 г. до ноября 1989 г. — закрытая граница. Последний период образно называли «проклятием стены» [2, S. 27].

Трансграничное взаимодействие как частный случай германо-германских отношений подчинялось логике противостояния систем и военно-политических блоков во главе с США и СССР. Классическим и хорошо известным как в общественно-политическом, так и в научном дискурсах является история разграничения между Западным и Восточным Берлином. В отечественной и зарубежной историографии имеют-

ся сотни книг, посвященные отношениям в разделенном городе. Как правило, в них отмечается интенсивное сообщение между частями Берлина вплоть до установления стены со стороны Восточного Берлина 13 августа 1961 г.

Особое место в трансграничном взаимодействии занимало бегство восточных немцев через Западный Берлин в ФРГ. Бегство почти всегда осуществлялось через Берлин: на электричке или метро, на велосипеде или пешком можно было просто и почти безопасно проникнуть из восточной части города в западную. Пересечение же хорошо охраняемой межзональной границы между ГДР и ФРГ было сопряжено с высоким риском. Западный Берлин был «витриной Запада», которая снижала эффективность официальной пропаганды ГДР, поскольку программы радио и телевидения, которые транслировали западногерманские СМИ, принимались на большей части Восточной Германии. Западный Берлин был также форпостом многочисленных западных спецслужб [3, с. 503].

Берлинская стена являлась наиболее известной частью «железного занавеса» и символом раскола Европы, но она была только небольшим фрагментом границы, которая разделила Германию. Железобетонной стеной разрывая столицу, германо-германская граница протянулась на почти 1,5 тыс. километров с севера на юг в основном через сельскую местность [1, р. 14]. Однако провинциальная часть границы между Восточной и Западной Германией почти никогда не была в центре внимания не только общественности, но и специалистов по истории германского вопроса после Второй мировой войны.

Большинство людей, живущих за пределами Германии, рассматривало историю немецкого разделения как серию драматических кризисов, которые преимущественно касались Берлина: советская блокада Западного Берлина в 1948–1949 гг., преодолеваемая «воздушным мостом» западных союзников; «берлинские ультиматумы» Н.С. Хрущева, которые привели к строительству Берлинской стены; противостояние советских и американских танков на контрольно-пропускном пункте «Чарли» в октябре 1961 г.; речь американского президента Джона Ф. Кеннеди в июне 1963 г. «Я — берлинец (Ich bin ein Berliner)» и призыв американского президента Рональда Рейгана «Господин Горбачев, разрушьте эту стену!» в июне 1987 г.; и, наконец, падение Стены в ноябре 1989 г.

Отмеченный пробел в историографии попыталась восполнить британская исследовательница Эдит Шеффер в монографии «Обожженный мост: Как восточные и западные немцы создали “железный занавес”» [4], в которой анализируется появление, существование и окон-

чательный крах границы между Восточной и Западной Германии вдали от политических центров ГДР и ФРГ — Берлина и Бонна. Автор исследует события на юго-восточном участке границы. Название книги может показаться придуманным, но Обожженный мост, чьи деревянные опоры были обожжены средневековыми строителями, чтобы защитить их от гнили, действительно находится на 5-километровой дороге, которая связывает города Нойштадт и Зоннеберг на границе между Баварией и Тюрингией. Оба города имели много общего, включая и диалект, и ремесленную традицию производства деревянных и других игрушек, которые продавались на север в Лейпциг и на юг в Нюрнберг. Но существовали и различия. Исторически Нойштадт, находящийся недалеко от Кобурга, принадлежал Баварии, известной традиционно монархическими и консервативными общественными представлениями, в то время как Зоннеберг в Тюрингии имел сильные левые традиции и находился в сфере влияния коммунистической партии в годы Веймарской республики [4, р. 20–21]. В каждом из двух городов проживало примерно 50 тыс. человек. Они имели общую многовековую историю тесного взаимодействия, которое было грубо разрушено политическими и административными мерами, принятыми оккупационными державами после поражения Германии в 1945 г. Разделительная линия между Востоком и Западом, между американской и советской зонами оккупации, пролегла между этими двумя городами. Она разрушила исторический мост, который традиционно связывал два сообщества, оставив Нойштадт в ФРГ и Зоннеберг в ГДР.

Э. Шеффер прослеживает установку и разрушение «железного занавеса» на локальном уровне. По ее мнению, физическая граница между Востоком и Западом не была установлена только сверхдержавами во время «холодной войны», но была также «импровизированным продуктом взбодораженного послевоенного общества» [4, р. 4]. Исследовательница подчеркивает динамический характер границы, указывая, что военные и прочные укрепления, которые размечали границу между двумя Германиями в 1970–1980-е гг., возникали постепенно и скорее случайно на месте условного межзонального барьера, установленного в первые послевоенные годы. Она также оспаривает традиционные представления о «железном занавесе» в Германии как установленном Востоком в одностороннем порядке, указывая на западные действия, которые косвенно способствовали укреплению барьера. Нам кажется наиболее важным утверждение Э. Шеффер, что местные сообщества с обеих сторон границы играли ключевую роль в ее появлении и развитии на локальном уровне: граница как фактически непреодолимый барьер появилась не только из принуждения, но также

и из обыденных представлений и действий простых людей, поддерживавших барьер, который большинство изначально создавать не хотело [4, р. 6].

Материалы исследования показывают драматическое воздействие все более и более милитаризованной границы на жизнь местных жителей. Ранняя консолидация границы между Востоком и Западом в области Нойштадт–Зоннеберг была облегчена широко распространенным мнением с обеих сторон, что линия разграничения Восток–Запад могла превратиться в границу хаоса и преступности, поэтому она должна была контролироваться с двух сторон.

Повестка дня приграничных местных властей и жителей, очевидно, менялась от одного к другому периоду пограничной истории, но даже в последние десятилетия трансграничного взаимодействия, было достаточно случаев, которые делали многих жителей и на Востоке, и на Западе Германии обиженными на «другую сторону» и вели к развиту, по меткому замечанию западногерманского писателя Петера Шнайдера, синдрома «стены в головах» [5, р. 119].

Зная особенности пограничной политики в СССР, у историков не вызывает удивление тот факт, что коммунистический режим в ГДР стремился повесить замок на границу с ФРГ. Но удивляет «симметричный» ответ американской оккупационной администрации и жителей Нойштадта на приток беженцев с Востока. Американцы хотели навести порядок на границе, а западные немцы требовали обеспечения своей безопасности от восточной «толпы». И те, и другие принимали меры, чтобы не оставить поток «осси», одновременно цинично заявляя о необходимости воссоединения Германии [4, р. 75–76, 121–125].

Одной из причин, почему многие местные администраторы и граждане приняли и даже молчаливо приветствовали раскол по линии Восток–Запад, было неприятие существования проницаемой границы первых послевоенных лет. Например, на муниципальных чиновников в Нойштадте оказывалось сильное давление со стороны полиции, которая тяготилась дополнительной работой из-за переходов границы беженцами, беспризорными подростками, шпионами, спекулянтами, беглецами от правосудия, гостями или родственниками местных жителей и даже пьяных прохожих вечером в субботу.

Конечно, социальная история особого приграничного района дополняет общую картину трансграничного взаимодействия с учетом событий на национальных и международных уровнях. Но цели, принципы и политика, которая определила, как межгерманская граница должна была развиваться, были установлены на более высоких уровнях, и хотя местные действия могли, конечно, усложнить их выполнение и

даже иногда вызывать реакцию более высоких политических властей, власть распространялась сверху вниз. Местная власть не могла ни помешать намерению властей ГДР держать границу на замке, ни разрушить барьер. Ликвидация границы между Восточной и Западной Германией произошла только вместе с крахом коммунистической системы в конце 1989 г.

Литература

1. Rottman G.L., Taylor C. The Berlin Wall and the Intra-German Border, 1961–89. Oxford, 2008.
2. Hertle H.-H. Chronik des Mauerfalls: Die dramatischen Ereignisse um den 9. November 1989 / 11., erweiterte Auflage. 2009.
3. История Германии. В 3 т. Т. 2 / под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М., 2008.
4. Sheffer E. Burned Bridge: How East and West Germans Made the Iron Curtain. Oxford, 2011.
5. Schneider P. The Wall Jumper: A Berlin Story. Chicago, 1983.

Г.В. Богословская ***Особенности взаимовосприятия*** ***в российско-французских отношениях в 2000–2012 гг.*** ***(по материалам французской прессы)***

В 1990-е гг. в России произошел коренной слом всех прежних жизненных устоев, в результате которого сформировались новые политические институты, рухнул «железный занавес», стала складываться новая социальная структура общества. В то же время страна была ввергнута в пучину тяжелейшего экономического и социального кризиса, относительное преодоление которого стало возможно лишь к началу XXI века. И лишь с началом 2000-х гг. Россия смогла усилить свое присутствие на международной арене и укрепить свои международные позиции. Этим, в частности, и объясняется политическая актуальность изучения проблем взаимовосприятия России и Европы через формирующиеся друг у друга образы стран, в частности, образа современной России во Франции.

Образ страны — это комплекс взаимосвязанных между собой характеристик страны — экономических, географических, внутри- и внешнеполитических и т.д., сформировавшихся в процессе развития государственности. От того, что он несет в себе, зависят направления, характер, практические формы организации международного взаимодействия [1, с. 128–134].

Хронологические рамки нашего исследования — 2000–2012 гг. Данный период в истории страны охватывает два этапа политического процесса в России: май 2000 — май 2008 гг. (президентство В.В. Путина) и май 2008 — май 2012 гг. (президентство Д.А. Медведева), связанных с вышеописанными процессами изменения роли России в системе международных отношений.

В процессе работы над темой нами были проанализированы статьи наиболее влиятельных французских газет, таких как «Le Figaro», «Le Nouvel Observateur», «Le Monde», «Libération», а также труды ученых, занимавшихся изучением российско-французских отношений и восприятия России во Франции — А. Федорова [2], Ю. Акимова [3], В. Береловича [4] и других. Отметим, что вышеупомянутые печатные издания принадлежат к различным политическим спектрам: «Le Figaro» отражает точку зрения умеренно-правых партий, «Le Nouvel Observateur» придерживается социал-демократического направления, «Le Monde» — леволиберальных взглядов, для «Libération» с 1980-х гг. характерен постепенный отход от левых взглядов и движение в сторону «буржуазности».

С начала 2000-х гг. российско-французские политические контакты имели регулярный характер; ежегодно проходили встречи президентов России и Франции. Первый официальный визит Владимира Путина во Францию состоялся в октябре 2000 года: была создана основа для качественного сдвига в развитии российско-французских отношений. Министр иностранных дел Франции Доминик Галузо де Вейпен на встрече министров иностранных дел 23 января 2004 года также видел перспективы российско-французского партнерства обнадеживающими. По его словам, в отношениях России и Франции существовала дружба, продолжавшаяся на протяжении веков, базировавшаяся на исторических, географических и культурных связях между двумя народами [5, с. 250–265].

В свою очередь, Россия на протяжении всего рассматриваемого периода смотрела на Францию как на своего важного партнера в сфере международных отношений, в экономической, энергетической сфере. В период с 2000 по 2012 гг. президенты В. Путин и Д. Медведев неоднократно заявляли об этом в различных контекстах. Отсюда высокая степень заинтересованности России в доверии французской стороны, в том, чтобы во Франции ее воспринимали как потенциального союзника в геополитическом отношении [4, с. 35–61].

С начала XXI века и по настоящее время активно развивается и российско-французское торгово-экономическое сотрудничество. При этом структура российского экспорта во Францию сохраняет в основ-

ном сырьевую направленность; в структуре же импорта из Франции основную долю составляют машины и оборудование [5, с. 134–145].

Динамично развивается российско-французское сотрудничество в области культуры; этому способствуют традиционно тесные связи между российскими и французскими партнерами, в том числе на уровне местных и региональных властей, общественных фондов и неправительственных организаций [2, с. 78–84].

При всем том с 2007 года в отношениях двух стран наметилось резкое охлаждение. После мюнхенской речи Путина в феврале 2007 года французские СМИ жестко критиковали российское руководство, обвинив его едва ли не в разжигании новой «холодной войны». Между тем даже бывший министр иностранных дел в правительстве Л. Жоспена (1997–2002 гг.) Ю. Ведрин фактически признал, что вокруг российских границ создается пояс недружественных государств, а также тот факт, что «оранжевые революции» в странах бывшего СНГ были осуществлены по западным сценариям [6].

С начала XXI века омрачали двусторонние отношения и ситуации в Чечне и Грузии. На страницах французских газет политика российского руководства в отношении Чечни подвергалась жесткой критике. Газеты «Le Monde» и «Libération» писали о «систематических попытках в фильтрационных лагерях», о «политических репрессиях, осуществляемых диктатурой, управляемой из Москвы», о преследовании правозащитников, занятых вопросами защиты прав человека в Чечне [6; 7]. Образ России-агрессора («авторитарный русский медведь») рисовали французские газеты и описывая конфликт в Южной Осетии в августе 2008 года [8]. Но далеко не все французские СМИ занимали в южно-осетинском вопросе прогрузинскую позицию. В октябре 2009 года «Le Figaro» опубликовала статью с заголовком «Грузия развязала конфликт в 2008 году». По словам корреспондента, ответственность за конфликт примерно в равной степени несут обе стороны [9].

Немаловажны для понимания восприятия России во Франции на современном этапе также и образы президентов В. Путина и Д. Медведева во французской прессе. В публикациях последних лет Владимир Путин рисовался как жесткий авторитарный лидер, во многом повторяющий стиль руководства советских генсеков [10]. В отличие от него Д. Медведев в начале своего президентского срока воспринимался как более либеральный и прозападный президент. Однако с самого начала французские газеты пребывали в растерянности относительно степени самостоятельности нового российского лидера; со временем все более укреплялось мнение о Д. Медведеве как о марионетке в руках премьер-министра [11].

Одним из ключевых аспектов восприятия России во Франции является вопрос об эффективности демократических институтов в России, построении развитого гражданского общества. В 2000-е гг. пристальное внимание французской прессы привлекали убийства политических журналистов и активность правозащитников в РФ. В статьях во французской прессе, посвященных правозащитным движениям в России, отчетливо вырисовывался образ РФ как страны, где возрождается советская практика подавления инакомыслия. Российскую оппозицию французские СМИ оценивали как дезорганизованную и слабую. «Libération» писала, что «у нее нет пространства для действий, а к числу оппозиционеров опасно принадлежать» [12]. В оценке современной общественно-политической жизни России «Libération» вторила «Le Monde»: «В избранной в 2007 году Госдуме нет ни одного оппозиционера из демократического лагеря. Они считаются врагами режима и живут под страхом репрессий» [13].

Большое внимание прессы уделялось тюремному заключению Михаила Ходорковского, особенно второму процессу по его делу. Многие французские газеты считали обвинения против него вызванными политическими мотивами, полагали, что процесс против М. Ходорковского и П. Лебедева наносит удар репутации российского правосудия. В обосновании своей точки зрения «Le Monde» делала акцент на том, что судьи в РФ назначаются Кремлем и, следовательно, находятся под его контролем [11].

Но не все тенденции общественно-политической жизни РФ оценивались негативно. Позитивно была воспринята французской общественностью реформа судебной системы, предусматривающая отказ от колоний-поселений, а также ряд других либеральных преобразований, например, таких, как введение домашнего ареста [14].

Таким образом, в отношениях России и Франции в 2000–2012 гг. в некоторых областях прослеживались позитивные тенденции: плодотворно развивалось экономическое сотрудничество, а непрерывающиеся культурные контакты между странами поддерживали во Франции исторически сложившийся образ России как страны великой культуры, большого духовного потенциала. При этом по своему внутриполитическому устройству Россия рассматривалась как страна недемократическая, в которой ущемляются права человека. При оценке же ее внешней политики Российская Федерация нередко приобретала на страницах французской прессы черты скорее потенциального агрессивного соперника, нежели союзника, партнера Франции и стран Запада в геополитическом отношении. Безусловно, на страницах французских печатных изданий на протяжении 2000–2012 гг. прослеживалась

эволюция восприятия России во Франции от более позитивного — образа потенциального союзника — к более негативному — образу страны, становящейся все более недружественной Западу, и поворотным пунктом этой эволюции стала речь Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности в 2007 году.

Оценивая объективность сложившегося восприятия России во Франции, следует отметить, что ряд существующих в стране проблем с соблюдением на практике прав человека, справедливым судом, а также сырьевая направленность российской экономики не могли не привлечь пристального внимания французского общественного мнения. Но при этом налицо сгущение красок в оценке негативных сторон российской действительности, демонизация образа страны. Это может быть объяснено обострившимся геополитическим соперничеством России и Запада на современном этапе, на фоне которого преувеличиваются реальные и мнимые угрозы и нагнетаются необоснованные страхи.

В то же время для России Франция к концу рассматриваемого периода по-прежнему остается важнейшим партнером в международных отношениях, и, несмотря на серьезные проблемы во взаимопонимании между двумя странами, на развитие российско-французского партнерства в различных сферах российской стороной направляются значительные усилия.

Литература

1. Галумов Э.А. Международный имидж России: стратегия формирования. М., 2004.
2. Федоров А.Е. Процессы взаимозависимости и интеграция в Европе. М., 1998.
3. Акимов Ю.Г., Костюк Р.В., Чернов И.В. Франция в мировом порядке начала XXI века. СПб, 2007.
4. Берелович В. Россия и Франция: горизонты взаимопонимания. М., 2001.
5. Геополитика, XX век. М., 2005.
6. Аккерман Г. «Новая Россия» Владимира Путина: ностальгия по утраченному могуществу, мечты об автономии // *Le Monde*. 7.04.2008. URL: <http://www.inosmi.ru/inrussia/20080407/240670.html>
7. Роян О. Медведев укрепляет позиции на Кавказе // *Liberation*. 21.01.2010. URL: <http://www.inosmi.ru/politic/20100121/157720276.html>
8. Можински П. А. Глюксман: В лучший мир // *Liberation*. 20.12.2008. URL: <http://www.inosmi.ru/world/20081230/246396.html>
9. Авриль П. Поворот во французской дипломатии // *Le Figaro*. 1.03.2010. URL: <http://www.inosmi.ru/politic/20100301/158393854.html>

10. Жирар Р. Правосудие по-путински // Le Monde. 28.10.2010. URL: <http://inosmi.ru/politic/20101028/163903189.html>
11. Жирар Р. Россия: президент на побегушках // Le Monde. 26.01.2011. URL: <http://inosmi.ru/army/20110126/165967836.html>
12. Почему оппозиция в России бессильна? // Libération. 12.02.2007. URL: <http://www.inosmi.ru/world/20070212/232802.html>
13. Россия: без свободной прессы не может быть серьезных реформ // Le Monde. 9.07.2009. URL: <http://www.inosmi.ru/inrussia/20090709/250581.html>
14. Медведев покончит с ГУЛАГом // Le Figaro. 30.12.2009. URL: <http://www.inosmi.ru/social/20091230/157319552.html>

Д.А. Глазунов

***Управление внешними делами в регионах Китая
(на примере провинции Хэйлунцзян)***

Одна из попыток объяснить, почему Китай, будучи авторитарным режимом, успешно демонстрирует высокие темпы развития экономики, принадлежит Сюй Чэнгану, профессору Университета Гонконга. На наш взгляд, он выдвинул интересную модель власти КНР, обозначив ее как регионально-децентрализованный авторитаризм. Если вкратце передать сущность его гипотезы, то китайский феномен состоит в том, что региональные руководители в Китае назначаются центром, но при этом имеют большую автономию в вопросах развития экономики.

По мнению Сюй Чэнгана, в Советском Союзе предприятия контролировались центральными отраслевыми министерствами, а в Китае — большинство госпредприятий принадлежит провинциальным, городским (окружным) и деревенским властям. В начале XXI в. доля местных и региональных бюджетов в совокупных расходах государства в унитарном Китае составляла примерно 70%, что намного больше, чем в номинально федеративных США (46%), Германии (40%) и России (38%) [1, с. 1083].

Провинциальные лидеры Китая получают аналогичные права назначать нижестоящих местных руководителей. Это, в свою очередь, создает хорошие условия, во-первых, для проведения экспериментов с разными моделями развития, а, во-вторых, для соревнования между региональными руководителями. Важно подчеркнуть, что у руководителей различных административных единиц есть значительные полномочия и свободы при проведении экономической политики. Центральные же власти (во многом опираясь на партийные структуры) контролируют не действия провинциальных губернаторов, а их результаты.

Вышестоящие власти фактически заключают с нижестоящими контракты, предполагающие достижение четко сформулированных целевых показателей, и по итогам выполнения этих контрактов принимаются кадровые решения.

Наглядным нам кажется и распределение основных экономических показателей по уровням власти (см. таблицу 1).

Таблица 1

Распределение основных экономических показателей по уровням власти в КНР, 2006 г. [1, с. 1084]

Уровень власти	Кол-во	Средняя плотность населения	Количество предприятий	Занятого населения	Основные средства, юаней
1. Центральный	1	1,3 млрд	2128	2,75 млн	1,314 млрд
2. Провинциальный 2а. Города центрального подчинения	27* 4	45,7 млн 17,9 млн	269707**	66,21 млн	9,281 млрд
3. Окружной (города (суб)провинциального подчинения)	333	3,71 млн	—	—	—
4. Уездный 4 а. Города уездного подчинения	2862 374	431426	—	—	—
5. Волостной 5 а. Поселки	41636 19522	29656	—	—	—

Примечания: *включая 5 автономных района; ** местные государственные, коллективные, совместные, частные, иностранные и другие предприятия.

Данные этой таблицы четко показывают, что именно провинциальная экономика является ведущей силой в развитии КНР. В этой связи возникает вопрос, как на местах организуется внешнеэкономическая деятельность на уровне провинций, и далее городов, уездов при условии описанной выше автономии руководителей этих административных единиц.

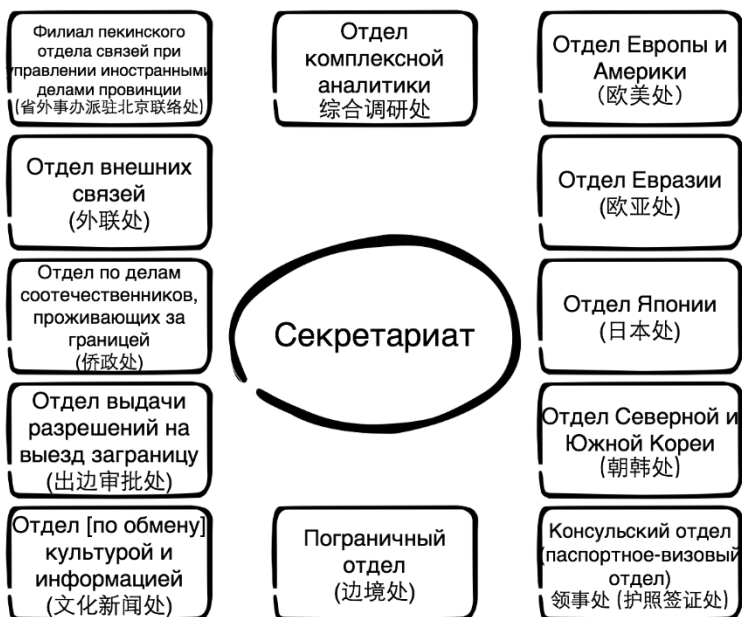
Возможно, что такая постановка проблемы, где во главу развития ставятся регионы Китая, открывает перед учеными и практиками новые исследовательские возможности. Для тематики сборника, на наш взгляд, будет интересен такой вопрос: каков объем полномочий хэй-

лунцзянкой провинции во внешних делах для решения своих экономических и иных задач? Выбор Хэйлунцзяна, прежде всего, оправдан его приграничным с Россией положением, соответственно, и активным взаимодействием с регионами РФ. В дополнение можно добавить, что структура управления внешними делами (как, впрочем, и иными) в провинциях Китая во многом идентичная. Отдельно мы бы хотели подчеркнуть, что наша статья ориентирована на специалистов, знающих региональную специфику управления международной и межрегиональной деятельностью в РФ.

Правительство Хэйлунцзян имеет разветвленную структуру и включает в себя 50 различных органов: департаментов, комитетов, управлений, отделений [2]. Среди них находится и Управление внешними делами. Согласно обязанностям отдела внешних связей, на него возлагается три главные задачи: иностранные дела, работа с соотечественниками за границей, взаимодействие с особыми административными районами — Макао и Гонконг. В соответствии с этими обязанностями структура отдела выглядела до недавнего времени следующим образом (см. схему 1).

Схема 1

Структура Управления внешними делами провинции Хэйлунцзян [3]

Центральный орган Управления — секретариат (мишучу), выполняющий руководящую роль. Он является, в нашем понимании, аналогом администрации, который имеет в своем распоряжении все важные управленческие функции. В частности, секретариат отвечает за распределение финансов внутри ведомства, безопасность, управление активами, ведение секретной переписки, организацию деятельности подчиненных структур, информационное обеспечение, решение повседневных дел делопроизводства, осуществление кадровой политики.

Отдел комплексной аналитики (дословно, комплексного исследования) ориентирован в большей степени на разработку и координацию внешней деятельности на провинциальном уровне. Функционал этого органа разнообразен и включает в себя три главных составляющих: «разработку», «анализ» и «координацию-контроль». Более подробно деятельность отдела выглядит следующим образом:

а) разработка планов, стратегии развития Управления с учетом партийных установок и нормативных предписаний центральных органов, организация разных собраний;

б) политический анализ международной ситуации, работа с жалобами, обеспечение публичной деятельности Управления;

в) контроль за деятельностью смежных структур, содействие научному, социальному, торговому, гуманитарному и культурному сотрудничеству с другими странами; поддержка различных связей государственных и общественных организаций, чья деятельность направлена на взаимодействие с внешними акторами.

Следующий блок отделов связан с реализацией сотрудничества, исходя из географического принципа. Таких отделов всего 4: Америки и Европы; Евразии; Японии; Южной и Северной Кореи. Безусловно, что данный принцип деления на отделы показывает особый интерес Хэйлунцзяна к тем или иным регионам. И в этом отношении показательна будет динамика изменений отделов, разбитых по территориальному признаку, о чем мы поговорим ниже.

Два последующих отдела (консульский и пограничный) представляют интерес, так как их аналоги отсутствуют в регионах РФ. Консульский отдел ведет работу с консульствами других государств и принимает делегации из посольств других стран, ведет переписку с иностранными государствами, отвечает за выдачу служебных загранпаспортов, продлевает визы иностранцам, а также занимается консульской легализацией для России и других государств. Кроме того, он вносит предложения (связанные со взаимодействием с внешним миром) по обеспечению национальной безопасности. Наконец, он коор-

динирует деятельность иностранных неправительственных организаций.

Пограничный отдел составляет проекты законов о границах, отвечает за охрану, обустройство и управление границ; участвует во всех приграничных делах, проводит комплексную работу по пропускным пограничным пунктам, руководит подразделениями пограничников и общественной полиции, ведет важные переговоры и встречи с Российской стороной [по вопросам обустройства границы].

Деятельность отдела [по обмену] культурой и информации распадается на две части. Первая связана с совместными с другими государствами культурно-информационными мероприятиями. Вторая проводит информационную политику в области внешних отношений. Например, утверждает или ходатайствует в вышестоящие органы о разрешении на въезд в провинцию иностранных журналистов, анализирует сведения с иностранных источников, делится информацией со всеми заинтересованными в Китае о межрегиональном и международном курсе провинции в соответствии с партийными и государственными органами, обеспечивает пропагандистскими материалами по международным проблемам.

Что касается отдела выдачи разрешений выезда за границу, то его функции заключаются в названии самого отдела. Иных обязанностей на него не возложено. В Китае, чтобы выехать за границу, необходимо получить разрешение, которое выдается вышеназванным органом. Частью аналогичных функций обладает и филиал пекинского отдела связи при Управлении внешних связей провинции. В частности, он ходатайствует в центральных органах о возможности поездки за границу руководителей провинции, оформляет разрешение и визы в столице на выезд за рубеж представителей организаций. Тем не менее, главная задача этой структуры — связь со столицей, с центральными внешнеполитическими органами.

Наконец, два последних отдела связаны с делами эмигрантов. Первый из них — отдел цяо, или отдел по делам соотечественников, проживающих за границей. Этот отдел призван взаимодействовать с другими государствами по вопросам китайских диаспор, обустройства их быта, защищать права и материально помогать членам семей эмигрантов, проживающих в Китае, оказывать содействие китайским диаспорам с помощью экономических преференций.

Второй отдел — отдел внешних связей. На наш взгляд, если предыдущий отдел «предлагает» что-то хуацяо, то этот призван «привлекать» что-то от китайских диаспор. Поэтому отдел не только приглашает, организует прием и осуществляет связь с общественными

организациями хуацяо и их потомками, включая переехавших в Гонконг и Макао, но и привлекает от хуацяо средства, технологии и кадры, развивает экономическое, технологическое сотрудничество, координирует инвестиционную работу в эмигрантской среде и т.д.

Помимо управленческих и специализированных органов при Управлении внешних связей находятся партийная ячейка, орган дисциплинарных расследований и пенсионный отдел.

Последнее, что хотелось бы отметить. В 2015 г. произошла реорганизация Управления внешними делами провинции Хэйлунцзян. Количество отделов увеличилось до 14 [4]. Но при этом были упразднены отдел комплексной аналитики, филиал пекинского отдела связей и отдел по обмену культуры и информацией. Их функции были распределены между секретариатом и реорганизованным отделом по управлению внешними делами. Появился новый отдел — отдел кадров. На сегодняшний день Управление внешних дел включает в себя: секретариат, отдел кадров, 7 территориальных отделов, отдел цзяо, отдел по управлению внешними делами, консульский и пограничный отделы, и, наконец, отдел выдачи разрешений на выезд за границу.

Возвращаемся к территориальным отделам, число которых значительно увеличилось, что свидетельствует о том, что Хэйлунцзян активно стал расширять свои внешние связи (или планирует их расширять), а также более четко определился с приоритетами внешнеэкономического взаимодействия. Перечень этих отделов выглядит следующим образом: Америки и Океании; Европы и Африки; Евразии (Россия и страны СНГ); Японии; Южной и Северной Кореи; Азии (оставшиеся страны, которые не вошли в список ранее), наконец, по сотрудничеству с Россией. Из этого списка видно: хэйлунцзянское Управление внешними делами фактически охватило большую часть государств и регионов Земли, а также особое внимание уделило России.

Таким образом, на примере хэйлунцзянского Управления внешними делами видно, что провинция имеет большие полномочия в рамках своей деятельности. Например, аналогов в регионах России консульскому и пограничному отделам, отделам цзяо или выдачи разрешений на выезд за границу нет (в РФ они имеют статус федеральных или в принципе отсутствуют). Кроме того, структура постоянно меняется с учетом изменения внешней конъюнктуры, управленческий аппарат оптимизируется, сокращая дублирующие функции отделов.

Литература

1. Chenggang Xu The Fundamental Institutions of China's Reforms and Development // Journal of Economic Literature. December. 2011. Vol. 49. №. 4.

2. Цзигоу чжинэн = Обязанности учреждений [правительства Хэй-лунцзяна]. URL: <http://www.hlj.gov.cn/gkml/dtlist.html?p=1&c=28>

3. Вайши баньгунши = Управление внешними делами [провинции]. URL: <http://www.hlj.gov.cn/jgsz/zzbm/wbs/jgsz>

4. Шэн вайши баньгунши – цзигоу чжинэн = Управление внешними делами провинции: обязанности учреждения. URL: <http://www.hlj.gov.cn/gkml/detail.html?t=2&d=172400>

А.Ю. Дьяченко

***Основные теоретические подходы
к проблеме римско-парфянской границы и
восточного похода императора Траяна (114–117 гг.)***

Присоединение в 133 г. до н.э. Пергамского царства к Римской республике ознаменовало начало целой эпохи военно-политического вмешательства Рима в Азии. Митридатовы войны в I в. до н.э. привели римские интересы за пределы Анатолии к самым границам Армении. Именно тогда впервые на исторической сцене встречаются два крупных игрока того времени — Рим и Парфия. В течение последующих столетий римско-парфянские отношения будут представлять собой борьбу за господство в регионе. Армения и Месопотамия станут площадкой, где развернется одно из самых затяжных противостояний Запада и Востока.

Оценка римско-парфянского конфликта в ряде работ, посвященных данной проблеме, продолжает представлять Рим в обороне [1, 2, 3]. Согласно данной точке зрения, римляне рассматривали Армению и Месопотамию как буферную зону, которая защищала бы более важные провинции в Малой Азии и на Ближнем Востоке. Подобная оценка событий наблюдается еще у Светония, который критиковал Тиберия за то, что он допустил захват Армении Парфией (Suet. Tib. 41). Однако ряд римско-парфянских войн в период принципата наглядно иллюстрирует, что эти территории, в первую очередь Армения, использовались в качестве плацдарма для римской агрессии. Соответственно Римская империя в данном контексте должна рассматриваться не как благородный защитник своих провинций и союзников в регионе, а как неустанный агрессор, стремившийся расширить зону своего влияния на восток. На наш взгляд, такую политику не стоит рассматривать как

цельную модель поведения Рима: экспансия в данном регионе происходила от случая к случаю. Вспышки римской агрессивной политики и ее затухание во многом зависели от конкретных исторических личностей, таких как Лукулл, Помпей, Красс, Антоний или Траян. На наш взгляд, фигура последнего наиболее примечательна, поскольку его парфянский поход 114–117 гг. н.э. был самой успешной римской военно-политической акцией в регионе.

Основными источниками по изучению истории парфянской кампании Траяна являются «Parthica» Арриана и «Римская история» Диона Кассия. Тем не менее, несмотря на свою ценность, отрывки текстов по интересующей нас проблеме мало информативны. Следовательно, имеющаяся картина парфянского похода Траяна, в лучшем случае, не совсем полная. Несмотря на это скудность информации не остановила ученых от попыток экстраполировать истинные причины войны. Это привело к формированию трех основных теоретических подходов по изучению противостояния Рима и Парфии в Ближневосточном регионе в начале II в. н.э.

В 1931 г. Р.П. Лонгден в своей публикации «Заметки о парфянской кампании Траяна» поставил под сомнение точку зрения о том, что парфянский поход Траяна вытекал из его дакийских войн [4]. В своих тезисах он во многом основывается на письмах Плиния Младшего. Историк говорит, что, узнав о возможном союзе Децебала и Парфии, Траян мог начать планирование своего будущего похода и завоевание Армении и Месопотамии уже во время войны с даками [4, р. 19–20]. Но он мог этого и не планировать, поскольку ответа императора на письмо Плиния, где могли содержаться соображения Траяна по этому поводу, не сохранилось. Имеющееся же в нашем распоряжении письмо Плиния (Plin. Ep. 63–64, 67, 74) не может ни доказать, ни опровергнуть то, что Парфянский поход — это акт мести коварному восточному соседу, который пытался «ударить ножом в спину» во время дакийских кампаний императора. Лонгден предложил новое объяснение римско-парфянской конфронтации, оно стало известно в западной историографии как «теория границы» [4, р. 25–29]. Согласно этой точке зрения, Траян никогда не намеревался вторгаться в Месопотамию и вступать в крупный конфликт с Парфией за господство в регионе. Первоначально, он просто стремился вернуть под власть Рима Армению и восстановить восточные границы империи. Только после этого он стал рассматривать Парфянское царство как постоянную угрозу на востоке. Завоевание Месопотамии автор видит как импровизированное мероприятие, а не как результат заранее запланированной крупномасштабной войны. Тем не менее, такая теория в последнее время теряет попу-

лярность. Некоторые представители историографии римско-парфянских отношений считают ее устаревшей и не актуальной в свете современных достижений исторической науки в данной области.

Как ответ на «теорию границы» Лонгдена, французский исследователь Ж. Гуэй разработал «экономическую теорию» [5], которая долгое время была популярна в историографии и до сих пор имеет своих сторонников. Суть этого подхода в том, что после дакийских войн Римской империи нужен был новый источник богатств. Разоренная Дакия исчерпала свой потенциал, и Траяну нужны были средства, чтобы продолжить строительство грандиозных проектов, таких как его форум в Риме. Этот экономический подход к проблеме парфянского похода Траяна подразумевает стремление Римской империи получить прямой доступ к торговым путям, которые шли через Парфию из Индии и Китая. Конечной целью императора, по мнению французского исследователя и его сторонников, была Индия [5]. Проблема Армении и Месопотамии как буферной зоны или плацдармов для агрессии между Римской империей и Парфянским царством в этой теории отпадает и не рассматривается. На наш взгляд, это является главным минусом данной трактовки. Опуская данный аспект, «экономическая теория» упрощает рассматриваемый вопрос, сводя его лишь к финансовым проблемам администрации Траяна.

Самая поздняя концепция, автором которой является Ф.А. Леппер [6], была представлена в 1948 г. Критикуя подходы Лонгдена и Гуэя, Леппер называет их слишком упрощенными и ошибочными, делает акцент на слабость аргументации. Он считает, что для большего понимания проблемы необходимо обратить внимание на сообщения Диона Кассия и Диона Хрисостома, которые пишут, что Траян вторгся в Армению и Месопотамию в поисках новых крупных побед, славы и престижа (Dio Cass. 68. 17). Из-за того, что принцепса редко упрекали в тщеславии и эгоизме, оппоненты этой точки зрения считают обвинения необоснованными, распространяемыми позже администрацией Адриана с целью показать необоснованность завоеваний Траяна [7]. Леппер, в свою очередь, делает упор на сообщения Диона Кассия о пошатнувшемся здоровье и психическом состоянии императора, которые могли сопровождаться умственными нарушениями. Свою теорию историк подтверждает замечаниями Диона Хрисостома, который сравнивает Траяна и Александра Великого, обвиняя их в том, что они были «рабами славы» в своем стремлении «завоевать Вавилон и Персию» (Dio Chrysos. Orat. 4.49). Александр Македонский являлся большим авторитетом для Траяна, как и для многих полководцев того времени, он даже посетил его гробницу в канун своего очередного дня рожде-

ния в 104 г. н.э. Хрисостом и Дион Кассий изображают престарелого императора как охотника за славой, чрезмерно озабоченного своей репутацией накануне смерти [8, р. 251]. Такой же точки зрения придерживается и Леппер, но при всем этом не отрицает второстепенных причин вторжения римской армии в Армению и Месопотамию, связанных с геополитической и экономической обстановкой в стране и регионе. В любом случае последователи обозначенной теории видят погоню за славой как главную движущую силу действий Траяна. Приграничные территории являются лишь частью огромных амбиций императора.

При всех очевидных различиях эти три теории имеют одно сходство. Все они указывают на то, что львиная доля вины в развязывании конфликта лежит на Траяне и его администрации. Это подтверждает точку зрения, что Рим являлся агрессором, а не просто защищал свои территории от парфянской угрозы. На это указывает и посольство от парфян, целью которого было переубедить Траяна не продолжать конфликт (Dio Cass. 68. 17). Восточный соперник Рима не был готов вести долгий и затяжной конфликт. Плюс ко всему, как отмечали античные авторы, конечной целью своего похода Траян видел Индию [9, с. 152].

Таким образом, на наш взгляд, территория Армении и Месопотамии не могла рассматриваться римлянами, в том числе Траяном, как буферная зона. Безусловно, нельзя отрицать тот факт, что Рим старался обеспечить защиту своих провинций в Восточном Средиземноморье, но приграничные регионы больше рассматривались как плацдарм для дальнейшей агрессии на востоке, так поступали Помпей, Красс и Антоний. Этот регион был своеобразным шлюзом к богатству Парфянского царства и другим странам Востока. Римские полководцы и императоры стремились сыскать себе славу, подобную славе Александра Великого. Аналогично действовал и Траян.

Литература

1. Dignas B. *Rome and Persia in Late Antiquity. Neighbours and Rivals.* Cambridge University Press, 2007.
2. Sicker M. *The Struggle over the Euphrates Frontier.* Greenwood Publishing Group, 2000.
3. Lightfoot C.S. Trajan's Parthian War and the Fourth-Century Perspective // *The Journal of Roman Studies.* Vol. 80. 1990. Pp. 115–116.
4. Longden R.P. Notes on the Parthian Campaigns of Trajan // *The Journal of Roman Studies.* Vol. 21. 1931. Pp. 1–35.
5. Guey J. *Essai sur la guerre parthique de Trajan (114–117).* Bucharest, 1939.

6. Lepper F.A. Trajans Parthian War. Westport, Connecticut, 1948.
8. Moles J. The Date and Purpose of the Fourth Kingship Oration of Dio Chrysostom // Classical Antiquity. Vol. II. 1983. Pp. 251–278.
9. Античная цивилизация / отв. ред. В.Д. Блаватский. М., 1973.

С.Н. Исакова

***Проблема определения границ Австрии
в связи с подготовкой Государственного договора
в 1945–1949 гг.: позиция США***

После признания австрийского правительства 20 октября 1945 г. союзникам по антигитлеровской коалиции необходимо было решить вопрос о статусе страны. Американское правительство выдвинуло предложение о мирном договоре с Австрией. По мнению помощника госсекретаря США Дж. С. Дунна, договор с Австрией мог урегулировать открытые пограничные вопросы. Поскольку на основании подписанного союзниками мирного договора с Италией Австрия теряла права на Южный Тироль, то в качестве компенсации следовало закончить оккупацию и дать Австрии независимость.

1 марта 1946 г. был подготовлен проект договора под названием «Обсуждение возможных пунктов соглашения о восстановлении независимой Австрии» [1, S. 46].

В конце мая 1946 г. американский проект договора был утвержден госсекретарем США и передан трем другим правительствам, в июне он официально циркулировал как документ Совета министров иностранных дел [2, р. 96–103, 934].

В окончательном варианте проект состоял из 16 частей. Что касается границ Австрии, то, согласно этому документу, они восстанавливались в границах 1937 г., однако оставались открытыми пограничные вопросы с Италией.

После того как в декабре 1946 г. были подготовлены мирные договоры с Италией и другими странами фашистского блока, союзники вернулись к австрийскому вопросу.

16 января 1947 г. на переговорах в Лондоне обозначились две проблемы, которые впоследствии станут основным препятствием к подписанию Государственного договора с Австрией. Одна из них — югославские претензии к стране.

Югославская проблема была отражена в «Меморандуме правительства Федеративной Народной Республики Югославии о словенской Каринтии, словенских пограничных районах Штирии и хорватском Бургенланде», изданном 16 января 1947 г. Югославское правительство выдвигало претензии на получение репараций от Австрии в

размере 150 млн долл., на территориальные уступки в Каринтии и Штирии, а также на особый устав для бургенландских хорватов [1, S. 63–64].

Наиболее серьезными были территориальные требования Югославии. Они касались территорий в Каринтии (2470 км² и 180000 жителей), Штирии (примерно 130 км² и 10000 жителей), а также столицы земли Клагенфурт.

Австрийская сторона отвергала югославские требования, ссылаясь на результаты каринтийского плебисцита 1920 г., на котором вопрос о единстве Каринтии был решён. Кроме того, границы между Югославией и Австрией определялись Сан-Жерменским договором 1919 г. [1, S. 67].

До весны 1947 г. югославские претензии поддерживались советской стороной. Затем в результате двусторонних встреч советской и югославской сторон эти претензии были сокращены до территории в 210 км² в районе Бляйбурга и Лавамюнда [1, S. 69].

Сокращению претензий также способствовала американская сторона во главе с госсекретарём Д. Маршаллом, который убеждал югославов в том, что «общая международная ситуация не благоприятна для максимальных требований» [3, р. 328]. Он, вероятно, надеялся на изменение позиции Советского Союза по этому вопросу.

На Лондонской сессии заместителей министров иностранных дел в ноябре 1947 г. советская делегация вновь начала настаивать на рассмотрении югославского вопроса. Западные страны несколько удивились упрямой поддержке Советским Союзом югославских требований и расценили это как преднамеренно рассчитанное действие с целью затягивания подписания соглашения.

Причина, по которой советская сторона стала вновь поддерживать югославские требования, западным представителям была непонятна. Возможно, как считает английская исследовательница О. Кронин, это было последним усилием Советского Союза, направленным на избежание раскола с югославами, возникшего в тот период, но это, на наш взгляд, маловероятно.

Как нам представляется, причина изменения советской позиции не имела отношения к Югославии. В апреле 1948 г., непосредственно перед тем, как переговоры заместителей министров иностранных дел потерпели неудачу, Австрия стала членом Организации Европейского Экономического Сотрудничества (ОЕЭС), постоянного органа, созданного для распределения фондов помощи по плану Маршалла. Некоторые историки утверждали, что Советский Союз хотел заключить государственное соглашение с Австрией в 1948 г., чтобы предупредить

её участие в плане Маршалла [4, р. 194–195]. Расчеты СССР привели к точно противоположному результату: репарационные платежи по соглашению еще больше разорили бы и без того обедневшую Австрию и увеличили ее потребность в западной помощи. Действительно, приток американских денег по плану Маршалла, который стал происходить только после того как дальнейшие переговоры по австрийскому соглашению были отложены, убедил советских лидеров, что участие независимой, объединенной Австрии в этом проекте гарантирует полную её интеграцию в экономическую систему Запада, так же, как в политическую и военную.

Для Сталина ситуация с Австрией была особенно щекотливой, так как это была единственная страна, частично занятая Советским Союзом, которая участвовала в плане Маршалла. Это было совсем не выгодно Советскому Союзу. Спустя пять дней после того, как началась Лондонская сессия заместителей министров иностранных дел, Советский Союз помог организовать удачный коммунистический переворот в Чехословакии. За то время, пока заместители вели свою работу, в Чехословакии было проведено преобразование страны в «народную демократию». Австрия, получающая западные деньги, оказывала плохое влияние на новых советских сателлитов — Венгрию и Чехословакию, не говоря уже о её воздействии на «непослушную» Югославию.

Поэтому Сталин использовал югославские претензии к Австрии, чтобы задержать подписание договора с Австрией.

Лондонская конференция министров иностранных дел в феврале 1948 г. также не продвинула решение австрийского вопроса [5, р. 61]. Из-за возобновления югославских требований со стороны Советского Союза было принято решение об отсрочке переговоров.

Сталин имел серьезные основания в 1948 г., как уже было упомянуто, отложить подписание австрийского соглашения. Однако интересно то, что США тоже долго размышляли о подписании договора. Об этом свидетельствует несколько фактов.

Соединённые Штаты всегда поддерживали любые усилия, направленные на скорейшее подписание соглашения. Однако некоторые американские должностные лица выступали против соглашения и пробовали остановить переговоры.

Генерал Д. Кейс в феврале 1948 г., в то время как подписание соглашения в ходе Лондонской конференции казалось возможным, выражал серьезные сомнения относительно целесообразности подписания соглашения: с подписанием соглашения потребуются вывод западных войск, а австрийская экономика, по его мнению, все еще находится в упадке и нет австрийской армии, которая могла бы сопротивлять-

ся возможной советской агрессии. Госсекретарь США Дин Ачесон отправил запрос министру обороны Льюису Джонсону, в котором просил изучить и определить военные основания соглашения с Австрией [5, р. 64].

В марте 1948 г. появился доклад руководителей Объединенного комитета начальников штабов. Отмечая, что проект соглашения предполагает эвакуацию войск из Австрии в течение 90 дней, они указывали, что местная армия не может быть организована и обучена за такое короткое время. Незащищенная Австрия была уязвимой перед советским нападением. Более того, выйдя из Австрии без обеспечения ее безопасности, западные страны создали бы вакуум, который СССР мог заполнить. Западные державы должны были, по крайней мере, продлить период вывода войск и получить советское согласие на организацию австрийской армии.

Предчувствия министерства обороны, возможно, оказали влияние на американских представителей в Лондоне. Заключение соглашения зимой 1948 г. было не в интересах американской стратегии, как на это указывают военные.

После сообщения Объединенного комитета начальников штабов, Соединенные Штаты начали тайно заниматься формированием полка жандармерии в Австрии. К декабрю 1948 г. в западной зоне были сформированы полицейские батальоны и другие единицы будущей австрийской армии. В то время, когда продолжалась вся эта деятельность, переговоры были приостановлены [5, р. 65].

Для СССР неудача переговоров предотвратила полную интеграцию Австрии в западную экономическую систему. Более тревожной для СССР была ситуация в Германии, где западное экономическое влияние было еще большим. В июне 1948 г., после того как австрийские переговоры в Лондоне закончились неудачей, Советский Союз начал блокаду Берлина. СССР не мог конкурировать с США в экономической сфере, поэтому стал использовать свою военную власть, чтобы превратить Восточную Европу в крепость.

Таким образом, после того как лондонская встреча заместителей министров иностранных дел в 1948 г. потерпела неудачу, проблема Австрии была полностью погружена в «холодную войну» между СССР и западными странами. Переговоры были отложены на год. Международные события, произошедшие за это время (Берлинская блокада, изгнание Югославии из Коминформа), обострили противоречия между двумя блоками и ослабили перспективы австрийского соглашения.

В течение 1949 г. изменения в советской внешней политике, казалось, способствовали заключению соглашения. Произошедший в январе

1949 г. конфликт между Тито и Сталиным давал надежду, что Советский Союз мог бы снять югославскую проблему в австрийском вопросе.

Парижская конференция министров иностранных дел проходила с 23 мая по 20 июня, но австрийский вопрос не обсуждался до 12 июня 1949 г. Зная о противоречиях между Белградом и Москвой, американская сторона предложила компромисс в первый день австрийских обсуждений: если Советский Союз перестанет поддерживать югославские требования, западные державы согласятся на существенное удовлетворение советских экономических требований [5, р. 73]. Тогда министр иностранных дел СССР Вышинский согласился, что австрийская собственность в Югославии удовлетворила бы югославские репарационные требования. Взамен западные державы, согласившись на сумму оплаты Австрией 150 миллионов долл. немецкой собственности, приняли советское требование о 60-ти процентах от всей области разведки австрийской нефти и предоставили Советскому Союзу всю прежнюю собственность Дунайской судоходной компании в восточной Австрии [6, р. 1097]. В итоге, проблема, которая не могла решиться заместителями министров иностранных дел в течение многих месяцев, была решена за один день.

Таким образом, проблема определения границ Австрии в 1945–1949 гг. была связана с проблемой подписания Государственного договора с Австрией и стала движущей силой в оформлении политики США в отношении этой страны. Решение этой проблемы было связано с различными подходами стран-союзниц, прежде всего США и СССР, к послевоенному урегулированию. Затягивание и неудачи многосторонних переговоров по Государственному договору с Австрией убедили США в выборе иной стратегии в решении австрийского вопроса: не навязывать условия Австрии, как это делал Советский Союз, а заняться восстановлением австрийской экономики и обеспечением австрийской безопасности с целью создать благоприятное мнение о себе среди австрийцев, которые в итоге должны были сами выбрать западный путь развития и западную внешнеполитическую ориентацию.

Литература

1. Stourzh G. Um Einheit und Freiheit. Staatsvertrag, Neutralitaet und das Ende der Ost-West-Besetzung Oesterreich. 1945–1955. Wien, 1998.
2. Foreign Relations of the United States (FRUS). 1946. Vol. 2: Council of Foreign Ministers. Washington, 1970.
3. FRUS. 1947. Vol. 2: Council of Foreign Ministers: Germany and Austria. Washington, 1972.

4. Bader W. *Austria between East and West, 1945–1955*. Stanford, 1966.

5. Cronin A.K. *Great Power Politics and the Struggle over Austria, 1945–1955*. L., 1986.

6. FRUS. 1949. Vol. 3: *Council of Foreign Ministers: Germany and Austria*. Washington, 1974.

Д.С. Кан

Ядерная проблема Корейского полуострова

Мировая история знает немало случаев разделенных народов и государств, и не все они остались в прошлом, а некоторые имеют продолжение в настоящем. Одной из таких стран является Корея.

Корея, история которой насчитывает более 5 000 лет, — это страна с одним из самых ранних государственных образований (более 1 300 лет), страна с мононациональным населением и единой культурой, разделена вот уже 70 лет на два государства.

По оценкам экспертов, сегодня в мире больше наблюдается процесс сепаратизма, чем объединения. В случае с сепаратизмом Кореи, скорее всего, речь идет не об объединении, а о воссоединении некогда единой страны с единым народом и культурой. Все чаяния и стремления разделенного корейского народа направлены на воссоединение Севера и Юга.

Уже известно, что Корейская проблема непростая. Этот узел не может быть разрублен мечом, то есть он не может быть решен военным путем. Иными словами, Корейская проблема носит сложный многоэтапный характер и ее решение возможно только путем последовательной, поэтапной реализации межкорейских и международных соглашений, а также требует максимального участия других стран и международного сотрудничества. При этом необходимо учесть длительное сосуществование двух корейских государств, являющихся полноправными членами Организации Объединенных наций. Одним из главных препятствий к решению корейской проблемы является ракетно-ядерная угроза Северной Кореи.

Когда говорят о денуклеаризации Корейского полуострова, все понимают как денуклеаризацию Северной Кореи, но это ошибочно. Проблема денуклеаризации Корейского полуострова стоит с 1958 г., тогда как первое испытание ядерного оружия Северная Корея провела только лишь 9 октября 2006 г. Ядерное оружие было завезено в Южную Корею Соединенными Штатами в 1958 г., и в 1967 г. мощность ядерного арсенала достигла своего максимума. Но к середине 1980-х годов он был существенно сокращен, а в 1991 г. президент США

Джордж Буш-старший дал указание о выводе ядерного оружия из Южной Кореи.

Мало того, в середине 1970-х годов южнокорейские ученые вплотную подошли к созданию ядерного оружия. Южная Корея решилась на этот шаг в связи с намерением Соединенных Штатов сократить военный контингент, а со временем и полностью вывести войска из Южной Кореи, а также ввиду резкого обострения межкорейских отношений. Однако разработка южнокорейской ядерной программы была прекращена под давлением Белого дома. В обмен Сеул получил гарантию защиты в случае возможного нападения [1, с. 121–122].

Что касается Северной Кореи, то мечта о разработке собственной ядерной программы зародилась сразу после окончания Корейской войны (1950–53 гг.). В 1956 году Советский Союз и Северная Корея заключили соглашение о сотрудничестве в развитии северокорейской ядерной энергетики. Этим самым положили начало ядерной проблеме Северной Кореи.

Как известно, Северная Корея 9 октября 2006 г., несмотря на протесты со стороны ООН и других международных организаций, провела испытание ядерного оружия и стала девятой страной, обладающей самым мощным оружием. В настоящее время официальный статус ядерных держав имеют пять стран: США, Китай, Россия, Великобритания и Франция. Еще три страны обладают ядерным оружием, но не входят в официальный «ядерный клуб» — это Индия, Пакистан и Израиль. Кроме того, предполагают, что Иран практически тоже имеет ядерное оружие. Согласно данным Международного Агентства по Атомной энергетике (МАГАТЭ), около 20–30 стран активно занимаются разработкой технологии, которая может быть использована для создания ядерного оружия. Как уже говорилось, Северная Корея разрабатывает собственную ядерную программу, представляющую непосредственную угрозу для Южной Кореи и Японии. Кроме того, ядерная программа Северной Кореи является дестабилизирующим фактором для всего региона Северо-Восточной Азии и всего мира, а также грубым нарушением международной конвенции о нераспространении ядерного оружия. К тому же никто не может исключить тот фактор, что Северная Корея может экспортировать технологию производства ядерного оружия в другие страны.

Когда говорят о проблеме ядерного оружия Северной Кореи, то подразумевают только ядерное оружие. Однако это неправильное представление, так как надо говорить о ракетно-ядерной проблеме и том, что наличие ядерного оружия предполагает обладание ракетами, способными донести оружие массового поражения до цели. Северная

Корея одной из первых среди стран Азиатско-Тихоокеанского региона развернула секретные разработки ракетных технологий. Сегодня Северная Корея способна самостоятельно производить даже межконтинентальные баллистические ракеты. Это практически означает признание за Северной Кореей статуса ракетной державы. По некоторым данным Северная Корея обладает арсеналом в более чем тысяча ракет различного класса, в том числе и межконтинентальных, а также примерно двумя сотнями транспортно-подъемных пусковых установок, и с этим приходится считаться всем.

По оценкам американских и южнокорейских экспертов, радиус полета баллистических ракет «Ынха-3» составляет 10 000 километров, а в случае уменьшения веса боеголовки и до 13 000 км. Это означает, что эти ракеты могут достать материковую часть США. В отличие от Северной Кореи, Южная Корея пока не может сама производить космические ракеты.

Ни для кого не секрет, что камнем преткновения на пути воссоединения Кореи является ядерная проблема Северной Кореи. Данная ядерная программа начала реализовываться Северной Кореей с момента, когда в марте 1955 г. на общем собрании Национальной академии наук было принято решение об учреждении «научно-исследовательского института атомной и ядерной физики». Затем в марте 1956 г. между СССР и КНДР было заключено соглашение о сотрудничестве в области мирного использования ядерной энергии, и в связи с этим несколько сотен северокорейских ученых прошли обучение в СССР. В июне 1963 г. был введен в действие исследовательский ядерный реактор советского производства ИРТ-2000, мощностью 2 МВт.

Таким образом, Северная Корея начала накапливать опыт в области ядерных разработок. В 1970-х гг. КНДР увеличила емкость исследовательского ядерного реактора, и это позволило ей развивать возможности самостоятельной ядерной программы. В марте 1974 г. Северная Корея приняла «Закон о ядерной энергетике» и в сентябре того же года, вступив в Международное агентство по атомной энергетике (МАГАТЭ), получила доступ к законному приобретению оснащения и материалов по ядерной энергетической тематике. В конце 70-х годов в центре ядерных исследований Йонбене началось сооружение ядерного реактора мощностью 5 МВт для выработки плутония, а с января 1985 г. этот реактор был введен в строй. Таким образом, Северная Корея планомерно продвигала основную ядерную программу и к концу 80-х гг. в Йонбене соорудила ядерный реактор мощностью уже 50 МВт,

предприятие по изготовлению ядерного топлива и предприятие по переработке отработанного ядерного топлива [2, с. 131–132].

С тех пор как в начале 1984 г. Йонбенский ядерный реактор мощностью 50 МВт был обнаружен западной секретной разведывательной службой и Запад узнал о мощности секретной ядерной программы КНДР, США начали оказывать давление на СССР с тем, чтобы Советский Союз убедил Северную Корею присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и заключить соглашения с МАГАТЭ о соблюдении полномасштабных гарантий. Вследствие этого СССР заключил с КНДР соглашение об экономическом и технологическом сотрудничестве для строительства атомной электростанции и намеревался оказать содействие в строительстве четырех блоков атомной электростанции советского образца мощностью 40 МВт, а КНДР по требованию СССР 12 декабря 1985 г. присоединилась к ДНЯО.

После присоединения к Договору о нераспространении ядерного оружия в течение 18 месяцев КНДР обязывалась заключить соглашение с МАГАТЭ о соблюдении полномасштабных гарантий, однако в связи с тем, что в июне 1987 г. этот срок истек и Северная Корея не подписала соглашение, к северокорейской ядерной программе начало возрастать недоверие. И окончательно, когда в октябре 1989 г. были рассекречены фотографии северокорейских ядерных объектов Йонбена, сделанные французским спутником “SPOT-2”, северокорейская ядерная проблема приобрела международный характер.

Именно поэтому международное сообщество вместе с США и Южной Кореей приложили массу усилий для решения северокорейской ядерной проблемы — в частности, переговоры и заключение соглашения между КНДР и МАГАТЭ о применении полномасштабных гарантий (декабрь 1989 — июль 1990 года, 3 раунда).

На втором этапе переговоров на высшем уровне между США и КНДР был вопрос о поддержке ядерного реактора на легкой воде. КНДР подчеркнула, что если США установят легководный ядерный реактор, то она объявит о возвращении в ДНЯО, будет решать недоразумения с МАГАТЭ и обсуждать свой возврат к соглашению о полномасштабных гарантиях. Одним словом, позиция Северной Кореи была такова: решение всех проблем, в том числе и вопроса о ядерной инспекции МАГАТЭ, будет возможно, если США окажут ей поддержку в сооружении ядерного реактора на легкой воде.

В дальнейшем, несмотря на многочисленные переговоры, в том числе и шестисторонние (Россия, США, Китай, Япония, КНДР, РК), Северная Корея непрерывно уклонялась от реальных переговоров и выполнения принятых обязательств, выдвигая все новые и новые тре-

бования. Вместе с тем Северная Корея продолжала проводить ядерные и ракетные испытания.

Запуск северокорейской ракеты «Ынха-2», осуществленный 5 апреля 2009 г., подвергся осуждению на открытом заседании Совета Безопасности ООН. В документе отмечалось, что КНДР нарушила резолюцию СБ ООН №1718, что может вызвать ужесточение санкций против нее. В ответ 14 апреля Северная Корея в очередной раз объявила о выходе из шестисторонних переговоров и продолжении ядерной программы.

12 февраля 2013 г. в КНДР прошли испытания ядерной бомбы, накалившие до предела обстановку на Корейском полуострове. В связи с этим СБ ООН единогласно одобрил расширение санкций против КНДР. Однако принятые меры не улучшили ситуацию, так как уже в начале марта 2013 г. КНДР отказалась от всех соглашений о ненападении с Южной Кореей, а также от совместного заявления по денуклеаризации Корейского полуострова. 3 апреля Северная Корея заявила, что отношения с РК вступили в состояние «военного времени».

Как отмечают эксперты, в настоящее время Северная Корея хотела бы вернуться к шестисторонним переговорам. Однако новое руководство Северной Кореи не намерено отказываться от своей ядерной программы.

Совершенно очевидно, что в предыдущих раундах переговоров Пхеньяну удавалось разыгрывать наличие ядерного оружия как козырную карту с каждой из сторон переговорного процесса в отдельности. Сейчас необходимо, чтобы все пять стран выработали единую позицию, превратив формат «шестерки» в «пять+один», чтобы Пхеньяну было труднее противостоять консолидированным требованиям и действиям.

Конечно, возобновление шестисторонних переговоров реально в свете изменившейся ситуации в самой Северной Корее и в США в целом, но мировые лидеры должны оказать содействие в создании таких условий, в которых у Северной Кореи не останется иного выхода кроме как изменить свой курс и продвигаться в сторону денуклеаризации и устойчивого мира на Корейском полуострове.

Итак, можно сделать следующие выводы:

1. Международное сообщество, в том числе и ООН, кроме санкций, не знает, как бороться с подобными нарушителями международных соглашений, такими как КНДР.
2. В связи с ракетно-ядерной угрозой Северной Кореи идет усиленный процесс нагнетания гонки вооружения в регионе США.

3. Скорее всего, решится вопрос размещения противоракетной системы THAAD на территории Южной Кореи, которая направлена на перехват северокорейских ракет, что значительно обострит обстановку в США.

4. Нет никакой гарантии, что США при крайней необходимости снова не завезут ядерное оружие в Южную Корею. Поэтому термин «денуклеаризация Корейского полуострова» и сегодня актуален.

5. В связи с экономическим кризисом Северная Корея будет вынуждена идти на путь преобразования, что в конечном итоге может привести к денуклеаризации.

Литература

1. Ким Г.Н. Объединение Кореи неизбежно. Сеул, 2014.
2. Со Хун. Букханы сонгун вёгё (Приоритет армии — внешнеполитический курс КНДР). Сеул, 2008.

А.С. Курсанова, С.А. Романова ***Межкультурная адаптация студентов вузов*** ***в аспекте интеграции образовательного пространства***

В настоящее время мы становимся свидетелями интеграции образовательного пространства. Это подтверждается проведением множества мероприятий, связанных с интеграцией образовательного пространства. Например, 25 ноября 2011 г. в Токио была подписана «Азиатско-Тихоокеанская региональная конвенция о признании квалификаций в области высшего образования». Конвенция предполагает укрепление и расширение сотрудничества с целью оптимального использования человеческого потенциала с тем, чтобы способствовать прогрессу знаний и непрерывному повышению качества высшего образования в странах Азиатско-Тихоокеанского региона [1]. Также делегации 27 университетов из 8 стран мира 22 мая 2013 года посетили АлтГУ с целью подписания меморандума о создании Ассоциации азиатских вузов — основы для формирования единого образовательного пространства в азиатском регионе, мощного импульса интеграционных процессов в сфере высшего образования, расширения академической мобильности и культурных связей [2]. 9–11 февраля 2015 г. в Минске (Беларусь) состоялось Международное совещание экспертов ЮНЕСКО по вопросам гармонизации образовательной среды стран Восточной Европы и Центральной Азии (ВЕЦА) в контексте реализации Целей развития тысячелетия, утвержденных Генеральной Ассамблеей ООН. В данном мероприятии принял участие представитель

АлтГУ, что является показателем интеграции образования в вузах стран Евразии [3].

Такие события обуславливают рост числа иностранных студентов в российских вузах и, в частности, в стенах Алтайского государственного университета. Иностранцам студентам при вхождении в российское образовательное пространство приходится сталкиваться с рядом трудностей. Кому-то удастся справиться с подобными трудностями, а кому-то — нет. Невозможность реализовать свои потребности влияет на характер межличностных отношений в целом, на гармонизацию внутреннего состояния личности студента — иностранца, а также на качество обучения в стенах высшего учебного заведения на территории России. С нашей точки зрения, психологическое сопровождение иностранных студентов будет способствовать решению перечисленных проблем, ускорению и увеличению эффективности процесса адаптации к новому культурному и образовательному пространству.

Выбранная нами тема является актуальной, так как интеграция образовательного пространства ведет к увеличению числа межкультурных контактов, прежде всего, в стенах вузов. Такие изменения могут повлиять на учащихся не только с положительной стороны (расширение кругозора, языковая практика с представителем другой культуры, непосредственное знакомство с новой культурой), но и принять негативный окрас. Ведь русские студенты могут проявить недостаточный уровень толерантности, иностранные студенты могут испытывать сложности в процессе адаптации, непонимание русской культуры и т.д. Это может привести к межкультурным конфликтам, психологическому дискомфорту для студентов разных национальностей, разворачиванию личностных и межличностных конфликтов студентов. Поэтому необходимо регулирование процесса адаптации иностранных студентов, знакомства с новой культурой и людьми этой культуры.

Феномен адаптации рассматривался такими авторами, как А.Н. Леонтьев, Т.Г. Стефаненко, В.Г. Крысько, Н.Н. Мельникова и др. Рассматривая межкультурную адаптацию, Т.Г. Стефаненко отмечала, что этот процесс неизменно начинается с культурного шока, который выражается в постоянном беспокойстве о качестве пищи, питьевой воды, чистоте посуды, постельного белья, страхе перед физическим контактом с другими людьми, общей тревожности, раздражительности, недостатке уверенности в себе, бессоннице, чувстве изнеможения, злоупотреблении алкоголем и наркотиками, психосоматических расстройствах, депрессии, попытках самоубийства. Ощущение потери контроля над ситуацией, собственной некомпетентности и неисполнения ожиданий может выражаться в приступах гнева, агрессивности и

враждебности по отношению к представителям страны пребывания, что отнюдь не способствует гармоничным межличностным отношениям [4, с. 181].

На процесс адаптации могут влиять различные факторы [4, с. 182]:

1. Индивидуальные характеристики — демографические и личностные. Студенты, приезжающие обучаться в Алтайский государственный университет из других стран, находятся в возрастных рамках от 18 до 23 лет. Осложнение адаптации в данном возрасте может наступать из-за параллельно протекающих нормативных и ненормативных кризисов личности. Также на уровень адаптивности студентов будут влиять индивидуально-психологические особенности, например, темперамент или некоторые черты характера. В зависимости от специфики культуры одни черты будут способствовать налаживанию контакта с местными жителями, а другие препятствовать.

2. Мотивация, ожидания и жизненный опыт индивида. Немаловажное значение имеет готовность студентов к переменам. Иностранцы в большинстве случаев восприимчивы к изменениям, так как обладают мотивацией к адаптации. Так, мотивы пребывания за границей иностранных студентов достаточно четко ориентированы на цель — получение диплома, который может обеспечить им карьеру и престиж на родине.

На успешную адаптацию студентов будет влиять не только актуальная помощь, оказываемая хозяевами страны, но и обладание знаниями о культуре, к которой адаптируется иностранец. Также важно знание языка, но даже при наличии некоторых сложностей с изучением иностранного языка на родине иностранные студенты, приезжая в другую страну, получают возможность для эффективного и быстрого выучивания необходимого языка. Это происходит, потому что иностранцы погружаются в новую культуру, с ее особенностям и традициями. Они не просто заучивают новые слова, а подкрепляют их образами, взаимодействуя с новой для них культурной средой. Знание языка помогает избежать потери контроля над жизненной ситуацией и быстрее наладить общение с местными жителями.

Так как общемировой процесс глобализации увеличивает темпы интеграции в образовании, что ведет к активному международному обмену студентами, вопрос о способе адаптации студентов встает наиболее остро. На наш взгляд, необходимо оказание помощи при освоении в новом социокультурном пространстве, прежде всего, с помощью содействия местных студентов, формируя программы социально-психологического сопровождения и реализуя их. Это позволит снизить уровень дискомфорта от пребывания в другой стране, повы-

сдать возможности для успешного обучения и дальнейшей самореализации иностранных студентов.

Литература

1. Азиатско-Тихоокеанская региональная конвенция о признании квалификаций в области высшего образования. URL: <http://www.russianenic.ru/int/unesco/tmp818.pdf>
2. Ассоциация азиатских университетов. URL: http://www.asu.ru/inter_change/aa
3. Минские договоренности. URL: <http://www.asu.ru/news/13924>
4. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. Учебник для вузов. М., 2009.

Л.Г. Коваленко

Проблема взаимодействия России с трансграничными территориями в новой геополитической ситуации

В XXI веке вновь актуализировалась проблема Запад — Восток, особенно для России, стремящейся укрепить свой суверенитет и роль в новых условиях. Это важно с точки зрения и экономической, и политической, поэтому активно обсуждается вопрос: Россия — европейская страна или азиатская, какие трансграничные регионы ей ближе, и какие формы взаимодействия с ними эффективны. В рамках обозначенной задачи определимся с понятием «регион». Экономисты важнейшим атрибутом региона считают осознание общности региональных интересов. Регион рассматривается как некая единица, реагирующая на изменения условий, воздействующих на экономический рост и благосостояние. Также термин «регион» используется для обозначения территорий, охватывающих несколько государств или административно-территориальных единиц соседних государств, например, регион Балтийского моря, регион Большого Алтая. Серьезные исследования по проблеме проводятся в различных областях науки — географии, юриспруденции, философии, истории, геополитики, что подчеркивает многогранность объекта изучения. Эта проблема нашла отражение и в политической мысли России в конце XIX — начале XX в. [1, с. 50].

В современной науке Восток, Запад и Россия воспринимаются как важнейшие социокультурные образования в процессе исторического развития. Вообще, сегодня понятия «Восток» и «Запад» не имеют четко определенного смысла. Чаще под Востоком понимают Азию, а под Западом — Европу и Северную Америку. Различия достаточно условны, прежде всего подчеркиваются культурологические. Каждое из этих социокультурных и геополитических образований имеет свои особенности, которые определяют и региональные взаимодействия. В

региональном сотрудничестве азиатские страны, в отличие от участников европейской интеграции, не идут на уступки в вопросах суверенитета, что определяется спецификой отношений между государством и обществом. В этой организации хозяйственного регулирования нет места органу, подобному Европейской комиссии, который генерировал бы идею от лица всего региона [2, с. 192–193].

Особо в плане регионального взаимодействия следует выделить Китай, который склонен к сотрудничеству с Западом в силу успешного экономического развития, притока иностранных инвестиций. Для России Китай — глобальный региональный сосед, и это необходимо учитывать в своей стратегии. Китай смотрит на стратегическое партнерство с РФ как на часть политики, призванной создать благоприятную внешнюю среду для модернизации страны, обеспечения ее энергетическими и сырьевыми ресурсами. Но сценарии этого сотрудничества могут быть разные. Д. Тренин называет следующие: крайний — Россия вассал, младший брат Китая; приоритетное развитие Дальнего Востока и Сибири с привлечением частных капиталов; формирование системы двухсторонних взаимозависимостей в различных сферах; более широкая интернационализация развития восточных регионов России [3, с. 212]. Таким образом, региональный аспект российско-китайского сотрудничества связан с положением на Дальнем Востоке и взаимодействием России и Китая в Центральной и Восточной Азии.

Имея свои интересы в Центральной Азии, обе стороны заинтересованы в стабильности этого региона и безопасности, а также стремлении не допустить милитаризацию Японии, предотвратить распространение исламского фундаментализма [3, с. 214]. Китайские эксперты еще в 90-е гг. подчеркивали выгоду для обеих сторон «стратегического партнерства», трактуя его не как союз (50-е гг. между КНР и СССР) и не как альянс, направленный против третьей стороны, а как «акт взаимного усиления и самозащиты», то есть российско-китайское партнерство в XXI в. окажет «стабилизирующее и позитивное влияние на многополярный мир, но Россия неизбежно должна в экономическом развитии сместиться с Запада на Восток». Только сотрудничая со странами Северо-Восточной Азии, Россия может превратить свои восточные регионы в экономически развитые территории [3, с. 210]. Данный тезис подчеркивает, что КНР для России — единственный реальный выбор для кооперации в Азии, а для Китая это сотрудничество способно лишь дополнить взаимодействие КНР с Западом. В Азиатском регионе есть и другие крупные игроки — Индия, Монголия, Южная Корея, готовые к экономическому и научно-техническому сотрудничеству с РФ.

Но Россия позиционирует себя прежде всего как европейская держава, что вызывает дискуссии среди ученых. В зависимости от ситуации в Европе и России государственные деятели и интеллектуалы по-разному отвечают на вопрос: является ли Россия частью европейской цивилизации или это азиатская страна? [4, с. 113]. Некоторые считают, что вестернизация не означает европеизации. Если совсем недавно можно было говорить о России как о стране безусловно европейской, но столь же несомненно не западной, то в будущем есть возможность стать западной, но при этом не европейской, то есть Россия будет развиваться рядом с Европой, а не в ее составе при условии успешного экономического и технического развития, если это не произойдет, то возможно превращение в Евро-Китай, предположительно часть войдет в орбиту влияния Европы, другая — Китая. Но это крайний сценарий (возможно, на уровне мифа) [5, с. 17]. При этом следует уточнить понятие «Запад», оно изменчиво. После окончания Холодной войны Запад изменился и физически, и качественно, можно говорить о становлении нового Запада. В физическом отношении Запад как географическое и политическое пространство увеличился благодаря расширению НАТО и ЕС. К числу качественных следует отнести модификацию структуры Запада в результате углубления европейской интеграции, становления новых трансатлантических отношений, между США и ЕС устанавливается своего рода паритет. Новый Запад можно рассматривать как сообщество консолидированных демократий, пространство зрелых рыночных отношений, международное общество граждан. Это также культурный феномен европейского происхождения, включающий государства Европы, Северной Америки, Австралию и Новую Зеландию.

Россия — за пределами Нового Запада, а современная ситуация делает невозможной интеграцию в это сообщество [6, с. 17–18], оставляя ее отдельно стоящим игроком на международной арене. Тем не менее, существует взаимозависимость. России необходимы технологии и наука для модернизации экономики, которые она может найти лишь на Западе. Поэтому насущная потребность в смягчении напряженности между Россией и Западом, создании у себя благоприятного инвестиционного климата, а для этого следует снизить уровень коррупции, бюрократизма, обеспечить независимость суда, эффективную защиту прав собственности; создать благоприятную международную обстановку у своих границ. Сближение норм сделало бы естественным взаимодействие, появление новых связей в треугольнике Россия — регион — Евросоюз. В этом случае Россию бессмысленно игнорировать, оставляя за рамками кооперативных форматов. То есть, никакого продвижения в

направлении так называемых общих пространств в экономической, культурной областях, в сферах внешней безопасности и внутренних дел не происходит, в этом плане показательны замораживание вопроса о безвизовом режиме и в настоящее время система санкций [7, с. 123, 143]. Кооперацию по проблемам региональной стабильности сдерживает борьба за влияние на страны ЦВЕ и СНГ: некоторые находятся в поле притяжения одновременно России и ЕС, пересекаются интересы РФ и США (ЦА и ЮК). Можно предположить, что для ЕС Россия — проблема и потенциальный ресурс. Проблема в экономической и социально-политической отсталости РФ, а это единственный крупный сосед ЕС на востоке. Таким образом, если Россия будет стремиться к доминированию в ближнем зарубежье, это приведет ее к столкновению с Евросоюзом, который провозгласил курс на «европеизацию» стран постсоветского пространства. С другой стороны, если ЕС захочет играть роль глобального политического игрока, РФ с ее ресурсами может стать ценным партнером в возрастающей конкуренции мировых «центров силы».

В этой сложной и противоречивой системе региональных отношений возможны следующие формы взаимодействия: экономические; политические; безопасность; гуманитарные вопросы. Таким образом, для России сотрудничество с Западом — важный внешний ресурс, который должен стимулировать внутреннее развитие. Наряду с Европой и Америкой Россия может стать «третьей отдельно стоящей опорой Запада». И, наконец, определится ее политическое место в мире как страны, расположенной между Европой и Америкой в полном соответствии с российской географией [6, с. 19–20]. Но эти формы взаимодействия под вопросом в силу геополитических причин. Следует отметить события 2013–2014 гг. которые показывают, что взаимодействие с ЕС не складывается, поскольку и сама Россия не готова поступиться суверенными правами.

Как уже отмечалось, подъем Азии может оказать фундаментальное воздействие на Россию, так как в Азии находится $\frac{3}{4}$ ее территории, а четкой стратегической линии на азиатском направлении нет, длительное отсутствие такой стратегии чревато превращением России из субъекта региональной политики в объект, что трагично для страны, поскольку Азиатско-тихоокеанский регион представляет главную стратегическую площадку XXI века. И, несмотря на это, у России нет системы союзников и альянсов, на которые она могла бы положиться, «агентов», чьими руками могла бы реализовать свои интересы, а имеющиеся объединения — СНГ, ОДКБ, Таможенный Союз скорее дают повод беспокоиться за их устойчивость, чем обеспечивают дополнительные гарантии [8, с. 75].

Что же затрудняет эффективную переориентацию России? Можно выделить следующие факторы: $\frac{3}{4}$ населения живут в европейской части, за Уралом гораздо меньше; ментально Россия более европейская страна, чем СССР; психологическая тяга российской элиты в сторону Европы велика (ориентация на европейский стандарт жизни, образования, потребления). Совершенно новым регионом взаимодействия для России стало постсоветское пространство, на котором появились новые субъекты — независимые государства. И сегодня актуален вопрос — сохраняется ли это пространство как целостный политико-географический регион, представляют ли страны на этом пространстве некую общность, и каковы перспективы развития и формы взаимодействия.

Определились две позиции по проблеме:

1. Постсоветского пространства больше нет, так как новые государства очень различны в социально-экономическом и политическом плане, внешнеполитических целях и ориентации. Особенно ярко эта разность стала проявляться к началу XXI в. Ряд стран выбрали политику «качелей», другие — сохранили военно-политические связи, начали деградировать институты регионального сотрудничества СНГ, стали превалировать двусторонние встречи лидеров. Но успех был небольшой. Для сохранения постсоветского пространства как целостного региона у РФ нет привлекательного проекта. Также слабы коммуникационные связи между странами, нет потоков размещения капиталов, товаров, рабочей силы, отсутствие регулярного транспортного сообщения — все это значительно ослабляет целостность обозначенного пространства.

2. Возрос интерес к России стран постсоветского пространства как к донору по оказанию помощи финансовой и экономической. И Москва снова заявила о себе как консолидирующей силе, предпринимающей усилия для интеграции. Возродился интерес к проектам Таможенного союза, Евразийского экономического союза, продлены сроки присутствия российских военных баз в Киргизии, Армении, то есть определенные механизмы и факторы, удерживающие регион от полной фрагментации, еще есть: безвизовый режим; взаимное признание дипломов об образовании; использование русского языка как средства межгосударственного общения на официальном уровне; присутствие российского телевидения в информационном пространстве. В экономике — зависимость от РФ; Россия — страна притяжения для трудовой миграции из Центральной Азии и Южного Кавказа; место выгодного размещения капиталов национальных элит [9, с. 7–10].

Таким образом, разные точки зрения относительно состояния постсоветского пространства отражают сложность протекающих процессов: с одной стороны, стремление дистанцироваться от прежнего центра, с другой — сохраняются некоторые общие черты развития, которые как-то обеспечивают взаимодействия в рамках этого региона. Хотя реальность свидетельствует, что большинство стран СНГ отдалились не только от России, но и друг от друга, фактически усиливается дезинтеграция некогда единого пространства. Этот процесс закономерен [10, с. 101]. Тем не менее, следует подчеркнуть, что Россия продолжает играть ведущую экономическую роль для новых государств как основной поставщик энергоресурсов, также это емкий рынок товаров, инвестиций, фактор безопасности соседей, основной «держатель региональных балансов» в ЦА, на Каспии, Кавказе. Русский язык — язык бизнеса, общения на постсоветском пространстве. Современные события показывают, что РФ предстоит строить отношения с этими государствами преимущественно в рамках индивидуального подхода на основе реальных интересов сторон, проявляя больший прагматизм для страны (с точки зрения государственных интересов и национальной безопасности).

При этом необходимо отказаться от патернализма, от понятий «дальнее» и «ближнее» зарубежье; сосредоточиться на создании благоприятных условий для реальной экономической интеграции с Казахстаном, Белоруссией, Арменией, Киргизией, формировать отраслевые альянсы по интересам, в том числе «газовую ОПЕК» с Туркменией, Казахстаном, возможно Азербайджаном; ориентировать ОДКБ на противодействие новым угрозам — терроризму, религиозному экстремизму, незаконному обороту наркотиков, оружия, торговли людьми. Трансформировать СНГ как организацию государств в форум по гуманитарным, образовательным, информационным и культурным вопросам, сохранив его как площадку для регулярных саммитов. Итак, обновленная модель поведения России в СНГ состоит в сочетании общенациональных устремлений с активизацией двухсторонних связей.

Таким образом, следует подчеркнуть, что в начале XXI в. произошли очень важные для России геополитические изменения, которые определяют ее политику. Для успешного выполнения своих функций российское государство должно развивать взаимодействия с Западом, Востоком и на постсоветском пространстве. Между РФ и Западом сформировался двойной буферный пояс из бывших соцстран (ЦВЕ) и бывших республик СССР, отдельные элементы внешней периферии все больше попадают в зону влияния США, Германии, Турции, Ирана (Украина, Грузия, Азербайджан, Средняя Азия). Свертывание влияния

России в исламских странах (Центрально-Азиатский регион) может обернуться против нее (в РФ около 25 млн мусульман), но ответственность лежит на России как геополитическом центре региона. Переориентация на более тесное сотрудничество со странами Азиатско-Тихоокеанского региона необходима для России в экономическом, политическом и военно-стратегическом плане.

Формы взаимодействия могут быть достаточно разнообразными: совместные экономические проекты, военное сотрудничество с целью обеспечения безопасности, сотрудничество в сфере образования, культуры (на примере Алтайского края можно рассмотреть некоторые такие формы). Но многое будет зависеть от России, ее позиции, борьбы с коррупцией, условий развития приграничных территорий (Дальний Восток и Сибирь), законодательства, которое обеспечивает право собственности. Во взаимодействии с Западом после введения санкций относительно РФ основным механизмом является дипломатия. Механизмами обновления и развития сотрудничества государств на постсоветском пространстве могут быть социально-политические институты, созданные политической элитой и гражданами государств-субъектов этого пространства. Возможны аналоги Европарламента (попытка с Белоруссией представляется неудачной), Евросуда, Общества дружбы народов, организация творческих выставок, встреч, развитие туризма и организация экскурсий (доступных широкому кругу людей) в соседние приграничные регионы, научно-техническое сотрудничество, обеспечивающее развитие экономического пространства приграничных регионов.

Важным является формирование информационного пространства, поскольку информационные технологии позволяют влиять на сознание и поведение людей. Но для успешного взаимодействия с различными геополитическими партнерами России необходимо создать очень привлекательный имидж, а эта задача в настоящее время сложна, в связи с событиями в Украине. Опровергнуть имидж «страны-агрессора», сформированный с подачи США и растиражированный Европой, очень важно. Как? Вопрос для автора открытый. Но в любом случае — это должно быть экономическое развитие страны, выполнение со стороны государства социальных программ, создание благоприятных условий жизни для граждан; усиление реальной борьбы с коррупцией, что значительно повысит уровень доверия граждан к власти; создание благоприятного инвестиционного климата.

Литература

1. Клемешев А.П. Регион в условиях глобализации // Вестник ВГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2009. № 2.
2. Стрежнева М. Международные общества хозяйствующих субъектов // Pro et Contra. Т. 7. № 4.
3. Рецензии // Pro et Contra. 2001. Т. 6. № 1–2.
4. Томас Грэм. Россия и остальной мир // Pro et Contra. 2010. № 4–5.
5. Тренин Д. Россия и конец Евразии // Pro et Contra. 2005. № 1.
6. Тренин Д. Идентичность и интеграция: Россия и Запад в XXI веке // Pro et Contra. 2004. Т. 8. № 3.
7. Мошес А. Россия и новая «промежуточная Европа» // Pro et Contra. 2010. № 4–5.
8. Лукьянов Ф. Европа, которую мы еще не видели // Pro et Contra. 2012. № 1–2.
9. Рябов А. Распадающаяся общность или целостный регион? // Pro et Contra. 2011. № 3–4.
10. Шишков Ю. Россия и СНГ: неудавшийся брак по расчету // Pro et Contra. Т. 6. № 1–2.

С.В. Козлов

***Историческая память как компонент
региональной идентичности
(на примере постсоветской Украины)***

Прошлое является важнейшим ресурсом, который активно используется в современной политике. Это связано, прежде всего, с тем, что особенности массовых представлений о прошлом оказывают непосредственное воздействие на актуальное социальное поведение. В рамках исследований исторической памяти последняя предстает не как акт индивидуального воспоминания, а как результат влияния социальной среды. Особый акцент делается на то, что прошлое конструируется под преобладающим воздействием агентов исторической политики [см.: 1; 2]. Пьер Нора показал, что в настоящее время доминирует искусственно сконструированная историческая память [см.: 3]. Пример постсоветской Украины в этом контексте является весьма характерным.

Настоящая статья посвящена рассмотрению основных механизмов конструирования исторической памяти постсоветской Украины и выявлению причин существенного расхождения вариантов исторической памяти, свойственных основным украинским макрорегионам. Таковых можно выделить три: Запад, Юго-Восток и Центр. В этой перспективе

можно говорить о трех идеально-типических вариантах исторической памяти, свойственных каждому из них.

На момент распада Советского Союза и образования независимого украинского государства региональные различия в представлениях о прошлом — особенно между городами Юго-Востока и Центра — не были столь разительными, как ныне. Доминирующей в них была над-этническая городская русскоязычная культура, историческая память в которой формируется преимущественно под воздействием исторической политики, реализуемой посредством массового образования и массовой культуры. Семейные и личные биографии при этом оказывались вписанными в широкий контекст развития страны и воспринимались через него.

За минувшие с момента распада СССР десятилетия ситуация с исторической памятью на Украине сильно изменилась. Это было связано с тем, что население разных макрорегионов по-разному восприняло историческую политику, осуществлявшуюся украинским правительством на протяжении всего периода существования независимого украинского государства. Начало реализации этой политики было вызвано обрушением советских символических структур и необходимостью конструирования новой идентичности, а также «изобретения традиций», вокруг которых бы эта идентичность выстраивалась.

Историческая политика, направленная на трансформацию исторической памяти, начала осуществляться с первых месяцев независимости. Национальная концепция истории транслировалась на общество через систему школьного образования, прессу, кинематограф, массовую литературу, государственные праздники и коммеморации. На это было ориентировано создание инфраструктуры мемориальной политики: музеев, памятников, института национальной памяти. Своего апогея политика памяти достигла в период президентства В. Ющенко, когда она была положена в основу идеологии режима.

В целом можно говорить о том, что в период независимости Украины историческая политика превратилась в инструмент достижения политических целей. Историческая политика была направлена на внушение населению нового образа прошлого, из которого бы с необходимостью вытекали легитимные представления о настоящем и проект будущего.

Как и на большей части постсоветского пространства, на Украине активное меньшинство попыталось навязать свое видение ситуации инертному большинству. Однако успешность осуществляемой индоктринации в украинском случае сильно варьировалась в зависимости от социально-географических и демографических характеристик аудитории, поскольку механизмы функционирования коллективной памяти

могли как способствовать, так и препятствовать подобной индоктринации. Остановимся на механизмах трансформации исторической памяти основных украинских макрорегионов подробнее.

Эти механизмы позволяет объяснить предложенная Алейдой Ассман концепция трех измерений памяти: нейронного, социального и культурного. Носителем нейронной памяти выступает мозг индивида, а ее содержанием — преимущественно индивидуальные воспоминания. Социальная память представляет собой социальную конструкцию, формирующуюся и поддерживающуюся благодаря межличностным контактам и речевому общению. И, наконец, носителем культурной памяти выступают культурные объективации в виде символов, артефактов, медиаторов, практик и их институций [см.: 1, с. 29–34].

Особое место в теоретических построениях А. Ассман занимает политическая память. «Там, где история находится на службе формирования идентичности, где история осваивается гражданами, где к ней апеллируют политики, там можно говорить о “политической” или “национальной” памяти» [1, с. 35]. В отличие социальной памяти, которая является памятью «снизу», политическая память закрепляется политическими институтами и воздействует на общество сверху.

Социальная память, имеющая коммуникативную природу и разделяемая представителями того или иного сообщества, способна блокировать осуществляемую государством индоктринацию и создать отличный от официального образ коллективного прошлого. Ярким примером такого альтернативного государственному конструирования прошлого является традиционная сельская культура с доминирующей в ней семейной и локальной памятью. В частности, именно социальная память участвовавших в сопротивлении Советской власти на Западной Украине обеспечила сохранение тех символических ресурсов, которые возникли в период борьбы галичан против нацистской Германии и Советского Союза за защиту не столько национальной независимости, сколько общинного пространства от бездушных государственных машин. Сохранение и воспроизводство названной системы мифов в социальной памяти жителей сельской местности и небольших городов Западной Украины привели к тому, что индоктринирующее воздействие советской культуры оказалось если не элиминировано, то в значительной степени ослаблено в силу того, что советские мифы, тиражируемые массмедиа и массовым образомованием, не соответствовали представлением этой группы о себе.

Все это обусловило тот факт, что устанавливаемая украинскими властями в период независимости система исторических мифов оказалась воспринята в первую очередь в западном макрорегионе. Уже в начале 1990-х гг. на западе Украины была произведена «легализация

национальной символики, переименование улиц в честь национальных героев, построение памятников и восстановление могил павших за независимую Украину в годы Второй мировой войны“» [4, с. 223]. Семейная и локальная память жителей западного макрорегиона оказалась вмонтирована в новую политическую память учреждаемой украинской нации, поскольку знаковые персонажи сопротивления (например, С. Бандера и Р. Шухевич) вошли и в новый национальный пантеон, а главной идеей общеукраинской истории была объявлена борьба за независимость от различных империй и, прежде всего, от российско-советской.

Наиболее масштабные и радикальные изменения исторической памяти произошли в постсоветский период в центральном макрорегионе. К моменту провозглашения независимости Украина, по сути, не имела собственной национальной истории, отдельной от истории Советского Союза. Обвал советских символических структур означал делегитимацию того образа прошлого, который тиражировался Советским государством. Можно сказать, что украинская идентичность осталась без символического наполнения, став той рамкой, которую только предстояло наполнить содержанием. Недаром в 1993 г. первый президент Украины Л. Кравчук высказывал сожаление, что у «украинского народа нет своей истории» [цит. по: 5, с. 53]. Украинцам предстояло как бы заново открыть для себя историю своей страны. И доступной оказалась единственная версия этой истории, имевшая постимперский (а часто и акцентировано антироссийский) характер в силу, прежде всего того обстоятельства, что логика конструирования национализирующегося государства [подробнее см.: 6] предопределила максимальное дистанцирование — и политическое, и символическое — от бывшего центра. Основными социальными группами, чья историческая память в наибольшей степени оказалась подвержена индоктринации новыми националистическими мифологемами, стали: 1) сами интеллектуалы, вовлеченные в процесс символического производства; 2) украинская массовая интеллигенция (прежде всего представители творческих профессий) и средний класс; 3) представители молодого поколения.

Однако символические ресурсы, которыми располагали центральные власти, оказались недостаточными для полной унификации культурного пространства и исторической памяти всех граждан Украины. Пост-колониальный дискурс, радикально порывавший с советской исторической памятью, не встретил понимания со стороны многих украинцев, особенно на Юго-Востоке страны. Для населения индустриализированных городов этого макрорегиона новые исторические мифы оказались неприемлемыми. Историческая память индустриаль-

ного Востока была сформирована под влиянием советской исторической мифологии. Отметим в этой связи, что чем более население подвергалось воздействию советских модернизационных практик, тем сильнее оказывалось влияние искусственно сформированной исторической памяти. А советский модернизационный проект, связанный с формированием индустриальной инфраструктуры и промышленного типа занятости, был географически локализован преимущественно на востоке Украины.

Описанная выше ситуация, свойственная Галиции в советский период, когда социальная память блокирует создание национальной памяти, в постсоветский период повторилась на Юго-Востоке Украины.

Среди факторов, обусловивших это обстоятельство, следует назвать, прежде всего, то, что значительная часть населения Юго-Востока была не только русскоязычной, но и русскокультурной. Если в Советском Союзе они не воспринимались как «Другие», то в независимой Украине они превратились в меньшинство, испытывающее дискомфорт по поводу резкого снижения официального статуса русской культуры и русского языка. Нападки со стороны интеллектуалов Центра и Запада на «имперское прошлое», которое воспринималось жителями Юго-Востока как свое, вызывали у последних отторжение. Их представления о прошлом, значимой частью которых были, в частности, успехи в индустриализации и победа в Великой Отечественной войне, обуславливали их гордость за своих предков, которые жили в «единой великой стране». Для Юго-Востока история России — это история братского народа или даже общая история.

Таким образом, за годы независимости в постсоветской Украине под влиянием ряда факторов социально-психологического и культурного порядка сформировалось два идеально-типических варианта исторической памяти. Первый — западно-украинский — присущ западному и центральному макрорегионам. Некоторые различия между этими регионами связаны с тем, что для запада Украины в национальную историю оказалась вмонтирована и семейная. Историческая память жителей городов Центра этих фрагментов лишена. Она была сконструирована различными агентами исторической политики и целиком определяется официальной мифологизированной украиноцентричной версией истории. Второй вариант — восточно-украинский — свойственен Юго-Востоку. Отсутствие общих представлений о прошлом и раскол исторической памяти оказывали и будут оказывать влияние на динамику политических процессов на Украине. Этот раскол является одной из главных проблем формирования украинской государственности, которое должно быть обеспечено легитимирующими это государство историческими нарративами. Однако попытки

навязать эти нарративы будут блокироваться механизмами социальной памяти, воспроизводящими отличную от навязываемой историческую мифологию.

Литература

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М., 2014.
2. Копосов Н. Память старого режима: история и политика в России. М., 2011.
3. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб., 1999. С. 17–50.
4. Гриневич В. Расколотая память: Вторая мировая война в историческом сознании украинского общества // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 218–227.
5. Томайчук Л.В. Мифологизация истории как инструмент конструирования национальной идентичности на современной Украине и в Беларуси // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. № 3. С. 52–55.
6. Миллер А.И. Украина как национализирующееся государство // Pro et Contra. Т. 2. 1997. № 2. С. 85–98.

Н.С. Малышева

Рурская область как «пилотный регион» европейского сотрудничества: проблема управления Руром после Второй мировой войны

Рурский регион, расположенный на западе Германии недалеко от границ с Бельгией и Нидерландами, еще несколько десятилетий назад имел важнейшее значение для экономики Западной Европы. Накануне Второй мировой войны здесь обосновались штаб-квартиры и производство крупных стальных концернов «Тиссен», «Крупп», «Маннессманн» и других; поставки из Рура обеспечивали Европу одной третью всей выплавляемой стали и добываемого угля. Во время войны заводы Рура обеспечивали военно-промышленную мощь фашистской Германии, поставляя немецкой армии все виды оружия. Таким образом, контроль на Рурской областью означал и контроль над военно-промышленным комплексом Германии, поэтому неудивительно, что после победы возник вопрос не только о ликвидации германских концернов, но и об исключении права Германии управлять этим регионом. В то время как два других горнодобывающих региона Германии — Саар и Эльзас-Лотарингия были включены в оккупационную зону под

управлением Франции, решение вопроса о Руре потребовало участия трех западных союзников.

Поиск оптимальной формы управления Руром занял немало времени. Насущная потребность в преодолении послевоенного топливно-го кризиса в Западной Европе требовала неотложных мер со стороны оккупационных властей. Учитывая значимость Рурской области в обеспечении топливом большинства стран Западной Европы, распределение поставок угля было возложено на созданную в 1945 г. Европейскую угольную организацию, подконтрольную ООН. Однако большая часть запасов по-прежнему находилась под контролем британской администрации, в оккупационной зоне которой располагалась Рурская область. В июне 1945 года англичане создали Северогерманский контроль угля для надзора добычи угля в своей зоне, а в декабре конфисковали все угольные шахты. В сентябре Рейн-Вестфальский угольный синдикат, ранее сбывавший большую часть угля Рура, был заменен Северогерманской угольной компанией, подчиненной британскому Верховному комиссару [1, pp. 48–49]. Сталелитейное производство и черная металлургия управлялись администрацией, состоявшей из немцев (безусловно, при контроле со стороны оккупационных властей) несколько дольше — до августа 1946 года, после чего все заводы и фабрики были изъяты у своих прежних владельцев и переданы под управление Северогерманского контрольного органа по металлам и стали.

Односторонний подход Великобритании к управлению Руром довольно скоро показал свою неэффективность. Существенной проблемой для британской экономики стали возрастающие оккупационные затраты. Это вынуждало британские оккупационные власти не только отказаться от жестких ограничений на выпуск стали рурскими предприятиями, но и задуматься о восстановлении экономических связей региона. В апреле 1946 г. Британия выступила с инициативой нового управления Руром. Во-первых, довоенное разделение Рура предлагалось отменить путем образования новой земли под названием «Северная Рейн-Вестфалия». Во-вторых, угольные, стальные и машиностроительные компании в этой земле должны быть национализированы, а затем переданы под международный контроль. Предполагалось, что часть прибыли этих компаний можно будет использовать для создания счета по финансированию восстановления экономики Европы [2].

Наибольшую поддержку идее установления международного контроля над Руром выражало правительство Франции, заинтересованной как в поставках угля, так и в получении гарантий ненападения со стороны Германии в будущем. Поскольку Рурская область была включена

в британскую зону оккупации, и французское руководство не имело возможности напрямую управлять Руром, Франция как никто другой настаивала на введении международного контроля над этим регионом. В свою очередь, британские оккупационные власти не были склонны прислушиваться к настойчивым просьбам Франции, полагая, что в германском вопросе та исходит из эгоистических побуждений и не учитывает плачевное состояние дел в послевоенной экономике Германии. К тому же, после слияния в начале 1947 года двух оккупационных зон, британской и американской, в Бизонию, идея международного контроля над Руром была отклонена США [3, р. 219]. В последующий после создания Бизонии год англо-американские оккупационные власти предпринимали попытки предотвратить разорение промышленных предприятий Рура. К примеру, уже в 1947 г. была возобновлена деятельность компании «Дойче Колен-Феркауф» (Deutscher Kohlen-Verkauf), занимавшейся поставками угля из Рура с 1893 года.

Возражения французского правительства, настаивавшего на установлении международного контроля над промышленным производством и поставками из Рура, в действительности были вызваны обеспокоенностью исключения французского представителя из решения рурского вопроса. Ситуация вновь обострилась в начале 1949 г., накануне оформления западногерманского государства. Неоднократно французское правительство настаивало на том, что будущее правительство Западной Германии не должно иметь права распоряжаться Руром. После непростых дипломатических переговоров, в апреле 1949 г. Франция, Великобритания, США и страны Бенилюкс договорились о создании Международного контрольного органа по Руру. Международный орган должен был совместно с Организацией европейского экономического сотрудничества координировать объемы производства угля и стали, обеспечить доступ западноевропейских государств к углю, коксу и стали из Рура, а также гарантировать то, что его промышленность никогда не будет использована в военных целях. В том числе, предусматривалось регулирование цен, таможенных тарифов, квот производства и вывоза [4]. Поскольку экспорт послевоенной Германии в основном и состоял из этой продукции, Международный орган давал возможность сохранять контроль над состоянием экономики в целом.

Казалось бы, введение многостороннего управления важнейшим промышленным регионом Западной Европы должно было разрешить проблему франко-германских отношений и безопасности. В действительности, и ФРГ, и Франция остались недовольны предложенным форматом. Германию не устраивал неравноправный статус при голосовании в Совете Международного органа по Руру. При принятии ре-

шений оккупационные власти и Германия (представляемая британским Верховным комиссаром) обладали тремя голосами, страны Бенилюкс — по одному голосу. Решение считалось принятым при наличии восьми голосов «за». С декабря 1949 г., после подписания Петербургских соглашений, отменивших взимание репараций, в Совете появился германский представитель. Но и после этого правительство ФРГ во главе с канцлером К. Аденауэром продолжало упрекать Международный орган в «антигерманском подходе» [5, р. 117]. Недовольна деятельностью Международного органа была и Франция, поскольку при голосовании сталкивалась с англо-американской коалицией. С другой стороны, отказаться от международного управления Руrom тоже было неразумным шагом, так как это лишало Францию возможности контроля над промышленным развитием ФРГ.

В начале 1950 г. проблема Рура вновь возникла в повестке дня западных союзников. В условиях начавшейся войны в Корее правительство США намеревалось поставить вопрос о возможном перевооружении Германии, необходимом для укрепления обороноспособности Западной Европы. Правительство Франции считало существенным для обеспечения национальной безопасности сохранение контроля над германской экономикой, а не его ослабление. Новым вариантом решения проблемы Рура стал проект создания общего рынка угля и стали, разработанный французским экономистом Ж. Монне в начале 1950 г. В отличие от Международного органа по Руру, будущая организация должна была охватить всю цепочку производителей металлургической и горнодобывающей отраслей. Угольная и сталелитейная промышленности обеих стран должны были перейти под контроль Высшего руководящего органа, имеющего наднациональный характер. На Высший наднациональный орган — по проекту Ж. Монне, единственный управляющий орган объединения — возлагались широкие полномочия: он должен был устанавливать размер заработной платы и условия труда работников угольной и сталелитейной промышленности, гарантировать сбыт продукции и обеспечивать расширение рынков. Кроме того, в его компетенцию должна была входить разработка и внедрение производственных программ, установление таможенных тарифов, предоставление кредитов предприятиям [6]. Хотя Высший наднациональный орган становился единственным источником исполнительной власти в Европейском объединении угля и стали и принцип декартелизации был соблюден, тем не менее национальные правительства стран-участниц по-прежнему могли устанавливать цены на уголь и сталь, а также определять регионы сбыта продукции.

Кроме того, ЕОУС имело несколько преимуществ по сравнению с Международным контрольным органом над Руром. Во-первых, власти ФРГ получали равный статус с другими участниками сообщества, поскольку тяжелая промышленность всех шести государств передавалась под наднациональный контроль Высшего органа. Во-вторых, под действие плана Шумана попадали не только предприятия Рура, но и угольные шахты Саара, переданные после войны в аренду Франции.

Подписание Договора о ЕОУС ликвидировало Международный орган по Руру; в мае 1952 г. он прекратил свою деятельность. Несмотря на то, что первый опыт совместного управления Руром был скорее отрицательным, стоит признать, что это позволило определить ключевых участников будущей интеграции. Так, попытка создать многосторонний механизм управления Рурской областью показала нецелесообразность доминирования здесь тех стран, которые непосредственно с Руром не граничили. Поиски нового варианта взаимодействия Франции и ФРГ — без американского, и как выяснилось, без британского участия, привели к созданию более эффективных и совершенных рычагов управления западноевропейской промышленностью.

Литература

1. Watt D. Britain Looks to Germany: British Opinion and Policy toward Germany since 1945. L., 1965.
2. Diebold W. The Choice in the Ruhr // Foreign Affairs. Vol. 27, No. 1 (Oct., 1948).
3. Killick J. The United States and European Reconstruction. Chicago: Fitzroy Dearborn Publishers, 1997.
4. Agreement for an International Authority or the Ruhr (London, 28 April, 1949). URL: <http://www.cvce.eu>
5. Gillingham J. Coal, Steel and Rebirth of Europe, 1945–1955: The Germans and French from Ruhr Conflict to Economic Community. N.Y., 1991.
6. Декларация Шумана от 9 мая 1950 г. URL: http://europa.eu/abc/symbols/9-may/decl_en.htm.

Ж. Молдагазинова

История развития речного пароходства в Восточном Казахстане (XIX–XX вв.)

В район Верхнего Прииртышья в XVIII в. входили территории современных Восточно-Казахстанской и Павлодарской областей Республики Казахстан и часть Омской области Российской Федерации [1, с. 28–29]. Освоение земель Прииртышья происходило по велению цар-

ского правительства. Петр I, прослушав доклад о золоте на р. Яркенд, приказал снарядить экспедицию в верховья Иртыша. Всего в район Верхнего Прииртышья направлялись несколько экспедиций. Двигаясь с низовья Иртыша к его верховью, русское казачество осваивало эти земли. На берегу Иртыша в начале XVIII века были основаны несколько крепостей — Ямышевская, Семипалатинская, Усть-Каменогорская и Коряковская (ныне — Павлодар) [2, с. 73].

Освоение нового региона было невозможно без организации судоходства на р. Иртыш. Однако холмистость территории Верхнего Иртыша создавала серьезные преграды для судов с парусной и весельной системой тяги. Только прорыв в технике речного транспорта, а именно использование речных кораблей с паровыми двигателями, позволил активизировать судоходство на Верхнем Иртыше.

В 1862 году в Семипалатинск пришел первый пароход. Его называли «Союз». Газета «Тобольские губернские вести» (№ 31) по данному поводу отмечала, что «явление это удивительное и польза очевидная. Пароход не останавливает ни ветер, ни течение воды. Ему нужен только фарватер» [3].

Дальнейшее развитие судоходства на реке Иртыш было связано с перевозками руды Англо-Французской концессией из Риддера в Зыряновск на пароходе «Зыряновский рудник» в 1899 году [3, л. а13].

В 1900 г. семипалатинские купцы П. Плещеев и П. Березницкий создали Товарищество «Верхне-Иртышское пароходство и торговли» с целью перевозки пассажиров и грузов по р. Иртыш. Создание пароходства поддержала администрация Томского округа путей сообщения, и с ее помощью был приобретен пароход «Святой ключ», который работал на Верхнем Иртыше до 50-х годов XX в., но уже под названием «Смычка» [4, с. 29]. С момента создания в г. Томск Западносибирского округа водных путей сообщения началось тщательное изучение и освоение Верхнего Иртыша на государственной основе.

В 1905 году Томский округ путей сообщения официально объявляет Верхний Иртыш судоходной рекой. С 1905 г. первый флот Министерства путей сообщения начал свою деятельность по освоению Иртыша [3, л. 13].

Победа февральской революции 1917 года дала толчок к образованию профсоюзов работников всех отраслей, в том числе и речников. По инициативе томских речников создается объединенный Союз судовых рабочих и служащих рек Западной Сибири. Союз принимал решения о введении рабочего контроля над судовладельцами, о повышении заработной платы и т.п. [2, с. 94].

8 февраля 1918 г. большевиками подписан Декрет о национализации флота. Проходила национализация в обстановке напряженной борьбы. Флот, пристани, судоремонтные предприятия вышли из частной собственности и стали государственными, обустроилось хозяйство речного транспорта. В этот период на Верхнем Иртыше создано районное управление водного транспорта (РУВТ). С 1919 г. РУВТ относилось к Западно-Сибирскому государственно-речному пароходству, вплоть до 1933 г. В 1931 г. в СССР происходила принудительная перестройка организационной структуры управления водным транспортом, образование Народного комиссариата водного транспорта СССР [5, л. 1].

Решением Совета Народных Комиссаров (СНК) СССР с 1 января 1933 г. образовано Верхне-Иртышское управление речного пароходства (ВИУРП) с центром в г. Семипалатинск [6, л. 2].

Целями деятельности ВИУРПа, согласно его уставу, утвержденному в 1933 году, являлись:

- выполнение государственных заказов и заключенных договоров по перевозкам грузов и выпуску промышленной продукции;
- освоение новых видов услуг и повышение культуры обслуживания населения;
- наиболее полное удовлетворение потребностей народного хозяйства и населения в перевозках средствами речного транспорта;
- обслуживание транспортных нужд народного хозяйства и развития судоходства в пределах верхней части Иртыша от Семипалатинска до Тополева-Мыса и нижней части от Семипалатинска до Алексеевского перевала [6, л. 2].

В рамках своей деятельности ВИУРП внимательно следило за состоянием судов, их технической готовностью к плаванию. Каждому пароходу выдавалось специальное судовое свидетельство с гербовой печатью пароходства и подписью его начальника [5, л. 1].

ВИУРПу выделялись значительные капиталовложения. Для сотрудников в Семипалатинске построены многоквартирные дома, поликлиника, клуб речников, больница [7, с. 63]. В первые годы деятельности верхне-иртышское пароходство испытывало значительные трудности, связанные с недостатком квалифицированных руководящих кадров, ведущих специалистов, командиров плавсостава. Для решения данной проблемы в 1930 г. в Семипалатинске создано специальное фабрично-заводское ученичество (ФЗУ), а в Омске — техникум водных путей сообщения. В этих городах стали готовить специалистов-судомехаников, рулевых, машинистов для плавсостава [2, с. 134].

В Семипалатинске и Павлодаре с 1909 г. строились мастерские по ремонту судов, в последующем, в 1930-х годах, на их основе образовывались большие судоремонтные заводы. Заводы выполняли не только текущий ремонт судов, но и делали крупные работы по капитальному и восстановительному ремонту судов и их модернизации. Затем на этой базе строились новые суда. В числе первых построенных заводом были два пассажирских парохода “Академик Мичурин” и “Циолковский” [8, с. 52].

Следующим этапом деятельности ВИУРПа являлся его вклад в дело разгрома фашисткой Германии. Многие работники пароходства ушли воевать. С другой стороны, немаловажны заслуги и тех речников, кто обеспечивал надёжный тыл. С началом военных действий во время Великой Отечественной войны в пароходстве был введен особый режим. Коллектив перешёл на военное время, схожее с армейским. Установлена единая форма одежды, похожая на форму военных моряков. Был разработан и утвержден дисциплинарный устав.

С первых дней войны Семипалатинский и Павлодарский судоремонтные заводы наладили выпуск корпусов снарядов для минометов, люди здесь работали напряженно и бесперебойно в течение всех четырех лет. Коллективы заводов собирали тёплые вещи, другие необходимые предметы и посылками отправляли их на фронт. В 1945 году война закончилась победой над фашизмом [5, л. 1].

После окончания Великой Отечественной войны в течение нескольких лет в ВИУРПе еще сохранялось ношение военной одежды. По-прежнему осуществлялось присвоение персональных воинских званий. Однако позже всё это стало постепенно отмирать. Восстанавливалось народное хозяйство, речной транспорт стал приходить в обычное состояние. Флот, пристани и промпредприятия стали работать в условиях мирного времени [9, л. 14].

В 1956 г. решением правительства СССР водные пути, находящиеся на территории Казахстана, были переданы под управление Казахской ССР. 1950-е годы для речников ВИУРПа выдались особо продуктивными, им довелось активно участвовать в широко развернувшихся строительных работах, заложенных в директивных планах СССР. В частности, на реке Иртыш началось строительство Усть-Каменогорской (1950 г.) и Бухтарминской (1953 г.) гидроэлектростанций (ГЭС) [6, л. 2]. Именно в 1950-е годы в Семипалатинске, Павлодаре и Усть-Каменогорске были построены современные пассажирские вокзалы с причалами.

Строительство ГЭС внесло коренное изменение в развитие прииртышского края. Восточно-Казахстанская область стала центром цвет-

ной металлургии СССР. Позднее, в 1988 г., на Шульбинской ГЭС был запущен первый гидроэлектроагрегат.

В 1990-е годы в связи с развалом СССР вся система судоходства на реке Иртыш пришла в упадок. Порты и пристани, где ранее сосредотачивался груз, речные вокзалы и судоремонтно-судостроительные предприятия приватизированы в частную собственность и используются не по назначению. Потерян транспортный флот и инфраструктура. Ушли руководящие кадры, специалисты. Речной транспорт остался без внимания и оказался невостребованным.

Исследования истории становления и развития речного пароходства в Верхнем Прииртышье выявили основные этапы развития жизни на Иртыше: становление (XIX в.), развитие (до конца XX в.) и упадок (конец XX — начало XXI вв.).

До конца XX века речной транспорт на Иртыше стремительно развивался и достигал рекордных показателей. Речной порт в народном хозяйстве был самостоятельной отраслью. Для ВИУРПа построены три комфортабельных речных вокзала, три судоремонтных — строительных завода. Коллектив ВИУРПа неоднократно удостоивался высокой оценки правительства СССР и Казахстана и был награжден орденом «Знак Почета».

В постсоветский период всего этого не стало. Специализированные речные причалы, порты, заводы по ремонту практически не функционируют. Возможно, в дальнейшем при разработке программ оптимизации транспортных путей найдутся финансы, кадры для возрождения пароходства на реке Иртыш [10, с. 72]. Ведь речной транспорт — это самый экономичный вид транспорта, река Иртыш должна оставаться главной туристической веткой Республики.

Литература

1. Гужвенко Ю.Н. Восточный Казахстан: этносоциальные отношения в 1990-е — начале 2000-х годов. М., 2009.
2. Зырянов И.С. Верхний Иртыш. Новосибирск, 2003.
3. КГУ «Центр документации новейшей истории» (в дальнейшем — КГУ «ЦДНИ»), ф. 1014, оп. 1, д. 154, л. 13.
4. Верещагин Н.А. Речники. От весеннего струга до судов на подводных крыльях. Семей, 2009.
5. КГУ «ЦДНИ», ф. 14, оп. 7, д. 8, л. 1.
6. КГУ «ЦДНИ», ф. 1014, оп. 4, д. 32, л. 2.
7. Верещагин Н.А. На Верхнем Иртыше. Усть-Каменогорск, 2006.
8. Якименко П.И. Путь длиною в сто лет. Семей, 2009.
9. КГУ «ЦДНИ», ф. 9, оп. 32, д. 16. л. 14.

10. Гужвенко Ю.Н. Восточный Казахстан: особенности имиджа региона // Дневник Алтайской школы политических исследований. № 24. Современная Россия и мир: альтернативы развития (роль российских регионов в формировании имиджа страны): материалы международной научно-практической конференции / Под ред. Ю.Г. Чернышова. Барнаул, 2008. С. 68–72.

О.Б. Молодов

***Интеграция России и государств Центральной Азии:
лингвистический аспект***

Центральная Азия (ЦА) или Центрально-Азиатский регион (ЦАР) географически представляет собой совокупность государств, ранее именовавшихся среднеазиатскими. В нее включаются территории современного Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. До 1991 г. они совпадали с границами одноименных советских республик в составе СССР.

Современная Россия, будучи трансконтинентальным государством, заинтересована в обеспечении устойчивого развития на евразийском континенте. Одним из условий для этого являются дружественные отношения с соседними странами. Согласно Концепции внешней политики РФ, Россия формирует пояс добрососедства по периметру своих границ и обеспечивает всестороннюю защиту прав и интересов российских граждан и соотечественников за рубежом. В основном упор делается на сотрудничество и стратегическое партнерство со странами-участниками Содружества Независимых Государств (СНГ), в том числе в рамках Евразийского экономического союза, Таможенного союза и ОДКБ.

Как представляется, динамика интеграции находится во взаимосвязи с этническими и языковыми процессами в ЦАР. В частности, русский язык признан официальным в государствах ЦА, имеющих значительную долю русскоязычного (в основном русского по национальности) населения, которая в настоящее время составляет в Казахстане 21,5%, в Кыргызстане — 6,5%. Именно они являются членами всех межгосударственных объединений наряду с Российской Федерацией. Наименьшую вовлеченность в интеграционные процессы демонстрируют Узбекистан, где около 2% русских, и Туркменистан (3,2%). Там русский язык законодательно признан языком межнационального общения, но его значение в сфере науки и образования невелико.

В Таджикистане, несмотря на норму статьи 2 Конституции 1994 г., закон «О государственном языке» № 553 от 5 октября 2009 г. первоначально не содержал указания на статус русского языка как языка межнационального общения. Однако, учитывая сложившуюся практику

большинства государственных органов вести делопроизводство на русском языке, 9 июня 2011 г. этот статус был возвращен [1].

Во всех странах ЦАР постепенное падение роли русского языка является общей тенденцией. Основной предпосылкой для этого стало снижение удельного веса русскоязычного населения, происходящее в течение всего постсоветского периода.

Находясь в границах СССР в качестве союзных республик, страны ЦА подвергались мощной русификации. Объективной предпосылкой усиления влияния русского языка было значительное число русскоязычных жителей, особенно в Казахстане и Киргизии. По результатам Всесоюзной переписи населения 1989 г., в Казахской ССР проживало 37,8% русских, в Киргизской ССР — 21,5%, в Таджикистане — 7,6%. Кроме того, русский язык оставался языком межнационального общения для представителей крупных национальных меньшинств Казахстана (немцев, составлявших 5,8% населения и украинцев — 5,5%), в меньшей степени — Киргизии (украинцев — 2,5%, немцев — 2,4%). В Таджикской ССР в основном проживали представители коренных народов: таджики (62,3%) и узбеки (23,5%) (табл. 1).

После распада СССР демографические и миграционные процессы в этих странах привели к значительным изменениям их национального состава. За 25 лет суверенитета в Казахстане резко сократилась доля славянского населения (русских и украинцев), немцев и татар — более чем на 4 млн чел. При этом численность казахов увеличилась на 4,7 млн жителей. Доля русских, составлявших в 1989 г. 38%, сократилась до 22% от общего числа жителей [2].

По данным статистики видно, что сходные процессы происходили в соседнем Кыргызстане, где представители титульной нации в настоящее время составляют три четверти населения республики [3]. Вместе с тем, доля русских, по нашим подсчетам, сократилась в 3 раза, украинцев — в 8 раз, немцев — в 12 раз, татар — в 31 раз [4, с. 96].

В Таджикистане число русских к 2010 году сократилось в 11 раз, а их доля составила всего 0,5%. Количество таджиков выросло более чем в два раза, а их доля вместе с узбеками (второй по численности нации) достигла 96,5% (табл. 1).

Таблица 1. Национальный состав населения Таджикистана по переписи населения 1989 г. и по оценке на 2010 год [5, с. 7]

Основные нации	Численность нации (млн чел.)		Доля представителей нации (%)		Динамика по сравнению с 1989 г.	
	1989	2010	1989	2010	число жителей	доля жителей

таджики	3,172	6,374	62,3	84,3	+ 3,202	+ 2,1 раза
узбеки	1,198	0,926	23,5	12,2	- 0,272	- 22,7%
русские	0,388	0,035	7,6	0,5	- 0,353	- 11 раз
украинцы	0,041	0,001	0,8	0,001	- 0,040	- 40 раз
всего	5,093	7,565			+ 2,472	+ 32,7%

Официальные данные переписи населения и жилищного фонда Республики Таджикистан 2010 г. содержат достаточно информативные сведения о языковой ситуации в стране (табл. 2).

Материалы данной переписи показывают, что значение русского языка в качестве второго, которым жители владеют свободно, для национальных меньшинств невелико. При сопоставлении показателей владения таджикским и русским языками видно, что государственный язык сохраняет приоритет и в качестве языка межнационального общения. В частности, таджикским языком свободно владеют 52% узбеков (русским — 10%), 31% кыргызов и туркмен (русским — по 11%).

Важно учесть, что узбеки, кыргызы и туркмены составляют в совокупности более 1 млн жителей страны (около 16%). Только среди татар, численность которых по результатам переписи всего 6,5 тыс. чел., доля свободно владеющих русским языком вдвое больше, чем таджикским (45 против 23%).

Таблица 2. Свободное владение вторым языком представителями основных наций Таджикистана [5, с. 58]

Нация	Общая численность (чел.)	Владение таджикским языком		Владение русским языком	
		кол-во (чел.)	доля (%)	кол-во (чел.)	доля (%)
таджики	6378834	-	-	1851576	29,0
узбеки	926344	483554	52,2	93187	10,1
кыргызы	60715	18824	31,0	6918	11,1
русские	34838	10668	30,6	-	-
туркмены	15171	4718	31,1	1625	10,7
татары	6495	1483	22,8	2941	45,3
Всего	7564502	519247	6,9	1956247	25,9

Распространение русского языка в советский период происходило как под влиянием геополитических факторов, в результате действия административных методов, так и за счет целенаправленной государственной политики СССР по предоставлению образовательных услуг иностранным студентам. Около 1 млн иностранцев получили дипломы советских вузов.

В настоящее время в вузах России также обучаются студенты из зарубежных стран, причем две трети из них приходится на государства Центральной Азии (табл. 3).

Таблица 3. Численность иностранных граждан, обучавшихся в вузах России в 2011/2012 и 2012/2013 учебных годах [6, с. 19, 26]

Страна	2011/2012 учебный год		2012/2013 учебный год	
	Количество студентов (чел.)	Доля от общего числа иностранных студентов (%)	Количество студентов (чел.)	Доля от общего числа иностранных студентов (%)
Казахстан	18862	31,8	23656	33,9
Кыргызстан	2536	4,3	2627	3,8
Таджикистан	4804	8,1	5660	8,1
Туркменистан	7967	13,4	10954	15,7
Узбекистан	4455	7,5	5605	8,0

Примечательно, что треть от общего числа иностранных студентов являются гражданами Казахстана, территориально примыкающего к границам РФ и в наибольшей степени вовлеченного в интеграционные процессы. Однако более одной пятой части студентов-иностранцев представляют Туркменистан и Узбекистан — государства, проводящие более независимую политику, в том числе и в языковой сфере.

С одной стороны, абсолютные показатели численности студентов-иностранцев из ЦАР дают возможность надеяться, что будущие выпускники российских вузов, вернувшись на родину, смогут преумножить роль и значение русского языка в регионе. С другой стороны, статические данные не позволяют уточнить, какова доля среди них представителей русскоязычного меньшинства, получающего в России образование на родном для них языке. Кроме того, получение российского диплома о профессиональном образовании повышает шансы будущих специалистов из числа соотечественников остаться работать в России или Казахстане, также активно принимающим трудовых мигрантов.

Таким образом, в постсоветский период происходит сокращение зоны активного использования русского языка в ближнем зарубежье, в том числе в государствах ЦАР. Русское языковое пространство быстро сужается прежде всего в странах, где русский язык не получил государственного статуса. Как отмечает политолог В.А. Никонов, за последнее десятилетие численность русскоязычного населения сократилось на 50–70 млн чел. как из-за естественной убыли, так и по политическим причинам, в силу своеобразного «политического наказания» языка за исторические обиды [7, с. 99].

Исследование показало, что наибольшие шансы для сохранения роли и значения русского языка среди государств ЦА остаются у

Республики Казахстан. Важными предпосылками для этого стали: значительная доля русскоязычного населения, официальный статус русского языка и последовательная политика интеграции с Россией. Как представляется, постепенная изоляция отдельных стран ЦАР от достижений русской культуры, образования и научного знания препятствует дальнейшим интеграционным процессам в регионе, а также легализации и получению достойного места работы трудовыми мигрантами в России — крупнейшем участнике рынка труда для выходцев из Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана.

Литература

1. В Таджикистане русскому языку вернули прежний статус. URL: <http://www.lenta.ru/news/2011/06/09/russian>
2. Агентство Республики Казахстан по статистике. Серия 15. Демография. Астана, 2014.
3. Национальный статистический комитет Кыргызской республики. URL: <http://stat.kg>
4. Молодов О.Б. Проблемы идентификации населения Казахстана и Кыргызстана // Социум и власть. 2014. № 6 (50). С. 95–102.
5. Национальный состав, владение языками и гражданство населения Республики Таджикистан. Т. 3. Душанбе, 2012.
6. Обучение иностранных граждан в высших учебных заведениях Российской Федерации: статистический сборник. Вып. 11. М., 2014.
7. Медведева Т.А. Значение языкового фактора в современном мире // Латинская Америка. 2014. № 8. С. 97–107.

Л.В. Монина

Вопрос о безопасности германских границ в период Веймарской республики

Одним из болезненных для Германии последствий ее поражения в Первой мировой войне стало сокращение территории, а, следовательно, обретение новых границ. Установлению границ Германии с соседними странами посвящена вторая часть Версальского мирного договора. В соответствии с договором довоенная граница Германии восстанавливалась только с одним государством — Швейцарией. Неизменной осталась и граница с Австрией, но зато сама Австрия была новым государством, возникшим после распада Австро-Венгрии.

Граница Германии со «старыми» государствами — Францией, Бельгией, Данией — «исправлялась» в пользу последних. Наиболее категоричную формулировку имела статья 51, в которой речь шла об «исправ-

лении несправедливости», причиненной Германией Франции в 1871 году, а потому о возвращении Эльзас-Лотарингии прежнему владельцу [1].

Пограничные линии между Германией, с одной стороны, и Бельгией и Данией, с другой, содержали элемент неопределенности. Эта неокончателность решения пограничного вопроса объяснялась тем, что государства-победители в местностях со смешанным населением передавали «окончательное» решение самому населению. Представляется, что таким образом проявлял себя столь популярный в послевоенный период принцип самоопределения и касался он населения, проживающего в конкретных пограничных областях. Эти области в Договоре получили название «зон плебисцита». Население таких зон должно было в течение двух лет определиться с гражданством путем голосования, а его результаты позволяли окончательно провести границу между двумя государствами.

Особой зоной плебисцита Договор называл Саарский бассейн, чьи угольные копи переходили в полную и неограниченную собственность Франции, а управление — специальной Комиссии Лиги Наций на 15 лет. И только по истечении этого срока в области должен был быть проведен плебисцит по трем вопросам, формулировки которых содержала 49 статья: 1. сохранение существующего режима; 2. присоединение к Франции; 3. присоединение к Германии. В последнем случае немецкому государству пришлось бы выкупать угольные копи у Франции [1].

Вопрос о восточной границе Германии имел свою специфику — это была граница с двумя новыми государствами — Чехословакией и Польшей. Здесь также были определены зоны плебисцита и вопрос о принадлежности, например, Верхней Силезии откладывался на два года. Обращает на себя внимание большое количество пунктов и статей, в которых речь шла об определении пограничной линии Германии с Польшей, государством, территория которого формировалась в значительной степени за счет довоенных территорий Германии. Кроме того, создание Польского государства вновь превратило Восточную Пруссию, к тому же уменьшившуюся в размерах, в эксклав Германии, то есть вернуло страну к состоянию, в котором она пребывала до первого раздела Польши в 1772 году. Следовательно, возникла проблема транзита через польские территории. Но главное, крайне остро стояла проблема обеспечения безопасности Восточной Пруссии.

Таким образом, после Первой мировой войны Германия приобрела в значительной степени новую границу, которая представляла собой линию, закрепленную международным договором или сразу в окончательном виде, или после голосования населения в зоне плебисцита.

Как отмечается в специальной литературе, до Второй мировой войны значительная часть специалистов-лимологов (а они опирались на практику) воспринимали границу как эффективный барьер против внешних опасностей, как линию защиты от военных угроз, пограничных конфликтов и незаконного проникновения иностранных граждан [2, с. 37]. Германская граница в период существования Веймарской республики функции защиты/барьера или не выполняла совсем (западная граница), или выполняла в слабой степени (восточная и морская граница Республики). Причина кроется в тех радикальных ограничениях в военной сфере, которые наложили на Германию страны-победительницы: ликвидация воинской повинности, сокращение армии до 100 тысяч человек, а флота до 15 тысяч профессиональных военнослужащих, обязанность передать океанский флот победившим странам, запрещение иметь подводные лодки и т. д. Более того, пограничная зона на западе страны — Рейнская — превращалась в демилитаризованную. В нее включался левый берег Рейна и 50 километровая полоса вдоль правого берега. Статьи 42 и 180 Версальского договора запрещали создавать какие-либо укрепления в этом районе, а существующие предписывали скрыть. Одновременно Левый берег Рейна был разделен на зоны оккупации союзных войск с определенным сроком их пребывания на территории страны (в 5, 10 и 15 лет), поэтому демилитаризованная зона была исключительно для Германии. И хотя Франции не удалось добиться создания на Левом берегу Рейна зависимого от нее автономного германского государства, условия мирного договора, касающиеся западной пограничной линии Германии, давали французам возможность оказывать давление на свою восточную соседку.

Условия мирного договора в целом и касающиеся границ, в частности, вызвали резкую негативную реакцию в Веймарской республике. Одной из причин недовольства условиями мира было отсутствие защищенности территории страны от возможной внешней агрессии. Это отсутствие состояния пограничной безопасности осознавалось всеми слоями немецкого общества. И перед политическими лидерами страны в начале 1920-х гг. стояла задача обеспечить возможную в существующих условиях безопасность границ. Особую актуальность эта задача приобрела в 1923–1925 гг., в период так называемого Рурского кризиса, вызванного предложением германского правительства пересмотреть сроки выплаты репарационных платежей. Предложение было категорически отклонено Францией, и в январе 1923 года большая часть территории Рура была занята французскими и бельгийскими войсками. Вторжение франко-бельгийских войск на германскую территорию вызвало взрыв возмущения в стране и использование тактики «пассивного сопротивления», поскольку «активного сопротивления» по понятным причинам

быть не могло. Однако в первые недели кризиса прилагались усилия по созданию так называемого «Черного рейхсвера», который должен был заниматься военной подготовкой добровольческих отрядов — фрайков, призванных усилить находившуюся в опасности Германию. Стремительное нарастание социально-экономического кризиса в стране продемонстрировало самим немцам их неспособность к любому виду сопротивления и вынуждало правящие круги Веймарской республики сменить тактику. Проводником новой внешнеполитической линии стал Густав Штресеман, возглавивший сформированное в августе 1923 года правительство Большой коалиции, а после отставки правительства занимавший пост министра иностранных дел до своей смерти в 1929 году.

20 января 1925 года в Лондон, а 9 февраля в Париж был направлен меморандум, в котором Г. Штресеман предлагал западным державам подписать договор, обязывающий государства, включенные в решение рейнской проблемы, все возникающие спорные вопросы решать мирным путем. Кроме того, германская сторона заявляла о готовности заключить пакт о гарантиях безопасности и неизменности своих западных границ. Надолго затянувшаяся в европейских столицах дискуссия по немецкому меморандуму завершилась в середине июня 1925 года: инициатива Штресемана была поддержана Великобританией и Францией в лице министров иностранных дел этих стран О. Чемберлена и А. Бриана. После этого Штресеману пришлось выдержать серьезную критику своего предложения со стороны большинства министров рейхскабинета. Особенно агрессивно выступил глава рейхсвера генерал фон Сект, который заявил, что Германия всегда должна помнить о возвращении Эльзаса и Лотарингии [3, S. 197].

5–16 октября 1925 года в Локарно состоялась международная конференция с участием 7 европейских государств (Бельгии, Великобритании, Франции, Польши, Чехословакии, Италии и Германии). В результате работы конференции был заключен ряд соглашений, центральным из которых был Рейнский гарантийный пакт. Пакт представлял собой договор Германии с Францией и Бельгией, который предусматривал незыблемость границ между государствами и подтверждал демилитаризацию приграничного пространства на западе Германии. Гарантами договора выступили Великобритания и Италия. Итоги конференции можно расценить как внешнеполитический успех Германии и ее министра иностранных дел Г. Штресемана, в частности. Немецкой стороной был избран единственно возможный в тот период времени механизм обеспечения безопасности западных границ — международно-правовой. Он был задействован в отношениях с государствами, представлявшими реальную угрозу территориальной целостности Германии. Однако Веймарской республике еще предстояло дожидаться освобождения своего Рейн-

ланда от присутствия оккупационных войск и удовлетворительного решения Саарского вопроса и, следовательно, восстановления суверенитета над этими территориями.

К восточной границе в правящих кругах Веймарской республики отношение было иным: в качестве угрозы Германии рассматривалось само существование Польши, особенно так называемого Польского коридора. Поэтому никакой заинтересованности в стабилизации восточной границы у Германии не было. Отношения между Германией и Польшей с самого начала были крайне напряженными. Неприязненное отношение друг к другу стороны демонстрировали неоднократно. Так, во время советско-польской войны Германия объявила о своем официальном нейтралитете, а затем приняла закон, запрещающий провоз оружия и военного снаряжения на восток, чем косвенным образом поддерживала Советскую Россию. В правительственных кругах Веймарской республики неоднократно формулировалась мысль о необходимости и желательности восстановления российско-германской границы образца 1914 года. Особенно яростно эту идею выражали представители вооруженных сил. Тот же фон Сект в сентябре 1922 года писал в своем меморандуме: «Существование Польши невыносимо, оно несовместимо с жизненными условиями Германии. Польша должна исчезнуть, и она исчезнет — за счет внутренней слабости и в результате действий России — с нашей помощью... Россия и Германия в границах 1914 года!» [4, с. 203].

Польша не оставалась в долгу. В дни оккупации франко-бельгийскими войсками Рура в Польше особенно активизировалась антигерманская политика. В частности, она проявлялась в намеках на возможность присоединения к Польше вольного города Данцига (Гданьска) в ответ на многочисленные, с точки зрения поляков, нарушения городом Версальского договора [5, с. 172]. Польша проводила политику экономического бойкота Восточной Пруссии, что должно было привести к «максимальному обеднению» этой части Германии и постепенному отрыву ее от германской республики с возможным разделом или полным поглощением Польшей [6].

Позиция немецкого руководства по вопросу о восточной границе раскрывается в одном из писем Г. Штреземана, написанным им накануне Локарнской конференции. В нем политик заявлял о необходимости возвращения Германии Данцига и Польского коридора и исправления границ в Верхней Силезии [7]. Надо отметить, что Штреземан до конца своей жизни твердо придерживался той позиции, что изменение германо-польской границы, к которому он стремился, должно быть произведено только мирным путем. Любые резкие движения в отношении Польши могли привести к вероятному и крайне нежелательному для

Германии сближению ее восточной соседки с Францией. Поэтому Штресман подчеркивал, что Польский коридор и Данциг не стоили новой мировой войны [3, S. 202]. Учитывая, что во время Локарнской конференции за гарантию немецкой восточной границы выступила только Франция, германской дипломатии удалось избежать подобного решения вопроса, что соответствовало ее интересам. Именно отсутствие договора, признающего незыблемыми и восточные границы Германии (с Польшей и Чехословакией) создавало основу для восстановления «справедливых» границ, достижение которых ассоциировалось с обеспечением безопасности.

Литература

1. Мирный договор между союзными и объединившимися державами и Германией от 28.06.1919. URL: <http://www.ppt.ru/newstext.phtml?id=20302>
2. Голунов С.В. Фактор безопасности в политике России и Казахстана по отношению к их общей границе. Нижний Новгород, 2008.
3. Hirsch F. Stresemann. Ein Lebensbild. Frankfurt, 1978.
4. Винклер Г. Веймар. История первой немецкой демократии. 1918–1933 / Пер. с нем. М., 2013.
5. Зубачевский В.А. Политика России в отношении восточной части Центральной Европы (1917–1923): Геополитический аспект. Омск, 2005.
6. Строганова Н.А. Польское национальное меньшинство в Восточной Пруссии в контексте германо-польских отношений (1918–1939). URL: <http://www.journalis.kantiana.ru/upload/iblock/a75/zxtttbpins-bkehlwvsqg.70-75.pdf>
7. Павлов В.Н. Внешняя политика Веймарской республики. URL: <http://www.ingimo.ru/study/faculty/mo/keuroam/docs/210929>.

А.Ю. Полтораков

Запад и восток Украины: политические регионы в конфликтном взаимодействии

Спровоцированная «ЕвроМайданом» т.н. «Революция Достоинства» привела к бегству команды В. Януковича (т.н. «Семьи», опирающейся на донецкую региональную элиту). Произведенная «жесткая перезагрузка» центральной власти была воспринята на периферии (в западных и восточных регионах страны) более чем неоднозначно¹.

¹ Так, 25–27 января 2014 г. компанией Research & Branding Group было проведено исследование общественного мнения жителей областных центров Украины относительно

На всей Западной (От Закарпатья и Буковины до Галичины и Волыни) и большей части Центральной (Поднепровье) Украине смену власти — как победу «ЕвроМайдана»¹ восприняли с большим энтузиазмом.

На Востоке (от Харькова до Донецка) и Юге (Крым) Украины восприятие «революции» было иным. Этому способствовали как объективные, так и субъективные факторы и обстоятельства. Сказались прежде всего специфика регионального медиа-пространства, где доминировали российские СМИ (прежде всего ТВ, транслирующее исключительно «страшилки») и региональная пресса, контролируемая лояльной пророссийскому режиму В. Януковича местной властью. Также сказалось субъективное социально-психологическое невосприятие довольно чуждых ментально («проевропейские» vs «проевразийские»), ценностно («либералы» vs «патерналисты») и идеологически («прозападные» vs «пророссийские») «бендеровцев»², составивших костяк актива «ЕвроМайдана».

Выходцы из донецкого региона — В. Янукович с т.н. «Семьей» и партийными соратниками («регионалы») — имели давние и традиционные сильные позиции и серьезную поддержку прежде всего на Востоке Украины (вспомним электоральные расклады выборов начиная хотя бы с 2004 г.).

Карту регионального сепаратизма «регионалы» уже пытались разыграть — как альтернативу «помаранчевой революции», на депутатском Съезде в Северодонецке 28 ноября 2004 г. (Северодонецкий съезд). В Харькове 22 февраля 2014 г. был проведен депутатский Съезд, подобный Северодонецкому. (Однако В. Янукович, вопреки ожиданиям, его не посетил — и Харьковский съезд 2015 г. не смог стать значимым политическим событием, сопоставимым с Северодонецким съездом 2005 г.).

В конечном итоге, именно Восток Украины (в широком его понимании — от северо-восточной Харьковщины до скорее южного, чем

но их отношения к политическому кризису. Чуть более половины жителей областных центров Украины (51%) не поддержали киевский ЕвроМайдан, в то же время 44% придерживались противоположного мнения.

Максимальный уровень поддержки ЕвроМайдана отмечался в областных центрах на Западе Украины (86%), тогда как 81% жителей областных центров Восточной Украины не поддерживали «ЕвроМайдан».

¹ По данным социсследований, «ЕвроМайдан» на 50% состоял из жителей западных регионов страны, остальные — это киевляне и жители других регионов страны.

² Этому, как минимум, косвенно способствовали такие эпатажные акции в Киеве, как разрушение памятника Ленину (8 декабря) и шествие в честь С. Бандеры (1 января).

восточного Крыма) стал своеобразной «Вандеей», мятежно бросившей региональный социально-политический вызов революционной новой центральной власти¹. Это противостояние, имеющее как исторические и культурные, так и экономические и социальные корни, стало тем обстоятельством, которое задало Украине как национальному государству общий центробежный, деструктивный тренд на текущую перспективу.

Косвенное, но активное вмешательство России во внутриукраинские политико-социальные дела (прослеживаемое как минимум с середины «ЕвроМайдана») более чем усугубило и без того непростую ситуацию в стране.

Отдельное место занимают праворадикальные организации с экстремистской спецификой, и прежде всего «Правый сектор» («ПС»), в котором многие эксперты усматривают «спецпроект СБУ» и даже «руку Москвы». Не подвергая сомнению значительную роль «ПС» в успехе «ЕвроМайдана», следует указать, что после одного десятилетия «ПС» и его лидеров (начиная с политизировавшегося Д. Яроша и заканчивая криминализировавшимся А. Музычко) носила все более деструктивный характер, провоцируя социальное напряжение².

Как бы там ни было, спровоцировавшая «Евромайдан» несколько абстрактная «европейская идея» не смогла стать ни политическим элементом, ни социальной составляющей востребованной «национальной идеи», могущей консолидировать украинское общество. Будучи несомненным серьезным стимулом формирования политической нации, «ЕвроМайдан» одновременно — вольно или невольно — стал фактором внутреннего раскола украинского общества³, обретшего территориальные формы.

¹ 24 апреля генеральный секретарь ОБСЕ Л. Заньер отметил: "То, что мы видим в Донецке, — результат недостатка доверия. Люди считают, что нет инклюзивного диалога со стороны нового правительства".

² Так, уже 22 января 2014 г. в заявлении спикера ГосДепа США М. Граф указывалось, что «агрессивные действия членов праворадикального объединения "Правый сектор" неприемлемы, они разжигают ситуацию на улицах и подрывают усилия мирных участников протестов». 29 марта 2014 г. Верховный представитель ЕС по вопросам внешней политики и политики безопасности, вице-президент Европейской комиссии К. Эштон заявила: «Я решительно осуждаю давление активистов "Правого сектора", которые окружили здание Верховной Рады Украины. Такое запугивание парламента противоречит демократическим принципам и верховенству права».

³ 23-27 декабря 2013 г. компанией Research & Branding Group было проведено исследование общественного мнения относительно оценки текущей ситуации в Украине. Половина опрошенных (50%) не поддержала киевский «ЕвроМайдан», в то же время практически столько же респондентов (45%) придерживались противоположного мнения.

Этот раскол задал внутренний тренд социально-политического напряжения, в котором резонаторами стали традиционно проблемные вопросы — от политико-правового статуса русского языка до экономико-политических прав регионов.

Отмена «языкового закона» о статусе региональных языков была одним из первых решений обновленной Верховной Рады (23 февраля 2014 г.). Это решение вызвало всплеск протеста в Крыму и на Востоке Украины. Страх перед возможными языковыми притеснениями усилил как протестные настроения на востоке¹, так и пророссийские настроения на юге.

На довольно простую и понятную обывателю проблему языка вскоре наложилась «заброшенная» (про)российской стороной смежная проблема «федерализма», как развитие темы усиления регионов и производного регионального сепаратизма².

10–15 апреля по заказу еженедельника «Зеркало недели» Киевский международный институт социологии (КМИС) провел профильный соцопрос. Его результаты свидетельствуют: за идею федерализации Украины выступают 24,8% жителей юго-востока страны; унитарное устройство Украины, при котором области должны иметь нынешние права, поддерживают 19,1%, а вариант, при котором нужно провести децентрализацию власти и расширить права областей, — 45,2%. В частности, в Донецкой области 38,4% сторонников идеи федерализации, 10,6% — идеи унитарного государства с имеющимися правами, 41,1% — унитарного децентрализованного государства. В Харьковской области — 32,2%, 23,3% и 39,1% соответственно; по Луганской — 41,9% (самый высокий показатель среди юго-восточных областей), 12,4% и 34,2%. Больше всего приверженцев унитарного государства с имеющимися сейчас правами — в Херсонской области (32,9%), унитарного децентрализованного государства — в Николаевской области (63%).

При этом 69,7% жителей юго-восточных областей негативно отреагировали на возможное присоединение к России, тогда как за присоединение региона к РФ выступили только 15,4%, а у 12,5% вопрос вызвал затруднение. (Большинство респондентов — 74,5% — считают, что Украина и Россия должны оставаться независимыми друг от друга

¹ Вспомним, что весной 2002 г. в г. Харькове был проведен консультативный опрос (т.н. «референдум») по языковому вопросу. Более 86% проголосовало за применение русского языка — наряду с украинским — во всех сферах общественной жизни, и лишь 11% высказалось против.

² Примечательно, что эти темы давно политически развивал В. Медведчук — демонизированный украинский политик, кум В. Путина, считающийся ключевым агентом влияния Кремля в Украине.

государствами, но дружественными и открытыми относительно своих границ). При этом противников идеи объединения с Россией: в Николаевской области — 84,6%, в Днепропетровской — 84,1%, в Харьковской — 65,6%, Донецкой — 52,2%, Луганской — 51,9%. Симпатиков же присоединения к России в Луганской области — 30,3%, Донецкой — 27,5%, Харьковской — 16,1%, Херсонской — 3,5%.

В свою очередь, с самого начала новая центральная власть («пост-майдановская» команда В. Турчинова-А. Яценюка) не смогла получить инициативу и приобрести надлежащее влияние (а тем более — закрепить его) на региональном уровне — а тем более в наиболее проблемных областях и в Крыму.

По оценкам профильных экспертов (из числа «силовиков»), предотвратить эскалацию «крымского сценария» на начальных стадиях было достаточно реально. (Тем более, что, по данным соцопросов начала марта 2014 г., лишь 41% крымчан утверждали, что хотели бы жить в составе России). Однако во время зарождения крымского кризиса (начала захвата сепаратистами органов власти) ключевой проблемой для киевского истеблишмента был вопрос распределения постов. Так, заседание СНБО Украины по Крыму (в ночь с 28 на 29 февраля 2014 г.) было проведено уже после того, как на полуострове были захвачены административные здания¹, а т.н. «зеленые человечки» начали блокировать и захватывать ключевые объекты транспортной и военной инфраструктуры (аэропорты, военные части и пр.). Подобная инертность, пассивность и нерешительность центральной власти в конечном итоге и привели к тому, что Крым был фактически утрачен Украиной — аннексирован Россией.

Создание Национальной Гвардии (на базе Внутренних Войск МВД) оказалось не очень удачной попыткой трансформировать и перенаправить потенциал социального подъема в конструктивное русло². Силловые структуры (от милиции до армии) оказались деморализованы — что явилось одной из ключевых причин потери Крыма и минимальных успехов антитеррористической операции в Славянске.

Закрепляя и развивая свой территориальный успех, пророссийские экстремисты безуспешно попытались перенести очаги напряжения в такие традиционно проблемные регионы, как Харьков, Луганск и До-

¹ 27 февраля 2014 г. «неизвестными» (около 120 чел.) в Симферополе были захвачены здания Совета министров и Верховного Совета АР Крым. Захватчики, водрузившие над зданиями российские флаги, объявили себя «самообороной русскоязычных граждан Крыма».

² 18 марта 2014 г. лидер «Правого сектора» Д. Ярош заявил, что активисты его движения не будут разоружаться и никто из них не намерен вступать в ряды недавно созданной Национальной гвардии.

нецк (в перспективе — Одессу). Опираясь на успехи в Крыму, пророссийские сепаратисты рассчитывали на своеобразную «пятую колонну», которой вполне могло стать «русскоязычное население» востока и юга Украины (которое, впрочем, никогда особой политической активностью не отличалось). Однако, вопреки многим ожиданиям, потеря Крыма скорее консолидировала украинское общество, дополнительно маргинализируя в Украине пророссийские настроения и симпатии к России.

Приведшая к утрате Крыма слабость центральной украинской власти нашла свое дополнение и продолжение в подходах Запада к украинскому кризису. Никто в данной ситуации не ориентировался серьезно на национальные интересы Украины — ни ЕС с США, ни тем более РФ. Все внешние игроки — рассматривая ситуацию с Украиной через призму «игры с нулевой суммой» — заботились прежде всего об усилении своих выгод и ослаблении позиций противника.

При этом даже сами западные эксперты (А. Умланд и др.) вольно или невольно признавали, что «европейские политики предпочитают пафосно критиковать российскую политику на постсоветском пространстве, неустанно выражать требования касательно мирного характера украинских протестов, произносить мантры о соблюдении прав человека, призывать к уважению суверенного выбора каждой страны, к достижению компромисса и тому подобное».

Определенная идеализация «ЕвроМайдана» Западом (так, он предпочитал закрывать глаза на смежные и производные негативы, имманентно присутствующие там) «дополнялась» встречной демонизацией «ЕвроМайдана» Россией (так, она практически полностью игнорировала его несомненный позитив).

Производный избыток критики позиции России Западом постепенно, но неуклонно приводил к тому, что политический «встречный диалог» с Россией по украинскому вопросу вести становилось все труднее. Необходимая атмосфера доверия, необходимая для конструктивного диалога¹, подспудно разрушалась обеими сторонами, подменяясь идеологизацией оценок ситуации.

После аннексии Россией Крыма Запад окончательно укрепился во мнении, что Россия, нарушив Устав ООН (1945), Хельсинские соглашения (1975), Будапештский меморандум (1994), «Большой Договор» с Украиной (1997), договорённости будет соблюдать до тех пор и в той мере, пока и как ей выгодно. (Вспомним слова фон Бисмарка о том,

¹ В разгар украинского кризиса бывший президент Франции, член конституционного Совета Валери Жискард д'Эстен в одном из газетных интервью сказал, что понимает позицию России.

что договоренности с Россией «не стоят той бумаги, на которой написаны»).

Во многом именно это и привело к тому, что вместо поиска компромисса — более чем реального на начальных стадиях украинского кризиса — стороны (Запад и Россия) все больше склоняются к критической, обвинительной риторике: апелляции к «правам человека», с одной стороны, и «двойным стандартам» — с другой.

Слабость украинского центра более чем усугубила ситуацию. Она, с одной стороны, ослабила поддержку Украины Западом, а с другой — стимулировала Россию ко все более активным, наступательным действиям.

США и Европа делали не столько то, что могли и были должны, но столько то, что хотели (США) и решались (Европа) сделать. В конечном итоге, вместо «жестких» политико-военных рычагов Запад в целом избрал более «мягкие» экономико-политические рычаги влияния на ситуацию. Но эффект от последних ожидается скорее в среднесрочной перспективе.

А.В. Сковородников

***Проблема территориального устройства на Балканах
на заключительном этапе Второй мировой войны***

В наши дни региональные конфликты по всему миру по-прежнему сотрясают международную обстановку. Очаги напряженности имеются в различных точках планеты. Смогут ли они перерасти во что-то более масштабное и непредсказуемое по своим последствиям, зависит от действия многих объективных и субъективных факторов. Развитие техники и вооружений не оставит больше шансов человечеству решить возможный глобальный конфликт мирным путем. Сейчас под угрозой может оказаться сама человеческая цивилизация. При этом, несомненно, необходимо учитывать опыт предыдущих противостояний, наиболее значимым и масштабным из которых, безусловно, являлась Вторая мировая война.

События 1939–1945 гг. продолжают находиться в центре исследовательского интереса историков. При этом наиболее важным становится вопрос более глубокого осмысления уже известных фактов, их сопоставления, а также новых интерпретаций [1, с. 630]. В условиях обострения международной обстановки и обозначившихся попыток пересмотра итогов и уроков войны подобная тематика становится чрезвычайно актуальной. Одной из ключевых проблем исследований является фактор региональной безопасности.

Балканы всегда являлись стратегически важным регионом мира. Именно здесь пересекались интересы многих великих держав. В отличие от Западной Европы, процесс национального разграничения на Балканах так никогда и не был полностью завершен. Территориальные споры на Балканах пытались разрешить по-разному и, прежде всего, — таким традиционным способом, как война. Сложный узел противоречий межэтнического, межконфессионального, территориального содержания дополнялся давлением со стороны ведущих государств. С географической точки зрения на Балканском полуострове в конце 30-х — начале 40-х годов XX века находились следующие государства: Болгария, Албания, большая часть Греции, Югославии, часть Румынии и Турции. Пограничные споры между государствами, желания расширить свои владения за счет соседей неоднократно порождали конфликтные ситуации и являлись благодатной почвой для усиления конфронтации. Стоит напомнить, что Первой мировой войне предшествовал ряд кризисов и войн, произошедших на Балканах, а также события конца 1930-х годов свидетельствовали о серьезных территориальных претензиях малых государств Юго-Восточной Европы друг к другу. Завершающий этап Второй мировой войны вновь выдвинул эти проблемы на первый план.

На протяжении всей войны лидеры США, СССР и Великобритании высказывали различные точки зрения по поводу послевоенного устройства государств Балканского полуострова. Еще в начальный период на согласование с советской стороной Великобритании выставила проект конфедеративного устройства Восточной и Центральной Европы, что обеспечивало постоянный и выгодный для нее контроль в этом регионе [2, с. 196.]. На основе подобных положений даже были подписаны эмигрантскими правительствами соглашения о греко-югославской унии и польско-чехословацкой конфедерации. Речь даже шла о чехословацко-польском и греко-югославском объединенном альянсе [3, р. 79]. Помимо этого в кругах восточноевропейской эмиграции стали активно обсуждаться вопросы блоковой консолидации стран Восточной Европы в послевоенный период. Западные лидеры были обеспокоены тем, что территориальные притязания советской стороны могут превратить Европу в огромное скопище небольших зависимых государств — в «распыленную» Европу. Дабы не допустить такого положения, в Тегеране англичане искали пути возможного объединения малых государств — в советы, федерации, союзы [4, с. 248]. Таким образом, Лондон вновь вернулся к вопросу, который впервые был поднят еще в начале войны. Идея конфедеративного устройства европейских территорий, непосредственно примыкавших к совет-

ским границам, должна была стать толчком к реализации далеко идущих планов. Конфедерации по-английски — это, по существу, объединения нескольких государств, связанных между собой сетью различных договорных обязательств. С помощью таких объединительных процессов Англия рассчитывала на послевоенное присутствие как на Балканах, так, практически, во всем восточноевропейском регионе. Неожданное продолжение идея Черчилля о конфедеративном устройстве данного региона Европы нашла в заявления советских представителей, предложивших создание Балканской федерации. В этом образовании значимое место отводилось Югославии, как наиболее сильному и большому государству региона. Англичане и американцы согласились поддержать данную идею при условии, что ее экономическое развитие после войны будет идти с использованием западных инвестиций. Английский премьер продолжал довольно тесные и продуктивные контакты с маршалом Тито, окончательно утвердившим себя в качестве реальной военной и политической силы. Черчилль пообещал, что поддержит притязания лидера коммунистов на власть вне зависимости от того, утвердит Сталин кандидатуру Тито или нет [5, р. 341]. И Москва и Лондон воспринимали Восточную Европу и Балканы как своеобразный «буфер», оборонительный рубеж от возможных проявлений агрессии в будущем. США, по крайней мере, на данном этапе в меньшей степени заботились о гарантиях своих интересов в этом регионе мира. Вашингтон в целом не стремился брать обязательства по отношению к континентальной Европе, отдавая данный регион на откуп Великобритании и СССР, при этом нередко играя на противоречиях между ними. В то же время американская сторона зорко следила за советско-британскими переговорами по «зонам ответственности» на Балканах [6, с. 147]. Все же, в конечном счете, план создания федерации в Восточной и Юго-Восточной Европе был отвергнут в Тегеране СССР, посчитавшим, в связи с постоянно меняющейся обстановкой, такие федерации угрозой своей безопасности. Данная позиция Москвы широко обсуждалась, в том числе и в мировой прессе [7].

На протяжении всего 1944 года данный регион являлся одним из ключевых в рамках обсуждений антигитлеровской коалиции. При этом Греция уже рассматривалась Великобританией исключительно как сфера влияния британской короны. В то же время американская сторона с настороженностью относилась к предложениям англичан о продвижении своих войск в Центральной и Юго-Восточной Европе в случае внезапной капитуляции Германии. Здесь же нужно отметить, что несогласие Рузвельта с «балканской стратегией» Черчилля, московским «процентным соглашением» по Балканам, заключенным между

У. Черчиллем и И. Сталиным в Москве в октябре 1944 года, и созданием коалиционного правительства Тито — Шубашича в Югославии, было связано, с одной стороны, с их несоответствием принципам Атлантической хартии, а с другой — с появлением собственных американских интересов в указанном регионе мира на завершающем этапе войны.

В целом существовала крупная неразрешенная проблема — Средиземноморская, охватывавшая Югославию, Грецию, Италию и Испанию. При этом Великобритания одна была не в состоянии обеспечить приемлемое и прочное разрешение этой проблемы [8]. СССР, а в последние месяцы войны и США все отчетливее заявляли о своих интересах в данном регионе. Таким образом, вопросы территориального урегулирования между странами региона становились одними из наиболее актуальных и дискуссионных. Тито явно стремился не только возродить объединенную Югославию под коммунистическим руководством в прежних государственных границах, но и расширить ее территорию за счет присоединения соседних областей. Послевоенная Югославия должна была строиться на принципах федерализма, а прежнее деление страны по национальным районам и областям рассматривалось как пережиток прошлого. Постепенно улаживание пограничных конфликтов между государствами станет одной из основных проблем и породит массу противоречий между союзниками [9; 10].

Ситуация осложнялась из-за довольно обширных территориальных претензий Тито. Югославской армией были освобождены не только районы собственно Югославии, но Истрия и Каринтия. В ходе успешных боёв на Адриатическом побережье югославы сумели овладеть городом Триест, буквально на несколько часов опередив спешившие туда войска западных союзников. Армия Тито вопреки Ялтинским договоренностям освободила этот итальянский город, который многие югославы считали исконно родным. Триест воспринимался ими как важная неотъемлемая часть новой Югославии [11, р. 193]. Лидеры США и Великобритании планировали, что там будет особая зона западных союзников. Выполнение прежних соглашений, предусматривавших создание военных плацдармов на севере Балкан, в Истрии оказалось под угрозой срыва. Западные союзники, помимо всего прочего, стремились более конкретно определиться относительно положения и будущего развития Юго-Восточной и Южной Европы, включая Югославию, с целью противодействия тотальной «коммунизации» Балканского полуострова. Возникшая ситуация вполне могла привести Бел-

град к военному столкновению с англо-американскими вооруженными силами.

В итоге данный конфликт между Тито и лидерами коалиции удалось замять, но все же неприятный осадок остался у каждой из сторон. При этом конфликт был разрешен не в пользу югославы. 9 июня 1945 года в Белграде послами США и Великобритании и министром иностранных дел Югославии был подписан договор. Это соглашение подразумевало под собой ещё более жёсткие условия по разделению на оккупационные зоны Триеста и непосредственно прилегающих к нему районов. Западная часть данной территории переходила под полный контроль военной администрации союзников, югославы же оставались только в восточной зоне.

В августе 1945 года обнаружились и некоторые другие значительные противоречия. Они нашли свое отражение в том числе и в спорах внутри британского парламента. Так, в частности, серьезные проблемы были связаны с тем, что английские войска занимали территории северной Греции, где проживали славяноязычные народы, что вызывало протесты югославского правительства [12, col. 291]. Будущее малых государств Европы по-прежнему продолжало находиться в руках великих держав.

Территориально-государственное урегулирование на Балканах, зафиксированное на встречах в Ялте и Потсдаме, а также в дополнительных договорах, создавало почву для дальнейших взаимных претензий стран региона. Именно данная неопределенность станет основой конфликтных ситуаций и, в конечном счете, приведет в 1990-е гг. к попыткам решения спорных вопросов военным путем.

Литература

1. 1. Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. Сб. статей. РАН. Институт всеобщей истории. М., 2003.
2. Советско-английские отношения во время Великой отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы. Т. 1. М., 1983.
3. The Failure of Peace in Europe. N.Y., 2002.
4. Фейс Г. Черчилль. Рузвельт. Сталин. Война, которую они вели, и мир, которого они добились. М., 2003.
5. Tito — Churchill, Strogo Tajno: Zb. brit. doc. 28 svib. 1943 — 21 svib. 1945. Beograd, Zagreb, 1981.
6. Мягков М.Ю. Проблема послевоенного устройства Европы в американо-советских отношениях 1941–1945. М., 2006.
7. АВП РФ (Архив внешней политики РФ). Фонд 56 б. Опись 5. Папка 20. Дело 2. Лист 38-о.

8. АВП РФ. Фонд 56 б. Описание 5. Папка 20. Дело 2. Лист 72-о.
9. Coles H., Weinberg A. Civil Affairs: Soldiers Become Governors. Washington, 1964.
10. Novak B. C. Trieste, 1941 — 1954. The Ethnic, Political, and Ideological Struggle. Chicago, 1970.
11. Clissold S. Whirlwind: An Account of Marshal Tito's Rise to Power. N.Y., 1949.
12. Parliamentary Debates (PD). House of Commons (HC). Vol. 413. L., 1939–1945.

Х.М. Турьинская
***Киренаика: исторические границы,
региональная идентичность, федеративная идея***

На стыке Магриба (араб. «там, где закат», «условный» запад арабского, исламского мира) и Машрика («там, где восход», восток), в унитарной Ливии реанимируются границы исторических областей и формируется новая автономная единица — Киренаика. Киренаикские политические деятели требуют возврата к федеративному устройству для всей страны. Киренаика — в прошлом эмират, затем восточная провинция федеративной Ливии, а ныне самопровозглашенная автономия — снова выступает как самостоятельный политический субъект в регионе, при этом занимая промежуточную позицию. Она остается частью формально единой Ливии, но де-факто Киренаика — квазигосударство со своими органами власти и армией. Отношения между регионами прежде территориально целостной, а в настоящее время переживающей состояние распада Ливии превращаются в «трансграничное взаимодействие» в географическом, экономическом, социальном и политическом смыслах.

Как результат международных политических кризисов, на фоне роста нестабильности во многих странах, дебатов о нации, легитимности, государственности, суверенитете и праве на самоопределение, оживления прежних или появления новых очагов сепаратистских движений в различных точках земного шара снова происходит общее повышение интереса к федерализму. Заметно стремление к изменению границ территорий, принципов межрегиональных связей, пересмотру статуса регионов. Ливия — один из примеров обращения к федеративной идее заново, в условиях смены политического режима. Федералистский дискурс «вышел в массы», за пределы сообщества экспертов, управленцев и политиков.

В дезинтеграционных процессах в сегодняшней Ливии можно наблюдать «привязку» к историческим областям. Попытку объединить западную территорию — Триполитанию, восточную — Киренаику и южную — Феццан в единую колонию под названием «Ливия» осуще-

ствила в первой трети XX в. Италия. Во время Второй мировой войны Ливия оказалась разделена: британцы заняли Триполитанию и Киренаику, французы — Феццан. После войны по решению ООН эти исторические области составили федеративное государство: с декабря 1951 г. на территории Ливии возникло независимое Соединенное Королевство. Королем был провозглашен эмир Киренаики и глава религиозно-политического ордена сенуситов Идрис I. Столица Триполитании Триполи и столица Киренаики Бенгази служили в качестве равно-статусных центров новообразованного государства.

Киренаика и Феццан, менее населенные по сравнению с Триполитанией, получили больше возможностей влиять на конституционный и политический процессы в стране [1, р. 22–23]. В начале 1950-х годов введение такой системы отвечало интересам короля: федеративная монархия состояла из автономных провинций, с собственными органами законодательной и исполнительной власти, а Киренаика приобрела равный статус, по сравнению с Триполитанией, которая оказалась бы потенциальной доминантой, стань Ливия унитарным государством [2, р. 173]. Сенуситам удалось нейтрализовать триполитанских лидеров, составлявших политическую оппозицию королю и выступавших за унитаризм [3, с. 167–168].

В Ливии, как и в большинстве стран Африки, которым федерализм был навязан колонизаторами и их ставленниками, со временем была введена унитарная система, автономия регионов упразднена. Унитаризм в Ливии ассоциировался с укреплением государственности, укоренением идеологии арабского национализма и панарабизма. Территория страны была разделена на 10 губерний. «Хрупкий продукт торга и компромиссов», результат борьбы различных внутренних и внешних «групп интересов», ливийский федерализм «продержался» до 1963 г. [4, р. 265].

В 1959 г. в Киренаике были открыты запасы нефти. Именно в разгар «нефтяного бума» федеративная модель стала восприниматься как неэффективная и обременительная для Ливии. Целью унитарной монархии было положить конец соперничеству регионов и двух столиц, сделать киренаикскую нефть достоянием единого ливийского государства. Отныне лишь центральная власть в лице короля могла получать и распределять нефтяные доходы.

При Идрисе федерализм дал старт возвышению восточной провинции [5, р. 77], с которой король был связан лично, а введение унитаризма способствовало дальнейшему усилению роли Киренаики и власти монарха в государстве. После военного переворота 1969 г. унитарная система работала на упрочение позиций революционного руко-

водства и концентрацию полномочий в руках Муаммара Каддафи, уроженца Триполитании. Унитаризм противодействовал центробежным тенденциям, сглаживанию регионализма, обеспечивал перераспределение нефтяной ренты в масштабах страны, расширяя социальную опору режима. Киренаика потеряла свой привилегированный статус.

При Каддафи административно-территориальное устройство Ливии менялось несколько раз. С 2007 г. введено деление на 22 муниципалитета. При том что территории исторических областей были раздроблены на более мелкие административные единицы, представления о границах трех провинций сохранились. И после свержения Каддафи Киренаика, Триполитания и Феццан возродились «как Феникс из пепла»: их достаточно было «сложить как пазл». Региональная идентичность оказалась весьма живучей, подпитываясь отсылками к историческим связям Триполитании с Магрибом, Киренаики с Машриком, Феццана с западной и центральной Африкой [6].

Восточная провинция была «вотчиной» короля, центром сенусизма в Ливии. В 2011 г. Киренаика и Бенгази стали оплотом противников Каддафи, а в эпоху «пост-Каддафи» — центром движения за возврат к монархии и федерализму. Ведь именно федеративная модель позволила бы Киренаике иметь самостоятельную экономику, а местным элитам — контролировать нефтяные ресурсы региона.

Ливия пребывает в состоянии территориальной дезинтеграции, экономического кризиса и социально-политической фрагментации. Новый режим в Триполи оказался неспособен контролировать не только Киренаику и Феццан, но и Триполитанию. Власть сосредоточилась в руках региональных и локальных лидеров, вождей, полевых командиров, активизировались незаконные вооруженные формирования и религиозные экстремисты, обострилась межплеменная рознь, усилилась массовая социальная маргинализация. Объекты нефтегазовой инфраструктуры подвергаются атакам.

«Нефтяной сепаратизм» заявил о себе вслед за «революцией 17 февраля». В качестве инициаторов этого процесса выступили киренаикские деятели. Расположенные в восточном регионе месторождения нефти считаются наиболее крупными (около 2/3 от объема запасов в стране) и перспективными в Ливии. В 2012 г. в Киренаике провозглашена автономия и объявлено о возврате к федеративной конституции 1951 г., создан Федеративный автономный район Барка (арабское название Киренаики). Лидер автономии и самопровозглашенного Переходного совета Киренаики — шейх Ахмед ас-Сенуси из семьи короля Идриса. В 2013 г. автономия провозглашена и в Феццане.

Регионы заявили о том, что более не намерены мириться с политикой центра, игнорирующего их запросы. Сенуситы, сторонники монархии и федерализма угрожали выходом Киренаики из состава Ливии, в случае неудовлетворения их требований [7, р. 5]. Местные активисты выражали недовольство распределением мест в национальном парламенте и Учредительной ассамблее, полагая, что оно не учитывает интересы регионов [8]. Административная децентрализация как умеренная альтернатива федерализму не устраивает киренаикских автономистов.

Территориальная дезинтеграция неизбежно отражается на функционировании межрегиональной инфраструктуры, включая транспортировку нефтепродуктов и пресной воды [9]. Федералистские идеи встречают оппозицию не только в Триполитании, но и в самой Киренаике. Мнения ливийцев расходятся: считать ли федерализм дорогой к неизбежному распаду или, наоборот, способом сохранения территориальной целостности страны. Бескомпромиссную позицию против федерализма занял Шейх Садык аль-Гарьяни, близкий к «исламистскому» правительству Триполи. Муфтий Ливии убежден, что автономия Киренаики — нарушение «божественного закона» и путь к дальнейшему разделению страны [10].

Разлом ливийского общества идет по нескольким линиям — регион, клан, племя, религия, идеология [11]. В Ливии два парламента, два правительства, по-прежнему нет постоянной конституции. Формально центральная власть переместилась из Триполитании в Киренаику: международно признаваемое «антиисламистское» правительство, базирующееся не в де факто столице — Бенгази, а в Тобруке, контролирует преимущественно восточную часть страны с ее нефтяными ресурсами и пользуется поддержкой киренаикских федералистов.

Актуализация федералистского дискурса — лишь один из продуктов процесса «декаддафизации» и «сомализации» Ливии после «арабской весны». И первое, и второе «пришествия» федеративной идеи в страну происходят «через Киренаику». Прошлый федеративный опыт Ливии принято считать неудачным. Однако для одних ливийцев это — причина отказаться от повторения федеративных экспериментов, для других — сигнал к возобновлению требований «перезагрузки» федерализма, обращению к ранее опробованной модели в ее «новой редакции», с учетом регионального «ресурсного национализма».

Заметим, что подобное привнесение идеологии «ресурсного национализма» (или «этнического самоопределения» богатых ресурсами регионов) в практику федеративного строительства в РФ в 1990-е годы имело негативные последствия [12]. Вариант «правильного» федерализма, на котором настаивают киренаикские федералисты, мог бы рас-

смагиваться как «законный способ» перераспределения нефти между регионами, фактически в пользу Киренаики, что снова лишает Триполи доминирующего положения в государстве.

Литература

1. Falola T., Morgan J., Oyeniya B.A. Culture and Customs of Libya. Santa-Barbara, 2012.
2. Wright J. A History of Libya. L., 2012.
3. Егорин А.З. История Ливии. XX век. М., 1999.
4. St. John R.B. Historical Dictionary of Libya. 4th ed. Lanham, 2006.
5. Ahmida A.A. Forgotten Voices: Power and Agency in Colonial and Postcolonial Libya. L., N.Y., 2005.
6. Poort D. The Battle for Federalism in Libya's East. URL: <http://www.aljazeera.com/indepth/inpictures/2012/07/20127213476184851.html>
7. Libya and Federalism: Past Contexts and Future Fates / Al Jazeera Centre for Studies. May 15, 2012.
8. St. John R.B. Not Inclusive Yet [September 26, 2013]. URL: http://carnegieendowment.org/sada/index.cfm?fa=show&article=53115&solr_hilite
9. Pack J. Federalism in Libya: Tried and Failed. URL: <http://www.aljazeera.com/indepth/opinion/2012/04/201241871355584880.html>
10. Libya Rallies Against Federalism, Division [March 13, 2012]. URL: <http://www.eurasiareview.com/13032012-libya-rallies-against-federalism-division/>
11. Pack J. Situation Report. URL: <http://tonyblairfaithfoundation.org/religion-geopolitics/country-profiles/libya/situation-report>
12. Филиппов В.Р. Этнический аспект преодоления системного кризиса российского федерализма // Федерализм. 2000. № 4.

П.В. Ульянов

Основные факторы российско-германского взаимодействия в региональной политике (1905–1914 гг.)

В зарубежной исторической науке как послевоенного периода, так и в работах современных исследователей присутствует тезис о том, что в экономически развитых странах на рубеже XIX–XX веков наравне с техническим прогрессом развивались тенденции милитаризма. Такие сильные в военно-экономическом плане страны, как Великобритания и

Германия, благодаря наращиванию своих военно-морских флотов боролись за власть над морем с целью сохранить колониальные владения. В историографии «гонка морских вооружений» между этими государствами обозначается как англо-германский антагонизм. Другим явлением, приведшим к Мировой войне, являлся франко-германский антагонизм: в его основе лежал конфликт французов и немцев на национальной почве. Огромную роль сыграла здесь франко-прусская война (1870–1871 гг.), в результате которой образовалась Германская империя, а ее провозглашение произошло в Версальском дворце, что сильно «оскорбило» французов.

Тезис о том, что европейские страны готовились к «войне за передел территорий», можно принять в том случае, если указать факторы, способствовавшие этому. Одним из них являлись Марокканские (1905 и 1911 гг.), Боснийский (1908 г.) и Июльский (1914 г.) кризисы, а также Балканские войны (1912–1913 и 1913 гг.). Указанные выше антагонизмы тоже могут быть отнесены к факторам, приведшим к войне. Третьим фактором можно обозначить военно-политическую расстановку сил в Европе между Тройственным союзом (Германия, Австро-Венгрия и Италия), который стал впоследствии Союзом Центральных Держав (вышла из союза Италия, а вошли Османская империя и Болгария) и образованной окончательно в начале XX века Антантой (Великобритания, Франция и Россия).

На основании этих трех факторов и построена схема рассмотрения поставленного вопроса, связанного с проблемой безопасности в регионах перед лицом угрозы «войны за передел территорий». Данная проблема будет рассмотрена в контексте российско-германских отношений в 1905–1914 гг. Нам предстоит выделить факторы сближения и отторжения в региональной политике двух империй с целью сохранения мира и недопущения начала Мировой войны.

Первым фактором сближения России и Германии стала русско-японская война (1904–1905 гг.), так как Россия воевала с союзницей Великобритании — Японией. Шедшие боевые действия в тихоокеанском регионе вызывали опасения у Германии в отношении ее колониальных владений [1, с. 157]. Однако Германия была посредником в военном конфликте и «гарантом неприсоединения» к одной из сторон [2, с. 60]. С другой стороны, в правительстве Германии в 1904 году заговорили о германо-российском союзе. Инициатором сближения с Россией против Великобритании с целью сохранить мир в Европе выступил кайзер Вильгельм II [3, с. 380]. Правда, по мнению членов Военно-морского ведомства Германии, был необходим «оборонительный

союз» Германии, России и Франции [1, с. 155], первый шаг к которому был сделан в 1905 году.

Заключение русско-германского союзного договора в Бьерке в 1905 году стало еще одним фактором сближения Германии и России, причем одна из статей предусматривала включение в союз Франции за счет влияния на французское правительство российского царя Николая II [4, с. 19]. Видимо, правительству кайзера хотелось реализовать формулу «3+2» [3, с. 381]. Согласно ей, в альянс, гарантировавший миропорядок, вошли бы страны Тройственного союза и Россия с Францией, но задумка не осуществилась. После осуществления первого этапа русско-германские отношения вступили во второй этап.

На этом этапе кайзер Вильгельм II выступил с предложением урегулировать отношения по «Балтийскому вопросу» в связи с увеличением германского ВМФ. В этом плане германское правительство из-за боязни вторжения иностранного военно-морского флота в Балтику и возможной оккупации Дании [5, с. 384] пошло на заключение с Россией сначала Секретного протокола (1907 г.), затем специальной Декларации по «Балтийскому вопросу» (1908 г.). Дания и Швеция присоединились в качестве равноправных участников стран Балтийского региона. Следовательно, Россия и Германия за счет дипломатии установили равноправные принципы взаимодействия на Балтике и сделали второй шаг по преодолению угрозы «войны за передел территорий».

Возникший Боснийский кризис (1908 г.) в связи с аннексией Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией стал первым фактором отторжения в русско-германских отношениях. Австро-Венгрия, став инициатором кризиса, втянула Германию в конфликт в качестве щита от стран Западной Европы [6, с. 80]. Несмотря на то, что Германия поддерживала своего союзника, ее правительство выступило гарантом сохранения баланса сил. Для разрешения конфликта германский посол в России граф Ф. фон Пурталес вручил российскому министру иностранных дел А.П. Извольскому 22 марта 1909 г. «предложения по разрешению кризиса». Царское правительство России, ощущая слабость на внешнеполитической арене после поражения в войне с Японией, вынуждено было признать действия германского союзника.

Другим фактом отторжения стали военные приготовления России и Германии. Так, в России царское правительство было обеспокоено тем, что Германская армия с 1911 по 1913 годы увеличилась с 641 тыс. до 808 тыс. человек [7, с. 70–71], отчего в ответ российские ВС готовы были мобилизовать 1 232 738 человек [8, с. 73]. Немалую роль в России сыграли процессы перевооружения, начавшиеся с 1909 года. С одной стороны, страна восстанавливала военный потенциал, а с другой, хотела

ослабить позиции Австро-Венгрии на Балканах [9, с. 25], что хорошо прослеживалось в Балканских войнах, когда Россия и Франция поддерживали Сербию, а Болгария ориентировалась на Германию. Этими действиями царское правительство России пыталось выставить австро-венгерское правительство нарушителем Декларации о взаимном нейтралитете (1904 г.).

Новую угрозу «войны за передел территорий» породил Июльский кризис (1914 г.). В связи с убийством в Сараево (на территории Боснии) эрцгерцога Франца Фердинанда Г. Принципом австро-венгерское правительство вручило Сербии «ноту», на которую правительство Сербии готово было согласиться после предъявления весомых доказательств виновности сербских террористов в «Сараевском убийстве». Россия активно поддержала Сербию, так как Австро-Венгрия проявила агрессию по отношению к последней и попросила Германию выступить как посредника [10, с. 458–459]. Посредничество Германии в конфликте можно назвать фактором сближения, однако кайзер не хотел нарушать союзнические отношения с Австро-Венгрией, поэтому и засомневался в своей роли [11, с. 459]. В итоге царское правительство начало мобилизацию 31 июля как ответное действие на мобилизацию австро-венгерской армии и обстрел Белграда 28 июля [12, с. 460], а Вильгельм II мобилизовал свои войска из-за невозможности разрешить конфликтную ситуацию [13, с. 462].

Таким образом, факторами сближения России и Германии были русско-японская война как повод для контакта, договоры, заключенные в результате этих отношений, посредничество одной из сторон в разрешении конфликта, а также включение в международные отношения других участников (Дания и Швеция). Однако по характеру эти договоры были секретные, что ставило участников в некую зависимость от их союзников. И, тем не менее, факторы сближения проявились в 1905–1908 годах, но после Боснийского кризиса и до начала Первой мировой войны следовали факторы отторжения. Ими были двоякая политика Германии и России, наращивание военного потенциала обоими государствами, открытая поддержка Сербии Россией.

Таким образом, политика в Балтийском регионе оказалась более удачной, чем на Балканском полуострове. Учитывая соперничество на Балканах России и Австро-Венгрии и Балканские войны, ставшие фактором раздела Россией и Германией своих сфер влияния, важно отметить то, что складывание союзов привело к расколу стран Балканского региона. Следовательно, выделив основные факторы, можно сделать вывод, что попытка преодолеть угрозу возникновения военного конфликта за счет региональной политики в российско-германских отно-

шениях была, но главную роль в отторжении сыграли «союзнические связи» России с Францией и Сербией, а Германии с Австро-Венгрией и Болгарией, из-за которых в результате цепной реакции началась Первая мировая война.

Литература

1. Тирпиц А. фон Воспоминания. М., 2014.
2. Шилов С.П. Русско-японская война 1904–1905 годов и германское военно-морское ведомство // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 52–68.
3. Письмо Вильгельма (27/VII–1906) // Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894–1914. М., 2007. С. 255–496.
4. Русско-германский союзный договор в Бьерке, 11 (24) июля 1905 г. // Мировые войны XX века. Кн. 2. М., 2002. С. 18–19.
5. Телеграмма Вильгельма (22/VII(4/VIII)–1905) // Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894–1914. М., 2007. С. 255–496.
6. Гинденбург П. Из моей жизни. М., 2013.
7. Сухопутные вооруженные силы Германской империи и ее военные расходы // Сборник документов по истории нового времени. Экономическое развитие и внутренняя политика стран Европы и Америки, 1870–1914. М., 1989.
8. Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. М., 2001.
9. Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М., 2014.
10. Письмо Николая (17(30)/VII–1914) // Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894–1914. М., 2007. С. 255–496.
11. Телеграмма Вильгельма (17(30)/VII–1914) // Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894–1914. М., 2007. С. 255–496.
12. Телеграмма Николая (18/VII–1914) // Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894–1914. М., 2007. С. 255–496.
13. Телеграмма Вильгельма (1/VIII–1914) // Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894–1914. М., 2007. С. 255–496.

В.Р. Филиппов

Трансграничные взаимодействия в Африке

Своеобразие трансграничных взаимодействий на Африканском континенте обусловили, по крайней мере, два обстоятельства: во-первых, эфемерность самих границ, во-вторых, то, что они часто разделяют (пусть условно) социокультурные (социолингвистические) общности, проживающие на сопредельных территориях соседних стран [1, с. 45–58]. Сами по себе отмеченные обстоятельства не таят в себе особой

опасности, а в ряде случаев приобретают даже позитивный смысл. Однако в ситуации обострения экономической и социальной конкуренции как внутри граничащих между собой государств, так и между ними, отмеченные обстоятельства могут приобретать роль конфликтогенных факторов. В особенности, если присутствуют некие внешние политические силы, заинтересованные в разжигании конфликта.

На приграничных территориях африканских стран оказываются, чаще всего, представители социокультурных (языковых) меньшинств. В силу того, что демографически доминирующие общности обычно занимают лидирующие положения во властных политических элитах, меньшинства оказываются не только на географической периферии, но и на периферии политического пространства государств.

Политические системы подавляющего большинства африканских государств до сей поры страдают «детской болезнью» этничности. (Мы используем термин «этничность» в том смысле, в котором его часто употребляют во франкофонной социальной антропологии: принадлежность к *ethnie* означает инкорпорированность в то или иное архаичное родо-племенное сообщество [2, с. 52–73]; распад таковых означает переход к другим типам социальных связей, они уже не могут интерпретироваться как «этнические», поскольку исчезает единственный критерий отнесения — кровное родство).

В силу этого легко диагностируемого заболевания, политические структуры (партии, общественные ассоциации и проч.) выстраиваются чаще всего как явное или неявное социально-политическое единство вождя, родо-племенной «аристократии» и родственной (как правило, вооруженной) клиентелы. Политическое взаимодействие в этой ситуации превращается в перестрелку, а электоральный процесс зачастую принимает вид армейского путча.

Тотальная коррупция и воровство африканских властных элит (Л. Гевелинг назвал такую форму правления «клептократией» [3, с. 10]) приводят к тому, что государственные системы распределения социальных благ работают крайне неэффективно: по понятным причинам большая часть скромных ресурсов распределяется среди представителей демографически и политически доминирующих социокультурных общностей, то есть расходуется на поддержание клиентелистских связей.

Поскольку властная элита и ее «группа поддержки» обычно бывает сосредоточена в столице и прилежащих к ней территориях, постольку социальные блага бывают сосредоточены в Центре, не обязательно географическом, но обязательно политическом, государственном. До населения приграничных, периферийных районов практически ничего не

доходит: социальные программы не работают, гуманитарная помощь разворовывается и проч.

Это в свою очередь побуждает представителей меньшинств к консолидации с близкими по культуре и языку общностями, невзирая на государственные границы. Необходимость обеспечения витальных потребностей толкает дискриминируемые социокультурные сообщества на применение оружия, как против центральных властей, так и против представителей иных, конкурирующих с ними проправительственных групп населения.

Таким образом, трансграничное сотрудничество порой становится фактором консолидации оппозиционных центральным правительствам социумов, способствует девальвации государственной власти на периферии суверенных субъектов международного права, ежедневно продуцирует сепаратизм. А это, в свою очередь, препятствует формированию гражданских наций в африканских странах, способствует консервации архаичных родо-племенных социальных связей и структур.

В том случае, если приграничные территории богаты какими-либо минеральными ресурсами (в особенности углеводородами или ураном), трансграничные взаимодействия могут приобретать характер острой конкурентной схватки, а иногда и вооруженной борьбы [4, с. 36]. Чаще всего, вооруженные столкновения на сопредельных территориях, богатых ресурсами, сознательно провоцируются спецслужбами «великих держав» для обеспечения контроля над территориями и монопольной эксплуатации природных богатств.

Яркий пример такого конфронтационного взаимодействия — ситуация, сложившаяся в настоящее время в субсахарской зоне.

Обширная территория юга Сахары и Сахеля, разделенная границами таких стран, как Ливия, Алжир, Мали, Нигер и Буркина-Фасо [5], населена бербероязычными кочевыми племенами туарегов. Несмотря на то, что пустынная зона их кочевий расчленена рубежами нескольких субъектов международного права, туареги воспринимают ее как свою историческую прародину, мифологическое государство Азавад. Эти «корсары пустыни» известны в субсахарской зоне как воины, торговцы и скотоводы [6]. Они издавна выращивают и продают крупный рогатый скот, коз, овец и верблюдов. Но главным источником существования туарегов всегда была и остается транссахарская караванная торговля. Традиционно отношения между туарегами и темнокожими земледельцами и рыбаками манде и сонгаями, населявшими долину реки Нигер, были хоть и не совсем дружественными (тому имеется много исторических причин), но вполне вписывались в схему взаимовыгодного товарного обмена земледельцев и скотоводов.

В настоящее время воинственные туареги фактически монополизировали транзит оружия и наркотиков из Западной Тропической Африки в арабские страны Магриба. В Мали эти «белые люди пустыни» [7] кочат, в основном, в регионах Тимбукту, Гао и Кидал; в Нигере — в регионах Агадес и Тахуа; в Алжире — в вилайете Таманрассет. Так случилось, что именно в треугольнике, который образовали государственные границы этих стран, обнаружены и уже разрабатываются богатейшие месторождения урановых руд. И трансграничные взаимодействия в Сахеле в настоящее время определяются именно этим фактором.

Добычу урана в регионе практически монополизировала Франция, использовавшая конкурентные преимущества бывшей метрополии. Напомню, до начала 60-х гг. прошлого века все названные африканские государства входили в состав французской колониальной империи. Однако к залежам урана все ближе подбирается Китай (в Зоне Сахеля уже появились крупные компании из Поднебесной).

Лидеры африканских государств (Мали, Нигера, ЦАР) в последние годы сделали определенные дипломатические шаги для того, чтобы избавиться от опеки Пятой республики и диверсифицировать свою внешнеэкономическую политику. Тем более, что Китай готов сейчас платить за африканский уран цены куда более высокие, нежели цены, которые навязывает французский государственный концерн AREVA.

Однако любые попытки бедных африканских стран хоть как-то изменить распределение доходов от эксплуатации природных богатств в свою пользу вызывают жесткое противодействие со стороны Елисейского дворца. Дипломатическое давление, инспирирование трайбалистских конфликтов, организация военных путчей, отстранение от власти законно избранных президентов суверенных стран, военные интервенции под видом «мировотворческих миссий» — нет ничего, чем бы побрезговали французы во имя обеспечения ядерным топливом своих АЭС.

Именно эта военно-политическая активность Франции определяет напряженность и противоречивость трансграничного взаимодействия в рассматриваемом регионе.

С одной стороны, официальные правительства (целиком подконтрольные Франции) названных выше субъектов международного права готовы к сотрудничеству и совместным усилиям (политическим, дипломатическим, военным) для достижения и поддержания мира на «своих» приграничных территориях. Однако территории эти фактически не контролируются правительственными войсками и находятся во власти кочевых племен туарегов.

Последние, в свою очередь, провозгласили на этих территориях суверенитет непризнанного (до поры?) государства Азавад, установленные

государственные границы недействительными, а все ресурсы в интересующей нас зоне Сахеля национальной собственностью граждан этого самопровозглашенного государства. Иными словами, заявили о своем намерении получать ренту от эксплуатации залежей урановых руд.

Особый колорит ситуации придает все более заметное присутствие в регионе «Аль-Каиды Магриба» (АКМ), лидеры которой стремятся к поглощению местных исламистских организаций и союзу с вождями туарегских племен.

Путч 2014 г. в Мали, военная интервенция Франции в зону конфликта малийской армии и туарегов, попытки США наращивать свое присутствие в регионе, — все это делает ситуацию на стыке границ Мали, Нигера и Алжира взрывоопасной и непредсказуемой.

Литература

1. Хабенская Е.О. Сенегало-мавританский конфликт 1989 г.: причины и последствия // Конфликтология / nota bene. 2015. № 1.
2. Филиппова Е.И. Понятие *ethnie* во французской научной традиции и его использование // Этнографическое обозрение. 2007. № 3.
3. Гевелинг Л.В. Клептократия. М., 2001.
4. Турьинская Х.М. Сомалийцы в федеративной системе Эфиопии // Азия и Африка сегодня. 2012. № 4.
5. Bernus E. Etre Touareg. URL: <http://www.politique-africaine.com/numeros/pdf/047023.pdf>
6. Hershowitz A. The Tuareg in Mali and Niger. URL: <http://www1.american.edu/ted/ice/tuareg.htm>
7. Bode P. Touareg. URL: <http://mali-music.com/Cat/CatT/Touareg.htm>.

Е.О. Хабенская

Пограничные конфликты в Африке

(на примере сенегало-мавританского конфликта 1989 г.)

Территориальные споры и конфликты — явление характерное для африканского континента [1, с. 7–11]. Большая часть африканских государств создавалась в границах прежних колоний, и эти границы проводились без учета особенностей географического расселения родоплеменных групп. Оказавшись по разные стороны границы, родственные группы игнорировали ее, что порождало претензии правительств соседних стран друг к другу. Бывшие метрополии в борьбе за африканские ресурсы нередко играли на разногласиях соседей, целенаправленно подогревая конфликты.

Ситуация на сенегало-мавританской границе типична. В 1905 г. Франция установила границу между колониями по середине реки Сенегал, а в 1933 г. — отодвинула ее к мавританскому берегу. При этом население продолжало свободно перемещаться с одного берега на другой, в зависимости от требований сезона, севооборота, необходимости смены пастбищ и т.д. [2]. К 1980-м гг. многие жители этих мест имели неясное гражданство.

Пограничный конфликт 1989 г., переросший в затяжной кризис, имел длительные предпосылки — политические, экономические, социокультурные. Экономической подоплекой конфликта стала конкуренция граждан двух стран в использовании земель и пастбищ в долине р. Сенегал, политической — неурегулированность территориальных разногласий между странами, социокультурной — борьба между различными этнорасовыми группами в Мавритании, узаконенная в стране расовая дискриминация «черных» мавританцев.

В течение десятилетия, предшествующего конфликту с Сенегалом, Мавритания переживала экономические и политические потрясения. Экономика была истощена затянувшейся войной за территорию Западной Сахары и сильнейшей засухой. С 1978 по 1984 гг. в Мавритании произошли несколько военных переворотов, сменились 4 лидера. В декабре 1984 г. в результате очередного переворота к власти пришел начальник генерального штаба Сиди Ахмед ульд Тайя. Он развернул масштабные реформы, благодаря которым ему удалось в сжатые сроки существенно модернизировать и оптимизировать экономику страны и политическое управление. Обратной стороной его деятельности стал рост социальной напряженности, связанный с наступлением на традиционные институты власти, и масштабными политическими репрессиями (ситуация типична для африканских стран: модернизация экономики, чаще всего, сопряжена с авторитаризмом и жестким подавлением инакомыслящих [3]). Под прикрытием борьбы с «черной оппозицией» мавританский лидер осуществлял «арабизацию» страны, выдавливая афро-мавританцев из престижных социально-статусных ниш [4].

Предпосылками конфликта 1989 г. стали аграрные реформы начала 1980-х гг. в Мавритании (замена традиционной общины земельными кооперативами, установление собственности на землю, внедрение рисоводства, строительство плотин), повлекшие распад традиционной системы землепользования. В долине реки Сенегал (единственной водной артерии Мавритании) начались масштабные экспроприации земель у африканского населения (фульбе и тукулёров) в пользу переселявшихся с севера страны арабов.

Начало конфликту положил инцидент, произошедший 9 апреля 1989 г. на границе Мавритании, Сенегала и Мали. В результате земельного спора были убиты два сенегальца. СМИ распространили информацию об инциденте, обвинив мавританских пограничников в убийстве граждан Сенегала. Это известие спровоцировало массовое насилие по отношению к мавританцам в Сенегале и к сенегальским гражданам — в Мавритании. В Дакаре и других крупных городах в течение нескольких дней были разгромлены около тысячи магазинов и лавок, принадлежавших мавританским торговцам. Для нормализации обстановки в Дакаре были мобилизованы армейские подразделения и все отряды полиции, которые арестовали более 2,5 тыс. участников погромов [5]. Ущерб правительство Мавритании оценило в миллионы франков КФА [6].

Ситуация в Нуакшоте осложнялась расовыми противоречиями в обществе. Здесь разбушевавшаяся толпа не ограничилась погромами, как в Сенегале. Группами «черных арабов» из числа освобожденных рабов, вооруженных железными прутьями, в течение двух дней были жестоко убиты более 100 сенегальцев, около 700 получили ранения. Вспышки насилия заставили правительства Мавритании и Сенегала принять решение о репатриации граждан с целью остановить дальнейшее кровопролитие.

Руководство Мавритании воспользовалось конфликтом и усилением межрасовой напряженности для начала кампании против афромавританцев, которых массово записывали в «черную оппозицию», увольняли с престижных постов, арестовывали и высылали из страны. Депортация проходила с нарушением гражданских прав — у людей отнимали паспорта прямо в полицейских участках, грузили в переполненные автомобили и вывозили к реке Сенегал, где сажали в лодки и переправляли на сенегальский берег. Множество детей депортированных родителей остались в стране без опеки и дополнили ряды невольников [8]. По разным данным, от 50 до 70 тыс. чернокожих мавританцев были депортированы по приказу правительства и размещены в лагерях беженцев на севере Сенегала [9, с. 60].

В августе 1989 г. Мавритания и Сенегал разорвали дипломатические отношения, практически прекратили официальные связи. В начале 1990 г. конфликт пережил самую острую стадию: «полемика» в долине реки Сенегал велась с помощью дальнобойных орудий и минометов. Обострение ситуации было связано с завершением сезона дождей и спадом уровня воды в реке. Из-за нехватки посевных площадей мавританские крестьяне начали занимать обработанные сенегальцами участки на берегу реки. В попытках отстоять свои поля сенегальцы по ночам проносили на противоположный берег, что приводило к вооруженным

столкновениям. Чтобы противостоять этим набегам, мавританские пограничники открывали огонь на поражение. «Масла в огонь» подливала активизация на границе мавританских беженцев из числа негро-африканского населения. Они объединялись в вооруженные группы под руководством бывших военнослужащих и совершали рейды на мавританскую территорию, чтобы вернуть свой скот и имущество.

С начала конфликта международное сообщество делало попытки урегулирования конфликта. Представители африканских, арабских и европейских стран (Алжир, Египет, Саудовская Аравия и Франция), заинтересованные в восстановлении политической стабильности в регионе, предлагали конфликтующим сторонам помощь в организации переговоров [10, с. 60]. До начала 1990 г. эти усилия не принесли заметных результатов, первые успехи дипломатии были достигнуты при участии Франции в январе 1990 г. В ходе переговоров были озвучены взаимные требования сторон.

Руководство Мавритании настаивало на компенсации ущерба мавританским гражданам, нанесенного во время массовых погромов в апреле 1989 г. в Сенегале, возвращения им капиталов, замороженных в сенегальских банках, обеспечения безопасности 250-ти тысячам мавританцев, оставшимся в Сенегале, и представления возможности всем желающим вернуться на родину. При соблюдении этих условий Мавритания выражала готовность рассмотреть вопрос о компенсации материального ущерба сенегальским гражданам, депортированным в апреле–мае 1989 г.

Сенегал соглашался положительно решить вопрос о материальной компенсации пострадавшим мавританцам, однако выдвигал в качестве условия пересмотр границы по правому берегу реки Сенегал. Территориальные претензии были отклонены мавританской стороной, что затормозило мирный процесс. Мавританское руководство отказывалось также обсуждать вопрос о возвращении на родину 48 тыс. граждан Мавритании, принадлежащих к так называемой «черной оппозиции», опасаясь, в случае их репатриации, нового витка антиправительственных выступлений и борьбы против монопольной власти «белых арабов».

К 1991 г. позиции Дакара и Нуакшота смягчились. В мае 1991 г. между Сенегалом и Мавританией было заключено мирное соглашение, обе страны вновь открыли свои границы, а в июле — восстановили дипломатические отношения. Власти Сенегала заявили о готовности отказаться от пользования землями на правом берегу, продолжая считать эту область своей территорией. Руководство Мавритания согласилось с тем, что граница проходит посередине реки. После подписания мирного договора в отношениях двух стран остались и другие нерешенные вопро-

сы, связанные, прежде всего, с нелегальным перемещением через границу граждан двух стран.

Периодические столкновения на границе продолжались еще в течение многих лет. Вторая, менее острая волна конфликта прокатилась по долине Сенегала в 1994 г. после притока в Мавританию кочевников с севера Мали — берберов и туарегов. В 1994 и 1997 гг. правительствами трех стран (Сенегала, Мавритании и Мали) были подписаны два соглашения — о взаимном сотрудничестве с целью обеспечения безопасности на пограничных территориях и противодействия распространению оружия и о совместном патрулировании вдоль границы. К этому времени около 25 тыс. мавританцев, из 250 тыс. покинувших Сенегал в 1989 году, вернулись домой. 16 тыс. из них получили поддержку от Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН).

К 1998 г. большинство мавров смогли возвратиться в Сенегал. Вопрос о репатриации беженцев-сенегальцев в Мавританию и восстановлении их законных прав на землю и имущество был отложен еще на 9 лет [4]. Власти Мавритании вернулись к этой проблеме лишь после падения репрессивного режима ульд Таи, но окончательно она не решена до сих пор. В 2007 г. было подписано трехстороннее соглашение между Мавританией, Сенегалом и УВКБ ООН по делам беженцев о гарантиях для репатриантов (восстановление гражданства, возврат утраченной собственности, денежная компенсация) [11, с. 18]. С 2008 по 2012 гг. на родину в Мавританию были репатрированы 24,5 тыс. беженцев, только 8 тыс. из них обрели гражданство. Большинство получило лишь участок земли в пустыне и временное жилище. Фактически репатрианты оказались в роли беженцев на территории «своего» государства [12].

Самые тяжелые последствия сенегало-мавританского пограничного конфликта лежат в социокультурной и гуманитарной сферах. Конфликт, причины которого изначально находились в политической и экономической плоскостях, породил сильнейшую этнорасовую напряженность между арабским и африканским населением. Из Сенегала выехали почти все мавры, до этого столетиями жившие бок о бок с африканцами. Тысячи афромавританских беженцев до сих пор не могут вернуться в Мавританию, а тысячи вернувшихся не имеют возможности восстановить утраченное имущество и статус.

Литература

1. Конфликты в Африке: причины, генезис и проблемы урегулирования (этнополитические и социальные аспекты). М., 2013. С. 7–11.

2. Kneib B. Roots of Conflict between Senegal and Mauritania // ICE Case Studies, November 5, 2002. URL: <http://www1.american.edu/ted/ice/senegal-mauritania.htm>
3. Филиппов В.Р. Буркина Фасо: политический кризис 2011 года // Международные отношения. 2013. № 4. С. 424–438.
4. Fall A.S. Conflict in the Senegal River Valley // Cultural Survival Quarterly. 1998. Issue 22.4/ URL: <http://www.culturalsurvival.org/ourpublications/csq/article/conflict-senegal-river-valley>
5. Обстановка в Дакаре нормализуется // ИТАР-ТАСС (ИНОТАСС, Дакар). 29.04.1989.
6. К отношениям между Мавританией и Сенегалом // ИТАР-ТАСС (ИНОТАСС, Нуакшот). 29.04.1989.
7. Аналитический доклад Human Rights Watch (HRW). 1989. URL: <http://www.hrw.org/legacy/reports/1989/WR89/Mauritan.htm>
8. Carayol R. Négro-mauritaniens: retour sur vingt-cinq ans de solitude // Jeune Afrique. 2014. 16 Mai. URL: <http://www.jeuneafrique.com/Article/JA2781p060.xml0/senegal-immigration-mauritanie-refugies-mauritanie-senegal-negro-mauritaniens-retour-sur-vingt-cinq-ans-de-solitude.html>
9. Барри Б. Актуальные вопросы внешней политики Республики Сенегал в 90-е годы. Дисс. ... к.и.н. ИАфр. РАН. М., 1999.
10. Деловая Мавритания. Т. II. Спецвыпуск. М., 2009. С. 18 // Polpred.com. URL: http://polpred.com/free/country/2111_demo.pdf
11. Carayol R. Négro-mauritaniens: retour sur vingt-cinq ans de solitude // Jeune Afrique. 2014. 16 Mai. URL: <http://www.jeuneafrique.com/Article/JA2781p060.xml0/senegal-immigration-mauritanie-refugies-mauritanie-senegal-negro-mauritaniens-retour-sur-vingt-cinq-ans-de-solitude.html>

А.М. Халбаева

Интеграция трансграничных мигрантов в системе управления миграционными процессами: опыт Германии

Миграция стала неотъемлемой тенденцией современного мира в связи с масштабными трансформациями, затронувшими планету во второй половине XX века. Россия тоже оказалась вовлеченной в орбиту интенсивных миграционных процессов, требующих управления для содействия интеграции мигрантов, минимизации межэтнических конфликтов, противодействия интеллектуальной эмиграции [1]. Согласно данным доклада ООН 2013 г., Россия занимает второе место в мире по

количеству иностранных мигрантов, проживающих на ее территории. Экспертами была названа цифра — 11 млн человек (включая нелегальных мигрантов). Первое место в этом рейтинге заняли Соединенные Штаты Америки (48,8 млн чел.), на третьей строчке находится Германия (9,8 млн чел.) [2]. В связи со значительным количеством иностранных мигрантов целесообразно рассмотреть особенности управления миграционными процессами в иностранных государствах для транслирования зарубежного опыта применительно к современной российской политике. Для анализа особенностей политического управления миграционными потоками особый интерес представляет опыт Германии, где миграционные процессы отличаются масштабом, интенсивностью.

Германия благодаря высокому уровню жизни и значительным социальным пособиям привлекает большое количество мигрантов. В 2012 г. Организацией экономического сотрудничества и развития было проведено статистическое исследование, показавшее, что в Германии проживает более 30% всех европейских мигрантов. Помимо них на территории ФРГ проживает значительное количество мигрантов мусульманского происхождения, в первую очередь из Турции. Одна из проблем государства — нежелание таких мигрантов интегрироваться в жизнь немецкого общества, практически в каждом крупном городе существуют так называемые «турецкие» кварталы со своими нормами и правилами. Нельзя забывать про гендерный аспект миграции: многие женщины-иммигрантки из-за патриархальных отношений, сложившихся в семье и обремененности детьми, лишены возможности интеграции в социум и фактически исключены из экономической, политической и культурной жизни страны. Количество турков, проживающих в Германии, составляет на данный момент свыше 3,4 млн человек. До недавнего времени германское правительство стремилось к максимальной реализации принципов политики мультикультурализма, но в 2010 г. канцлер А. Меркель была вынуждена признать провал данной политики и нежелание мигрантов интегрироваться в культуру принимающего общества. В то же время аналогичные заявления сделали лидеры Франции и Великобритании, из чего следует, что эта общая проблема является актуальной для правительств западных развитых стран. Согласно опросам 2011 г., 78% турков разочарованы политикой канцлера, в том числе в области миграции, 58% из них чувствуют себя «ненужными и нежелательными» в Германии. Само государство заинтересовано в мигрантах, но потребность в низкоквалифицированной рабочей силе неуклонно снижается, сейчас Германия стремится привлекать высококачественных специалистов путем продвижения раз-

личных программ, например Greencard (для привлечения иностранных специалистов в области IT- технологий). Тем не менее, помимо специалистов высокого уровня в страну ежегодно приезжают неквалифицированные, экономически неактивные мигранты, являющиеся «обременением» для государственного бюджета.

В Германии проживает свыше 80 млн человек, доля иммигрантов составляет 13,1%. К основным направлениям миграционной политики ФРГ относятся: усиление борьбы с нарушениями миграционного законодательства; повышение требований к квалификации въезжающих мигрантов; привлечение высококвалифицированных специалистов; сокращение «социального туризма»; интеграция иммигрантов путем включения их в социальную, политическую, культурную, экономическую жизнь общества; снижение числа межэтнических конфликтов [3]. Как можно видеть, интеграция и адаптация мигрантов, селективный отбор являются приоритетами в управлении миграционными процессами в Германии. Основным национальным нормативно-правовым актом в миграционной сфере является Закон об иммиграции от 2005 г., скомпилировавший все предыдущие законы об иммигрантах, беженцах и перемещенных лицах.

За интеграционные процессы в ФРГ отвечает BAMF (служба по интеграции мигрантов и беженцев). Деятельность этой компании базируется на следующих постулатах: языковая, профессиональная интеграция, образование, интеграция в немецкое общество. Для реализации намеченных целей компания проводит на всех уровнях различные интеграционные курсы для всех категорий населения. Широко практикуется привлечение добровольцев и волонтеров, в первую очередь из числа уже укоренившихся мигрантов, к различным интеграционным проектам. Федеральное ведомство финансирует обучение на мультипликаторов для различных мигрантских организаций и религиозных объединений для последующей общественно-полезной деятельности в области адаптации и интеграции. Из числа прочих программ, реализуемых на местах, стоит выделить проекты для родителей (бесплатные консультации психологов, юристов, непосредственная помощь в воспитании детей, организация совместного досуга мигрантов и их детей), программа «Интеграция через спорт» (привлечение иммигрантов к спортивным соревнованиям, межкультурным спортивным праздникам), проекты, направленные на профилактику преступности и насилия среди молодежи и т.д. Реализуется специальная совместная программа BAMF и Европейского социального фонда в рамках межуровневого взаимодействия, направленная на профессиональную ориентацию людей с мигрантским прошлым.

Особого внимания требует многосубъектность интеграционных процессов, всесторонне поощряется вовлечение германских граждан, что, по мнению экспертов, должно способствовать межкультурной и межэтнической открытости в обществе. Стоит отметить, что сами граждане также высоко оценивают данную инициативу, полагая, что это будет полезно им самим в сфере расширения межкультурных коммуникаций. Например, интеграционная программа «Импульс» нацелена на сотрудничество между образовательными учреждениями всех уровней и родителями с мигрантским прошлым, а также на увеличение преподавателей из числа мигрантов. По мнению разработчиков программы, это будет способствовать более эффективной интеграции на местном уровне.

В Германии реализуется значительное число программ, проводимых благотворительными и неправительственными организациями, значительная их часть существует на уровне населенных пунктов, сотрудники работают на общественных началах. Важный вклад в интеграционную работу вносят родительские объединения, в которых родители-мигранты сотрудничают с целью повышения образовательных шансов и возможностей детей. Из сказанного следует, что эти программы, как правило, имеют адресную направленность и нацелены на конкретные группы мигрантов (родители, дети, студенты, бизнес-мигранты и т.д.). Основная проблема — анклавное проживание значительной части мигрантов (и легальных, и нелегальных), их нежелание, а порой и отсутствие возможности интегрироваться в немецкое общество.

Немецкое население зачастую воспроизводит негативные установки по отношению к иммигрантам в связи со значительной нагрузкой на бюджет (выплата социальных пособий), возросшим уровнем преступности. Примечательно, что в 2013 г. на ежегодном конкурсе слов, вызывающих наибольшее количество негативных эмоций, абсолютным победителем было признано слово *Sozialtourismus* («социальный туризм»). Второе место в списке занял термин *Armutszuwanderung* («бедная миграция»). Но при этом официальные опросы общественного мнения свидетельствуют о противоположных тенденциях. Так, исследование TNSE об отношении немцев к миграционным процессам показало, что 85% жителей Германии в возрасте от 14 до 29 лет считают, что миграция делает жизнь в Германии интереснее и насыщеннее, среди респондентов старше 60 лет такой точки зрения придерживаются 61%. Во многих сферах жизни немцы даже нуждаются в увеличении количества мигрантов, например, в области воспитания детей, в полицейских органах. Таким образом, отношение немцев к мигран-

там можно расценить как в целом благосклонное. Опрос выявил и негативные тренды: 56% молодежи не одобряют нагрузку на бюджет из-за социальных выплат мигрантам, 46% из числа опрошенной молодежи и 74% пожилых респондентов обеспокоены негативным характером взаимоотношений детей из числа мигрантов и коренного населения в школах Германии. Немцев также беспокоит провал политики мультикультурализма. Подтверждением этого служит то, что 70% всех опрошенных требуют, чтобы органы государственной власти уделяли больше внимания развитию толерантности в мигрантской среде. Из этого следует, что наличие конфликтов между коренными жителями и иммигрантами в Германии — современная реальность, требующая вмешательства со стороны государства и иных политических акторов. Самыми важными задачами общества и государства для успешной интеграции мигрантов респонденты считают достаточное количество курсов немецкого языка, в особенности для детей (так считают 86% опрошенных), назначение контактного лица для решения правовых и бытовых вопросов мигрантов, потому что, по мнению немцев, властные учреждения должны помогать иммигрантам в интеграции. Но мигранты должны соответствующим образом реагировать на помощь со стороны общества и государства. Главным требованием, предъявляемым к приезжающим мигрантам, является знание немецкого языка (так ответило 96% опрошенных) [4].

Таким образом, в стране существуют глубокие противоречия в оценке роли и последствий миграции, что говорит о необходимости модернизации механизма политического управления миграционными процессами. Ситуация близка к критическому уровню и в ряде других государств-импортеров рабочей силы: Швейцарии, Франции, Нидерландах, Швеции, Норвегии и др. Это актуализирует вопрос о необходимости пересмотра некоторых ключевых принципов функционирования Европейского Союза.

Литература

1. Халбаева А.М. Политическое управление российскими миграционными процессами: уровни, тенденции // Научно-практический и аналитический журнал «Управление мегаполисом». 2014. № 6 (42). С. 87–90.
2. Доклад ООН Цели развития тысячелетия за 2013 г. URL: <http://www.un.org/ru/millenniumgoals/pdf/Russian2013.pdf>
3. Апанович М.Ю. Политические аспекты миграционных процессов в современной Европе : дис. ... канд. полит. наук. М., 2013.

4. Deutsche skeptisch gegenüber Migranten? Von wegen! // Die Welt.
URL: <http://www.welt.de/politik/deutschland/article112088080/Deutsche-skeptisch-gegenueber-Migranten-Von-wegen.html>.

Ю.Н. Цыряпкина

***Казахстанская модель межэтнической толерантности:
проблемы и перспективы***

Вопросы регулирования национальной политики Казахстана определяются программой Н.А. Назарбаева «Казахстанский путь развития», неотъемлемой частью которой являются казахстанская модель межэтнической толерантности и общественного согласия.

Внимание мирового сообщества в начале 1990-х годов было приковано к этнополитическому развитию Казахстана, в котором проживало самое многочисленное русское население в Центральной Азии (37,4%), в то время как доля казахов составляла 40,1% [1, с. 15]. После событий Желтоксана в декабре 1986 г., распада СССР и возникновения кровавых межэтнических конфликтов на постсоветском пространстве в Кыргызстане, Узбекистане, Азербайджане и др. внимание аналитиков и экспертов было приковано к Казахстану — самой огромной стране региона с 6-ти миллионным русским населением. Всем негативным прогнозам о развитии межэтнического конфликта в республике не суждено было сбыться, и основным успехом президента Н.А. Назарбаева является стабилизация межэтнических отношений в 1990-е — 2010-е годы и построение толерантного общества.

С одной стороны, в 1990-е — 2000-е годы в республике проводилась национализация практически всех сфер общественной жизни. В рамках политики «казахизации» в Казахстане 1990-е — 2010-е годы наращивались многие элементы казахского самосознания: традиционная культура казахов, язык, пересматривалась и идеологизировалась история периода вхождения казахских жузов в состав Российской империи, заменялись русские/советские топонимы, переименовывались города (например, Гурьев — Атырау, Семипалатинск — Семей), улицы в городах и др.

С другой стороны, необходимо отметить достижения правительства в деле сохранении межэтнического мира. Н.А. Назарбаев смог примирить две основные этнические группы: развитие языка, культуры, обычаев казахов и одновременно сохранение роли этнических меньшинств и статуса русского языка в стране. Основным пропагандистским органом в деле построения общества толерантности стала Ассамблея народов Казахстана, созданная в 1995 г. указом президента.

Миссия Ассамблеи народов Казахстана заключалась в том, чтобы сформировать казахстанскую идентичность путем консолидации этнических групп Казахстана на основе гражданского, духовного и культурного сообщества, главную роль в котором должны играть государственный язык и культура казахского народа [2].

Ассамблея — своеобразный пропагандистский орган, через который транслируются и распространяются идеи духовного единства, укрепления и сохранения дружбы народов и межэтнического согласия. С 2007 г. указом Президента Ассамблея народов переименована в Ассамблею народа Казахстана, что свидетельствует о том, что руководство страны непосредственно перешло к задаче формирования общегосударственной идентичности. В рамках работы Ассамблеи и малых Ассамблей во всех областных центрах Казахстана и двух столицах координируется работа всех этнокультурных объединений, которых по данным на 2014 г. насчитывается 820.

В 2015 г. празднуется двадцатилетие Ассамблеи; за этот период было сделано очень многое для популяризации культурных обычаев и традиций народов, проживающих в Казахстане. Примерно такая же модель взаимодействия власти и этнокультурных объединений была адаптирована в Кыргызстане в акаевский период, и в Узбекистане, воплощающаяся в формуле «Узбекистан — страна толерантности».

В Ассамблее народа Казахстана все национальные вопросы переводятся в культурные рамки и «фольклоризируются» с целью предотвращения любой формы политического выражения национальных требований [3, с. 75]. Культурная жизнь этнических меньшинств ограничивается песнями, костюмами, национальной кухней, языковыми курсами в лучшем случае. Причем национальная культура транслируется в самом архаичном фольклорном варианте. Таким образом, Ассамблея народа Казахстана позволяет показать национальные вопросы в аполитичном видении и, тем самым, ограничить действие этнического фактора, о реальности которого напоминает существование многочисленных этнических групп в стране.

Из выступления президента Республики Казахстана на XXI сессии Ассамблеи народа Казахстана в Астане 18 апреля 2014 г.: «В нашем обществе ни у кого нет никаких этнических преимуществ и все равны перед Законом. Все казахстанцы — дети одной родной земли. Все мы — разные и равные дети единого казахстанского народа». В общественно-политической риторике Президента неоднократно подчеркивалась мысль о том, что все народы Казахстана обязаны трудиться для выполнения программных установок Стратегии-2050.

На деле одним из сдерживающих факторов в деле формирования общеказахстанской гражданской идентичности является языковой вопрос, который разделяет казахстанское общество на русскоязычных и казахоязычных.

Языковая политика Казахстана начала формироваться в 1989 г., когда был принят закон «О языках в Казахской ССР», согласно которому казахский язык признавался государственным и получал приоритетное развитие. Русский язык был признан языком межнационального общения, мог употребляться в государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским, что в дальнейшем неоднократно было подтверждено нормативно-правовыми актами в 1990-е гг.

В начале 1990-х годов был объявлен перевод делопроизводства на казахский язык, окончательные сроки не оговаривались — они назывались предположительными. Руководство страны осознавало, что функции казахского языка ограничивались сферами быта и традиционной культуры, а по мере удаления от них коммуникативную функцию выполнял русский язык. С развитием рыночных отношений и информационного общества в Казахстане русский язык по-прежнему востребован.

В Казахстане были предприняты меры для расширения сферы применения национального языка. Среди них — массовое открытие казахских школ, увеличение количества часов на изучение казахского языка, открытие университетов и введение различных дисциплин и специальностей на казахском языке, создание курсов при государственных предприятиях по изучению государственного языка.

Развитие независимого Казахстана показало, что внедрение казахского языка как государственного во все сферы общественной жизни (и самое главное — в делопроизводство) — более сложный процесс, чем предполагалось вначале. В советский период выросло целое поколение казахов, работающих в аппаратах государственной власти и не умеющих готовить документы на родном языке.

В 2012 г. президент Н.А. Назарбаев, выступая с посланием народу Республики Казахстан, обозначил новый политический курс «Стратегия 2050», подчеркнув важность формирования в республике трехязычия (казахского, русского и английского) с целью сохранения своей этнической и культурной идентичности и возможности участвовать в процессах глобализации [4]. В ведущих и региональных вузах страны происходит постепенное внедрение практики преподавания отдельных курсов и дисциплин на английском языке.

С одной стороны, происходит постепенное языковое расширение функций казахского языка, он становится языком делопроизводства, что является продолжением процессов суверенизации. Например, в южных областях республики (Жамбылская, Южно-Казахстанская) делопроизводство полностью переведено на государственный язык. В таком случае упрощенно трактуются действия казахстанских властей в языковой сфере, в российских публикациях зачастую излишне драматизируется вопрос о применении русского языка в Казахстане [5]. Казахстанские русские проживают в условиях суверенизации 23 года и по-прежнему инертны в деле освоения государственного языка. Во-первых, русские владеют стандартизированным, функциональным языком. Во-вторых, одной из причин нежелания русских изучать казахский язык является неразработанность учебно-методического обеспечения курсов по изучению государственного языка, что затрудняет его освоение меньшинствами. В третьих, в республике произошло негласное перераспределение сфер трудоустройства между казахами и русскими. Из-за незнания государственного языка для русских сузилась возможность трудоустройства в государственных учреждениях, хотя в различных регионах ситуация разнится. Большинство русских заняты в частном секторе или промышленных предприятиях городов и в сфере услуг.

Нурбулат Масанов верно подметил, что в постсоветском Казахстане стало возможным усилить позиции казахского языка в области государственного управления и государственной администрации. Русский язык постепенно вытесняется из этой сферы, но еще долгое время будет языком межнациональной коммуникации. В течение 1990–2010-х годов не снизилось его использование в повседневных контактах. «Русский язык — язык учебников, культуры, престижа и ремесла. Даже, несмотря на тот факт, что казахский язык расширит сферу своего использования только в государственных органах, для развивающегося рынка, либеральной экономики, гражданского общества необходимы прочные позиции русского языка» [6, с. 48]. В целом эксперты отмечают, что политика казахстанских властей в языковой сфере в постсоветский период не отличалась радикализмом, а выглядит весьма умеренной для сохранения общественного спокойствия [7].

В настоящее время в Казахстане проживает свыше 130 этнических групп. По-прежнему доминирующими этническими группами являются казахи и русские. Численность русских и их удельный вес в составе населения республики продолжают сокращаться. Так, за период 1989–2009 гг. произошло уменьшение абсолютного показателя на 2268,3

тыс. человек, а их доля в составе населения снизилась до 23,7% в 2009 г., против 37,4% в 1989 г. [8, с. 252].

Абсолютный рост численности казахского населения и их доли в составе населения республики произошел в результате их естественного прироста и положительного миграционного прироста за счет возвращения казахов из России, Узбекистана, Туркменистана, Монголии, Китая и др. стран.

После распада СССР правительство Республики Казахстан объявило о программе возвращения этнических казахов (оралманов) из других государств на свою этническую родину. С 1991 по 2011 г. в Казахстан прибыло 824170 этнических казахов [9, с. 54]. Соответственно, в основу национальной политики Казахстана положен принцип этнического национализма (привлечение этнических казахов в государство для выравнивания демографического положения).

Цели, определенные в ближайших посланиях Президента своему народу, невозможно выполнить без прочного базиса, основанного на межэтническом диалоге, конформизме и толерантности. Это одно из главных достижений 23-летнего периода работы команды действующего президента Республики Казахстан Нурсултана Абишевича Назарбаева.

Интеграция этнических меньшинств, в том числе и русских, в казахстанское общество — процесс длительный и сложный. Первые успехи правительства Н.А. Назарбаева в деле построения общества межэтнической толерантности не гарантирует дальнейшего поступательного развития при возможной смене политического курса.

Литература

1. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. по Казахской ССР. Алма-Ата, 1991.
2. Стратегия Ассамблеи народов Казахстана в среднесрочный период (до 2007 г.). URL: <http://refdb.ru/look/1483639.html>
3. Ларюэль М., Пейруз С. «Русский вопрос» в независимом Казахстане: история, политика, идентичность. М., 2007.
4. «Стратегия-2050: Новый политический курс состоявшегося государства». Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана. URL: <http://www.akorda.kz/upload/Стратегия%20Казахстан-2050.doc>
5. Геноцид. Русские в Казахстане: трагическая судьба / Издание ассоциации переселенцев из Казахстана в России. М., 2001.
6. Я, Нурбулат Масанов... Сборник статей и интервью. Алматы, 2007.

7. Фиерман У. Языковая политика в Казахстане умеренная // ЛИТЕР. 26.06.2015. URL: http://liter.kz/ru/interview/show/10167-uilyam_fierman_yazykovaya_politika_v_kazahstane_umerennaya_

8. История Казахстана с древнейших времен до наших дней в пяти томах. Т. V. Алматы, 2010.

9. Бокаев Б.Н., Жаркынбекова Ш.К. Репатрианты Казахстана: этноязыковая идентификация и интеграция в общество // Социс. 2011. № 11. С. 54–61.

И.М. Юн ***Две Кореи — три нации***

Расчленение корейской нации политической границей наложило особый отпечаток на трансграничные взаимодействия двух государств Корейского полуострова. Сутью трансграничных взаимодействий этих государств является вероятность исторической перспективы их объединения. С момента разделения Корейского полуострова на две части прошло уже более полувека, если рассматривать подписание соглашения о перемирии в 1953 году после завершения Корейской войны 1950–1953 гг. За это время перспектива объединения нации не прояснилась, поскольку каждая из сторон исходит из собственных представлений об условиях и форме объединения. Северная Корея предлагает объединиться на равноправной основе путем создания конфедеративной республики, подчеркивая, что каждая из стран должна сохранить свой уклад и идеологию. Напротив, Республика Корея планирует объединение посредством поглощения КНДР.

Границы не только разделяют человеческие сообщества, поддерживая различия между ними, но и конституируют сами сообщества [1, с. 6], поэтому разделение единой Кореи на два корейских государства, обусловило образование двух различных социокультурных общностей. Если мы трактуем нацию в теоретической парадигме Э. Ренана, то можно говорить о сосуществовании нескольких корейских наций на пространстве Корейского полуострова. Каждая из них имеет свое политико-экономическое и социокультурное выражение, каждая эволюционирует в тесном взаимодействии друг с другом, и, вместе с тем, все более и более обособляется друг от друга. В этом суть диалектического противоречия общего и особенного.

Сложно определить, насколько господствующая идеология Северной Кореи — КНДР может полностью отвечать принципам действующей Конституции страны как суверенного социалистического государства. Учитывая политические реалии КНДР, проф. А. Ланьков справедливо отмечает: «Современная Северная Корея являет собой уникальное

государственное образование: хотя на словах страна привержена коммунистической идеологии, фактически это абсолютная монархия. О том, что осталось в стране от коммунизма и даже социализма, можно спорить, но вот наследственный характер власти в КНДР совершенно бесспорен» [2].

Вторая — южнокорейская нация развивается с чередующимися периодами управления: демократического и авторитарного, начиная с момента своего провозглашения в качестве Республики. Согласно действующей Конституции страны, Южная Корея — Республика Корея определена как демократическая президентская республика. В настоящее время — это промышленно развитая страна, которая в кратчайшие сроки достигла больших результатов в экономике, образовании и культуре. Здесь мы видим именно развитие и даже процветание общества, в отличие от северных соседей.

Существует ли единая корейская нация? Можно предположить, что таковая сформировалась еще до оккупации в период правления корейских династий, то есть еще до формирования буржуазного государства. Формирование единой корейской нации в эпоху позднего феодализма было обусловлено спецификой «азиатского способа производства», в частности тем, что государство было верховным собственником главного средства производства — земли, и численно доминирующий класс находился в равных фискальных условиях по отношению к суверену. Это обусловило формирование единого государственного аппарата, единой фискальной системы и, в конечном, счете, единого рынка.

Важно то, что позднефеодальное корейское государство складывалось в гомогенной конфессиональной, монокультурной и одноязычной среде (как государство «моноэтничное»), что способствовало формированию единых интересов, целей и ценностей, отчетливой дифференциации «мы» (корейцы) и «они» (соседи или даже враги). Все это способствовало формированию политического, потестарного единства, вело к возникновению социально-политической общности, в конечном счете — национального, корейского единства, корейской нации.

Согласно классической парадигме Э. Ренана, можно предположить, что существуют три корейские нации: единая, северокорейская и южнокорейская.

В контексте проблемы «разделенных народов» необходимо принимать во внимание корейцев, проживающих в других странах мира. В настоящее время корейцы проживают в Китае, США, Японии, Канаде, Австралии, Узбекистане, России, на Филиппинах, Казахстане, Вьетнаме, Бразилии, Великобритании, Индонезии, Германии, Новой Зеландии, Аргентине, Таиланде, Киргизии, Франции, Малайзии, Сингапуре,

Украине и Мексике. Общая численность корейской диаспоры составляет около 7 млн человек.

Н.Ф. Бугай в своей книге «Третья Корея»: новая миссия и проблемы глобализации» показывает консолидирующую роль российских корейцев, а также корейцев других государств СНГ «в укреплении отношений между Россией, странами Северо-Восточной Азии, Республикой Корея и частично КНДР ...» [3]. Непосредственно, в данной книге раскрывается роль и место корейцев России и стран СНГ в качестве «третьей Кореи». Напротив, Г.Н. Ким считает, «что не только вся разнородная совокупность зарубежных корейцев, но и корейских диаспор России и стран СНГ, не представляет собой некоего единства, именуемой «третьей Кореей» [4].

Если рассматривать корейцев России и стран СНГ, в прошлом «советских корейцев», в качестве «третьей Кореи», соответственно, можно предположить существование и других Корей из числа американских, китайских, японских, канадских корейцев и т.д. Поскольку, все они разные, у них разные интересы, то не может быть одинаковой самоидентификации, например, у корейцев, проживающих в США, Японии, Мексике, Австралии, и корейцев, проживающих в государствах СНГ, включая и российских корейцев [5].

Несмотря на все разнообразие взглядов, корейцев-иммигрантов объединяет одно общее историческое наследие, культура, религия, язык и, наконец, самое важное — душа, духовный принцип. К какой нации тогда можно отнести корейцев-иммигрантов, проживающих вне Корейского полуострова? Учитывая французскую парадигму нации, их можно считать частью единой корейской нации.

На всех историко-хронологических этапах развития корейской общности на Корейском полуострове с момента ее деколонизации в 1945 году прослеживается сохранение ее культурной (в самом широком смысле этого слова) целостности. Существует взаимное тяготение двух наций и примечательно то, что оно одностороннее. Северяне мигрируют на юг, несмотря на все существующие сложности (консульство Республики Корея отсутствует в КНДР). Южане для северян — референтная общность (северная — искусственное образование «на штыках»).

Граждане южной Кореи, понимая всю тщетность идеологии руководства северной Кореи, пытаются помочь своим собратьям. Таких примеров, трогательных и многочисленных, много (например, передача одежды первой необходимости на воздушных шариках через демилитаризованную зону).

Параллельное существование двух Корей вызывает много различных толкований среди политологов, международныхников, социологов и др. о возможном процессе их объединения. Тем не менее, «стирание демилитаризованной зоны» между югом и севером Кореи исторически

неизбежно, поскольку «отражает сокровенное желание корейцев и базируется на фундаментальной культурно-цивилизационной основе (единый язык, общие традиции, верования, обычаи, теснейшие семейно-родственные связи между северянами и южанами и пр.) [6].

Безусловно, процесс воссоединения сложен, но вполне оправдан, хотя последствия полувекowego раскола оставят отпечаток на долгое время и после объединения. Транзитивной формой сосуществования представителей трех корейских наций в пределах единого государства может стать институт национально-культурной автономии. Консолидация носителей различных идентичностей в рамках НКА позволит сделать процесс воссоединения двух Корей менее травмирующим для «разных» корейцев [7].

Литература

1. Малахов В.С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций, М., 2014.
2. Ланьков А.Н. Женщины династии Ким. URL: <http://lenta.ru/articles/2015/04/15/koreanwives>
3. Бугай Н.Ф. «Третья Корея»: новая миссия и проблемы глобализации, М., 2005.
4. Ким Г.Н. «Третья Корея»: реальность или вымысел? Объединение Кореи неизбежно. URL: <http://koryo-saram.ru/tretya-koreya-realnost-ili-vymysel>
5. Пак Хен Сон: Материалы международной конференции ученых Северо-Восточной Азии «Корейский полуостров и корейцы СНГ». М., 2005.
6. Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли В.Ф. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. URL: http://modernlib.ru/books/li_vladimir/koreyskiy_poluostrov_metamorfozi_poslevoennoy_istorii/read
7. Филиппов В.Р., Филиппова Е.И. Национально-культурная автономия в контексте совершенствования законодательства // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 46–59.

3. ОПЫТ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ В ПРИГРАНИЧНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ

А.М. Барсуков
Приграничное сотрудничество регионов
Большого Алтая

Изменение внешнеполитической деятельности России и системные ограничения Запада по отношению к России актуализировали в повестке дня обсуждение проблем и перспектив приграничного сотрудничества. Россия граничит с пятью государствами СНГ — Азербайджаном, Белоруссией, Грузией, Украиной и Казахстаном. Стоит отметить, что Алтайский край граничит с Восточно-Казахстанской и Павлодарской областями Казахстана, а Республика Алтай граничит с Казахстаном, Монголией и Китаем. Концепция приграничного сотрудничества, утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 9 февраля 2001 г., определяет принципы, задачи и направления приграничного сотрудничества [1]. Российские исследователи О.П. Осадчая и Д.В. Ремизов отмечают, что «трансграничное сотрудничество является одной из наиболее эффективных форм интеграционного взаимодействия, так как позволяет учитывать специфику потребностей населения данных территорий, задействовать административные возможности региональных и местных властей, привлечь к международному сотрудничеству средний и малый бизнес» [2]. Исследователи на основе анализа внешнеторгового оборота Алтайского края отмечают, что регион имеет высокий потенциал развития внешнеэкономической деятельности [2]. Республика Алтай наряду с Алтайским краем в последнее десятилетие ищет форматы сотрудничества и развития торгово-экономических отношений с Синьцзян-Уйгурским автономным районом, Баян-Ульгийским и Ховдским аймаками Монголии и Восточно-Казахстанской областью Казахстана [3].

В 2003 году был создан Международный координационный совет «Наш общий дом — Алтай» в рамках которого представители Баян-Ульгийского и Ховдского аймака Монголии, Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая, Восточно-Казахстанской области Казахстана, Алтайского края и Республики Алтай не только обсуждают проблемы трансграничного сотрудничества, но и совместно реализуют проекты в области гуманитарного сотрудничества. Вместе с тем КНР в ходе заседаний Международного координационного совета «Наш общий дом — Алтай» обращает внимание на необходимость взаимодей-

ствия с региональными и местными органами власти, транспортную составляющую приграничного сотрудничества и необходимость совместной реализации инфраструктурных проектов [4].

Приграничное сотрудничество обусловлено действующей нормативно-правовой базой, регулирующей торгово-экономические отношения и взаимодействие в других сферах. Особенностью регионов Большого Алтая является взаимодействие по развитию приграничной торговли и экологического туризма. По мнению руководителя Центра постсоветских исследований Института экономики РАН Л.Б. Вардомского, приграничная торговля с Россией рассматривается как фактор экономического подъема. «При этом в приграничном сотрудничестве участвуют регионы, относящиеся к разным культурно-цивилизационным системам, что создает дополнительные препятствия для его углубления. Сегодня очевидно, что подъемная сила приграничной и челночной торговли уже выработана, а новые стимулы и направления развития приграничной кооперации пока не заработали. С этим связаны современные проблемы сотрудничества на этих участках границы» [5].

Анализ приграничного сотрудничества регионов Большого Алтая показывает, что необходимо трансграничное взаимодействие не только на уровне органов государственной власти, но существует объективная потребность в расширении круга участников для решения проблем развития приграничных территорий. Участие России в интеграционных процессах на евразийском пространстве и те проблемы, которые озвучиваются в связи с обсуждением роли и значения межрегионального сотрудничества обращают нас, в том числе, и к ряду программных документов в условиях необходимости реиндустриализации и модернизации. В частности, Алтайский край и Республика Алтай являются двумя из 12 регионов Сибири, на которые направлена Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 г., определяющая основные задачи и сценарии развития регионов — модернизация и технологическое перевооружение отраслей традиционной специализации Сибири, развитие отраслей глубокой переработки природного сырья, переход к новым технологическим схемам в промышленности, модернизация транспортной, энергетической и строительной инфраструктуры, развитие машиностроения, распространение новых практик и технологий в агропромышленном комплексе [6]. Вместе с тем Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 г. подчеркивает не только отраслевую специализацию Алтайского края и Республики Алтай, но и в качестве потенциала для развития торгово-экономических отношений и гуманитарных связей отмечает пригра-

ничное положение и межрегиональное сотрудничество с регионами Сибирского федерального округа. Статистика внешней торговли Сибирского таможенного управления в рамках Сибирского федерального округа отмечает снижение импорта за период январь–июнь 2015 г. [7]. В структуре экспорта и импорта Сибирского федерального округа по странам-контрагентам в 2015 г. внешнеторговый оборот с Китаем — один из самых высоких [8].

Отметим, что Алтайский край и Республика Алтай, входящие в ареал регионов Большого Алтая, по данным статистики внешнеторгового оборота также больше взаимодействуют с Китаем [9]. Интересы регионов Большого Алтая нашли свое выражение и в сфере гуманитарного сотрудничества. В рамках Международного молодежного форума стран ШОС обсуждаются вопросы приграничного сотрудничества, точек экономического роста, развития транспортных коридоров, международного молодежного сотрудничества и необходимости формирования экспертного сообщества для освещения проблем и возможных форматов сотрудничества в регионах Большого Алтая [10]. Вместе с тем изменение геополитической обстановки находит свое отражение в прогнозах социально-экономического развития. В Республике Алтай утвержден прогноз социально-экономического развития региона на 2015 год и плановый период 2016 и 2017 годов. Анализ программного документа обозначил контуры будущего социально-экономического региона. При благоприятном прогнозе акцент сделан на развитии сельского хозяйства, пищевой промышленности, строительной и транспортной инфраструктуры [11].

Интеграционные процессы на евразийском пространстве позволили в рамках Евразийского экономического союза определить перспективные направления сотрудничества по созданию новых трансграничных производственных цепочек [12]. Для регионов Большого Алтая это одно из направлений для обсуждения и реализации проектов. Учитывая диалог России и Китая о возможности сопряжения двух стратегических проектов ЕАЭС и экономического пояса Шелкового пути, приграничное сотрудничество регионов Большого Алтая может приобрести новые форматы взаимодействия не только между государствами и бизнесом, но и между институтами гражданского общества.

Транспортно-логистический потенциал регионов Большого Алтая привлекателен для Китая, Монголии и Казахстана. Между Синьцзян-Уйгурским автономным районом и Россией наблюдается рост внешнеторгового оборота. В 2014 г. он составил 2,15 млрд долларов США. Китай выступает инициатором строительства дороги из Синьцзян-Уйгурского автономного района в Республику Алтай [13]. С учетом

влияния подъема политико-экономических объединений и интеграционных процессов на межгосударственные отношения не остается без внимания и приграничное сотрудничество России и Китая. В начале сентября 2015 г. Россия и Китай подписали совместный Меморандум о взаимопонимании в области межрегионального и приграничного сотрудничества между Минэкономразвития России и Государственным комитетом КНР по развитию и реформе [14]. По итогам исследования туристического и торгово-экономического потенциала Кош-Агачского района Республики Алтай и работы международной экспертной площадки «Приграничное сотрудничество регионов Большого Алтая», которая проходила 4 июля 2015 в Кош-Агачском районе в рамках международной торговой ярмарки, можно выделить следующие аспекты приграничного сотрудничества:

1. Чуйский тракт является транспортной артерией. В настоящее время Китай ведет работу над строительством дороги по маршруту Ташанта — Восточный Казахстан — Китай (Туктулай). Вместе с тем строительство международного аэропорта в Туктулае будет способствовать развитию туризма и торгово-экономических отношений приграничных регионов. Представители администрации района и Правительства Республики Алтай отметили, что Китай уделяет большое внимание развитию транспортно-логистических коридоров. В Кош-Агачском районе осуществляется работа по подготовке специалистов по китайскому и монгольскому языкам, что может способствовать сотрудничеству не только в сфере торговли, но и в области развития гуманитарных проектов.

2. Свободная экономическая зоны «Цагааннуур». Монголия заинтересована в развитии торгово-экономических отношений с Республикой Алтай и предоставляет в свободной экономической зоне льготные условия ведения бизнеса. В настоящее время ведется работа по поставкам ГСМ в приграничную зону и развитию инфраструктуры. В свободной экономической зоне налог взимается только на землю, а экспортный налог не взимается.

3. Сотрудничество Алтайского края и Республики Алтай с Китаем. Необходимо детально изучить условия развития бизнеса в свободной экономической зоне в приграничном районе, поскольку Китай проявляет интерес к развитию казино в Монголии. В настоящее время ведутся переговоры с Китаем по сотрудничеству в туристической сфере. Наряду с этим китайская сторона обозначает интерес по созданию бизнес-центра в регионе для дальнейшего развития торгово-экономических отношений.

4. Разработка стратегий делового сотрудничества между приграничными регионами.

В настоящее время формируется институциональная и правовая среда ЕАЭС. Запрос на деловую информацию регионов Большого Алтая остается актуальным, как и для стран ЕАЭС. Вместе с тем, взаимодействие экспертного сообщества, органов государственной и местной власти и делового сообщества требует выработки новых подходов и решений с учетом изменения геоэкономической обстановки;

5. Гуманитарное сотрудничество в области образования, науки, культуры и спорта.

6. Проведение совместной работы по институционализации партнерства и реализации проектов.

7. Работа с малым и средним бизнесом приграничных регионов России и Монголии как драйверов экономического роста территорий.

8. Формулирование запросов в отношении инфраструктурных проектов.

9. Государственно-частное партнерство и обмен опытом.

10. Территориальный и промышленный брендинг.

11. Участие местных сообществ в продвижении и популяризации положительного опыта регионального сотрудничества.

12. Привлечение экспертного сообщества к обсуждению, исследованию и формированию программ развития торгово-экономических отношений и гуманитарного сотрудничества приграничных регионов.

Таким образом, активизация внимания к политико-экономическим объединениям и моделям регионального сотрудничества обусловлена веянием времени. Развитие партнерства в различных вариациях между приграничными регионами России, Казахстана, Китая и Монголии может дать толчок развитию территорий, пониманию происходящих процессов и выработке моделей межрегионального взаимодействия. Один из вариантов — это создание трансграничной свободной экономической зоны. Приграничное сотрудничество регионов Большого Алтая помимо потенциала несет в себе и немало угроз безопасности, которые нуждаются в исследовании и обсуждении.

Литература

1. Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/29.html>

2. Осадчая О.П. Приграничное положение как фактор развития внешнеэкономической деятельности региона (на примере Алтайского края). URL: <http://izvestia.asu.ru/2011/2-2/econ/TheNewsOfASU-2011-2-2-econ-08.pdf>

3. Ножкин С.Ю. Алтайский регион: старые соседи-новые партнеры. URL: http://altaiinter.info/publication/nozhkin_03

4. Приграничное сотрудничество в Алтайской горной системе: регионы хотят стать опорой для ШОС. URL: <http://www.regnum.ru/news/tourism/1322244.html>

5. Вардомский Л.Б. Приграничное сотрудничество в России: современные тенденции и особенности развития. URL: <http://archive.mid.ru/bdomp/sbor.nsf/fe3845c0fd9b35443256c8a004e8835/13fbda5c2f193a6f43256c8a0047bc78!OpenDocument>

6. Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 г. URL: <http://www.rg.ru/printable/2010/11/20/sibir-site-dok.html>

7. Общие итоги внешней торговли Сибирского федерального округа в январе-июне 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://stu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=12038:2015-&catid=170:2012-12-26-07-57-01&Itemid=241

8. Товарная структура экспорта и импорта Сибирского федерального округа за январь-июль 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://stu.customs.ru/attachments/article/12098/%D0%A2%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D1%81%D1%82%D1%80%D1%83%D0%BA%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0%20%D0%AD%D0%9A%20%D0%B8%20%D0%98%D0%9C%20%D0%A1%D0%A4%D0%9E%20%D0%B7%D0%B0%20%D1%8F%D0%BD%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C-%D0%B8%D1%8E%D0%BB%D1%8C%202015.xls>

9. Внешняя торговля субъектов РФ. URL: http://stu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=section&id=34&Itemid=250

10. Кузнецова Т. На перекрестке миров // Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2012/11/08/reg-sibfo/forum.html>

11. О прогнозе социально-экономического развития Республики Алтай на 2015 год и плановый период 2016 и 2017 годов. URL: <http://www.mineco04.ru/upload/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B3%D0%BD%D0%BE%D0%B7.pdf>

12. Носкова Е. Союз тронулся по расписанию миров // Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2015/07/08/eaes.html>

13. Власти Синыцзына предлагают построить дорогу в Республику Алтай. URL: <http://www.gorno-altaisk.info/news/34987>

14. Россия и Китай подписали Меморандум о совместном сотрудничестве. URL: <http://economy.gov.ru/minec/press/news/2015030902>

Е.А. Бикетова
Российско-белорусское взаимодействие
в приграничных регионах и его влияние на восприятие
Белоруссии и белорусов в России

Белорусское направление в российской внешней политике традиционно характеризуется высокой плотностью двухсторонних связей. Ключевым фактором в развитии торгово-экономического сотрудничества Республики Беларусь с Российской Федерацией является развитие региональных связей: в настоящее время более 80 субъектов Российской Федерации имеют торгово-экономические отношения с Беларусью, причем 66 из них связаны соглашениями о сотрудничестве [1].

Приграничное сотрудничество России и Белоруссии осуществляется в рамках следующих регионов: Брянской, Псковской и Смоленской областей с российской стороны; Витебской, Гомельской и Могилевской — с белорусской. В целом площадь приграничного с Белоруссией российского региона в составе вышеупомянутых российских областей составляет 140 тыс. км² — это примерно 0,8% территории России [2, с. 109]. По данным Департамента внешних связей правительства РФ, на Смоленскую, Псковскую и Брянскую области в целом приходится 4,72% всего товарооборота российских и белорусских регионов [2, с. 110]. Основной причиной появления данных цифр, которые не позволяют приграничным регионам выделяться из общей картины российско-белорусского взаимодействия, является большой процент нелегальной торговли «челночного» характера. Тем не менее, в общем объеме торгово-экономического сотрудничества Белоруссии и регионов РФ Смоленщина уверенно занимает 5-е место [2, с. 110].

В Смоленске впервые был открыт Торговый дом, объединяющий ряд белорусских производителей в сфере мясомолочной продукции. Кроме того, в Смоленске осуществляют свою работу такие белорусские предприятия, как «Белшина», «Агропромышленная компания», «Белорусская производственная компания». Всего на территории Смоленской области в 2012 году действовало около 80 предприятий с участием белорусского капитала [3]. Ежегодно в Смоленской области проводятся мероприятия, направленные на сохранение культурно-духовного единства России и Белоруссии, на укрепление российско-белорусских связей. Наиболее важными из них являются: Международный фестиваль самодетельного художественного творчества «Порубежье», автопробег «Славянский кубок», Российско-белорусский фестиваль народного творчества «Две Руси — две сестры», Межрегиональный праздник «Его Величество Огурец!» и др. [4].

Прочные связи налажены у Псковской области с Витебской областью. По словам губернатора Псковской области, сотрудничество между регионами налажено во многих сферах: «по поставке сельхозтехники, сопровождению проектов в сфере лесопользования, ЖКХ, в области культуры и патриотического воспитания» [5]. В целом, по данным Федеральной службы государственной статистики Псковской области, в 2012 году на территории региона было зафиксировано 50 предприятий с участием белорусского капитала [2, с. 111].

На территории Брянской области также реализуются проекты с участием российского и белорусского капиталов. Так, в 2014 году было создано совместное предприятие ООО СП «Брянсклифтмаш», которое занимается изготовлением лифтов и лифтового оборудования. Брянская и Гомельская области намерены создать совместные предприятия в сфере возделывания сельскохозяйственных культур [6]. Также здесь действуют два совместных сборочных предприятия: ЗАО СП «Брянсксельмаш» (производство комбайнов «Полесье-600» и «Полесье-800») и ООО «Амкодор-Брянск» (дорожно-строительная техника). Кроме того, территория Брянской области входит в состав еврорегиона «Днепр», где осуществляется совместная инвестиционно-инновационная деятельность России, Белоруссии и Украины. Перечень культурных мероприятий, направленных на укрепление российско-белорусских связей, достаточно широк и включает в себя проведение Межрегионального праздника славянской письменности и культуры «На земле Бояна», международный культурный форум «Россия–Беларусь», «Славянские театральные встречи».

Частые контакты жителей данных регионов с территориями Белоруссии ввиду интенсивного взаимодействия регионов, наличия родственных и дружественных связей, а также географической близости дают нам основание полагать, что эти регионы являются наиболее контактными и положительно настроенными в плане восприятия Белоруссии и белорусов, в сравнении с другими регионами России.

В Псковской области исследователи выделяют по интенсивности и социокультурным характеристикам несколько зон контакта: эстонского, латвийского и белорусского пограничья [7, с. 66]. Культурное влияние белорусской контактной зоны довольно заметно в Псковской области: так, каждый четвертый из опрошенных на крайнем юге Псковской области имеет родственников в Белоруссии, а каждый пятый может говорить по-белорусски [7, с. 67]. Более того, около половины жителей Псковской области понимают белорусский язык.

Образ Белоруссии в представлениях псковичей довольно позитивен — они наделяют ее такими характеристиками, как миролюбивая (69% опрошенных), развитая (54%) и богатая (54%) [7, с. 69]. Харак-

терно, что в этом отношении две страны — Россия и Белоруссия — сближаются: их характеристики очень схожи, за исключением двух категорий — наделения России качеством силы, а Белоруссии — миролюбия. Если говорить о восприятии белоруса, то он предстает добрым, свободным, общительным и веселым. Те же самые характеристики, однако, гораздо чаще, русские Псковщины приписывают и себе. Интересным является также то, что сохраняется довольно большой процент опрошенных, затруднившихся в сравнении качеств русского и белоруса [7, с. 80]. Тот факт, что чаще всего псковичи приписывают русским больше положительных качеств, чем белорусам, дает основание полагать, что разделение по принципу «мы–они», «свои–чужие» в общественном мнении Псковщины существует. В то же время представление об отличительных чертах национальных характеров русских и белорусов в глазах псковичей «размывается» и, наоборот, четко выражается в сравнении со странами Балтии [7, с. 81].

По результатам переписи населения РФ 2010 года, в Смоленской области проживает 12012 белорусов, и белорусы занимают третье место по численности после русских и украинцев [8]. Характерно, что А.Г. Лукашенко, характеризуя взаимосвязь между Россией и Белоруссией, заявил несколько лет назад: «Смоленская область — это Беларусь. <...> Смоляне, брянские люди, белорусские — попробуй там разберись, кто где» [8].

В качестве позитивных черт, характеризующих саму Белоруссию, отмечается чистота и аккуратность белорусских улиц, экологичность и натуральность белорусских продуктов, их дешевизна и высокое качество [9].

В последнее время, преимущественно в Смоленске, звучат достаточно негативные отзывы о «засилии» белорусов в городе, все чаще жители жалуются на превращение Смоленска в белорусский город. Предметом дискуссий в Смоленске стало большое количество белорусских ярмарок и предоставление льгот торговцам из Белоруссии. В ответ на жалобы жителей губернатор области Алексей Островский вынужден был дать распоряжение перенести их из центра города и проводить реже [10]. Предметом недовольства жителей Смоленщины также стало и то, что в феврале-марте 2015 года, на фоне ослабления российского рубля, белорусы массово скупали товары в области. В целом же образ Белоруссии в Смоленске пока остается положительным [9].

Неоднозначная ситуация сложилась на территории Брянской области. Несмотря на тесную интеграцию с белорусскими регионами, Брянская область в сознании жителей региона в большей степени оказалась интегрированной с Украиной. Достаточную «жесткость» и

отсутствие какой-либо размытости продемонстрировала и Могилевско-Брянская граница, имеющая длительную историю [11, с. 33]. В Брянской области Белоруссию продолжают воспринимать как «Республику-партизанку» [12], сохраняется и воспоминание о трагедии на Чернобыльской АЭС. Совсем недавно, в октябре 2014 года, белорусский президент А.Г. Лукашенко в ответ на присоединение Крыма к России заявил, что «часть Псковских, Смоленских и Брянских земель когда-то принадлежала Беларуси. Поэтому придется поделиться» [13]. После этого случая газета «Города Б» Брянской области устроила на своем сайте опрос о том, как бы проголосовали жители области, если бы вдруг случился референдум [13].

Подводя итог, хочется обозначить ряд выводов, к которым нам удалось прийти.

Во-первых, жители приграничных регионов РФ, а именно, Псковской, Смоленской и Брянской областей, преимущественно положительно воспринимают белорусов и саму Белоруссию, воспроизводя общероссийские стереотипы восприятия [14].

Во-вторых, выдвинутую нами гипотезу можно считать подтвержденной лишь частично: нам не удалось выявить значительно позитивного восприятия Белоруссии и белорусов в данных регионах по сравнению с общероссийскими тенденциями. С другой стороны, нельзя не отметить, что преимущественно жители именно этих регионов называют Белоруссию самым ценным и важным партнером для РФ [15].

И, наконец, в-третьих, нами были выявлены важные противоречивые тенденции в российско-белорусских отношениях — с одной стороны, происходят тенденции «размывания», взаимопроникновения и растворения культур друг в друге, а с другой — накапливается усталость и раздражение от активного проникновения белорусов в регион.

Литература

1. Справка по Республике Беларусь на 26.03.2014 // Министерство экономического развития Российской Федерации [сайт]. URL: economy.gov.ru/wps/Беларусь – 26 03 2014. МЭР.doc
2. Часовский В.И. Трансграничное экономическое сотрудничество российских и белорусских регионов // Псковский регионологический журнал. 2014. № 17. С. 108–117.
3. Ярмарка российских и белорусских товаров на главной площади Смоленска // Администрация Смоленской области. Официальный портал органов государственной власти [сайт]. URL: http://www.admin-smolensk.ru/news/news_4981.html

4. Отчет по сотрудничеству органов местного самоуправления Смоленской области, Смоленского городского Совета и Администрации г. Смоленска с Республикой Беларусь за II полугодие 2014 г. // Управление международных связей Аппарата Администрации Смоленской области [сайт]. URL: <http://ums.admin-smolensk.ru/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/informaciya-o-sotrudnichestve-s->

5. Псковская область и республика Беларусь подписали план сотрудничества на 2015–2017 годы // Портал государственных органов «Псковская область» [сайт]. URL: <http://www.pskov.ru/novosti/17.12.14/52372>

6. Развивается сотрудничество между Брянской областью и Республикой Беларусь // Правительство Брянской области [сайт]. URL: <http://www.bryanskobl.ru/news/2014/12/16/2902>

7. Манаков А.Г., Евдокимов С.И., Григорьева Н.В. Западное порубежье России: географические аспекты становления и развития Псковского региона. Псков, 2010.

8. Бакунин А. Смоленск заговорит на белорусском? // Аргументы и Факты. Смоленск. 03.04.2013. URL: <http://www.smol.aif.ru/society/people/205769>

9. Прохоров С. Россия и Беларусь: реальные стереотипы и заблуждения // Московский комсомолец в Смоленске. 2013. № 50 [электронная версия]. URL: <http://gorodnews.ru/mk/item.php?id=2711>

10. Смоленск превращается в белорусский город // Deutsche Welle. 27.02.2014. URL: <http://n1.by/news/2014/02/27/580281.html>

11. Крылов М.П., Гриценко А.А. Региональная и этнокультурная идентичность в российско-украинском и российско-белорусском порубежье: историческая память и культурные трансформации // Лабиринт. 2012. № 2. С. 28–42.

12. Фисунов М. Республика-партизанка // Почепское слово. Почепская районная газета Брянской области. URL: <http://pochepgazeta.ru/?p=11723>

13. Президент Беларуси Александр Лукашенко: БРАНСК НАШ! // Газета «Город Б.» URL: <http://gorodb.ru/prezident-belarusi-aleksandr-lukashenko-bransk-nash-10714>

14. Горбелева Е.А., Чернышов Ю.Г. Эволюция стереотипов восприятия белорусов в России // Известия АлтГУ. Серия «История. Политология». 2012. № 4/2 (76). С. 66–72.

15. Самые ценные партнеры РФ // Опрос Фонда «Общественное мнение» от 3–17 июня 2009. URL: <http://bd.fom.ru/pdf/d27partross.pdf>

Д.С. Бобров, Т.Н. Соболева
Политико-географические образы границы
Российской империи в Верхнем Обь-Иртышье
в первой половине XVIII в. *

Ключевым условием функционирования и анализа любой социальной системы является определение ее границ [1, с. 59–60], а сама граница принадлежит к числу фундаментальных и универсальных явлений общественной жизни [2, с. 12]. Для государственно-правовых систем особую значимость приобретает граница между странами. В лимнологии (специальной научной дисциплине, занимающейся изучением границ) в общем виде под государственной границей понимается линия и проходящая по этой линии вертикальная поверхность, определяющая пределы государственной территории [3, с. 88].

В классификации российских границ ряд исследователей выделяют особый тип государственных рубежей — азиатскую границу [4, с. 18–19; 5, с. 23; 6, с. 156–158]. Под азиатской границей следует понимать большую барьерно-буферную зону, полосу между различными государствами или полугосударственными образованиями [6, с. 157–160]. Для XVIII в. участком азиатской границы и ключевым для имперского освоения районом являлось Верхнее Обь-Иртышье. Российская экспансия в регион началась в первой половине XVIII в. и в своем содержании заключала ряд военных экспедиций с целью строительства острогов и крепостей в стратегически значимых местах [7, с. 102–104; 8, с. 1, 13].

В первой половине XVIII в. на юге Западной Сибири делимитированной и уж тем более демаркированной границы России не существовало. Имперские власти долгое время сознательно уклонялись от публичного признания этого факта. Незавершенность процедуры делимитации, слабый уровень информированности российских властей о состоянии приграничной зоны привели к возникновению нескольких политико-географических образов границы. Под политико-географическим образом в данном случае мы понимаем совокупность ярких характерных символов и ключевых представлений, описывающих реальные географические пространства [9, с. 93]. Следует выделить три соответствующих образа или парадигмы восприятия границы. Прежде всего, это официально-дипломатическое понимание, сводившееся к обоснованию суверенных прав России на всю территорию Верхнего Обь-Иртышья вплоть до озера Зайсан. Другой формат вос-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках реализации исследовательского проекта № 15-11-22005а(р).

приятия государственных рубежей связан с фактическим пределом административной юрисдикции имперских властных учреждений в регионе (крепости Иртышской линии и Бикатунская с прилежавшими к ним пространствами). Третья, картографическая парадигма границы реализовывалась в создании картографической проекции приграничного пространства, содержание которой могло не соотноситься с двумя аспектами [10, с. 90]

Между тем картографические материалы на начальных этапах освоения окраин не только приобретали роль инструмента синтеза локально-географических микрообразов в макроконструкции [11, с. 12–13], но фактически подменяли собой реальные географические пространства. Следствием этого явилось непосредственное влияние карт на формирование специфической, идеалистической программы восприятия.

Начальный период проникновения Российского государства в Верхнее Обь-Иртышье нашел отражение на немногочисленных чертежах региона. Особняком здесь выступают материалы С.У. Ремезова. На страницах ремезовских атласов отсутствовала контурно-графическая фиксация линии государственной границы России. В конце XVII в. сложилась, а в первой четверти XVIII в. активно использовалась практика обозначения *отдельных элементов* государственных рубежей не **контурно-графически**, а **литерно (лингватически)** и **образно-графически**.

Яркой отличительной чертой ремезовских атласов стало сочетание рациональных и идеалистических способов обозначения границ. Если литерные отметки имели под собой рациональные основания, то графические символы являлись продуктом абстрактного, идеалистического восприятия изографами государственных рубежей. В «Чертежной» и «Хорографической» книгах в Верхнем Приобье показаны многочисленные «ясашные волости», которые автором материалов относились к владениям России и позиционировались как окраина своеобразного «Кузнецкого района» [12, л. 129; 13, л. 26]. Конечным пределом распространения таких волостей служила крупная образно-графическая преграда — горы Саяно-Алтая, изображавшиеся на чертежах отдельной непрерывной линией без какой-либо дифференциации [13, л. 42]. Для рубежа XVII–XVIII столетий такая практика вполне соответствовала общей картографической традиции визуализации горного рельефа в виде группы холмов с перемежавшимися вкраплениями долин рек каньонообразного вида. Суммарно вышеобозначенные факторы стали причиной генезиса в сознании общественной и административной элиты ризоматических представлений о границе (установок и ценностей, в онтологическом смысле не заключавших в себе полярного деления «начало — конец» или «центр — периферия»). Последние, в свою оче-

редь, создавали образ потенциально безграничного пространства, своеобразной «безграничной границы».

Вплоть до середины 30-х гг. XVIII в. на российских картах южных районов Западной Сибири отсутствовала линия границы Российской империи, четко просматривалась тенденция к литерной и образно-графической фиксации рубежей государства. Именно отсутствие четко установленных границ, их размывание становилось идейно-теоретическим плацдармом для дальнейшего продвижения России в южном направлении, но цель осталась практически не реализованной (во многом в силу постоянной угрозы со стороны джунгар). С рубежа 20–30-х гг. XVIII в. правящая элита обозначила стремление к осознанию суверенных границ в регионе и их легитимации.

Генеральная карта из Атласа И.К. Кирилова [14] стала первым русским чертежом, на котором была обозначена линия государственной границы Российской империи на юге Западной Сибири. Проведенная граница во многом являлась условной, искусственно сконструированной создателями Атласа. Заложенный на Генеральной карте Атласа И.К. Кирилова подход стал основой для дальнейшей картографической фиксации государственной границы России на юге Западной Сибири.

Генезис официально-дипломатической парадигмы восприятия государственной границы связан с идеей «стратегической границы». Сущность концепта «стратегической границы» в кратком, справочном виде может быть представлена следующим постулатом: государственный рубеж должен проходить по значительным горным хребтам или другим крупным географическим объектам региона. Достижение стратегических границ на нестабильных в военно-оборонительном плане участках являлось первоочередной задачей любого крупного государства [15, с. 451].

В качестве центрального, «стратегического» объекта для установления предполагаемой границы в Верхнем Обь-Иртышье российскими властями было избрано озеро Зайсан, а целью имперской политики в течение первой четверти XVIII в. являлось достижение контроля над соответствующей локальной областью. Сформулированная таким образом задача изначально была крайне нереалистичной. Выбор узловой точки для установления границы не был подкреплён должной информационной базой и являлся скорее амбициозным и даже фантастическим замыслом, нежели рациональным проектом.

Вместе с тем установление фактического контроля над истоками Иртыша волновало российские власти гораздо больше, чем легитимация этого процесса в глазах джунгарской стороны. В имперской ди-

пломатической политике проблема государственной границы в Верхнем Обь-Иртышье занимала откровенно периферийные позиции. На протяжении всей первой половины XVIII в. вопрос о государственных рубежах в ходе официальных переговоров целенаправленно маскировался сюжетами обмена пленными, компенсацией материальных потерь и принадлежности двоеданцев [16, с. 17–18, 45–46, 79–81; 17, с. 77–81, 87–100, 106–107].

Официальная позиция Санкт-Петербурга выстраивалась вокруг доктрины исторической принадлежности Верхнего Прииртышья к России, хотя до строительства крепостей на Иртыше русских поселений в этом районе не было. Таким образом, российская имперская элита стремилась установить в Верхнем Обь-Иртышье антецедентную границу [3, с. 17], то есть рубеж, предшествовавший заселению прилегающих к нему районов. Система аргументации базировалась на двух ключевых утверждениях. Прежде всего, контайше указывалось на историческое существование русских промыслов в верхнем течении Иртыша [18, л. 32об.–33], и в частности, на активную эксплуатацию соли в районе оз. Ямыш. Кроме того, привлекались теоретические умозаключения в русле концепции «захватного права», в соответствии с которыми Иртыш вплоть до оз. Зайсан считался российской территорией как одна из «сибирских рек».

Петр I ни при каких условиях не желал отказываться от экспансии в Верхнее Прииртышье, поэтому российский правитель был готов пойти на определенный компромисс и предложил джунгарскому правителю неоднозначную идею кондоминиума [3, с. 11], то есть совместного суверенитета Российской империи и Джунгарии над бассейном Верхнего Иртыша: «позволяем вам и подданным вашим на тех землях жилища свои иметь, хотя оные к сибирскому нашему царству принадлежат, ежели вы будете пребывать смирно» [18, л. 17–17об.; 19, л. 12].

Джунгарский правитель изначально не стал отвергать предложенный Россией совместный суверенитет над Верхним Прииртышьем. Идея кондоминиума поддерживалась джунгарской элитой в контексте политики сближения с Российской империей конца 10-х — начала 20-х гг. XVIII в. По большому счету, потенциальное принятие джунгарским контайшой российского подданства являлось ничем иным, как своеобразным вариантом временной сделки [20, с. IV], и в восприятии ойратской стороны не означала установления фактического протектората России. Проблема границы в этом контексте позиционировалась джунгарской элитой, соответственно, как необходимость установления временного (удобного джунгарскому хану) условно-

разграничительного рубежа или режима функционирования границы, который впоследствии мог быть пересмотрен в зависимости от динамики геополитической обстановки в Средней Азии. Однако ухудшение положения Джунгарии в результате джунгаро-цинской войны очень быстро сделало condominium средством манипулирования ойратской элитой со стороны российских дипломатов.

Подводя итоги, стоит отметить, что картографический и официально-дипломатический политико-географические образы границы не являлись тождественными. Если в официально-дипломатической парадигме акцент делался на достижении оз. Зайсан и декларировании всего Верхнего Прииртышья как российской территории, то в картографической — на создании условной наглядно-графической линии, отвечавшей военно-стратегическим задачам политики в регионе. Фактически российские власти стремились установить границу не по реальным населенным и административным объектам, а очертить своеобразные «пределы освоения» с последующей их легитимацией за счет признания джунгарской стороной. В имперской элите в этот период происходил генезис идеи «искусственности» государственных рубежей — необходимости одностороннего установления государственной границы в соответствии со спецификой реализации выработанной освоенческой программы. Эти обстоятельства в генеральной совокупности детерминировали возникновение феномена «открытой» границы, целенаправленно использовавшегося российским административным корпусом для улучшения стратегического положения государства на юге Западной Сибири и в северных районах Средней Азии.

Литература

1. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб., 2007.
2. Киреев А.А. Дальневосточная граница России: тенденции формирования и функционирования (середина XIX — начало XXI в.). Владивосток, 2011.
3. Дмитриева С.И. Лимология. Воронеж, 2008.
4. Королев С.А. Российская граница как края пространства: генезис и типология // Россия и современный мир. 2002. № 2.
5. Ремнев А.В. Географические, административные и ментальные границы Сибири (XIX — начало XX в.) // Административное и государственно-правовое развитие Сибири XVII–XXI вв. Иркутск, 2003.
6. Замятин Д.Н. Моделирование географических образов. Смоленск, 1999.
7. История Алтая. Барнаул, 1995. Ч. 1.

8. Огурцов А.Ю. Военно-инженерная политика России на юге Западной Сибири в XVIII в.: автореф. дис. ...канд. ист. наук. Свердловск, 1990.
9. Замятин Д.Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. М., 2006.
10. Бобров Д.С. Алтай на генеральной карте Российской империи из атласа И.К. Кирилова // Актуальные вопросы истории Сибири. Десятые научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Барнаул, 2013.
11. Замятин Д.Н. Феноменология географических образов // Социологические исследования. 2001. № 8.
12. Российская государственная библиотека (РГБ). Отдел картографии (КГР). Шифр Ки 66/VII-85.
13. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. СПб., 1882.
14. РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Карты Генеральные Российского государства. Д. 2.
15. Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т. 8.
16. Моисеев В.А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII в. Барнаул, 1998.
17. Кушнерик Р.А. Русско-джунгарские дипломатические отношения (начало XVII — 50-е гг. XVIII в.): дис. ...канд. ист. наук. Барнаул, 2006.
18. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 113 (Зюнгорские дела). Оп. 1. 1595–1736. Д. 1.
19. РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1716. Д. 1.
20. Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи Цэван-Рабтану капитана от артиллерии И. Унковского и путевой журнал его за 1722–1724 гг. СПб., 1887

Е.А. Вервекина
Сотрудничество Алтайского края и КНР:
проблемы и перспективы

Большая часть территории России лежит в Азии, и для страны очень важно верно выстраивать отношения с азиатскими соседями. Из этих соседей для России сегодня важнейшим является Китай. Его значение определяется и масштабами этой страны, и протяженностью общей границы, и возможным влиянием Китая на будущее развитие России, в особенности ее восточной части. Почти четырехсотлетняя история российско-китайских отношений уникальна. Сегодня российско-китайские отношения находятся на пике своего развития. В дву-

стороннем плане между Россией и Китаем нет непримиримых разногласий, решены многие вопросы пограничного разграничения на всей протяженности границы. Лидеры государств встречаются четыре-пять раз в год. Официально признано, что Россию и Китай связывают «отношения стратегического партнерства и взаимодействия» [1].

Российско-китайские отношения стратегического партнерства характеризуются устойчиво высокой динамикой развития, прочной правовой базой и разветвленной организационной структурой двустороннего взаимодействия, активными связями на всех уровнях. Основные принципы российско-китайских отношений закреплены в Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, подписанном Президентом В.В. Путиным и Председателем КНР Цзян Цзэмином 16 июля 2001 г. в Москве.

Активно развиваются межрегиональные связи, подписано более ста соглашений о сотрудничестве между властями административно-территориальных единиц различного уровня. Юридической базой для межрегиональных связей является подписанное 10 ноября 1997 г. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о принципах сотрудничества между администрациями (правительствами) субъектов Российской Федерации и местными правительствами Китайской Народной Республики [2]. В рамках Подкомиссии по торгово-экономическому сотрудничеству Российско-Китайской Комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств действует Постоянная рабочая группа по межрегиональному и приграничному торгово-экономическому сотрудничеству. Особую роль проблематика приграничных районов играет для России, имеющей громадный пограничный периметр, который составляют весьма различные по природным, демографическим, экономическим и т.д. характеристикам территории. Регионы России играют исключительно важную роль в процессе приграничного межрегионального сотрудничества, содействуя при этом повышению прозрачности границ, сближению проживающих на приграничных территориях людей и созданию максимально возможных условий для торговли, экономического процветания регионов [3]. Приграничное сотрудничество является одним из самых перспективных для России и Китая. В этом плане интересными для изучения являются приграничные регионы России. Алтайский край не имеет общей границы с КНР, как Республика Алтай, например. Но товарооборот Алтайского края с Китаем значительно превышает товарооборот Республики с КНР.

Руководство Алтайского края на протяжении уже двух десятилетий активно развивает сферу международного сотрудничества. Дого-

воренности о сотрудничестве достигнуты с такими государствами, как: Украина, Республика Болгария, Республика Узбекистан, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Монголия, ФРГ, КНР, Республика Таджикистан. Алтайский край — регион, специализирующийся на производстве сельскохозяйственной продукции, богатый уникальными для потребителей зарубежных стран природными ресурсами. Край занимает первое место среди регионов России по площади пашни, причем практически все полученное в крае зерно является продовольственным. Несомненным преимуществом Алтайского края является выгодное географическое положение вблизи активно растущих рынков Центральной и Юго-Восточной Азии.

По итогам 2014 года товарооборот Алтайского края с Китайской Народной Республикой составил 159 662,6 тыс. долл. США. С 2003 года товарооборот между Алтайским краем и КНР вырос в 13 раз (с 15,4 млн долл. США в 2003 году до 199,4 млн долл. США в 2012 году) [4, с. 5]. Основу экспорта в КНР составляют древесина и изделия из нее, руды, органические химические соединения, оборудование и механические устройства. Также Алтайский край поставляет в Китайскую Народную Республику овощи, муку, зерно. Из Китая поставляется оборудование и запчасти, с/х машины, изделия из пластмассы, черные металлы, химические удобрения, хлопковое волокно. С января по июнь 2015 г. на долю стран дальнего зарубежья пришлось 74,9% от общего стоимостного объема товарооборота, стран СНГ (без учета взаимной торговли с Республикой Казахстан, Республикой Беларусь и Республикой Армения) — 25,1%. Ведущими торговыми партнерами региона являлись Китай (42,5% от общего стоимостного объема товарооборота), США (15,9%), Узбекистан (13,07%), Таджикистан (4,8%), Афганистан (4,5%), Украина (4,3%), Германия (3,3%), Киргизия (4,3%), Монголия (3,2%) и Латвия (0,6%). Внешнеторговый оборот Алтайского края с КНР с января по июнь 2015 г. составил 89 354,3 тыс. долл. США, что на 19,7% меньше аналогичного периода 2014 г. (111 307,2 тыс. долларов США) [5].

Алтайский край наиболее плодотворно сотрудничает с Синьцзян-Уйгурским автономным районом Китая. Сотрудничество с СУАР КНР является одним из наиболее приоритетных для края. 25 февраля 1999 года между Администрацией Алтайского края и Народным Правительством СУАР было заключено Соглашение о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве. Между регионами на регулярной основе осуществляется обмен делегациями разного уровня. Алтайские предприниматели ежегодно, начиная с 1998 года, принимают участие в Урумчийской ярмарке. С 2011 года выставка

приобрела статус общекитайского значения и теперь называется — Китай «Евразия ЭКСПО».

Алтайский край, безусловно, имеет все возможности для дальнейшего экономического развития. Правда, эти возможности трудно использовать из-за некоторых назревших в крае проблем: неблагоприятной демографической ситуации, низкого уровня доходов населения, высокого уровня безработицы. Сложная социально-экономическая обстановка создает препятствия и для международной деятельности.

Руководство Алтайского края и представители бизнеса ставят КНР в число самых приоритетных направлений. Из числа стран дальнего зарубежья, с которыми сотрудничает Алтайский край, самыми актуальными являлись две из них — Франция и Китай. Интересно, что эти два этих направления внешнеэкономической деятельности активно пропагандируются и позиционируются в краевых СМИ и среди руководства, по приоритетности они практически равны. При этом товарооборот Алтайского края с КНР за 2014 г. составил 159 662,6 тыс. долл. США [6], с Францией — 1 678,3 тыс. долл. США [7]. Товарооборот с КНР превышает товарооборот с Францией почти в 95 раз! Данный факт показывает специфику разных направлений. Сотрудничество с Францией скорее имиджевое, сотрудничество с КНР стратегическое с экономической точки зрения.

После анализа данных выявляется ситуация, в которой Алтайский край по данным товарооборота с КНР выходит на неплохие позиции. Однако товарооборот КНР с Новосибирской областью, соседней с Алтайским краем, составил в 2013 г. более 1 млрд долларов США [8]. Товарооборот Новосибирской области с КНР превышает аналогичный показатель Алтайского края в 6 раз! Конечно, трудно сравнивать экономические потенциалы Новосибирской области и Алтайского края. Тем не менее, Алтайскому краю есть над чем работать в этом направлении, чтобы приблизиться к показателям Новосибирской области.

Одним из главных препятствий в дальнейшем расширении торгово-экономического сотрудничества с СУАР, например, остается отсутствие эффективной транспортной системы между Алтайским краем и Синьцзяном. В настоящее время доставка в эту провинцию Китая пассажиров и грузов в основном осуществляется железнодорожным и автомобильным транспортом через территорию Казахстана. Однако пропускная способность пограничных переходов, в сочетании с высокой затратностью железнодорожного и автомобильного транзита по Казахстану, делает данный маршрут малопривлекательным как для российских, так и для китайских предпринимателей. В качестве возможного решения указанной транспортной проблемы администрацией края раз-

рабатывается проект автомобильной трассы, связывающей территорию Российской Федерации и СУАР.

Главная проблема в современных российско-китайских взаимоотношениях — проблема поставок газа. Общий объем инвестиций с российской стороны для реализации контракта по газопроводу «Сила Сибири» составит 55 млрд долл., с китайской — 22 млрд. Всего за 30 лет РФ должна получить по этому контракту 400 млрд долл., из них 25 млрд Пекин обещает предоставить «Газпрому» в качестве аванса [9]. Однако, как будет меняться реальная стоимость газа каждый год, пока не ясно. Проектная мощность второго газопровода — «Алтай» («Сила Сибири-2») составляет 30 млрд долл. ежегодно, а стоимость — около 11 млрд. Строительство этой ветки будет зависеть от сооружения «Силы Сибири». Подписание контракта о купле-продаже газа по западному маршруту поставок в Китай — газопроводу «Алтай» ожидается весной 2016 года. Как будут развиваться события сложно прогнозировать с учетом непростой международной обстановки.

Экономические преимущества договора с Китаем эксперты пока оценить затрудняются. Мы не можем категорично утверждать, что газовые проекты не выгодны России. Однако их объединяет одно обстоятельство: использование российской сырьевой базы китайскими предприятиями-изготовителями конечного продукта. Специалист по Китаю М.В. Александрова констатирует, что это — не взаимовыгодное сотрудничество, так как Китай от этих проектов получит большую экономическую выгоду, чем Россия. Китай рассматривает российский Дальний Восток как свою сырьевую базу и как перспективный рынок сбыта [10, с. 25]. Мы согласны с мнением В.С. Ревякина о том, что, прежде чем говорить о газопроводе, нужно понять, что от этого получит Сибирь — в экономическом, социальном, культурном плане. По его оценкам, экономической выгоды не будет совсем, зато гарантированно уничтожение многих культурных объектов и загрязнение природной среды Западной Сибири. Любой инженерный объект — это экологическая угроза, риск. И сейчас есть научные подходы к оценке этого риска. Они и должны применяться, причем эта работа должна вестись незаинтересованными специалистами, действительно независимыми. Таким образом, при принятии важных решений нужно учитывать все факторы. Конечно, вопрос о газовом контракте весьма непростой. Российское общество и эксперты выражают две позиции, одна из которых отражает пессимистические прогнозы по отношению к российско-китайским газовым проектам, а другая позиционирует контракты как реальный шанс для успешного развития российской экономики. Сейчас важно закрепить полученные результаты в сфере двусто-

ронних связей Алтайского края и КНР. Нужно приложить все усилия для дальнейшего улучшения ситуации. Возможно, это будет достаточно сложно, тем не менее, преимущества очевидны: в случае успешной реализации совместных проектов выгоды получат обе стороны.

Литература

1. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между КНР и РФ (16/07/2001). URL: <http://russian.china.org.cn/russian/31979.htm>
2. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о принципах сотрудничества между администрациями (правительствами) субъектов Российской Федерации и местными правительствами Китайской Народной Республики. URL: <http://archive.mid.ru/bdomp/sbor.nsf/fe3845c0f6d9b35443256c8a004e8835/a66dfb77d1f91eb743256c8a0047bc22!OpenDocument>
3. Снежанова Л.Н. Приграничное сотрудничество в Российской Федерации. URL: <http://www.nirsi.ru/80>
4. Карлин А.Б. Приветствие участникам конференции. Большой Алтай — перекресток цивилизаций: материалы VII Международной конференции по научно-техническому, экономическому и культурному сотрудничеству в регионе. Барнаул, 2014.
5. Федеральная таможенная служба. Сибирское таможенное управление. Внешняя торговля Алтайского края. URL: http://stu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=category&id=177:2012-12-27-01-27-41&Itemid=252&layout=default
6. Информация о сотрудничестве Алтайского края и КНР. URL: <http://ved22.ru/cooperation/dalnoezarubej/China.php>
7. Информация о сотрудничестве Алтайского края и Франции. URL: http://ved22.ru/cooperation/near_z10
8. Васильев Д. Товарооборот между Новосибирском и Китаем в прошлом году составил 1 млрд долларов. URL: <http://lentaregion.ru/63265>
9. Макеев Н. Почему цена на российский газ для Китая — коммерческая тайна. URL: <http://www.mk.ru/economics/2014/05/21/pochemu-tsena-na-rossiyskiy-gaz-dlya-kitaya-kommercheskaya-tayna.html>
10. Александрова М.В. Российско-китайское экономическое сотрудничество: ресурсная составляющая // Россия, Китай и Монголия: вместе навстречу вызовам современности. Материалы III Международного научного форума (Москва, 9–10 июня 2011 г.). М., 2013.

А.В. Вилловых
Факторы распространения экстремизма
в Кавказском регионе

Последнее десятилетие характеризуется фундаментальными изменениями роли и места Российской Федерации в мировой системе координат, и в данной связи возникают новые угрозы безопасности страны. Вызовы со стороны политических сил, прибегающих к насилию в достижении собственных целей, многократно масштабированы в связи с распространением трансграничных угроз, в частности, в регионах, где данные субъекты исторически включены в социальные конфликты различной степени интенсивности.

В условиях социально-политической нестабильности по периметру границ России возрастает значимость Кавказского региона, что находит свое отражение в концентрации усилий акторов мировой политики по трансформации среды региона. Данный факт обуславливает внимание к особенностям комплексных этноконфессиональных противоречий, которые служат основой экстремистских идеологий на Кавказе.

Современный экстремизм в регионе имеет фактуру исламского радикализма. Основными формами радикального ислама являются: исламистская пропаганда, активная вербовка сторонников в мечетях, вооруженный джихад. Исследователь Я.А. Амелина выделяет основные тенденции, характеризующие исламский радикализм в России в целом и на Северном Кавказе, в частности:

- подрыв позиций традиционного ислама, что ведет к дезориентации уммы;
- постепенное оформление «единого исламистского фронта» исламистов Северного Кавказа и Поволжья;
- формирование эклектичной исламистской идеологии, а также соответствующих оргструктур;
- усиливающаяся ориентация на зарубежное, в первую очередь, исламское сообщество, внешним признаком которой является архайзация радикальной части российской уммы («арабизация»);
- активная деятельность федерального исламистского лобби, популяризирующего и пропагандирующего идеи исламистов в общероссийских СМИ и государственных структурах [1].

Исследователь Добаев указывает, что «деятельность неоваххабитских бандгрупп приобрела все основные черты современного исламистского террористического движения, построенного по сетевому принципу» [2, с. 81]. Появляется повод говорить об исламистском лобби и исламистских группировках на различных этапах власти и в кри-

минальных структурах. В ряде стран сложилась система «исламистского радикального образования», имеющая фактически сетевую структуру.

Фактурной тенденцией в распространении экстремизма является сращивание этнонациональных сепаратистских движений с радикально-исламистскими. Эксперт Я.А. Амелина отмечает: «В будущем это может привести к полному слиянию националистов с фундаменталистами при идейном преобладании последних» [1]. Следует отметить, что эти тенденции приобретают транснациональный характер. Укрепляются связи данных движений с террористическими организациями.

Распространение идеологии экстремизма обусловлено, на взгляд автора, рядом факторов:

Во-первых, неурегулированностью межгосударственных границ и наличием спорных территорий. Специфика межгосударственных границ на Кавказе состоит в том, что они были созданы в результате территориальных реформ, проведенных либо правительством Российской империи, либо советским руководством. Многие решения, формировавшие очертания границ, были приняты спонтанно; иные впоследствии были отменены. Поэтому у правительств сопредельных стран и по сей день существует возможность отстаивать свою позицию, основываясь на географических картах разного периода в зависимости от собственных интересов. В настоящий момент ситуация в данной сфере такова: к 2014 году четкая линия границы между Грузией и Азербайджаном не определена — некоторые отрезки грузино-азербайджанской границы все еще остаются спорными; граница Армении с Азербайджаном закрыта в связи с нерешенным территориальным спором вокруг Нагорного Карабаха; демаркация границы между Россией и Азербайджанской Республикой осложнялась выступлениями лезгинских экстремистов, требующих объединения территорий, населенных лезгинами, а также наличием разногласий между государствами по вопросу о контроле над ресурсами Каспия; установление ее прошло лишь в 2010 г.; делимитация российско-грузинской границы осложнена проблемами взаимоотношений официального Тбилиси с Абхазией и Южной Осетией; территориальные противоречия внутри российского государства на территории СКФО стимулируются мультиэтничностью региона.

Во-вторых, ситуация усугубляется социальной напряженностью в зоне Кавказа. В республиках Северного Кавказа очевидна социальная дифференциация — сосуществуют тонкая прослойка богатых и огромное количество крайне бедного населения. Ситуация нагнетается в связи с отсутствием рабочих мест, клановостью элит, криминальностью их

доходов и, как итог, — политическими провокациями внешних субъектов. В результате в регионе формируется агрессивная социальная среда по отношению к действующей власти, идет перманентный процесс вербовки в ряды религиозных экстремистов, террористов, структур наркобизнеса, стимулируется незаконная миграция. Получается, что на широкой социальной базе недовольных происходит формирование экстремистских течений, подрывающих основы государственной безопасности.

В-третьих, интенсивностью и низкой степенью регуляции миграционных процессов. Миграции в Кавказском регионе характеризуются Президентом России как «слабо регулируемые», зачастую протекают нелегальным образом. Это напрямую оказывает влияние на дестабилизацию ситуации, так как создает условия для роста межэтнической напряженности, распространения оружия, проникновения на территорию суверенного государства представителей иностранных государств, осуществляющих разного рода деструктивную деятельность, а также возрастания террористических угроз и экстремистских идеологий.

В-четвертых, активной деятельностью зарубежных неправительственных организаций и фондов, многие из которых вовлекают население (большей частью — молодежь) в проекты идеологической направленности. Постоянно ведется работа по созданию внутренних, но инициируемых и управляемых извне, противоречий и конфликтов для последующего вмешательства в политику, а в последующем — обоснования легитимных действий в форме силового вмешательства. С точки зрения ученого — исламоведа Д. Халидова, «элементы такой стратегии очевидны и в России, в частности, на Северном Кавказе» [3]. Внимание привлекает учрежденный в конце 1990-х Вашингтоном Американский комитет за мир на Кавказе, который занимается, преимущественно, негативным освещением деятельности правоохранительных органов РФ на Кавказе. Фонд является структурным подразделением организации «Дом свободы», которая практически полностью финансируется американским правительством и работает в русле политических интересов США [4]. Известен и Джеймстаунский фонд, репортажи которого являются показательным примером в разжигании межэтнических и межконфессиональных противоречий.

В-пятых, пиковой напряженностью отношений США и России. Политическая практика подтверждает, что динамика геополитической обстановки, формируемая центрами силы за определение сфер влияния в новом веке, обусловила трансформационные процессы на Ближнем Востоке и в Северной Африке, кризис на Украине. Сложение от-

ветственности НАТО за безопасность в Афганистане предполагает вариант развития событий, что иностранные наемники, кочующие в поисках занятости, передислоцируются на Кавказ с целью воспользоваться доходами от афганского героина. В свете развивающихся сегодня процессов, военные эксперты полагают, что в регионе будут интенсифицироваться процессы, функционирующие как «особые формы международной напряженности, искусственно раздуваемые средствами массовой информации до уровня исламофобии, ксенофобии и антисемитизма, в результате чего региональные проблемы раздуваются до уровня глобальных» [5, с. 27].

В-шестых, современный экстремизм является опасным орудием информационной войны. Основным полем провокации этнического или конфессионального экстремизма можно считать Интернет и средства массовой коммуникации. Так, например, 12 октября 2012 г. идеолог «Братьев-мусульман» и проекта «умеренного ислама» «Аль-Васатийя» шейх Юсуф аль-Кардави в эфире катарского телевидения заявил, что «Москва стала врагом номер один для ислама и для мусульман потому, что выступает против сирийского народа. Арабы и исламский мир должны выступить против России. Мы должны объявить России бойкот. Мы должны рассматривать Россию как нашего врага номер один» [6]. В целом, призывы богословов сводятся к необходимости помогать мусульманам в их «устремлениях к свободе от русской оккупации» [7].

Анализ показывает, что политическое и идеологическое сознание успешно формируется. В результате к традиционным формам и образам «другого» добавляются особенности, усложняющие протекание конфликтов на этноконфессиональной основе, а именно:

1. Изменение характера конфликтов (появление новых ассиметричных войн).
2. Доступность и скорость распространения информации, и в данной связи совершенствование доктрины «информационных войн» в доктрину «информационных операций».
3. Изменение возможности осознать «свою» идентичность и сравнивать ее с другими конфликтами (повышение уровня политического самосознания) [8, с. 47–53].

Поведем итоги. Манипуляции религиозными и этническими чувствами порождают процессы, связанные с проявлением острых социальных конфликтов, связанных с применением вооруженного насилия — а именно, распространение этнорелигиозного экстремизма. Данный вид угроз требует разработки соответствующего современным реалиям правового базиса в системе норм международного и нацио-

нального права. Важнейшим направлением работы в этой сфере является достижение договоренностей государств Кавказского региона по вопросам функционирования известных вооруженных формирований и террористических группировок, идеологической основой которых служат радикальные религиозные убеждения.

Литература

1. Амелина Я.А. О росте исламистской угрозы на Северном Кавказе и в Поволжье в связи с приходом к власти в ряде стран салафитов. URL: <http://www.kazan-center.ru/osnovnye-razdely/14/393>
2. Добаев И.П. Современный терроризм на Северном Кавказе // Проблемы национальной стратегии. 2009. № 1. С. 81.
3. Халидов Д. Северный Кавказ: вялотекущая гражданская война. Официальный сайт интернет-портала «Военное обозрение». URL: <http://topwar.ru/1761-severnyj-kavkaz-vyalotekushhaya-grazhdanskaya-vojna.html>
4. Гулевич В. Кавказское богатство России. Официальный сайт журнала «Международная жизнь». URL: <http://interaffairs.ru/read.php?item=9317>
5. Савельев В.Н. Международный терроризм в системе глобальных отношений: религиозный аспект // Религиозный экстремизм и фундаментализм: справочное издание. М., 2008.
6. Канунникова Т. Шейх Аль-Кардави: «Россия — враг номер один для мусульман и арабов». URL: <http://modus-agendi.org/articles/891>
7. Иванов В. Движение Фетхуллаха Гюлена: экстремистская организация маскируется под сторонников «диалога между цивилизациями» // Российские тенденции. 8 сентября 2012. URL: <http://rostend.su/node/167>
8. Чернобров Д.В. Эволюция «образа другого» в конфликтах современности: конструктивистский подход / Д.В. Чернобров // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 6. С. 47–53.

В.А. Гайкин **Тихоокеанская Россия** **в системе экономической кооперации** **Евразийского союза с Японией и Кореей**

Создание Евразийского экономического союза — не «каприз кремлевской верхушки», а закономерный (промежуточный) итог мирового исторического процесса. В этой программе трансформации евразийского политического пространства, реинтеграции на простран-

стве бывшего СССР Тихоокеанской России будет отведена важная роль интегративной подсистемы, обеспечивающей экономическую кооперацию с Корейскими государствами и Японией. Договор о мире с Японией в ближайшие десятилетия подписан не будет. Ситуация, усилиями обеих сторон, превратилась в тупиковую (патовую). Правящие круги Японии, поощренные предложением Н.С. Хрущева о передаче ей двух островов, зашли в своих требованиях так далеко, что остановиться и отказаться от своих притязаний без «потери лица» уже не в состоянии. «Сохранить лицо» для японцев, воспитанных на самурайской этике поведения, не просто фигура речи, а один из главных постулатов в отношениях с окружающим миром.

Жизнь богаче шахматных ситуаций и все вышесказанное не означает, что отсутствие мирного договора (как бы патовая ситуация) будет мешать двум государствам активно развивать отношения и экономическое сотрудничество. Тихоокеанская Россия может сыграть роль стыковочного узла экономической кооперации с Японией и Корейскими государствами. Япония, инвестируя в дальневосточные территории России, создавая здесь промышленные производства, как бы сохранит лицо, развивая отношения не с далекой Москвой, а с соседними территориями (Тихоокеанской Россией). Практическими «рычагами» интеграции двух экономик будут строительство моста мыс Погиби — остров Сахалин, сооружение подземного туннеля между Сахалином и Хоккайдо и соединение Транссиба с японскими железными дорогами. Аналогичная программа в отношении Корейских государств уже перешла в плоскость практической реализации, Транссиб и северокорейские железные дороги состыкованы, новая магистраль доведена до порта Раджин. В перспективе — транскорейская и трансевразийская магистрали.

«Флер» известной автономии российского Дальнего Востока должен был поддерживаться деятельностью автономной некоммерческой организации с большим объемом капитала (АНО), проект создания которой на «далекой окраине» страны в 2012 году появился в Министерстве экономического развития РФ. Тем не менее, окончательного решения о создании на Дальнем Востоке достаточно самостоятельной многопрофильной структуры, «управляющей» тихоокеанскими территориями России, не было принято. Возможно, призрак сепаратизма заставляет власть осторожничать. В последнее время в правительстве появилась новая концепция создания Территорий ускоренного развития (ТОР) (новая редакция свободных экономических зон) [1].

Экономики России и Японии взаимодополняемы. Ограниченность природных ресурсов, островное положение страны, отсутствие союз-

ников на границах неизбежно приведет прагматично мыслящую правящую страту Японии к пониманию необходимости экономической кооперации с Россией.

В Токио в феврале 2014 г. прошла масштабная конференция, посвященная созданию энергомоста «Россия — Япония» (Сахалин — Хоккайдо). По дну океана проложат несколько кабелей, по которым российское электричество будет поставляться в Японию. Строительство энергомоста Сахалин–Хоккайдо можно смело назвать прорывом России на японский рынок: речь идет о поставках электроэнергии, стоимость которых исчисляется миллиардами долларов. Подписание Протокола о разработке проекта состоялось во время недавнего визита в Японию Президента России Владимира Путина. Место расположения новой ГРЭС на Сахалине уже определено. Начало строительства намечено на середину 2014 года, ввод в эксплуатацию — на 2016-й [2].

Если попытаться «прочитать» матрицу исторического процесса с помощью гегелевского закона «отрицание отрицания», то выделяются три исторических этапа (гегелевская триада): первобытное общество, классовое общество, постиндустриальное общество. Как известно, по Гегелю, третий член «триады» повторяет первый (спираль развития), но на качественно новом уровне. Тот же Гегель считал, что история человечества это поэтапное развитие свободы индивидуума. Согласно непопулярному сегодня К. Марксу, «Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства» [3, с. 386, 387]. Таким образом, достижение царства свободы (по Гегелю), как лейтмотив развития человечества, реализуется только после выхода человека из сферы материального производства (по К. Марксу).

Первобытное общество, охота и собирательство (зависимость от природы) — тезис, переход к регулярному труду (зависимость от материального производства) — антитезис. Развитие материального производства эволюционно приводит к освобождению от всякой зависимости (постиндустриальное общество) — синтез. Однако «синтез» (постиндустриальное общество), как повторение на высшем уровне «тезиса» (первобытное общество) будет означать и перенесение в постиндустриальное общество доминантного конфликта первобытного общества, коим была межрасовая конфронтация. Расовая война станет самым страшным конфликтом в истории, главной и единственной ее целью будет полное уничтожение всего населения расы-антагониста.

Дать точный футуропрогноз с указанием даты реализации того или иного события нереально. Аксиомой стал тезис о том, что научно-технический прогресс идет по экспоненте (с возрастающей скоростью). Попробуем вывести «алгоритм» ускорения: от каменного топора до начала использования металлических орудий труда прошли десятки тысяч лет; путь от металлического топора до применения станков человечество прошло в десять раз быстрее — за несколько тысяч лет. На порядок меньший временной отрезок понадобился, чтобы изобрести компьютер — несколько сот лет. Экстраполируя эту тенденцию в будущее, можно предположить, что для завершения компьютерной революции, комплексной роботизации производства (и выхода из него человека) будет достаточно нескольких десятилетий (по максимуму столетие). Наш прогноз-концепция о возможности возникновения в конце XXI века расовой войны получил неожиданное подтверждение. В 2003 г. была найдена ранее неизвестная 2-х томная рукопись И. Ньютона. (Это событие освещалось в прессе и по ТВ [4]). Главный вывод рукописи состоит в том, что апокалипсис следует ожидать в 2060 г.

Расовая война не неизбежна. Альтернативный (самоуничтожению) путь состоит в том, что Россия, расколов монголоидное сообщество и создав «Евразийский союз» (Россия, Узбекистан, Казахстан, Киргизия, Монголия, Корея, Япония), станет третьим (разнорасовым) силовым центром Евразии, снижающим до минимума расовое напряжение между монголоидным (Китай) и европеоидным (Европейский союз) полюсами планеты.

Концепция Евразийского союза появилась почти одновременно (начало 1990-х гг.) с проектом «Туманган» в качестве его антипода. Если «Туманган» (и Евразийский транспортный коридор в обход России) это изоляция России, дезорганизация евразийского пространства, его геополитическая трансформация в угоду геостратегическим интересам Китая, то Евразийский союз — разнорасовое сообщество, символизирующее будущее единство Евразии, а впоследствии и мира.

Путин в 2011 г. в своей программной статье в газете «Известия» дал следующий футуропрогноз: «Создание Евразийского союза, эффективная интеграция — это тот путь, который позволит его участникам занять достойное место в сложном мире XXI века. Мы предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом» [5].

Как бы отвечая на предложенную прогноз-концепцию, Президент Южной Кореи Пак Кын Хе на международной конференции высокого уровня «Глобальное сотрудничество в эру Евразии», прошедшей 18 ноября 2013 г. в Сеуле, изложила аналогичную программу международного сотрудничества «Евразийская инициатива» для создания «Единого континента». Смысл «Эпохи Евразии», по мнению Пак Кын Хе, заключается в объединении Дальнего Востока, начиная с Республики Корея, России, Центральной Азии, в формировании более благоприятной инфраструктуры и свободной торговли между евразийскими странами для построения большого единого рынка, соперничающего с Европейским союзом [6].

РОССИЙСКО-ТРАНСКОРЕЙСКИЙ КОРИДОР

Рис. 1. Стыковка РЖД с железными дорогами КНДР

Литература

1. Вместо госкорпорации на Дальнем Востоке может появиться АНО. URL: <http://primamedia.ru/news/dv/04.03.2013/261044/vmesto-goskorporatsii-na-dalnem-vostoke-mozhet-poyavitsya-ano.html>
2. В Токио обсудили создание энергомоста Сахалин... URL: <http://news.mail.ru/video/165564>
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 2. М., 1970.
4. Лаговский Владимир. Исаак Ньютон назначил конец света на 2060 г. // Комсомольская правда. 19.06.2007.
5. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. № 184.

6. Южная Корея и Япония могут вступить в Таможенный союз.
URL: <http://finance.nur.kz/news/macroeconomics/286925.html>

А.В. Головинов
Интеграционный потенциал
межцивилизационного взаимодействия Востока и Запада
в идеологии сибирских областников

Центральной темой научно-публицистического творчества областников являлось теоретическое осмысление общности судеб Сибири и метрополии, причем в их тесной взаимосвязи. В концептуальной трактовке феномена общерусского культурно-языкового диалога и единства основоположники областничества предстают в качестве оригинальных мыслителей, которые действовали в русле позитивных традиций отечественной философии, направленной на возрождение и обновление во всероссийском масштабе интеграционного потенциала национально-региональной культуры.

Вообще, в политико-культурном плане Сибирь для областников лежит на «перекрестке» цивилизации и рассматривается ими как особая геоэтнокультурная часть не только России, но всего континента Евразии в целом, где Восток и Запад — не два противоборствующих полюса, а части органично «единого и неделимого» национально-регионального культурного пространства. И в этом смысле Сибирь, с их прогностической позиции, может в будущем стать потенциальной сферой плодотворного взаимодействия двух цивилизаций. Порожденная органичным слиянием восточных и западных мотивов культура народов Сибири синкретична по своему характеру. По мнению Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева, на ее пространствах уже образуется специфическая культура «областного типа русской народности», являющаяся важной частью отечественной и мировой культуры.

Базовой же идеей областнической идеологии относительно поставленной проблемы было культурное значение славяно-русской национальности во взаимодействии с сибирскими инородцами. Процесс этого взаимодействия и сближения разных культур как раз и проводит к образованию русско-сибирской народности. «Но, как и при всяком сближении, — замечает Н.М. Ядринцев, — здесь не могло не произойти взаимодействия и вместе с передачею инородцам кое-чего русского, усвоено и много инородческого. Способностью этой передачи и степень заимствования от инородцев может измеряться только степенью нашего культурного влияния за Уралом» [1, с. 188]. Таким образом, провинциальные философы выступали за культурный диалог между народами, идеологии областничества была присуща идея культурных

контактов как процесса взаимного обогащения, основанного на равноправном диалоге. Исследуя взаимодействие «коренных» и «пришлых» в рамках одной локальной территории, Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин приходят к выводу о том, что культура не может развиваться без межэтнических контактов, а отсутствие контактного взаимодействия приводит к застою и даже деградации народонаселения. Рождение особого этнографического типа на территории Сибири областники определяли как продукт естественного и «вольнонародного» взаимодействия, рассматривая его как процесс стихийный. В духе философии русского народничества областники считали, что процесс межэтнического диалога-контакта должен осуществляться исключительно на народном элементе, вне предписаний государственной имперской политики.

Собрав и обобщив богатый этнографический материал по «колониализации» Сибири, сибирские интеллигенты заключают, что «казенные» переселения во многом приводят к унификации туземных народов со славяно-русским этнокультурным архетипом. В процессе же естественного хода этого взаимодействия сибирские интеллигенты указали на высокий адаптивный потенциал этнокультуры русско-сибирского субэтнуса, а такие культуры обладают высокой степенью передачи своих элементов в другие культуры. Механизм согласования культур вырабатывает сама природа, совершенно естественно. Более того, посредством здоровой и естественной аккультурации наблюдается органичное соединение разнородных черт «коренных» и «пришлых». Такой органичный, динамично развивающийся тип культуры оптимально определяет общую этнокультурную идентичность.

Инородческую культуру лидеры областнического движения воспринимали как «живую старину» и выступали против ее резервации. Областники не случайно задаются вопросом: «Чем отразится слитие нового мира Европы со старым миром Азии, какое оригинальное здание водрузится из этого объединения народов, когда-то разъединенных историй, — вот вопросы достойные остановить внимание философа-историка» [2, с. 194]. Само понятие областного типа русской народности в этом смысле воспринималось ими как конкретно исторический феномен, уникальный прообраз культурного взаимодействия Востока и Запада в рамках локальной территории. Это положение выразилось, по мнению сибирских патриотов, в менталитете народов Сибири как базисной сферы евразийской цивилизации.

Путем анализа провинциальной (сибирской) культуры областники вышли на проблему культурного обмена и сближения Востока и Запада. Взаимосвязь различных типов культур Востока и Запада по областничеству лежит в сфере понимания взаимообратной связи культурных заим-

ствований, что, по сути, предполагает, когда одно не может быть понято без другого. При этом патриархи свободной Сибири указывали на самоценности исторических форм культуры. Именно многообразие реализованных вариантов культуры как элемент ее самораскрытия обеспечивает богатство культуры всего человечества. Смысл «многообразного единства» как раз и кроется в преодолении дихотомии Восток — Запад. Этот социокультурный идеал с точки зрения областников уже воплощается в народно-областном типе. В этом ключе была высказана идея гипотетически возможной передислокации общенационального культурного центра из европейской части страны в ее срединную часть — в сибирский «хартлэнд» (по терминологии Макиндера). Это областническое утверждение отчетливо прослеживается в статье Г.Н. Потанина «Заметки о Западной Сибири» [3]. Характер международных взаимоотношений и внутри собственно российского полиэтнического сообщества был достаточно комплиментарным. «Избранный и поставленный всемирной историей на перекрестном пути между Западом и Востоком, — отмечал еще предшественник областников, их идейный вдохновитель А.П. Шапов, — народ русский должен примирить, соединить в братский союз Восток и Запад» [4, с. 4].

Вообще, областническая концепция культуры, выстроенная в духе цивилизационно-евразийских построений, была направлена на осмысление и претворение в жизнь позитивного межкультурного взаимодействия стран, регионов и народов Евразии. Собственно, концепция областников основана на принципах равноценности и равнозначности всех составляющих евразийского этнокультурного и этносоциального пространства. В духе евразийской философии областники не отделяли изучаемые народы и культуры от их среды обитания. «При местных условиях жизни, — были убеждены сибирские патриоты, — каждая из культур целесообразна и удовлетворяет своему назначению» [5, с. 2]. Это позволяло рассматривать отношения между культурными организмами на основе универсальной значимости всех народов земного шара. Момент оценки должен быть раз и навсегда изгнан из истории культуры, ибо оценка всегда основана на эгоцентризме.

Несмотря на то, что областники были несовершенны в своей терминологии, часто в своем культурфилософском творчестве использовали понятия «низшие расы», «дикари», для них нет культур высших и низших, а есть только похожие и непохожие, находящиеся на разных стадиях своего развития. «Само слово дикарь, — писал Н.М. Ядринцев, — мне, однако, не приятно, иначе говоря, я его считаю не научным» [6, с. 2].

Они исходили из единства человеческого рода в смысле как происхождения, так и законов развития. В этом содержится аксиологическая проповедь многообразия этносоциального и культурного облика человечества. Областническая теория культуры, в противовес европоцентристскому культуртрегерству, была направлена на преодоление неравенства культуры центра и культуры окраин, утверждение несоизмеримости Востока и Запада. Непринятие европоцентризма Г.Н. Потаниным и Н.М. Ядринцевым выделяли А.М. Сагалаев и В.М. Крюков. Согласившись с современными исследователями, можно утверждать, что стремление к преодолению неравенства центра и провинции оборачивается у сибирских патриотов в приоритете последней, даже в ее культурном превосходстве [7, с. 187].

Признавая универсальную ценность культурного багажа разных народов, областники воспринимали традиционные неевропейские культуры как воплощение живой этнической архаики. «Потанин, — отзывался о его трудах М.К. Азадовский, — выступает как апологет и защитник так называемых «бескультурных народов», обитателей Сибири, среднеазиатских степей и предгорий» [8, с. 2]. Многообразный этносоциальный мир Сибири рассматривался как поприще изучения человеческой культуры. «До сих пор европейские ученые, — сожалел Н.М. Ядринцев, — черпали свои данные из жизни австралийских и американских дикарей, но менее всего были исследованы североазиатские народы... в Сибири лежит огромный материал для изучения истории культуры северного полушария» [9, с. 9]. Такое отношение к этнической архаике плодотворно не только в научно-познавательном отношении. Целенаправленное органичное изучение культуры традиционных народов, своего рода научит не отрицать духовных способностей архаических культур, но и даже ценить их. При этом каждая культура, согласно народническо-областнической философии, как живой организм образует единое целое, в котором ни один из органов не может измениться, не повлияв на остальные. Все живые организмы подвержены развитию. Это обуславливает и их многообразие. Причем организм рождается как целостность во всех проявлениях своей самобытности. Поэтому культура региона рассматривалась как неотъемлемая часть общерусской и мировой культуры, подчиненная единым закономерностям. В мировоззренческом представлении о таком «единстве в многообразии», органичность культуры воспроизводилась диалектикой локального (регионального) и универсального (глобального).

В целом, идеологи областничества делали акцент на евразийских фундаментальных основаниях будущего прочного единства региональных этнических культур. Эвристичность потенциала областниче-

ской концепции культуры, выстроенной в духе «русского» цивилизационного подхода, состоит в позитивном истолковании практического опыта межкультурных коммуникаций народов, регионов и целых стран континента Евразии.

Литература

1. Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы их быт и современное положение. СПб, 1891.
2. Письмо Н.М. Ядринцева Г.Н. Потанину от 4 марта 1873 // Сибирские записки. Красноярск, 1918.
3. Потанин Г.Н. Заметки о Западной Сибири // Русское слово. 1860. № 9.
4. Щапов, А.П. Новая эра. На рубеже тысячелетий // Собрание сочинений Щапова А.П. Доп. том к изданию 1905–1908 гг. Иркутск, 1937.
5. Ядринцев Н.М. Дикарь перед судом науки и цивилизации // Восточное обозрение. 1882. № 28.
6. Ядринцев Н.М. Умственное развитие и объем познаний первобытного человека, выясненные взглядом на историю угро-алтайцев // Восточное обозрение. 1896. № 68.
7. Сагалаев А.М., Крюков А.В. Потанин Г.Н.: опыт осмысления личности. Новосибирск, 1991.
8. Азадовский М.К. История русской фольклористики. Т. II. М., 1963.
9. Ядринцев Н.М. Сибирь как поприще изучения человеческой культуры // Восточное обозрение. 1886. № 2.

М.Н. Колоткин

Трансграничные туристские тренды Большого Алтая в условиях современных геополитических реалий

Одним из наиболее быстроразвивающихся секторов в мировой экономике является туризм. По данным Всемирной туристской организации ООН (UNWTO) и МВФ, вклад отрасли оценивается в 3,5 трлн долларов, что эквивалентно 10,9% мирового валового внутреннего продукта (ВВП) и 7% мировых инвестиций. К началу XXI века туристский рынок стал глобальным, а региональные рынки стремительно теряют свою изолированность, встраиваясь в глобальные мирохозяйственные связи. Мировой опыт наглядно свидетельствует о мультипликационном эффекте индустрии туризма, с помощью которого можно преодолеть неравномерность развития отдельных территорий,

улучшить инфраструктуру, обеспечить занятость местного населения и т.д.

Алтайская горная страна, расположенная в центре Азии, включает в себя территории Российской Федерации, Монголии, Казахстана, Китая. Это чрезвычайно ценная для развития туризма уникальная территория Земли, с древнейшей историей и периферийным экономическим пространством, природным ландшафтом является сегодня крайне притягательной. Однако она разделена государственными границами, что дополнительно создает физические и психологические барьеры.

Однако в последнее время наметились положительные тренды в области трансграничного сотрудничества. На качественно иной уровень вышли добрососедские отношения между государствами. После введения в ноябре 2014 г. безвизового режима для граждан РФ и Монголии поток пересекающих государственную границу увеличился вдвое. 28 января 2015 г. родился трехмиллионный гражданин МНР. А на начало 2015 г. здесь жило 22 904 иностранца из 117 государств мира, из них 2801 — это инвесторы. А по количеству иностранных студентов на душу населения Монголия опередила Россию и Китай.

Наибольший опыт в обеспечении трансграничного сотрудничества с КНР и МНР накопили Иркутская область, Бурятия и Забайкальский край. В Забайкалье активно развивается туризм в сотрудничестве с правительством автономного района Внутренняя Монголия Китая, Восточного аймака МНР. Регулярно проходят встречи в Чите, Чойбалсане, Манчжоули, где проходят презентации туристских ресурсов трех стран и обсуждаются перспективы освоения туристских трансграничных рынков. Бурятия реконструировала автомобильный пункт пропуска через границу в Кяхте, мощность которого достигла до 1 тыс. автомобилей в сутки. 23-26 декабря в г. Манчжоули (КНР) состоялся форум трансграничного сотрудничества Китая, Монголии и России. Российскую сторону представляла Республика Бурятия. Обсуждались тренды туристической индустрии в смежных странах, новые возможности развития и прорыв на уровне регионов. Участники утвердили предложения по освоению и интеграции уникальных туристских и культурных ресурсов трех стран вокруг китайского пояса «шелкового пути», российской транспортной железнодорожной магистрали, монгольского «степного пути». Наметились основные направления сотрудничества Бурятии, Иркутской области и Забайкальского края по развитию бренда «Великого чайного пути». Активно заработал трансграничный маршрут «Озеро Байкал — озеро Хубсугул».

А что же Алтай? После введения западных санкций против России расширилось геополитическое и экономическое сотрудничество со

странами АТР. Председатель правления ОАО «Газпром» А. Миллер заявил о больших подвижках по строительству газопровода «Алтай» через территорию Республики Алтай в Китай. В апреле 2014 г. в г. Баян-Ульгий состоялась международная встреча по развитию внешне-экономических связей между Республикой Алтай и МНР, где было озвучено решение о строительстве грузовой дороги Даян — Ташанта, длиной 212 км, которая свяжет Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая (СУАР) и Республику Алтай через территорию МНР.

Казахстан в рамках программы «Концепция развития туристской отрасли до 2020 года» определил пять кластеров развития туризма в республике. Из них примыкающий к Алтайской горной стране Восточный Казахстан, определен центром развития экологического туризма в республике. Итак, складывается очень перспективный треугольник из субъектов трех стран — Республика Алтай, Восточный Казахстан и СУАР Китая.

По сути, возникают условия для формирования Алтайского транс-национального горного кластера при наличии должной кооперации между различными субъектами — предпринимательскими структурами, органами власти и государственными учреждениями, общественными организациями и фондами, задействованными в индустрии туризма и смежных отраслях (государственно-частное партнерство, ассоциации, союзы и т.п.).

Важное место здесь должно отводиться и Баян-Ульгийскому аймаку МНР. Выгодное географическое положение ставит этот самый западный центр Монголии в перспективный центр развития трансграничного туризма. Малая населенность (около 100 тыс. чел на 45,8 тыс. кв. км), этническое своеобразие (более 90% населения составляют казахи) и наличие уникальных достопримечательностей дают основание надеяться иметь здесь в будущем мощный центр туризма. Как нам представляется, базовыми трендами должны быть в совместном сотрудничестве экологический, исторический и экзотический туризм. Именно в сердце Большого Алтая находятся самые высокие вершины Алтая и Монголии (Белуха — 4506 м и Хэйтэн Уул (Найрамдал-Дружба) — 4374 м). Последняя до сих пор считается священной горой у монголов, казахов и алтайцев. Здесь возможно проводить альпийские туры с восхождениями на горы и ледники. В верхних течениях Иртыша, Ховда, Катунь и многочисленных озерах (Уурег нуур, Хотон нуур, озерах Кош-Агачского района) перспективна организация рыбалки на хариуса, тайменя, сига, усмана. В национальном парке Алтай Таван Богд, имеющем общие границы с Россией и Китаем, имеется множество древних достопримечательностей и таинственных архитектурных

построек. Огромные перспективы для развития имеет экзотическая охота «беркутчи», исторически присущая казахскому населению Кош-Агачского района и Баян-Ульгийского аймака. Древние археологические комплексы Горного Алтая (Пазырык, плато Укок, Денисова пещера и т.д.) и Монголии (Малый Ойгор, Хотон, Хурган и т.д.) представляют огромный интерес для совместных научных экспедиций. Подобные практики уже активно используются. Множество объектов трансграничных районов Большого Алтая все еще требуют внимания со стороны геологов, гляциологов, этнографов, историков и других представителей науки.

Т.В. Колпакова

***Перспективы реализации инновационного потенциала
соразвития приграничных регионов РФ и КНР
(на примере Байкальского региона РФ и
Северо-Восточного региона КНР)****

Современный мир характеризуется высокой степенью нестабильности, мировой системный кризис выявил необходимость поиска новой модели развития человеческого сообщества. В современной научной литературе все чаще обсуждается идея соразвития, выступающая в качестве новой фундаментальной мировоззренческой установки, на основе которой возможно построение мировой системы нового типа, позволяющей разрешить существующие противоречия. Стратегия соразвития может быть с успехом применена в модернизации формата сотрудничества приграничных регионов России и Китая, партнерство которых на сегодняшний день протекает в условиях ярко выраженной асимметрии социально-экономического развития, что в свою очередь приводит к снижению уровня национальной безопасности России. Анализ перспектив использования стратегии соразвития в пространстве российско-китайского приграничья позволяет обосновать выбор данной стратегии как наиболее перспективного пути развития стратегического партнерства двух великих держав.

Возможность реализации стратегии соразвития приграничных регионов России и Китая predetermined, во-первых, универсальностью теории соразвития, а во-вторых, высоким потенциалом соразвития данных регионов. Потенциал соразвития — это совокупность природных, производственных, трудовых, финансовых, социокультурных и

* Работа подготовлена в рамках научного исследования, поддержанного Советом по грантам Президента РФ МК-4300.2014.6

других ресурсов регионов, вступающих в интеграционное взаимодействие, совместное взаимовыгодное использование которых даст эффект, выражающийся в дополнительных экономических выгодах и преимуществах стран в процессе интеграции, достижение которых невозможно (или менее эффективно) без сотрудничества в контексте соразвития.

Ключевыми факторами соразвития Байкальского региона РФ и Северо-Востока КНР являются: территориальная близость, высокий уровень политического сближения государств на фоне неблагоприятной внешней конъюнктуры, многолетняя история экономического сотрудничества, избыток рабочей силы в Китае и ее дефицит в приграничных регионах России, ресурсная обеспеченность Байкальского региона, наличие программы межрегионального развития, взаимный интерес, проявляемый друг к другу российской и китайской сторонами и др.

Однако, несмотря на наличие большого числа факторов, определяющих потенциал соразвития российско-китайского приграничья, нерешенным остается целый ряд проблем, препятствующих реализации данной стратегии: слаборазвитая транспортная инфраструктура на территории приграничных регионов России, низкий инвестиционный потенциал Байкальского региона, жесткие требования к иностранным предприятиям на территории России, неэффективность действующих программ регионального сотрудничества и др.

Основными направлениями двустороннего взаимодействия РФ и КНР сегодня являются: экономика, энергетика, торговля, инвестиционная деятельность. Все более значимым становится сотрудничество в гуманитарной, научно-технической и культурной сферах.

В социально-экономическом плане перспективы реализации стратегии соразвития порождают новые конкурентные преимущества совместных российско-китайских проектов. Экономические конкурентные преимущества Байкальского региона включают транспортно-географическое положение и природно-сырьевые богатства.

Что касается транспортно-географического конкурентного преимущества соразвития регионов, следует особо отметить инновационный сценарий комплексного развития Сибири и Дальнего Востока, одним из пунктов которого является проект «Интегральная Евразийская транспортная система». Согласно данному проекту, будет создана единая транспортная система, которая соединит Азию, Европу, США, что в свою очередь позволит данному региону стать центром обновленной структуры экономического и социокультурного пространства мира. При этом реализация проекта, предусматривающая создание транспортного моста между ключевыми экономическими зонами, уси-

лит позиции России в системе международных отношений, будет способствовать укреплению ее территориальной целостности, развитию азиатской части страны [4]. В 2015 г. к России переходит председательство в Шанхайской организации сотрудничества, в это время планируется активное развитие планов по расширению транспортных коридоров. Потенциал этой инициативы в дальнейшем может быть значительно увеличен по мере реализации китайской концепции экономического пояса Шелкового пути.

Особое значение для развития сотрудничества между Россией и Китаем сегодня имеет сфера энергетики. Стремительно развивающийся Китай остро нуждается в энергетических ресурсах, которыми он не может в полной мере обеспечить себя самостоятельно. В данной связи вполне закономерным становится стремление Пекина диверсифицировать источники импорта энергоресурсов, при этом очевидно, что наиболее перспективными являются регионы, характеризующиеся экономической и политической стабильностью, именно к таким регионам относится и Россия.

Сфера лесного хозяйства также является одной из наиболее перспективных отраслей сотрудничества, при условии правильной ее координатации в рамках реализации стратегии соразвития регионов. Безусловно, наличие богатых запасов древесины обуславливает стремление российской стороны к наращиванию объемов экспорта и получению прибыли, однако с учетом того, что в Китай экспортируется главным образом древесина низкой степени обработки и с низкой добавленной стоимостью, выгода, получаемая Россией, представляется сомнительной. В данной связи, чтобы обеспечить сбалансирование интересов обеих стран, российская сторона проводит повышение экспортных пошлин на круглый лес, а также ценные и твердолиственные породы. Основная цель этих поправок — сохранение естественных лесных угодий Сибири и Дальнего Востока России, а также стимуляция развития деревообрабатывающей промышленности на территории РФ.

Пушное звероводство также включено в список направлений, которые могли бы стать одним из пунктов в программе соразвития России и Китая. В Байкальском регионе есть все предпосылки для развития данного направления: благоприятные климатические условия, кормовая база. При этом производство кормов представляется перспективным еще и с точки зрения комплексного развития сотрудничества в сельскохозяйственной сфере [6, с. 278].

Помимо вышеперечисленных направлений реализация стратегии соразвития России и Китая будет способствовать и инвестиционному сотрудничеству. Согласно утвержденному 17 июня 2009 г. Плану рос-

сийско-китайского инвестиционного сотрудничества основным преимуществом российского приграничья является его природно-сырьевая база. При этом представляется, что наиболее эффективным механизмом реализации сотрудничества в этой сфере станут трансграничные производственные кластеры. Наиболее перспективным в этом плане является лесопромышленный комплекс. Ряду инвестиционных программ, реализуемых в данной сфере, присвоен статус приоритетных проектов как регионального, так и федерального значения. Речь идет, прежде всего, о таких инвестиционных проектах, как Амазарский целлюлозный комбинат, Даурский и Будюмканский лесоперерабатывающие комбинаты [2].

Следует отметить, что реализация подобных инвестиционных проектов может стать основой создания научно-технических и промышленных парков, зон развития высоких технологий, что в свою очередь придаст новый импульс для развития российского Дальнего Востока и Байкальского региона. В настоящее время разрабатываются проекты семи зон российско-китайского научно-технического сотрудничества, четыре из которых будут размещены в северо-Восточном регионе КНР (города Харбин, Муданьцзян, Чанчунь, Далянь) [1].

В настоящих условиях экспортно-ориентированная модель развития Китая уже в ближайшее время может быть дополнена стратегией современного неоиндустриализма, которая во внешнеэкономической области подразумевает использование интенсивных факторов роста, формирование «новой экономики», базирующейся на знаниях и информационных технологиях [3]. На территории Байкальского региона требуется расширение сектора наукоемких производств, центров внедрения инноваций. Важную роль играет обмен опытом высококвалифицированных специалистов России и Китая.

Особо стоит остановиться на сотрудничестве Байкальского региона и Северо-Востока КНР в сфере туризма.

Что касается развития двустороннего туризма, приграничные регионы России и Китая обладают большим потенциалом. Однако в настоящее время на территории Байкальского региона для развития туристической отрасли разрабатываются лишь несколько новых проектов. Во-первых, речь идет о проекте «Великий чайный путь», в реализации которого будут задействованы Россия, Китай и Монголия. На сегодняшний день данный проект находится в стадии разработки. В 2015 г. был проведен международный автопробег по данному туристическому маршруту в честь празднования 70-летия Великой Победы, также в целях реализации проекта в июле-августе 2015 г. планируется проведение пресс-тура для представителей зарубежных средств массо-

вой информации по территориям субъектов Российской Федерации, входящих в туристический маршрут. Во-вторых, в 2015 г. планируется проведение V Международного этнокультурного фестиваля «Ёрдынские игры», с участием делегаций зарубежных стран. К 2020 г. в Бурятии планируется создать горнолыжный курорт мирового уровня «Мамай» [5].

В современном глобализирующемся мире российскую и китайскую цивилизации объединяет общность в подходе к построению международного интеграционного взаимодействия на основе взаимовыгодного прагматического сотрудничества при сохранении свободы и самобытности развития культур. Построение адекватной модели регионального взаимодействия здесь выступает первоочередной задачей, поскольку она будет являться фундаментом дальнейшей диверсификации сотрудничества государств. Байкальский регион РФ и Северо-Восточный регион КНР обладают высоким потенциалом соразвития, складывающимся из природных, производственных, социокультурных и других ресурсов регионов, которые позволяют в процессе взаимодействия и реализации стратегии соразвития достичь высоких результатов, которые были бы недостижимы без применения этой стратегии. Инновационное содержание стратегии соразвития обогащает сложившуюся практику российско-китайского взаимодействия потенциальной трансформацией слабо развитых подсистем региона в перспективные точки роста. Соразвитие приграничных регионов России и Китая имеет широкие перспективы, поскольку будет способствовать формированию принципиально новых форм экономического и гуманитарного взаимодействия, трансформируя конфликт интересов в многосторонние конкурентные преимущества.

Литература

1. Го Ляньчэн. Эдунбу кайфа юй чжунго дунбэй цзинци чжэньсин, юсяо дуй цзехэ хутун фачжань тигун синь циюй = Развитие российского Дальнего Востока и экономический подъем Северо-Востока Китая, новые возможности эффективного мирного взаимодействия. URL: <http://www.chinaru.info/zhongejmyw/jingmaotegao/32966.shtml> (Кит. яз.)
2. Грибова С.Н. Стратегия соразвития РФ и КНР: региональный аспект // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2012. № 1. С. 15–20.
3. Лузянин С.Г. Рецензия на книгу Титаренко М.Л., Кузык Б.Н. «Китай-Россия 2050: стратегия соразвития» // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 6. С. 178–182.

4. Осипов Г.В. Мегaproект «Интегральная Евразийская транспортная система» (социальные и геополитические аспекты) // Аналитический вестник Совета Федерации. 2011. № 18. С. 3–15.

5. Проект положения о V международном этнокультурном фестивале «Ёрдынские игры» // Официальный портал Иркутской области. URL: <http://irkobl.ru/sites/culture/news/news/50412>

6. Титаренко М.Л. Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. М., 2012.

А.В. Кротов, А.В. Бусленко
Экономико-географические предпосылки развития
приграничных кластеров России и
сосредоточенных государств

Тема приграничного сотрудничества, трансграничных взаимоотношений в последнее время крайне актуальна как в нашей стране, так и за рубежом. В силу своего крайне протяженного географического положения, самой большой занимаемой территории на планете и наличия наиболее протяженных в мире сухопутных границ для России возникает вопрос об использовании данного неопценного ресурса в своем социально-экономическом развитии. Даже беглый экономико-географический анализ отмеченных выше хронологических свойств и особенностей нашей территории говорит о существовании естественных возможностей возникновения разного рода трансграничных кластеров и вариантов приграничного взаимодействия или сотрудничества.

Величина границ и характеристики приграничья сосредоточенных с российскими территориями стран позволяют использовать данный потенциал самыми разными способами. Но, к сожалению, вся история существования СССР и современной России свидетельствует пока о неспособности, нежелании или неорганизованности властей государств, имеющих общие границы и такие очевидные геоэкономические предпосылки, реализовать преимущества экономико-географического положения. Даже в дореволюционной России можно найти примеры эффективного трансграничного взаимодействия, сравнимого (с поправками на современный уровень развития хозяйства) с сегодняшним приграничным сотрудничеством наиболее преуспевающих сообществ. Это прежде всего функционирование промышленного и транспортного узла на территории глубоко вдающегося в Европу польского участка с центрами в Варшаве и Лодзи и совместное с Китаем развитие Дальнего Востока благодаря строительству железной до-

роги. А ведь история кластеров, да и всех вариантов, выделенных нами, современного приграничного сотрудничества развитого мира насчитывает чуть более пятидесяти лет.

Все основные предпосылки современного трансграничного развития можно сгруппировать в следующие факторы стимулирующие взаимодействие регионов-соседей различных стран: 1) общее историческое прошлое; 2) сформированные или формирующиеся приграничные промышленные или сектора услуг кластеры; 3) плохая транспортная увязка приграничных территорий; 4) необходимость усиления центров, городов; 5) разделение специализаций между приграничными территориями во избежание конкуренции; 6) экономико-географические предпосылки; 7) геоэкономическая конкуренция; 8) противостояние враждебному вмешательству.

В постперестроечном периоде было несколько не совсем удачных попыток организации приграничных зон особого типа разных видов. Реальные результаты, выраженные в ежегодном приросте ВРП территорий, были не очевидны. Пожалуй, кроме некоторых успехов в Калининградской области, отметить нечего. Да и здесь, например, автомобильный кластер получил такое развитие благодаря серьезным налоговым льготам и открытию российского рынка для продукции, произведенной в большей степени за рубежом.

Суммировав весь накопленный в мире опыт трансграничного сотрудничества, можно констатировать, что в России еще не полностью потеряны шансы создания конкурентоспособных приграничных кластеров с разной специализацией. В ходе проведенного анализа были выявлены самые распространенные примеры использования экономико-географических преимуществ приграничного положения. Конечно, нельзя не отметить тот факт, что на успешность хозяйственного развития повлияли в значительной степени и другие факторы и процессы, происходящие в последнее время в мировой экономике. Здесь прежде всего стоит отметить процессы глобализации и регионализации, увеличения роли мировых городов и транспортно-логистических центров. Налоговые, политические, социальные, экологические, институциональные и прочие различия между государствами привели к тому, что появилась необходимость создания одновременно зон преференциального и обгоняющего развития.

Именно на территориях, которые больше всего соответствовали изменившимся требованиям эффективности, стали возникать разного рода трансграничные полюса роста. Те государства или их части, которые сделали ставки на формирование особых условий для привлечения инвестиций, инноваций, промышленных активов и человеческого

капитала, получили очень существенные преимущества в гонке результативности работы экономических агентов. Вот типичные мировые примеры территорий, реализовавших в той или иной степени свой потенциал трансграничья: 1) открытый порт Сингапур — за 40 лет скакнул из отсталых территорий в разряд самых передовых, как в экономике, так и в области городского планирования, инноваций, социального проектирования; 2) приморские СЭЗ в Китае — показали беспрецедентные показатели роста хозяйства в новейшей истории; 3) трансграничные регионы ЕС — в результате многообразных форм приграничного сотрудничества были получены значительные позитивные эффекты; 4) современные офшоры (Кипр, Бермуды, Люксембург и др.) — стали центрами мировых финансовых транзакций; 5) Макиладорас (Мексика) — многие компании в особенности из США смогли выйти в высокий плюс благодаря сокращению издержек; 6) автомобильный кластер Меркосур (Аргентина — Бразилия) — сложение потенциала обоих среднеразвитых государств позволило организовать довольно серьезное современное рентабельное производство; 7) мультимодальные транспортные центры — хабы (Дубай, Стамбул, Франкфурт-на-Майне и др.) — благодаря выгодному транзитному положению и реализации стратегии опорного аэропорта привели как к росту доходности, так и приобретению статусов мировых городов; 8) примыкающие к крупнейшим каналам (Суэцкий, Панамский) территории — отсталые области превратились в самые развитые части своих стран; 9) особые территориальные образования (Гонконг, Макао и др.) — смогли стать важнейшими связующими звеньями мировой экономики с огромным и бурно развивающимся социалистическим Китаем.

Соответственно, другие страны, не имеющие подобных точек роста с льготами, касающимися финансового результата своей деятельности и исключительных экономико-географических преимуществ, выступили своеобразными донорами чужого успеха. И потери государств только от неравноценного участия в мировом географическом разделении труда могут выражаться даже в нескольких недополученных процентах ВВП ежегодно. Иногда десятилетиями основную прибавочную стоимость снимают внешние акторы. Поэтому столь актуально создание условий и разработка действенных стратегий для отечественных трансграничных зон передового развития. Очевидно, что необходимо учитывать удачные варианты реализации и менее удачные (например, Макиладорас). Государства-острова, малые страны и государственные образования мы отнесли также к вариантам трансграничья, потому что их эффективность как раз складывается из правил-

ного использования своего положения во внешнеэкономических взаимодействиях.

Логика постиндустриального развития мирового хозяйства, усиливавшаяся геополитическая нестабильность и геоэкономическая конкуренция привели к осознанию необходимости создания одновременно высокoeffективных и встроенных в глобальные производственно-технологические, а сейчас и социально-управленческие практики предприятий. Оглядываясь на прошедшие четверть века после окончания перестройки в России, мы не увидели более легких и также действенных способов «вскочить на подножку уходящего поезда», чем организация приграничных кластеров с различной специализацией и имеющих соответственно каждый свое собственное обоснование и преимущество. В нашем случае трансграничный кластер обязательно включает несколько стран-участниц, минимум две. Условная прибыль и тем более доход распределяются более или менее равномерно между сторонами. Но для каждого актора есть свой состав выгод или преимуществ, так как задачи перед различными государствами стоят разные. Хотя любое приграничное сотрудничество должно вести к увеличению совокупного произведенного продукта.

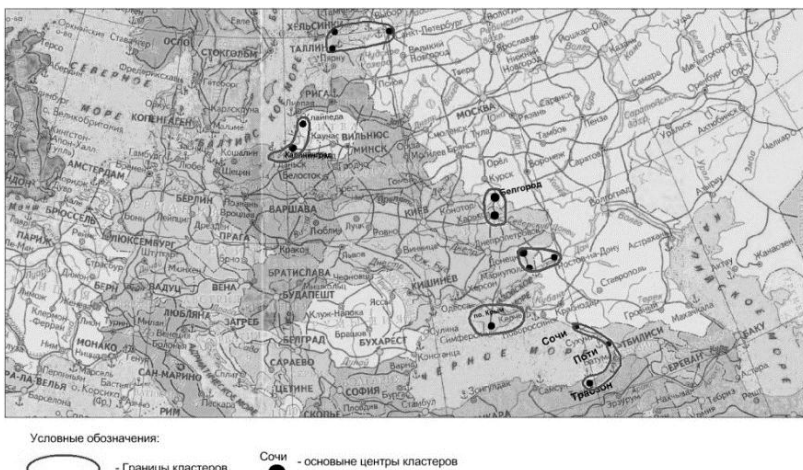

Рис. 1. Трансграничные кластеры (Запад)

Кратко все выгоды и преимущества от формирования трансграничных кластеров можно перечислить: 1) снятие визовых формальностей и ускорение развития отраслей гостеприимства и туризма; 2) уве-

личение совокупного рынка; 3) нивелирование различий приграничных регионов; 4) получение геоэкономических преимуществ; 5) ускорение социально-экономического развития депрессивных регионов; 6) создание хабов и новых транспортных магистралей и соответственно сближение пространства; 7) диффузия инноваций в центр и другие регионы; 8) усиление геополитического влияния; 9) повышение конкурентоспособности отраслей и регионов; 10) сложение кадровых, технологических и инвестиционных возможностей; 11) проведение совместных природоохранных мероприятий; 12) урегулирование внешнеполитических проблем; 13) уменьшение военных угроз и террористических проявлений.

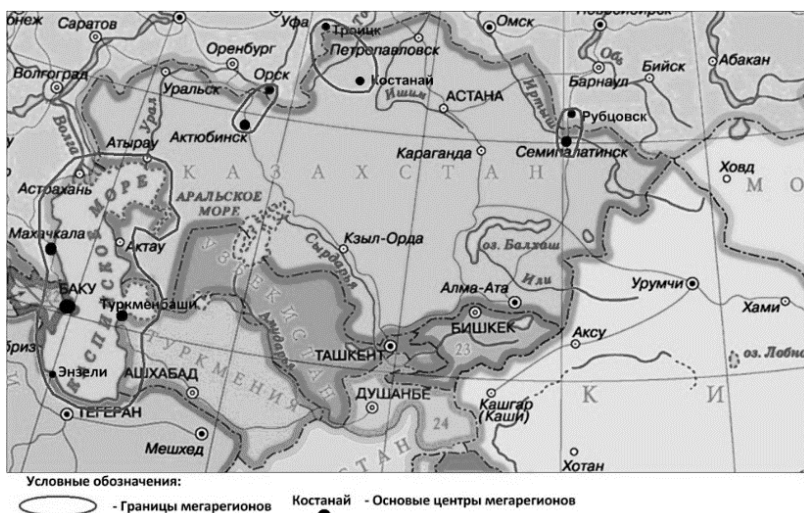

Рис. 2. Трансграничные кластеры (Юг)

На рис. 1 и рис. 2 показаны наиболее перспективные участки по формированию трансграничных кластеров на территории России и сопредельных государств (кроме восточных территорий). Авторы не сразу пришли к данному размещению приграничных полюсов роста. Впервые идеи создания условий для развития особой промышленной зоны в районе г. Рубцовска возникли более 10 лет назад [1]. Интенсификация туристской, транспортно-логистической отраслей в районе каспийского побережья предложена была впервые в печати в 2012 г. [4]. Статья, посвященная возможностям создания в Крыму открытой туристско-инновационной зоны с элементами финансово-инвестиционного оффшора, вышла совсем недавно, и основанием для

ее написания явились события прошедшего года [2]. Но алгоритм стратегического приграничного сотрудничества в РФ не изменился с того времени и даже, более того, он получил новые импульсы и доказательств необходимости осуществления данных международных проектов. Предложения по развитию прообраза мегарегиона в российско-украинском Донбассе появились чуть раньше военных действий [3], будем надеяться, что что-то из наших наработок войдет в планы мирного восстановления территории.

Специализация трансграничных кластеров различная. Вот наиболее действенные варианты развития российских участков. Так, наиболее перспективно создание новых хабов в Махачкале, Калининграде, Симферополе, Ростове-на-Дону. Промышленные приграничные кластеры эффективно строить и в Калининграде, Ростове-на-Дону, Рубцовске, Троицке и Орске. Передовой инновационной зоной мог бы стать Крым. А интенсификация развития туризма необходима также Сахалину, Посъету и Владивостоку.

Межрегиональная интеграция территорий различных стран способствует решению многочисленных задач. Но у каждого приграничья есть своя преимущественная специализация.

Литература

1. Кротов А.В. О некоторых предложениях по стратегии развития Алтайского края до 2025 года // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2008. № 2. С. 67–68.

2. Кротов А.В., Седова Е.Ю., Поломошнова Н.В. Формирование в Крыму открытой туристско-инновационной зоны с элементами финансово-инвестиционного оффшора // Экономика. Сервис. Туризм. Культура (ЭСТК-2015). XVI Международная научно-практическая конференция. Сб. статей. Барнаул, 2015.

3. Лавренюк М.В., Кротов А.В. Экономико-географические предпосылки образования Донбасского мегарегиона в пограничье России и Украины // Социально-экономическая география: теория, методология и практика преподавания: материалы международной научно-практической конференции / Под ред. А.А. Лобжанидзе. М., 2014.

4. Мамешина Н.С., Кротов А.В. Перспективы развития туристской отрасли в Прикаспии // Экономика. Сервис. Туризм. Культура (ЭСТК-2015). XVI Международная научно-практическая конференция. Сб. статей. Барнаул, 2015.

А.В. Кротов, М.В. Лавренюк
Приграничное положение Алтая как фактор,
нивелирующий ультраконтинентальность региона

Территорию Алтайского региона можно определить как ультраконтинентальную. Под ультраконтинентальностью, в отличие от самого понятия континентальности, как физико-географической характеристики, следует понимать общее удаление от основных векторов развития социально-экономической, геоэкономической сфер жизни общества. Рассматривается ультраконтинентальность с учетом удаленности от открытых морских территорий, что удорожает все торговые операции, и одновременно учитывает доступ через орографические объекты, где строительство инфраструктурных объектов дороже, это также влияет на плотность населения и, соответственно, расположение экономической жизни. Все это приводит к относительно большей себестоимости производства большинства продуктов и услуг. Можно выделить следующие области, подходящие под термин «ультраконтинентальная территория» (УКТ): южная часть Северной территории Австралии, штат Мату-Гросу в Бразилии; штаты Северная Дакота и Монтана в США; регион Борку и регион Тибетси в Республике Чад; Республика Хакасия, Алтайский край, Республика Тыва, Республика Алтай в России; Синьцзян-Уйгурский АР в КНР; Восточно-Казахстанская область в Казахстане; Баян-Улгий, Ховд, Увс, Говь-Алтай, Завхан аймаки Монголии. Тем не менее, такое относительно невыгодное расположение тоже можно использовать, например, для развития туризма [1].

Алтайский регион — это территория, находящаяся в составе России, включающая в себя Алтайский край и Республику Алтай. При совместном рассмотрении по площади данную территорию можно расположить на 16 месте среди всех регионов РФ. При рассмотрении экономико-географического положения (ЭГП) Алтайского региона необходимо отметить расположение Алтая между экономически более развитыми Новосибирской и Кемеровской областями, на стыке транспортных коммуникаций, соединяющих Сибирь, страны Центральной Азии и Дальний Восток.

При рассмотрении экономического благосостояния региона используется основной показатель ВРП.

Таблица. 1. Показатели ВРП и ВРП на душу населения в регионах на 2013 год [2].

Субъект	Алтайский край	Республика Алтай
ВРП (место среди регионов России)	410,8 млрд руб. (34)	33,0 млрд руб. (83)
ВРП/чел. (место среди регионов России)	171,6 тыс. руб. (70)	156,8 тыс. руб. (75)

Анализируя экономическое благосостояние регионов, можно говорить о некотором отставании Алтая от соседей — Новосибирской и Кемеровской областей, которые являются экономическими центрами Сибири.

Экономическую развитость региона можно охарактеризовать через дотационность бюджета со стороны федеративного центра. Алтайский край входит в пятерку лидеров по дотационности бюджета в абсолютном показателе. Но за счет достаточно большого числа населения края дотации на одного жителя сравнительно невелики — в Республике Алтай они выше в 5 раз.

Таблица 2. Основные показатели дотаций за год в регионах России (на 2013 г.) [3].

№ п/п	Регион	Дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности	Дотаций на одного жителя, руб.
1.	Республика Саха	51,3 млрд руб.	56 050.65
2	Республика Дагестан	43,1 млрд руб.	15 299.14
3.	Камчатский край	31,6 млрд руб.	99 727.29
4.	Чеченская Республика	17,8 млрд руб.	32 126.49
5.	Алтайский край	17,5 млрд руб.	7 610.21
	Республика Алтай	7,2 млрд руб.	35 117.38

Основой экономической специализации Алтая является сельское хозяйство. В Алтайском крае — это производство зерна, молока, мяса, в Республике Алтай также животноводство, садоводство, но в меньшей степени. Также в Алтайском крае развита пищевая промышленность, сельскохозяйственное машиностроение, добыча полиметаллов, металлургия и т.д. Для Республики Алтай основной отраслью специализации является туризм.

Таблица 3. Распределение учтенных в территориальном разделе статистического регистра Росстата организаций по видам экономической деятельности в Алтайском крае и Республике Алтай на 1 сентября 2015 года [4, 5].

	Количество организаций в Алтайском крае		Количество организаций в Республике Алтай	
	всего	в % к итогу	всего	в % к итогу
Всего:	57152	100	6466	100
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	2443	4,3	459	7,1
Добыча полезных ископаемых	128	0,2	54	0,8
Обрабатывающие производства	5491	9,6	474	7,4
Строительство	4606	8,1	603	9,3
Оптовая и розничная торговля	18781	32,9	1778	27,5
Транспорт и связь	3906	6,8	385	6,0
Остальные организации:	21797	48,3	2713	46,1

Алтай располагается в центре континента — примерно в равном удалении от морских портов трех океанов. Также регион удален и от крупных экономических центров России и сопредельных государств. Но рассматриваемая территория имеет преимущество, заключающееся в его приграничном положении, она располагается на границе с тремя государствами: Казахстаном, Монголией, Китаем, ориентация на сотрудничество, с которыми обусловлена их близостью.

Рассматривая возможность развития международных отношений Алтая, нужно отметить его территориальную близость к государствам Азии — Казахстану, Монголии, Китаю, Узбекистану, Таджикистану, Туркменистану, Киргизии. Большая удаленность от российских экономических и политических центров является одной из предпосылок близкого сотрудничества Алтайского региона со странами Азии.

Расстояние от Барнаула до Москвы (3486 км) значительно превышает расстояние до столиц государств Центральной Азии, Монголии, Китая.

Таблица 4. Расстояние до крупных городов по дорогам [6].

	Крупные центры	Расстояние в километрах
Барнаул	Москва	3486
	Санкт-Петербург	4046
	Астана	918
	Алматы	1510
	Бишкек	1785
	Улан-Батор	2371
	Душанбе	2776
	Ашхабад	3802
	Ташкент	2485
	Пекин	2869

На границе Алтайского региона показатель плотности населения не является максимальным, но для становления здесь своеобразного приграничного кластера она оптимальна и гарантирует занятость населения. Плотность населения в пределах изучаемого пространства на 2015 год составляет 9,9 чел./кв.км. При этом в каждом из регионов четверть населения проживает в столице — 29% населения Республики Алтай в Горно-Алтайске, 26,6% населения Алтайского края в Барнауле.

На территории Павлодарской области плотность населения составляет 6 чел./кв. км, а в Синьцзян-Уйгурском автономном районе плотность самая большая — 12,5 чел./кв. км [7]. Для успешности приграничного сотрудничества здесь есть возможность трудоустройства для жителей Китая и Казахстана.

Общая отсталость приграничья на территории сопредельных государств говорит о необходимости налаживания транспортной сети, соединяющей данный приграничный узел между Россией, Казахстаном, Китаем, Монголией. Качество автомобильных дорог на указанной территории не всегда дает возможность для прохода здесь большегрузных транспортных средств и туристических автобусов, отсутствуют налаженные железнодорожные перевозки (помимо Турксиба). С Монголией Алтай соединяет только Чуйский тракт. Для связи пассажиров со странами Азии существует только два железнодорожных маршрута: Новосибирск — Ташкент и Новосибирск — Алматы, которые проходят через Барнаул [8].

Развитие транспорта на Алтае не происходит с должной интенсивностью из-за соседней Новосибирской области, на территории которой располагается международный аэропорт и проходит Транссиб. Должное внимание к развитию транспортной инфраструктуры на данной УКТ может способствовать экономическому росту всех сопредельных регионов.

Производимая на территории сельскохозяйственная продукция экспортируется в другие регионы, является качественной, но при перевозке происходит сильный рост цен, который делает такую торговлю не самой рентабельной.

Тем не менее, налаживание трансграничных связей, развитие торговли и в целом формирование новых экономических потоков через территорию Алтая довольно перспективно. Одно из таких направлений развития — туризм на территории Большого Алтая (территория России, Казахстана, Монголии, Китая). На данный момент развитие туризма в регионах происходит самостоятельно, но рентабельней может оказаться формирование особой туристско-рекреационной зоны, которая могла быть развиваться в общий трансграничный центр услуг на территории сразу четырех государств.

В целом УКТ, как говорилось ранее, характеризуется удаленностью от столиц государств, от мировых городов, основных центров концентрации экономической, социальной, культурной жизни государств. Для ультраконтинентальной территории характерен эффект агломерации, заключающийся в повышенной плотности населения в региональных центрах, где происходит концентрация экономической жизни.

Основными условиями для успешного развития рассматриваемой УКТ является, в первую очередь, переработка сырья на месте его добычи, т.к. транспортные затраты часто значительно поглощают экономическую прибыль. Открытие рынка приграничных регионов сопре-

дельных государств для совместно произведенных товаров, совместное производство и продажа образовательных продуктов и услуг, развитие трансграничного туризма должны способствовать совместному развитию территории.

Строительство трансграничных магистралей, увеличение рейсов, пассажирооборота должны стать первыми шагами для интеграции приграничных территорий государств. Для УКТ сейчас актуальны технологии удешевления транспортного плеча. Данные технологии развиваются, и за счет них возможен триггерный прорыв изучаемых территорий за счет их уникальности (красота пейзажей, нетронутость, а также экологичность). Основным минусом для территории является высокая стоимость жизни, которая зависит от множества факторов. При улучшении транспортного фактора возможно усиление специализации четвертичного сектора, ведь для информационных технологий важно развитое интеллектуальное сообщество, которое сейчас тяготеет к самым чистым, экологичным местам в мире.

В процессе интеграции ультраконтинентальных территорий основным риском может быть невозможность окупаемости инфраструктурных расходов, включающая вероятность того, что большая часть прибыли уйдет в транспортно-строительные компании. Но, тем не менее, необходимо продвигать и развивать подобные уникальные территории.

Литература

1. Кротов А.В., Плотникова Ю.А. Экономико-географические предпосылки обоснования ультраконтинентального положения сибирских регионов // География и природопользование Сибири. Сб. статей / Под ред. проф. Г.Я. Барышникова. Вып. 19. Барнаул, 2015. С. 95–102.

2. БГД — российский статистический ежегодник — 2014 г. URL: <http://www.gks.ru/>

3. Суммы дотаций регионам РФ из госбюджета за 2013 год [Электронный ресурс]. URL: http://samlib.ru/e/erik_a/dotacii.shtml

4. Характеристика и демография хозяйствующих субъектов Алтайского края. URL: <http://ak.gks.ru/bgd/R1101ND/IssWWW.exe/Stg/r1508/ii/3/3.1.htm>

5. Характеристика и демография хозяйствующих субъектов Республики Алтай. URL: http://statra.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/statra/ru/statistics/organizations

6. Сайт таможенного оформления. URL: <http://www.issa.ru/>

7. Агентство Республики Казахстан по статистике. Этнодемографический сборник Республики Казахстан 2014. URL: <http://www.stat.gov.kz/getImg?id=ESTAT081783>

8. Вокзал Барнаул. URL: <http://barnaul.dzvr.ru>

О.Ю. Курныкин
Потенциал и факторы сотрудничества
приграничных регионов России и Казахстана

Переформатирование евразийского пространства после распада СССР имеет различные измерения — от геополитических трансформаций, влияющих на глобальные процессы и баланс мировых центров силы, до судеб отдельных индивидуумов, этнических и социальных групп, вынужденных в принципиально новых условиях вырабатывать иные стратегии существования. Разделение постсоветского пространства породило новые линии разграничения, в результате чего многие «внутренние» регионы бывшего СССР неожиданно приобрели статус приграничных. Властные структуры и население этих регионов столкнулись с серьезными вызовами, вместе с тем перед ними открылось «окно возможностей» для повышения статуса и экономического развития своих территорий. Показателен в этом отношении опыт взаимодействия сопредельных регионов России и Казахстана.

Российско-казахстанское приграничье вбирает в себя обширное пространство, включающее 12 российских и 7 казахстанских регионов с населением в 32 млн человек.

Ряд факторов придает своеобразие трансграничному сотрудничеству Российской Федерации и Республики Казахстан. Один из наиболее значимых — формирование новой геополитической конфигурации, когда два крупнейших по территории государства, занимающие 1-е и 9-е места в мире, приобрели ключевое положение в центре Евразии, образуя непрерывное геополитическое пространство. Объективной вводной является также природно-географическая среда в зоне прохождения государственной границы между двумя странами: отсутствие выраженных природных рубежей, необычайная протяженность границы (7512 км — треть всех сухопутных границ Российской Федерации и самый длинный в мире рубеж между двумя государствами), ее прохождение преимущественно по степным, сравнительно малонаселенным районам. После распада СССР с обеих сторон прилагались усилия по «конструированию» межгосударственной границы (осуществление мер по ее демаркации и делимитации, обустройство пунктов пересечения границы, введение таможенного и паспортного кон-

троля и т.д.), завершившиеся подписанием в 2005 г. договора о делимитации российско-казахстанской границы. Центральные и региональные органы власти двух стран были поставлены перед необходимостью формирования пограничной, таможенной и других служб, обеспечивающих функционирование пограничного режима. Тем не менее, граница между Россией и Казахстаном остается одной из наиболее проницаемых на постсоветском пространстве. Отмеченные выше природно-географические характеристики прохождения российско-казахстанской границы, а также ограниченность финансовых и кадровых ресурсов не позволяют плотно закрыть границу для нелегального проникновения (на километр казахстанской границы в среднем приходится один пограничник). Выходом из этой ситуации могут стать скоординированные усилия российских и казахстанских пограничных служб в борьбе против наркотрофика, нелегальной миграции, незаконного перемещения оружия и других проявлений криминализации трансграничных связей. При этом российская и казахстанская стороны вынуждены учитывать, что граница между двумя странами — не только регулятор двусторонних связей, она является транзитной для потоков мигрантов и товаров из стран Центральной, Южной и Восточной Азии, подчас с использованием нелегальных каналов.

Относительная прозрачность российско-казахстанской границы приводит к амбивалентной ситуации: с одной стороны, облегчаются приграничные контакты, а значит, снижается «барьерная функция порубежья» [1, с. 3]. С другой стороны, «недозащищенность» границ может восприниматься как потенциальная угроза национальной безопасности и территориальной целостности государства. Таким образом, перед центральными и региональными органами власти России и Казахстана встала непростая задача соотнесения и нахождения разумного баланса между обеспечением пограничной безопасности и поощрением трансграничного сотрудничества, решаемая, как правило, эмпирическим путем.

Другим фактором, благоприятствующим контактам между населением сопредельных районов РФ и РК, является сложившаяся на протяжении двух столетий культурно-историческая общность в результате более длительного (по сравнению с другими народами Центральной Азии) сосуществования казахов и русских, отсутствия языкового барьера, доминирования положительных образов в представлениях казахов и русских друг о друге. Все это повышает адаптированность казахов к межкультурной коммуникации с Россией [2, с. 114]. Именно поэтому фактор межкультурных различий (отнесение России к христианскому ареалу, а Казахстана — к мусульманскому), как представляется,

не оказывает существенного влияния на содержание и формы трансграничных контактов властных структур и населения двух стран.

На интенсивности российско-казахстанского трансграничного взаимодействия сказывается и своеобразие территориального распределения населения Казахстана: оно концентрируется по окраинным территориям (более 70%) при относительно малозаселенном центре страны. Значительная доля (12%) населения РК проживает в административных районах, непосредственно граничащих с Россией, и в силу этого заинтересована в извлечении максимальных выгод от приграничного статуса территорий своего проживания.

Значимым и неоднозначным фактором российско-казахстанского приграничного сотрудничества является относительно высокая доля русских в населении северных областей Казахстана, при этом русские, по данным 2014 г., являются самой многочисленной этнической группой в Северо-Казахстанской (49,94%) и Костанайской (42,12%) областях. В результате массового отъезда русских из Казахстана в 1990-е гг. и изменения демографического баланса в пользу титульного этноса «русский вопрос» в этой стране в значительной мере утратил свое общественно-политическое звучание. Миграционный отток из Казахстана заметно сократился, оставшиеся в РК русские продемонстрировали готовность и способность интегрироваться в экономические и социальные структуры нового государства при доминировании казахов в системе государственного управления, правоохранительных органах, финансовой системе. Однако в кризисных ситуациях нельзя исключить актуализации опасений относительно судьбы северных областей РК. Задача нейтрализации ирредентистских настроений среди русскоязычного населения приграничных районов Казахстана может быть решена, в том числе, за счет налаживания экономической кооперации и межкультурных коммуникаций в формате регионального трансграничного сотрудничества.

Очевидно, взаимодействие регионов России и Казахстана вписывается в благоприятный, в целом, общеполитический контекст межгосударственного сотрудничества и доверительных отношений между руководством двух стран. Конфронтационная модель взаимодействия (в конечном итоге возобладавшая в российско-украинских отношениях) стала бы фатальной для Казахстана и имела бы далеко идущие негативные последствия для России, поставив крест на реализации евразийского проекта. Показательно, что проводимые с 2003 года ежегодные Форумы приграничных областей Казахстана и России проходят под патронажем глав государств и с их участием.

На рубеже 1990-х — 2000-х гг. на первый план в российско-казахстанских отношениях, в том числе на уровне взаимодействия приграничных регионов, выступили экономические аспекты сотрудничества.

Положение «приграничья» наделяет регионы специфическими функциями и вместе с тем может стать дополнительным стимулом для экономического роста (в отличие от советского периода, когда военно-стратегические и оборонные интересы нередко оказывали сдерживающее влияние на развитие окраинных территорий СССР). Приграничные территории, как правило, характеризуются большей плотностью контактов в сфере предпринимательства. Благодаря активности населения, оказавшегося в тяжелой ситуации в результате коллапса советской экономики, возрождается феномен приграничной торговли, хорошо известный из истории торгово-экономических связей Сибири с сопредельными азиатскими территориями. При этом в 1990-е гг. мелкая контрабанда превратилась в один из основных источников заработка для населения приграничных районов [2, с. 120]. Контрабандному перемещению товаров через границу способствовала разница в ценах на те или иные группы товаров, невысокий уровень благосостояния населения приграничных районов при массовой безработице, невозможность плотно прикрыть границу для нелегального ее пересечения.

Определяющее влияние на экономические связи приграничных регионов России и Казахстана оказывает исторически сложившаяся в них структура производства. В северных и западных регионах РК, граничащих с Россией, сосредоточены значительные сырьевые ресурсы (нефть, газ, каменный уголь, руды черных и цветных металлов и пр.), концентрируется значительный промышленный потенциал, создана сравнительно разветвленная сеть транспортных коммуникаций (железные и автомобильные дороги, нефте- и газопроводы, линии электропередач).

Для деловых кругов Казахстана сопредельные регионы России представляются все более значимыми партнерами, в то время как российские регионы, граничащие с Казахстаном, в большей степени ориентированы на рынки третьих стран. Эксперты отмечают активизацию компаний с участием казахстанского капитала в приграничных регионах РФ, приток инвестиций в большей степени из Казахстана в Россию, нежели из России в Казахстан.

Новый этап в истории приграничного сотрудничества России и Казахстана связан с образованием Таможенного союза (2010 г.) и Единого экономического пространства (2012 г.), что повлекло за собой (по-

сле отмены с 1 июля 2011 г. таможенного контроля на внутренних границах России, Казахстана и Белоруссии) упрощение процедур пересечения товарных потоков через государственную границу. Для российской и казахстанской продукции повысилась доступность национальных рынков партнеров в рамках Таможенного союза. Складываются более благоприятные условия для создания совместных предприятий и большей степени кооперирования в производстве той или иной продукции. Пока рано говорить о том, принесет ли качественно новые моменты в приграничное сотрудничество РК и РФ вступление в силу с 1 января 2015 г. соглашений о создании Евразийского экономического союза, тем более что начало функционирования ЕАЭС совпало с кризисными явлениями в экономике обеих стран и сокращением российско-казахстанского товарооборота (по итогам 2014 г. — на 9,2% [3]).

Есть основания говорить о том, что интеграционные процессы и механизмы экономического сотрудничества приграничных регионов России и Казахстана приобретают устойчивость и зрелость. По данным экспертов Евразийского банка развития, в ходе трансграничного экономического взаимодействия наблюдалось выравнивание темпов инфляции в приграничных регионах России и Казахстана [4, с. 10]. Показательна реакция деловых кругов и населения приграничных районов России и Казахстана в связи с резкой девальвацией рубля в конце 2014 г. Казахстанцам стало выгодно приобретать промышленную и сельскохозяйственную продукцию на российском рынке, а также недвижимость в российских городах, что не могло не отразиться на уровне цен на соответствующие виды товаров. Неслучайно «Мясной союз Алтая», обеспокоенный массовыми закупками мяса предпринимателями из Казахстана, призвал в марте 2015 г. региональные власти к ужесточению контроля на границе с РК. Вместе с тем, ввоз более дешевой продукции из приграничных регионов России создал проблемы для сбыта ставших менее привлекательными казахстанских товаров. Дело дошло до введения казахстанской и российской сторонами взаимных ограничений на ввоз ряда товаров. Впрочем, подобная ситуация носит временный характер; с выравниванием курсов национальных валют торговый оборот между приграничными районами вернется к более сбалансированному состоянию. Подобное реагирование бизнеса и населения приграничных районов Казахстана и России на изменение курсов национальных валют свидетельствует о процессах реальной трансграничной экономической интеграции сопредельных регионов двух стран.

Литература

1. Жундубаев М.К. Приграничное сотрудничество между Республикой Казахстан и Российской Федерацией на современном этапе: характер развития, проблемы и перспективы. Дисс... канд. полит. наук. М., 2014. URL: http://polit.msu.ru/pub/DISS_accept/Jundubaev_2014_CD.pdf
2. Голунов С.В. Проблемы пограничной политики Республики Казахстан // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2006. № 11. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/problemny-pogranichnoy-politiki-respubliki-kazahstan>
3. Внешнеторговый оборот РФ сократился за год на 5,7% // Вести.RU. 27.01.2015. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/52457>
4. Таможенный союз и приграничное сотрудничество Казахстана и России. СПб., 2012. URL: http://www.eabr.org/general/upload/CII%20-%20izdania/Doklad_TS_RF_KR.pdf

Т.Н. Кучинская

Практики культурного регионализма Китая в российско-китайском трансграничье

Наличие культурно-цивилизационных факторов, потенциально затрудняющих трансграничную интеграцию, очевидная асинхронность и асимметрия в развитии российского и китайского приграничья актуализируют исследование социокультурных трансформаций в регионе.

Расширение и эффективное построение межрегионального трансграничного взаимодействия России и Китая требует глубокого понимания специфики китайского трансграничного регионализма, который, по сути, встроен в единую культурную парадигму поведения Китая на мировой арене, на современном этапе выраженную в политике так называемого «нового китайского глобального регионализма» или культурного «гармоничного регионализма» (см. подробнее: [1, 2, 3 и др.]). Анализ культурно-ценностного наполнения и социокультурных практик китайского культурного регионализма в трансграничье создаст предпосылки для оценки и прогнозирования развития социокультурного пространства формируемого трансграничного региона, способствует принятию эффективных и своевременных управленческих решений проблем межрегионального приграничного взаимодействия с КНР.

Основываясь на принципе единства внутреннего и внешнего, китайский регионализм предполагает рассмотрение окраинных террито-

рий как контактных пространств проецирования своих глобальных стратегий. С одной стороны, китайский трансграничный регионализм реализуется через политические механизмы расширения и диверсификации форм приграничного сотрудничества в рамках политики «реформ и открытости», политики «выхода вовне», программы построения «приграничного пояса открытости», региональных программ развития западных, северо-восточных, юго-западных регионов страны, строительства трансграничных торгово-экономических, транспортных, культурных коридоров и т.д.

С другой стороны, культурно-ценностные императивы позиционирования Китая в системе международных отношений в целом в рамках концепций «гармоничного мира» и «гармоничного регионализма», опосредованные механизмами культурной «мягкой силы», определяют специфику конструирования социокультурного пространства трансграничья. Эти традиционные ценностные идеи сегодня успешно реализуются Китаем в социокультурной практике трансграничного сотрудничества с Россией. Инновационные практики в этом процессе включают прямое культурное воздействие и опосредованные социокультурные механизмы реализации «мягкой силы» Китая. Социокультурное пространство российско-китайского трансграничья формируется в условиях усиленного влияния «китайского фактора». Трансграничные проекции такого влияния можно гипотетически представить на примере реализации «репрезентативной» модели регионализма в Северо-Восточном регионе КНР.

«Репрезентативная модель» регионализма предполагает активное включение «внутренних» регионов в систему международной конкуренции путем разработки инновационных механизмов, опирающихся на социокультурную специфику (региональную культуру, традиции, ценности) конкретного региона с целью создания привлекательного образа-имиджа и эффективной модели регионального развития.

Северо-Восточный регион КНР, включающий провинции Хэйлунцзян, Цилинь, Ляонин и восточную часть Автономного района Внутренняя Монголия (городской округ Чифэн, аймак Хинган, городской округ Тунляо, аймак Шилингол и городской округ Хулунбуир) — один из приграничных регионов страны, так называемый «центр Северо-Восточной Азии», граничащий с четырьмя иностранными государствами (Россией, Монголией, КНДР и Японией) и потенциально способный оказывать культурное влияние на развитие межрегиональных связей и социокультурную ситуацию, складывающуюся в трансграничье.

Инициированные в последние десятилетия китайской властью комплексные программы и планы развития Северо-Восточного региона КНР определяют императивы и перспективные направления его развития. Инновационные социокультурные практики реализации экстравертного потенциала «мягкой силы» КНР, реализуемые в регионе, учитывают его приграничное положение, ресурсный потенциал и направлены на его активное включение в международные связи, максимальное использование его трансграничного социокультурного потенциала с целью расширения национального социокультурного пространства и обеспечения устойчивого экономического и культурного подъема самого приграничного региона.

Программа 12-й пятилетки (2011–2015 гг.) развития Северо-Восточного региона, принятая в рамках общего курса на возрождение Северо-Востока Китая, нацелена на повышение эффективности производства, внедрение инноваций при сохранении плавного и динамичного развития экономики. Особый акцент в Программе сделан на развитие культурных индустрий, в т.ч. туристической отрасли. Кроме того, Программа назвала реформу и открытость главным стимулом по активизации возрождения Северо-Востока. Программа поддерживает расширение реформ в Даляне, Даньдуне, Хэйхэ, Маньчжурии, Хуньчуне, Суйфэньхэ, углубление межрегионального сотрудничества Китая и России, создание китайско-российского фонда регионального сотрудничества и развития [4].

Приграничное положение Северо-Восточного региона КНР также определило специфику культурной политики КНР в отношении данной территории. Цель — подъем уровня культуры отсталых окраинных районов, приобретающих стратегически важное значение для развития отношений с соседними странами; осуществление всекитайской программы создания «приграничного культурного коридора» (ПКК) [5]. План строительства «культурного коридора приграничных территорий длиной в 10 тыс. ли» (2001–2010 гг.) нацелен на утверждение образа Северо-Восточного Китая как культурного приграничного региона, повышение «мягкой силы» культурных индустрий региона, внедрение культурных инноваций.

Другим инновационным проектом, реализуемым в рамках комплексного «Плана возрождения Северо-Восточного Китая», является «План развития туризма Северо-Восточного региона», направленный на создание и продвижение культурно-туристического бренда «Большой Дунбэй», который будет узнаваем как в стране, так и на международном туристическом рынке [6]. Согласно Плану, к 2015 г. намечена оптимизация туристических продуктов (создание 4 регионов зимнего,

10 брендов экотуризма; развитие культурного, приграничного, приморского туризма); развитие пространственной структуры туризма: «5 районов — 15 субрегионов», «4 горизонтальных и 4 вертикальных» осей; улучшение качества туристских услуг; укрепление регионально-го и международного сотрудничества в сфере туризма.

Региональные культурные кластеры Северо-Востока КНР формируются вокруг крупных городов региона. Далянь (пров. Ляонин) позиционируется как центр новейших информационных технологий, программного обеспечения, анимации, дизайна. Туристический бренд Даляня опирается в основном на специфические характеристики морской культуры. Шэньян (пров. Ляонин) обладает прочной культурной и промышленной базой для развития культурного туризма, анимации, музыки, издательского дела. Харбин (пров. Хэйлунцзян) — это центр культурного туризма и экотуризма. Широко известен культурный бренд Харбина «Город льда и снега». Чанчунь (пров. Цзилинь) — центр киноиндустрии, телевидения, исполнительского искусства, анимации, креативного дизайна. Чаньчунь — «Культурный город» — это новый культурный бренд Северо-Восточного региона КНР [7]. Города-бренды Северо-Восточного региона представляют собой ядро регионального культурного кластера.

Формирование культурных брендов как факторов регионального развития и механизма реализации культурной «мягкой силы» в Китае является инновационной социокультурной практикой КНР. При этом четко прослеживается специфика китайской стратегии построения региональных культурных брендов, которая заключается в использовании традиционных культурных ценностей в сочетании с инновационными разработками в качестве основы культурных брендов; в научном подходе к бренд-менеджменту; в активном участии центральной и региональной власти в разработке бренд-стратегий регионов КНР; в их детализации, плановости и системности.

В целом «План развития туризма Северо-Восточного региона» представляет детально разработанную стратегию развития этой отрасли культурной индустрии с обозначением основных направлений, целей, принципов и механизмов ее реализации, что свидетельствует о целенаправленном со стороны Китая конструировании российско-китайского трансграничного пространства. Исследование социокультурных практик развития Северо-Восточного региона КНР показали, что Китай рассматривает социокультурное пространство региона как транзитное в процессе трансляции своей культуры в соседние страны.

Следует также отметить, что, учитывая приграничное положение региона, китайские власти предусмотрели комплексные механизмы

укрепления взаимодействия с соседними территориями сопредельных государств. Анализ «Плана возрождения Северо-Восточного Китая», а также отдельных программ развития, разрабатываемых в его русле, свидетельствует о том, что указанные документы закрепляют видение китайской стороной взаимодействия с приграничными российскими территориями в качестве одного из ключевых инструментов стимулирования собственного развития. Особое место, как в общей Стратегии развития Северо-Востока Китая, так и в региональных (провинциальных) планах, уделяется расширению сотрудничества с российскими Дальним Востоком и Восточной Сибирью как одними из ключевых партнеров КНР в регионе.

Российские приграничные регионы в руководящих документах Северо-Восточного Китая рассматриваются, в первую очередь, в качестве рынков сбыта продукции китайского производства, а также поставщика товаров ресурсной группы. Кроме того, они активно используются в целях трудоустройства китайских рабочих и производства сельскохозяйственной продукции для последующей ее продажи на территории РФ. Российские ученые, занимающиеся исследованием стратегий современного регионального развития Северо-Востока КНР [8; 9; 10 и др.], часто делают вывод о том, что масштабные преобразования, осуществляемые в настоящее время в регионе, неизбежно отразятся на архитектонике российско-китайского трансграничного пространства и будут в значительной мере определять внешние условия развития российско-китайских трансграничных связей в обозримой перспективе. Таким образом, дальнейший анализ особенностей ценностно-управленческого воздействия «мягкой силы» в трансграничном пространстве РФ и КНР необходим для более гибкого понимания характера двусторонних связей и возможностей прогнозирования развития ситуации в будущем.

Проведенный анализ культурного влияния Северо-Восточного региона КНР показал, что инновационные механизмы управления (соглашения и программы), по сути, являются проекциями социокультурных практик «мягкой силы» в российско-китайское трансграничное пространство. Практики построения культурных брендов в контексте программ развития становятся одним из инструментов «мягкой силы» Китая, формируя «репрезентативную модель» трансграничного регионализма. Генерируемая преимущественно Китаем такая форма обладает ценностной гибкостью, связывая и гармонизируя межкультурные трансграничные связи. Северо-Восточный регион КНР в социокультурном пространстве трансграничья выступает культурной доминантой, расширяя трансляцию ценностей, формируя культуру развития

трансграничного пространства и обнаруживая глубинную социокультурную природу асимметрии приграничных пространств РФ и КНР. Сложившаяся дифференциация социокультурного пространства российско-китайского трансграничья актуализирует разработку инновационной культурной стратегии для России [11].

Литература

1. Абрамов В.А., Абрамова Н.А. Теория «нового регионализма» в исследованиях китайских ученых // Трансграничье в изменяющемся мире. 2006. № 1. С. 75–82.
2. Абрамов В.А. Глобализирующийся Китай: грани социокультурного измерения. М., 2010.
3. Кучинская Т.Н. Китайская модель «гармоничного регионализма» и практика ее реализация в трансграничных пространствах: «Большой Меконг» и «Туманган» // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы III международной научно-практической конференции / Отв. ред. Д.В. Буяров. Благовещенск, 2013. С. 186–192.
4. Новогоднее послание председателя Ху Цзиньтао. URL: <http://uz.chineseembassy.org/rus/dtxw/t911100.htm>
5. Рябченко О.Н. Формирование приграничного культурного коридора на Северо-Востоке КНР // Россия и АТР. 2007. № 1. С. 169.
6. Дунбэй дицюй льюйюэ фачжань гуйхуа = План развития туризма Северо-Восточного региона // Официальный сайт Северо-Восточного региона КНР. URL: http://www.chinaneast.gov.cn/2010-03/17/c_13214227.htm
7. Дунбэйдицюй цзяньли синь дэ вэньхуа пинпай = Создание в Северо-Восточном регионе новых культурных брендов. URL: http://www.chinadaily.com.cn/micro-reading/dzh/2011-06-27/content_3012623.html
8. Изотов Д.А., Кучерявенко В.Е. Северо-Восток Китая в условиях реализации плана возрождения экономики // Пространственная экономика. 2009. № 2. С. 140–158.
9. Минакир П.А. Россия — Китай на Дальнем Востоке: мнимые страхи и реальные угрозы // Пространственная экономика. 2009. № 3. С. 9–17.
10. Иванов С.А. Корреляция программ развития Дальнего Востока России и возрождения Северо-Востока Китая: проблемы и перспективы // Вестник ДВО РАН. 2009. № 5. С. 132–139.

11. Кучинская Т.Н. Архитектоника социокультурного пространства Китая в условиях транснационального межкультурного взаимодействия РФ и КНР: дисс... д-ра филос. наук: 09.00.13. Чита, 2013.

Ю.А. Лысенко, М.Ф. Лысенко

Особенности русско-казахского межэтнического взаимодействия в районе Иртышского десятиверстного пространства (XIX — начало XX в.)*

В середине XVIII в. в результате активного продвижения Российской империи в южно-сибирском направлении была создана Иртышская укрепленная линия, ставшая причиной роста межэтнической напряженности между казахским кочевым и русско-казахским населением. Командующий Сибирской пограничной линией генерал-поручик И.И. Шпрингер для стабилизации ситуации в регионе издал в 1765 г. указ, предполагавший формирование своего рода буферной зоны между казахскими кочевьями и землями, занятыми русским казахым и крестьянским населением по руслу Иртыша. В рамках этого указа русскому населению запрещалось занимать территории по правобережью реки в «40 верстах внутрь линии укреплений», а коменданту Омской крепости рекомендовалось не подпускать казахов к левому берегу Иртыша ближе десяти верст. Позднее, эта инструкция была распространена на всю Иртышскую линию и, таким образом, были заложены основы «десятиверстной полосы» [1, л. 7].

В 60–80 гг. XVIII в., несмотря на запрет, наблюдался приток казахского населения в район Прииртышья, увеличивалось число просьб со стороны родоправителей и султанов о пропуске их на линию. В 1788 г. правительство официально разрешило казахам переходить через Иртышскую полосу на правобережье для постоянной кочевки. С начала XIX в. было принято решение об их пропуске в район Иртышской линии на условиях выплаты так называемой ремонтной пошлины. Она собиралась в натуральном эквиваленте: за сто голов, переходящих в пределы десятиверстной полосы, кочевник был обязан заплатить одну голову. В 1808 г. выплата ремонтной пошлины была передана в фонд Сибирского казачьего войска. Императорский указ 1808 г. о его образовании дал основание новому этапу развития казахско-казахских отношений в южно-сибирском регионе.

* Статья выполнена при поддержке РГНФ, проект № 51-31-01008 «РПЦ в центральноазиатских национальных окраинах Российской империи (XIX – начало XX в.). Сборник документов и материалов».

Отметим, что, не имея оснований целиком полагаться на «государево хлебное жалованье», руководство Сибирского казачьего войска в вопросе создания экономической базы отдавало приоритет переводу казаков на собственное самообеспечение. Для этого ставка делалась на развитие индивидуальных казачьих хозяйств с ориентацией их на земледелие. Казакам предоставлялось право временного пользования «казенными» землями, в том числе и десятиверстной полосы. Однако для многих казаков этот вид экономической деятельности даже к середине XIX в. носил вспомогательный характер, поскольку в условиях необходимости несения воинской службы и связанных с нею длительных отлучек, они не имели возможности активно осуществлять большие запашки земли. Выход был найден в предоставлении возможности сдавать войсковые земли казахам при условии выплаты ими ремонтной пошлины в фонд войска.

В 1839 г. по распоряжению генерал-губернатора Западной Сибири князя П.Д. Горчакова было проведено первое межевание Иртышской десятиверстной полосы. Последующие законодательные акты закрепляли за казачеством право на эти территории. Новое Положение о Сибирском казачьем войске 1846 г. определило душевой размер казачьих наделов. Впервые началось наделение казаков из земельного фонда десятиверстной полосы.

Предоставленное казачеству право сдачи собственных земель в аренду, отмежеванных им из десятиверстной полосы, значительно активизировало их контакты с казахами. Более дешевые тарифы и продолжительный срок аренды юртовых участков, по сравнению с арендой войсковой территории, способствовали прочному оседанию казахов на юртовых казачьих наделах. В 1865 г. были разработаны специальные правила, регламентирующие данный процесс. Вместо отмененного ремонтного сбора вводилась арендная форма поземельных казахско-казачьих отношений. Вся войсковая территория была поделена на участки и стала сдаваться арендаторам с торгов на особых условиях на 2–3 года. Принятие правил сопровождалось выделением в районе десятиверстной полосы юртовых земель, в результате чего изменилась первоначальная внешняя граница данной территории: она врезалась далеко в степь, лишив значительную часть казахских кочевых коллективов их пастбищных угодий. Сразу же после этого войсковая канцелярия стала настаивать на проведении внешней границы полосы не от линии казачьих поселений, а от линии юртовых земель, стремясь тем самым узаконить захват казахских земель.

Во второй половине XIX в. в Сибирском казачьем войске актуализировался вопрос о материальном обеспечении уходящих на пенсию

офицеров, рядовых казаков и лиц невойскового звания (вдов, чиновников-управленцев и т.д.). Военное министерство определило ту сумму, которую необходимо было ежегодно вносить на содержание офицеров, вышедших на пенсию. Однако в условиях перманентного дефицита бюджета, не могло быть и речи об определении пенсионных выплат в денежном эквиваленте. Поэтому на государственном уровне было принято решение о необходимости поиска альтернативных ресурсов для обеспечения материального благополучия казачества, как еще находящегося на воинской службе, так и вышедшего на пенсию [2, с. 17].

В результате 9 июля 1877 г. было принято очередное Положение о Сибирском казачьем войске, которое официально санкционировало отвод юртовых наделов казакам в частное пользование. Указ от 7 мая 1877 г. «О наделении генералов, штаб-офицеров и классных чиновников Сибирского казачьего войска наследственными земельными участками» предоставлял юридические основания для передачи данной категории наделов в «потомственную собственность». Таким образом, все земельные ресурсы Сибирского казачьего войска делились теперь на три категории: офицерские, юртовые и войсковые. Процесс их межевания происходил с включением в сферу землепользования сибирского казачества территории десятиверстного пространства и прилегающих кочевий казахов степных областей.

Положение 1877 г. предоставляло право индивидуальным и коллективным владельцам земельных участков сдавать их в аренду как русским крестьянам-переселенцам, так и казахам-кочевникам. Офицерские участки по количеству сдаваемых земель Сибирского казачьего войска находились на первом месте. Это, с одной стороны, объяснялось тем, что офицеры получали самые плодородные и богатые травостоем участки, в том числе в районе десятиверстной полосы. С другой стороны, территориальная отдаленность участков от постоянного места жительства их владельцев и отсутствие сети транспортного сообщения вынуждали последних сдавать свои участки за крайне низкую арендную плату.

В Асмолинской области офицерские участки как на правобережье Иртыша, так и в районе десятиверстного пространства сдавались казахам и русским крестьянам. В Семипалатинской области в роли арендаторов выступало, главным образом, казахское население. 144 офицерских участка этого района (абсолютное большинство) сдавалось казахам, около 60 участков являлось объектом хозяйственной деятельности самих владельцев-офицеров, 15 участков арендовали «русские мещане», которые их субарендовали казахам, несколько офицерских

участков было заброшено и «травилось киргизами безданным-беспошлино». Всего офицерские участки этой административной единицы в конце XIX в. арендовало 27640 казахов, в том числе на землях десятиверстной полосы 22707. Наиболее компактно они концентрировались в Павлодарском и Семипалатинском уездах. Плата за аренду была крайне низкой, что объяснялось отсутствием конкуренции за право аренды со стороны русских-крестьян переселенцев. В среднем сумма арендных выплат составляла 13,25 руб. с кибитки, иногда доходила до 14,9 руб., значительно превышая размер кибиточной подати, уплачиваемой казахами в казну и составлявшей 1,5 руб. [2, с. 91].

Юртовые участки предоставлялись в пользование казачьему поселку или станице. Они ежегодно распределялись по жребию в виде паев каждому станичному казаку. В свою очередь, казаки свои пай передавали в аренду казахам [2, с. 57].

Войсковые земельные ресурсы занимали как правобережье, так и левобережье Иртыша — район десятиверстной полосы. Введение арендных отношений в системе землепользования привели к постепенному сокращению размеров ремонтной пошлины, выплачиваемой казахами за пользование собственно войсковой территорией. Казахскому населению данная категория земель сдавалась на основании действующего законодательства с торгов. Как правило, в торгах участвовали зажиточные казахи-купцы, «претенденты на волостную должность», или казаки, которые затем пересдавали в аренду рядовым кочевникам войсковые участки.

Всего к началу XX в. арендаторами трех категорий земельных участков Сибирского казачьего войска являлось около 70 тыс. казахов. Из них около 27,5 тыс. проживало на юртовых казачьих наделах, 5,5 тыс. работало в качестве батраков в поселках. Еще 30 тыс. кочевников занимали офицерские участки, причем до 24 тыс. — в районе десятиверстной полосы. Остальные 7–9 тыс. кочевали на войсковой территории, в том числе 5 тыс. — на левобережье Иртыша в районе десятиверстной полосы [2, с. 152].

Экономическая ситуация в Прииртышье и особенно в десятиверстной полосе, сформировавшаяся в результате наделения отдельных категорий казачества земельными участками и казачьих общин юртовыми наделами, вызвала потребность в наемном труде и создавала условия для формирования рынка рабочей силы в регионе. Большинство казахских хозяйств, согласно исследованиям Г.Е. Катанаева, имели достаточно прочную материальную позицию. Их приток в район десятиверстной полосы, а также на правобережье Иртыша на территорию Алтайского горного округа и Томской губернии не был свя-

зан исключительно со стремлением занять богатые травостоем пойменные луга Иртыша. Главным мотивом массовой миграции казахов в этот регион являлась возможность заниматься «промыслами и заработками в русских селениях» и получать дополнительные источники доходов [2, с. 37].

Помимо аренды земли источником дополнительных доходов казах-скотоводов являлся найм в казачьи хозяйства на заготовку сена. Причину столь распространенного явления Г.Е. Катанаев видел в отсутствии у казачества Павлодарского и Семипалатинского уездов земли, удобной для занятия хлебопашеством. Поэтому казаки вынуждены были переориентировать свои хозяйства на развитие скотоводства и огородничества. Значительные масштабы разведения скота и площади юртовых наделов не давали им возможности самостоятельно заготавливать сено. Поэтому «луга по обыкновению предоставлялось косить киргизам». Причем зарплата выплачивалась либо деньгами, либо натурой: казахи косили казакам только ту часть сена, которую требовало хозяйство последнего. Остальная часть покоса принадлежала казахам, и они распоряжались сеном по своему усмотрению [2, с. 44].

Доходным занятием казахов десятиверстной полосы стал гужевой и легкой извозный промысел. Его развитие было связано с тем, что по территории десятиверстной полосы пролегал единственный сухопутный торговый и почтовый маршрут, соединяющий располагающийся на Сибирской железнодорожной магистрали Омск с Павлодаром, Семипалатинском, Усть-Каменогорском, Зайсаном и всем Семиречьем. По этому же маршруту осуществлялось перемещение всех товаров из европейской части страны в Степной и Семиреченский край. Почтовый и легкой извоз принадлежал сибирскому казачеству с наймом в качестве ямщиков-извозчиков казахов. Гужевой же извоз с разгрузкой и погрузкой товаров принадлежал исключительно казахам и татарам.

Казахи Семиарской и Долонской станиц десятиверстной полосы являлись главными рубщиками на войсковых и казенных дачах леса и дров, сплавляемых по Иртышу в Омск и Павлодар. Они же выполняли функции и сплавщиков. По данным на 1899–1900 г., казахи только на лесозаготовках в Долонском бору заработали 71500 руб.

Таким образом, на протяжении XIX в. эволюция модели экономического развития Сибирского казачьего войска привела к дифференциации земельных наделов и развитию арендных отношений при эксплуатации земельных ресурсов. Фактор взаимной заинтересованности в освоении левобережья Иртыша способствовал расширению казахско-казачьего диалога. Рубеж XIX–XX вв. стал периодом развития доста-

точно вариативной системы арендных отношений между ними, характеризующейся различными формами аренды, оплаты и эксплуатации природных ресурсов.

Начавшееся массовое крестьянское движение из европейской части страны в Степной край привело к необходимости определения юридического статуса земель, занимаемых сибирским казачеством на левобережье Иртыша. Судьба десятиверстной полосы и казахского населения, арендующего ее земли, решалась на протяжении двух десятилетий в условиях жесткого противостояния Военного министерства и Министерства земледелия и государственных имуществ. Центральной проблемой являлось землеустройство казахов-кочевников. Предлагались различные варианты ее решения: от землеустройства кочевников в районе десятиверстной полосы до выселения из региона в административном порядке. И даже несмотря на победу «военных» и передачу региона во владение Сибирского казачьего войска, данная проблема землеустройства казахов так и не была решена вплоть до 1917 г. Инертность властей в данном вопросе по всей вероятности была связана с опасениями вызвать широкое протестное движение казахского населения в случае их выселения с территории левобережья Иртыша.

Тем не менее, несмотря на все проблемы и противоречия в решении вопроса статуса десятиверстного пространства и землеустройства казахов, в данном регионе происходил процесс дальнейшего углубления казахско-казачьего диалога. Проекты по выдворению кочевников с данной территории объективно создавали угрозу естественному процессу развития межэтнических отношений. Однако их экономическая основа была настолько устойчивой и взаимовыгодной, что вопреки внешним обстоятельствам они продолжали развиваться, порождая различные практики межэтнической коммуникации.

Литература

1. Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 67. Оп. 2. Д. 2363.
2. Катанаев Г.Е. Киргизский вопрос в Сибирском казачьем войске. Омск, 1904.

В.С. Мартьянов
Арктический макрорегион России:
от северного фронта к северному Эльдorado?*

Возвращение России в Арктику. В советско-российский период полярные регионы всегда были связаны с теми или иными перманентными социально-экономическими инновациями и приоритетами государственной политики. Особое значение арктического макрорегиона связано не только с его географической протяженностью, этноконфессиональной, исторической, культурной и экономической разнородностью, но и с тем, что российская Арктика в силу своего пограничного положения неизменно имеет двойной статус. С одной стороны, во внутреннем политическом пространстве она выступает в качестве территории, образующей совокупность пограничных регионов, объединяемых в Российский Север, Приполярье, Российскую Арктику и т.п. С другой стороны, эта территория в глобальном политическом контексте образует своего рода российский плацдарм, связанный со все более острой борьбой за определение экономических и политических режимов взаимодействия разных субъектов международного права в Арктике как таковой.

Россия имеет множество весомых экономических причин к выработке и продвижению собственной арктической стратегии развития в целом и российской Арктики как ее крупнейшей составной части [1]. Наша страна имеет самую протяженную арктическую границу из пяти арктических стран (Россия, Канада, США, Дания, Норвегия). Россия располагает крупнейшими запасами сырья в Арктике, недра которой содержат по разным оценкам от 13 до 25% мировых запасов углеводородов. Наконец, глобальное потепление открывает широкие коммерческие возможности эксплуатации российского Северного морского пути в направлениях Европа–Азия, Евразия–Северная Америка. Таким образом, в начале XXI века интенсивность артикуляции интересов различных субъектов в арктическом пространстве приводит к эффекту стирания привычных ранее географических, климатических границ и непреодолимых пространств. На уровне символической политики «Арктика все больше «приближается», становится более «обыденной», оставаясь при этом уникальной территорией... символические граничность, недоступность арктических регионов, Арктики в целом, с неизбежностью преобразуются в символические возможности преодоления граничности путем как «приближения», так и «перенесения» границы...» [2, с. 137].

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ №15-33-11231

Начало 1990-х принесло разочарование от советских методов территориально-отраслевого освоения Арктики, которая на определенный период стала рассматриваться лишь как бесперспективная земля и источник проблем, заложенных советской моделью ее преимущественно монофункционального (моногорода) и военно-стратегического освоения. Это привело к необходимости переосмыслить в постсоветских политико-экономических контекстах проблему приоритетов развития арктического макрорегиона России [3]. В 2000-е годы стало очевидным, что постепенное возвращение России в активную мировую повестку и переосмысление будущих возможностей арктического макрорегиона способствуют формированию новых приоритетов внутренней российской арктической политики. В исторической памяти воскрешаются подвиги полярников и беспосадочные перелеты полярных летчиков, спасательные миссии советских ледоколов, описываются полярные экспедиции с символической установкой российских флагов и т.п. В Арктике замедляются процессы депопуляции, а в нефтегазовых регионах идет восстановление численности населения. После кризиса советской модели территориально-отраслевого экономического планирования начинается робкий восстановительный рост российской Арктики.

В глобальном политическом контексте растущие мировые цены на углеводороды во второй половине 2000 — начале 2010-х вызвали взрывной рост международного интереса к экономическому освоению Арктического нефтегазоносного шельфа. Ему сопутствовало обострение конкуренции и всех старых конфликтов и территориальных претензий как арктических, так и неарктических держав в их попытках определить политико-правовой режим использования арктических богатств. Объективно обостряются отношения Россия — НАТО, так как другие арктические государства являются членами этого военного объединения. Актуализировались проблемы экспансии неарктических государств в Арктику. Вместе с тем, в российской Арктике нарастает интенсивность геологоразведки, ведутся переговоры о международных проектах совместного экономического освоения российской Арктики, проводится ряд глубоководных экспедиций, призванных закрепить российские приоритеты, связанные с возвращением активной позиции страны в Арктике. Из региона, имевшего в годы «холодной войны» преимущественно военное значение, Арктика превращается в привлекательный экономический регион, имеющий возрастающее международное энергетическое, военное и транспортное значение.

Таким образом, роль и значение Арктического макрорегиона в истории России переосмыслились неоднократно и кардинально. От се-

верного форпоста и фронта, постепенно трансформированного в переселенческую территорию для ненадежных, опасных и свободолобных слоев населения Российской империи, российская Арктика постепенно преобразовалась во все более привлекательный на российском рынке труда, урбанистический и динамично развивающийся макрорегион, своего рода «северное Эльдorado», каковым его часто называют в зарубежных СМИ. С другой стороны, следует отметить, что новые постсоветские объекты интересов и символы, связанные с Арктикой и оформившиеся к XXI веку, такие как арктический континентальный шельф, циркумполярная цивилизация, экстремальный туризм, экология, борьба с загрязнением окружающей среды — остаются довольно периферийными сюжетами российского образа Арктики. Не оправдались и ожидания, связанные с потенциалом и укреплением циркумполярной цивилизации в Арктике [4].

Сети северных городов как ключевой фактор развития российской Арктики. Важно учитывать, что специфику современных факторов развития и формирования эффективной идентичности арктического макрорегиона России во многом определяет высокая численность городского населения. Например, в УрФО к настоящему времени городское население составляет 80% от общего числа проживающих, в том числе в ЯНАО — 84,9%, в ХМАО — 91,5% [5]. В ЯНАО все городское население сконцентрировано в восьми моногородах, и его численность увеличилась за последние 50 лет в 20 раз, фактически возникнув одновременно с основанием этих моногородов. Из пяти крупнейших арктических городов за полярным кругом численностью более 50 тыс. чел. — четыре российские (Мурманск, Апатиты, Воркута, Норильск).

Российская Арктика сегодня — это фактически сети городов, у которых есть особая специфика возникновения, развития и перспектив на будущее. По большому счету, проблемы развития российской Арктики, в том числе перспективного конструирования ее идентичности в концентрированном виде содержатся в тех возможностях и ограничениях, которые определяют общее развитие сети арктических городов. Укрепляясь и объединяясь в региональные сети, арктические города по своим совокупным человеческим и экономическим ресурсам естественным образом становятся доминирующим способом организации идентичности социального пространства российского Севера.

Высокий миграционный оборот населения в Арктике ведет к тому, что переселенцы несут с собой свои «магистральные» городские культуры, новые социальные нормы и технологии управления, в то время

как традиционные северные этносы вынуждены экстренно адаптироваться к де-факто изменившимся внешним условиям своего существования. Указанная ситуация непрекращающихся социальных перемен чревата столкновением магистральных и локальных идентичностей, этнополитическими конфликтами. Для предотвращения и минимизации последних необходимо выстраивать «мягкую» иерархию идентичностей, дающую северным народам возможность как адаптироваться к современности, так и играть значимую роль в развитии российского Севера. При этом следует иметь в виду, что локальная идентичность и сам образ жизни коренных народов Севера зачастую уже не являются следствием непрерывно длящейся традиции и кочевого образа жизни. Этот образ жизни постоянно переконструируется в зависимости от меняющихся культурно-политических факторов и контекстов, связанных с переопределением коллективного социального статуса и производного от него права арктических сообществ на северную ренту.

Перспективы российского арктического макрорегиона: стратегия диверсификации ресурсов. Арктический макрорегион в силу природно-географических условий обладает открытой миру идентичностью, мобильностью, толерантностью и динамизмом изменений. Экстремальный климат диктует необходимость применения новейших технологий обеспечения комфортной жизни. Развитие сферы обслуживания и досуга населения можно рассматривать как фактор его долгосрочной лояльности к месту своего проживания.

При всех имеющихся трудностях на фоне остальной России арктический макрорегион обладает неплохим человеческим капиталом и рынком квалифицированного труда. Его основные проблемы — экстремальные природные условия, моноотраслевая структура занятости, удаленность от мировых транспортных магистралей и нехватка инвестиций в человеческий капитал и городскую инфраструктуру. Статистика и структура инвестиций показывают, что капитал вкладывается в первую очередь, в ресурсодобывающие и перерабатывающие производства, которые не требуют большого числа рабочих рук. Поскольку конкуренция в отраслях, связанных с производством продукции с высокой добавочной стоимостью, требует капитальных вложений в обновление производственных фондов или постройки новых предприятий. Основная проблема Севера — высокая стоимость жизни и издержек любого крупного индустриального или сельскохозяйственного производства. Соответственно, востребованы могут быть либо производства с высокой долей прибыли (добыча энергоресурсов), либо отрасли с минимальными инфраструктурными и производственными издержками — образование, наука, туризм, малые инновационные

предприятия, финансовая сфера, индустрия развлечений, производство уникальной региональной продукции и др.

Представляется, что стратегическим решением для развития арктического макрорегиона является не миграция трудовой активности из сферы реального производства в сферу посреднических услуг, а диверсификация и расширение рынка труда за счет умножения отраслей, а) позволяющих сохранить и развить достигнутые уровни потребления, б) ориентированных на обеспечение независимости от внешних рынков, освоение и продвижение уникальной продукции, услуг, технологий. В подобной ситуации основной задачей государства становятся долгосрочные капиталовложения на развитие инфраструктуры и транспортно-логистических сетей (железные и автомобильные дороги, вокзалы, аэропорты, тепло- и электросети). Стратегия диверсификации ресурсов северных городов и привлечения инвесторов готовой инфраструктурой вписывается в мировые тренды роста самозанятости в экономике, расширения сферы услуг.

Очевидно, что промышленным северным городам Российской Арктики для их развития и адаптации к глобальному миру необходим отказ от наследия советской урбанизации. Главный вопрос — каким образом? Слишком низкая плотность населения Арктики затрудняет преобразование северных городов в агломерации, так как у них нет окраин, «слободок», периферий, городских поселений-спутников и т.п. Однако, возникшие в последние 20–40 лет нефтегазовые северные города будут существовать, расти и развиваться еще очень долго, благодаря особому месту Севера в общероссийском рынке труда, сырьевой индустрии и эффективной модели пассионарной северной миграции. Поэтому их не надлежит ни радикально сворачивать, ни искусственно поддерживать их численность. Менее затратны более мягкие стратегии. *Они связаны с поддержанием традиционной для этих городов сверхмобильности и миграционной текучести населения, диверсификация производственной инфраструктуры, для которой эти города по своей численности, возможностям и внутренним потребностям уже созрели.* Диверсификация в далеком будущем позволит ослабить или предотвратить возможные кризисы развития, связанные с исчерпанием углеводородов или развитием альтернативной энергетики.

Важнейшее экономическое значение может иметь ресурс уникальности российской Арктики. Например, штат Аляска удвоил поток туристов в 1990-е годы, а доходы этой отрасли приносят региону до 5–6% ВВП, являясь второй статьёй доходов после добычи энергоносителей. В том числе благодаря этому обстоятельству, население штата за 1990–2011 гг. выросло на 31%. В последнее время укрепляется интерес

к экологическим сюжетам и арктическому туризму, которые в России только начинают приобретать и символическую, и вполне реальную капитализацию. Увеличение туристических потоков, создание привлекательного образа северных территорий предполагает целенаправленные действия по капитализации арктической идентичности, создание целого набора символических брендов, связанных с Арктикой и способствующих глобальному продвижению местной продукции (оленина, сиговые виды рыб, северные ягоды, этническая продукция и пр.), территорий (музейная деятельность, фестивали, конференции, памятники, охотничий, экологический, этно-исторический, экстремальные виды туризма, в том числе международного), а также поощрению лояльности мигрантов, составляющих в условиях Арктики большинство населения.

Наконец, особую роль для развития арктического региона России играют недооцененные в российской Арктике внеэкономические факторы — целенаправленная капитализация арктической идентичности городов, создание и глобализация культурно-символических брендов, усиление механизмов самоуправления, создание открытого города с развитой гуманитарной средой [6], опережающие вложения в человеческий капитал.

Литература

1. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года. URL: <http://правительство.пф/docs/22846>
2. Киселев К.В. Арктические регионы России: к вопросу о динамике символической политики власти // Арктические регионы России: проблемы парламентаризма, представительства и региональной идентичности / Под общ. ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург; Салехард, 2012. С. 134–139.
3. Мартыанов В.С. Стратегия городского развития в Арктическом регионе России // ЭКО. 2013. № 5. С. 125–137.
4. Дмитрий Семущин: «Циркумполярная» лженаука — против Русской Арктики. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1501301.html>
5. Официальный сайт Росстата. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B09_16/IssWWW.exe/Stg/01-08.htm
6. Киселев К.В. Дискурс региональной идентичности в современной России // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. Екатеринбург, 2006. С. 144–150.

К.Г. Муратшина
Программа сотрудничества приграничных регионов
России и Китая в контексте перспектив и рисков
в межрегиональном взаимодействии двух стран

Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР на 2009–2018 гг. [1] — один из важнейших и наиболее противоречивых документов в современных российско-китайских отношениях. Выявление особенностей ее подписания, воплощения в жизнь ее проектов, сложностей в корректировке поможет сформулировать тенденции и проблемы российско-китайского межрегионального сотрудничества в целом.

Документом было запланировано 205 ключевых проектов сотрудничества: 94 на российской территории (преимущественно освоение природных ресурсов, небольшое количество несырьевых производств, а также масштабное строительство и реконструкция пунктов пропуска через границу и сопутствующей инфраструктуры), 111 — на китайской (создание десятков заводов по переработке, предприятий сферы высоких технологий).

Идея принятия совместного документа такого рода давно продвигалась Китаем, которому для возрождения промышленных северо-восточных регионов было необходимо сырье. Россия приняла такой «посыл» партнера и выдала составленные на скорую руку, без какой-либо экспертной проработки предложения от своих краев и областей [2]. Рабочая группа по реализации Программы была создана из региональных чиновников лишь спустя 2 года после принятия документа, в ее состав не было включено ни одного (!) эксперта-китаевода [3].

Подписание Программы было болезненно воспринято россиянами — жителями восточносибирских и дальневосточных регионов страны, широко обсуждалось в СМИ и экспертных кругах. Эксперты-китаеведы указывали на просчеты и риски Программы [4], но нашлись экономисты и представители власти, не верящие в возможности РФ самостоятельно развивать Дальний Восток [5]. Мы можем отметить, что Программа объективно выполняет задачу обеспечить Китай сырьем и поставками энергии. Россия же, кроме краткосрочной выгоды для немногих предпринимателей и истощения ресурсов, не получает ничего. За российскими регионами фактически закрепился статус приграничных сырьевых баз и рынков сбыта для китайских товаров, а также некоего «окна» для китайской трудовой миграции, ведь, как известно, присутствие китайских рабочих и использование китайского оборудования — неременное условие инвестиций из КНР.

Однако реакция неравнодушной к защите интересов страны части общества была услышана, и в Минрегионе началась работа по изменению российской части Программы. Уже в 2010 г. сократилось количество проектов на российской территории, ряд проектов по разработке месторождений был убран из Программы, Китаю предлагалось «инвестировать в объекты, у которых уже имеется собственник». Отмечалось, что «китайские рабочие не получают никаких особых привилегий в квотах — их будут нанимать на общих условиях генерального подряда и субподряда» [6]. Представители Минрегиона на VIII Красноярском экономическом форуме в 2011 г. озвучили давно назревший вопрос: «Правильно ли продавать Китаю лицензии на разработку месторождений с последующим вывозом сырья на переработку? Скорее, необходимо создавать добавочную стоимость на территории РФ» [7].

В последующие годы Программа продолжала корректироваться. Эксперты Минрегиона вели постоянный мониторинг и контроль проектов. На местах создавались, хотя и без участия специалистов по Китаю, действующие рабочие группы [8], ставился вопрос о единообразной экспертизе инвестиционных проектов [9]. Тем не менее, во многих регионах сохранились тенденции к получению краткосрочной выгоды и практически нулевой пользы для регионального развития [10], а также увеличения числа предприятий со 100% китайским капиталом [11], что означает, что работают на них граждане КНР, используется китайское оборудование и доходы получает китайская сторона.

Федеральные органы власти в начале 2010-х гг. начали серьезную работу по обеспечению приоритетного развития дальневосточных регионов, в 2012 г. был разработан проект госкорпорации [12], а в 2013 г. создано Министерство по развитию Дальнего Востока. Однако в свете вышеизложенного эта работа выглядит пока недостаточно всеобъемлющей и недостаточно жесткой в плане отстаивания национальных интересов. КНР же свои позиции отстаивает умело и твердо, постоянно напоминая РФ о необходимости активизировать работу по выполнению договоренностей [см., напр.: 13; 14], в том числе в основных совместных заявлениях и коммюнике [см.: 15; 16; 17].

В 2014 г. на двустороннем совещании Минрегион официально обозначил обновленные приоритеты российской стороны: «Нам необходимо совместно развивать отдаленные регионы, создавать производства с высокотехнологичными рабочими местами, улучшать инфраструктуру, открывать для бизнеса новые горизонты развития, а для граждан — возможности комфортно путешествовать, получать кросскультурное образование, знакомиться с культурой и традициями соседней страны» [10]. Федеральные органы власти и экспертное сообще-

щество продолжали работу как по корректировке Программы, так и по совершенствованию механизмов развития дальневосточного региона РФ. В 2014 г. была сформулирована концепция создания территорий опережающего развития [18], а в январе 2015 г. Президент РФ официально одобрил давно высказывавшуюся многими специалистами идею бесплатной раздачи земли жителям Дальнего Востока с целью привлечения российских трудовых ресурсов в регион [19]. В Совместном заявлении РФ и КНР об углублении всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия и о продвижении взаимовыгодного сотрудничества, подписанном 8 мая 2015 г., обозначено такое направление, как «усиление плановых начал в межрегиональном сотрудничестве, повышение его практической отдачи». Планируется создание Совета сотрудничества между регионами Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая [20]. Пока трудно сказать, каковы будут результаты, но, возможно, межрегиональное сотрудничество станет более упорядоченным.

Подведем итог. В Программе сотрудничества регионов РФ и КНР и в политике российского государства в целом имели место существенные изменения, скорректировавшие курс в сторону следования национальным интересам. Но работа не закончена, требуется широкое привлечение экспертов к оценке социально-экономической эффективности, соответствия национальным интересам, наличия пользы и отсутствия вреда от каждого инвестиционного или просто двустороннего проекта, затрагивающего экономические интересы и уклад жизни российских регионов, от каждой возможной договоренности и каждого бизнес-предложения.

В сложившихся геополитических реалиях Россия просто обязана наращивать степень независимости своей экономики от кого бы то ни было, диверсифицировать направления экспорта и импорта, всемерно развивать импортозамещение. В этой связи стоит задуматься, стоит ли в принципе направлять столько усилий на то, чтобы наши регионы в таких масштабах обеспечивали другие государства дешевым сырьем, вычерпывая его миллионами тонн из своей земли. Для российских регионов сотрудничество с Китаем может и должно быть взаимовыгодным, без псевдовзаимодополняемости. На современном практическом уровне отношений только приоритет государственной выгоды, обязательная экспертиза и государственный мониторинг всех аспектов межрегионального взаимодействия могут способствовать построению сотрудничества, результативность которого будет действительно взаимной.

Литература

1. Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР на 2009–2018 гг. // Право РФ и КНР. URL: http://www.chinaruslaw.com/RU/CnRuTreaty/004/201035210624_735729.htm
2. Муратшина К.Г. Межрегиональное сотрудничество РФ и КНР: возможности и пределы (начало XXI в.) // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2012. № 3. С. 46–56.
3. Виктор Ишаев возглавил рабочую группу по сотрудничеству Дальнего Востока и Восточной Сибири с Китаем // Российская газета. 13.05.2011.
4. Александрова М.В. Программа соразвития Дальнего Востока и Северо-Восточного Китая в свете целесообразности привлечения рабочей силы // Привлечение трудовых мигрантов или аутсорсинг? Материалы круглого стола. М., 2011. С. 108–122.
5. Россия не справится // Ведомости. 12.20.2009.
6. Изотов Д.А., Суслов Д.В. Пока только намерения: первые итоги реализации программы сотрудничества между восточными регионами России и Северо-Востоком КНР (2009–2018 гг.) // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2011. № 3. С. 160–178. URL: <http://dlib.eastview.com/browse/doc/24415705>
7. Программа сотрудничества Дальнего Востока и Восточной Сибири с Северо-Востоком КНР пересматривается — Минрегион // CargoNews. 22.02.2011. URL: <http://www.cargonews.ru/main/1740-programma-sotrudnichestva-dalnego-vostoka-i-vostochnoj-sibiri-s-severo-vostokom-kr-peresmatrivaetsya-minregion.html>
8. Постановление от 9 июля 2010 г. № 203 об утверждении мероприятий по реализации на территории Еврейской автономной области положений Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (2009–2018 гг.) // Администрация губернатора ЕАО. URL: <http://npa.eao.ru/law?d&nd=642218923&prevDoc=642217107&mark=000002I000002I3V6ASNB22VDGSO000000411HO4LO2I0DRJF161R2VВ#I0>
9. Постановление от 1 марта 2011 г. № 68 о внесении изменений и дополнения в Постановление губернатора ЕАО от 9 июля 2010 г. № 203 об утверждении мероприятий по реализации на территории Еврейской автономной области положений Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-

ро-Востока КНР (2009–2018 гг.) // Администрация губернатора ЕАО.
URL: <http://nra.eao.ru/law?d&nd=642218878>

10. В рамках Российско-Китайского ЭКСПО состоялся круглый стол «Промежуточные итоги реализации Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (2009–2018 гг.)» // Новости металлургии. 2.07.2014.
URL: <http://news.metalweb.ru/news/news81949.html>

11. Отчет о ходе реализации мероприятий Еврейской автономной области в рамках “Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (2009–2018 гг.)” за первое полугодие 2014 г. // Администрация губернатора ЕАО.
URL: http://eao.ru/state/UPR/economy/otchet_half_2014.doc

12. Бизнесу указали путь в Сибирь // Московский комсомолец. 25.01.2012.

13. Посол Китая в России Ли Хуэй — о Программе сотрудничества Сибири и Северо-Востока Китая // Прибайкалье.ru. 1.04.2010. URL: <http://pribaikal.ru/rus-china-item/article/4004.html>

14. Статья Посла КНР в РФ Ли Хуэя по официальному визиту Председателя Правительства РФ В.В. Путина в Китай // Посольство КНР в РФ. 10.10.2011. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/sgxw/t865941.htm>

15. Совместное заявление РФ и КНР о всестороннем углублении российско-китайских отношений партнерства и стратегического взаимодействия // Министерство иностранных дел КНР. 28.09.2010. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/gb/t757139.htm>

16. Совместное заявление РФ и КНР по текущей ситуации в мире и основным международным вопросам // Официальный сайт Президента РФ. 16.06.2011. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/967

17. Совместное коммюнике по итогам 18-й регулярной встречи глав правительств России и Китая // Основные документы международного сотрудничества стран СНГ. URL: <http://www.e-cis.info/news.php?id=6912>

18. На Дальнем Востоке предлагается создавать территории опережающего социально-экономического развития // Консультант Плюс. 9.04.2014. URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/32812.html>

19. Путин одобрил идею бесплатной раздачи земли жителям Дальнего Востока // Новости Mail.ru. 19.01.2015. URL: <https://news.mail.ru/politics/20774132/?frommail=1>

20. Совместное заявление РФ и КНР об углублении всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия и о продвижении

А.В. Роговая

***Противодействие идеологии экстремизма и терроризма
в проблемном регионе: социологический аспект
(на примере Республики Дагестан)***

В результате проведенного массового и экспертного опросов¹ в муниципальных образованиях г. Хасавюрт и Хасавюртовского района РД разработаны показатели и методика количественного описания факторов распространения террористической идеологии среди различных групп населения, выделяемых по половозрастным признакам, национальности, образованию и проживанию. Выбор данных муниципальных образований был не случайным — это самые крупные муниципальные образования после г. Махачкала, где присутствуют представители абсолютно всех народностей, что соответствует национальной и конфессиональной структуре Республики Дагестан в целом.

Экспертные оценки и массовые опросы, проведенные специалистами в Республике Дагестан в 2012–2013 гг., показали устойчивое наивысшее значение двух основных факторов распространения идеологии терроризма:

1) недовольство властью, доходящее до ненависти к ее отдельным органам и представителям;

2) этноконфессиональная и религиозная напряженность [1, с. 122].

Данные процессы затрагивают в основном крупные города и экономически развитые районы и не в полной мере способствуют проведению политических механизмов противодействия идеологии экстремизма и терроризма в муниципальных образованиях.

В нашем исследовании были выявлены основные зоны противостояния носителей экстремистско-террористических идей и антитеррористической идеологии, построенной прежде всего на российской идентификации различных групп населения. Совершенно четко вырисовываются два основных круга этого противостояния: людей, приверженных идеям экстремизма и терроризма (не скрывающих свою принадлежность к националистическим и религиозным организациям,

¹ Центр региональной социологии и конфликтологии ИС РАН совместно с Дагестанским государственным университетом в июле-августе 2013 г. провел репрезентативный массовый опрос населения с выборкой 827 человек (город Хасавюрт – 47% – городское поселение, Хасавюртовский район – 53% – сельское поселение) и экспертные опросы 58 представителей органов власти города и района, общественных и религиозных организаций, СМИ.

допускающим использование силовых методов, — таких по массовому опросу оказалось 4,5% от общего числа опрошенных) и людей, приверженных антитеррористической идеологии, прямо указывающих на своё категорическое неприятие идей терроризма и настаивающих на ликвидации вышеуказанных организаций — 29,7%. Выделяются и ближние «периферийные» зоны этих кругов: склонных к экстремистско-террористической или антитеррористической идеологиям («поддерживаю и готов стать членом такой (экстремистской) организации» — 5,7%, «не поддерживаю такие (экстремистские) организации, потому что они создают конфликты» — 37,9%).

Наконец, в зонах противостояния идеологий важно видеть и «промежуточные» круги ситуационно «подверженных» или «затрудняющихся» определить свою позицию (соответственно: 8,3 и 13,9%).

При этом абсолютное большинство приверженных идеологии экстремизма и терроризма, а также большая часть склонных к ним, в социальной идентификации не показывают свою принадлежность к российскому обществу, идентифицируясь лишь локально (как житель местности), и смежно указывают на свою принадлежность к Кавказскому эмирату (Имарату Кавказа) как части Всемирного Халифата. В противоположность им приверженцы антитеррористической идеологии прямо относят себя к россиянам, считая Дагестан и Северный Кавказ в целом неотъемлемой частью России, как общей страны для всех входящих в нее народов.

На высокий уровень конфликтности, в том числе террористических и экстремистских проявлений, указывает активное участие незаконных вооруженных формирований и других организованных преступных группировок. По количеству преступлений террористической направленности данная агломерация находится на втором месте в республике (после г. Махачкала), в том числе посягательства на жизнь сотрудников правоохранительных органов, при этом в наибольшей степени склонны и подвержены к совершению преступлений молодые лица, имеющие среднее образование и не имеющие постоянного места работы [2, с. 116].

В исследовании выявились мотивации и механизмы вовлечения людей в радикальные, террористические организации, которые показали, что в местном социуме сохраняется довольно значительный потенциал «бытовой ксенофобии», который при неблагоприятных обстоятельствах и провокациях может превратиться в агрессию, угрозы и насильственные действия.

Данные свидетельствуют о том, что в местных социумах проблемного региона силовые методы воспринимаются не только как допу-

стимые, но и вполне оправданные, даже в случаях разрешения политических и этноконфессиональных конфликтов, тем более защиты личной безопасности, собственности, чести и достоинства. При этом совершенно очевидно, что применение силовых методов в указанных случаях связывается не столько с деятельностью государственных правоохранительных органов, сколько с инициативными действиями тех, кому могут следовать такие вызовы и угрозы.

Вместе с тем, наибольшее внимание обращается на применение силовых методов защиты от террористических угроз и обеспечения безопасности общества, где главная роль отводится именно государству. Так, свыше 16% опрошенных считают, что применение государством силовых методов во имя обеспечения безопасности общества и решения других важных проблем наиболее эффективны. К ним при­мыкают более трети 31%, указавших, что «силовые методы неприятны, но необходимы». Промежуточные, но в целом также солидарные позиции: «силовые методы допустимы лишь в исключительных случаях» и «в одних сферах силовые методы допустимы, в других нет» заняли соответственно — 21 и 15% опрошенных. Негативные позиции по данному вопросу высказали лишь 3% («силовые методы недопустимы») и 8% считают, что «государство слишком часто использует силовые методы», 8% затруднились с ответом на вопрос.

Следует отметить, что по мере усиления показателей религиозности наблюдается рост желающих поддержать религиозные и националистические организации или стать их членом. Так, из числа тех, кто хорошо знают священное писание и выполняют все предписания религии, 14% респондентов поддерживают и готовы вступить в религиозные и националистические организации.

Важной составляющей частью противодействия идеологии терроризма в различных группах населения является систематическое отслеживание и социологический мониторинг¹. Смысл мониторинга состоит в том, чтобы установить, какую пользу от проводимых мероприятий по нейтрализации факторов распространения идеологии терроризма получает общество, и выяснить при этом, какие формы (технологии) являются более эффективными. Основное требование, предъявляемое к разработке инструментария для такого мониторинга — обеспечение встраивания в управление регионом и получение необходимой информации о контролируемых признаках негативных или пози-

¹ Социологический мониторинг – это форма организации проведения социологических исследований, обеспечивающая постоянное получение социологической информации о состоянии определенного социального процесса или социальной ситуации.

тивных различных категорий населения в отношении факторов распространения идеологии терроризма.

Необходима также разработка примерных социологических ориентировок для информационно-пропагандистской работы на примере отдельных селений в муниципальном образовании. По сути, основными акторами, которые должны учитывать такие ориентировки, являются четыре ключевые фигуры в местном сообществе: глава местной администрации, участковый инспектор полиции, мулла местной мечети и директор общеобразовательной школы.

На основе данных ориентировок можно увидеть специфику основных категорий, с которыми необходимо организовать как групповые, так и индивидуальные мероприятия информационно-пропагандистского характера.

Следует отметить, что в настоящее время на Северном Кавказе возникла новая ситуация, связанная с явным поворотом в идеологии «джихада» и сменой руководства так называемого Кавказского эмирата (Имарата Кавказа). Как известно, после смерти Доку Умарова эмират возглавил его бывший заместитель, уроженец Дагестана Алиасхаб Кебеков. Имея зарубежное богословское образование и выступая проводником крайне радикального салафитского толка, он выражает свои несколько отличные от Умарова точки зрения на массовые теракты (против жертв среди мирных граждан). Но, по его словам, целью боевиков «Имарата Кавказ» являются исключительно силовики. В целом происходит определенный поворот от идеологии вооруженного «джихада» национального сепаратизма к идеологии вооруженного «джихада» наднациональными (халифатскими) установками. Идет активная работа в джамаатах, «ротация» амиров, перегруппировка сил вооруженного подполья и значительное усиление идеологического воздействия на отдельные группы населения, наиболее подверженные восприятию экстремистских и террористических идей.

В свою очередь, важно помнить, что сила должна быть умной и опираться, прежде всего, на культуру, добрые традиции, современное образование, науку, а главное — на консолидированные позиции власти и социума [3].

Литература

1. Маркин В.В. Формирование российской идентичности как фактор противодействия идеологии экстремизма и терроризма: региональный аспект // Власть. 2014. № 6. С. 120–127.
2. Гамидов А.М. Территориальные различия посягательств на жизнь сотрудников правоохранительных органов в Дагестане // Вест-

ник Дагестанского государственного университета. 2013. Вып. 2. С. 116–120.

3. Роговая А.В. Локализация противодействия идеологии экстремизма и терроризма в муниципальном образовании // Власть. 2015. № 1. С. 124–130.

Р.Л. Смирнов

***Валютная интеграция на пространстве ЕАЭС
как фактор социального сближения
государств-участников***

В начале 90-х годов прошлого столетия в Европе ускорились интеграционные процессы. В то же время произошел распад СССР. Однако тенденции глобализации стимулировали страны постсоветского пространства осуществлять сближение в экономической сфере. Ускорение интеграционных процессов началось со второй половины 90-х годов прошлого столетия, то есть с момента образования Союзного государства Беларуси и России и ЕврАзЭС. Дальнейшее развитие экономического сближения шло в рамках создания Таможенного союза и Единого экономического пространства Беларуси, Казахстана и России, последовавшее затем формирование Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Поскольку под социальными мотивами интеграции обычно понимаются благосостояние или уровень жизни населения, которые выступают либо конечной целью интеграции, либо необходимым компонентом ее развития, успех евразийского интеграционного проекта зависит от степени и качества проработки долгосрочной стратегии формирования ЕАЭС. Важнейшей частью данной стратегии является модель социального взаимодействия государств — участников ЕАЭС, обеспечивающая реализацию главной задачи данного интеграционного объединения — построение конкурентоспособного экономического союза в интересах повышения стабильности и уровня жизни населения всех участников в социальном измерении интеграционного сотрудничества. Однако в настоящее время поиск социальной формулы интеграции не ведется, что может стать сдерживающим фактором реализации евразийского проекта [1]. Автором предлагается рассмотреть валютную интеграцию на пространстве ЕАЭС как фактор, стимулирующий взаимодействия в социальной сфере.

В социологической литературе деньгам как средству социальной коммуникации приписывают противоположные свойства и характеристики. В работах Г. Зиммеля, К. Поланьи, С. Московичи, М. Маклюэна

и других исследователей деньги уподобляются «универсальному языку» современного общества [2; 3].

С.В. Абрамова, признавая множество функций денег, а также правомерность различных подходов к их выделению и классификации, выделила семь наиболее важных среди них:

– *функция поддержания стабильности экономической и социальной структуры общества.* Деньги «ответственны» за процессы социальной стратификации, приобретающие в конкретных обществах форму социальной поляризации... либо форму открытых социальных структур, общества «равных возможностей...». Деньги способны разрушить личность и систему там, где они не имеют шансов полноценно реализовать экономические и социальные функции;

– *функция средства массовой информации, агитации и пропаганды.* С одной стороны, данный аспект касается оформления денег. С другой стороны, деньги выступают одним из символов страны, часто более известным, чем флаг и гимн, как внутри государства, так и за его пределами;

– *функция формирования денежной культуры.* Данная функция может рассматриваться как итоговая, обобщающая «работу» всех функций денег [4, с. 133–141].

Канадский специалист в области социологической теории коммуникаций М. Маклюен в своей работе «Понимание медиа» утверждал, что развитие денег в чем-то сходно с развитием речи у ребенка: пока он не умеет говорить, он хватается лишь то, до чего непосредственно может дотянуться, но как только научится говорить, речь становится для него способом распространения своего интереса и своих притязаний на предметы отдаленные [2].

Одной из современных форм развития денег являются валютные союзы. В настоящее время мировая валютная система является биполярной (евро — долларовой, с доминированием долларового блока). В то же время из-за проблем в Европейском Союзе, и при одновременном росте значимости валют азиатского региона наиболее реалистичным сценарием ее развития является замена доминирующей позиции доллара несколькими резервными валютами. Со временем потенциально могут появиться региональные валютные союзы. В каждом таком ареале будет обращаться своя резервная валюта, которая может быть единой валютой для всех стран блока, региональной доминирующей валютой конкретного государства, или просто общей расчетной единицей. Параллельно для осуществления международных расчетов между блоками может использоваться некая коллективная валюта.

В то же время непосредственного решения о реализации проекта валютной интеграции в рамках ЕАЭС пока нет. Более того, существуют как противники, так и сторонники валютного объединения, в том числе и в подходах к валютному союзу. В рамках существующих теоретических концепций выделяют традиционный подход, который определяет оптимальность валютной зоны исходя из выполнения странами-участницами критериев оптимальности. Сущность второго, альтернативного подхода заключается в нахождении баланса выгод и издержек при вступлении страны в валютный союз, в рамках которого предполагается установление жесткофиксированных обменных курсов национальных валют стран-участников друг к другу с возможным последующим переходом на валюту страны лидера либо на единую наднациональную валюту.

Валютные союзы можно разделить на национальные и наднациональные валютные союзы. В качестве яркого примера национального валютного объединения можно выделить США. Для национальных валютных союзов характерно объединение экономических и политических систем. Как правило, национальные валютные союзы возникают как часть процесса политической интеграции, первоочередной целью которого является политическое единение, а валютная и экономическая интеграция происходят как вспомогательные процессы.

Сегодня валютная интеграция развивается на принципах наднациональности, ярким примером которой является Европейский валютный союз. Для наднациональных валютных союзов интеграция происходит только в экономической сфере, важной частью их является сохранение самостоятельности и независимости национальных политических институтов. Общим фактором развития валютной интеграции как национальных, так и наднациональных союзов являются социальные причины, и введение наднациональной денежной единицы не является самоцелью и само по себе не приносит значительных экономических выгод. Положительный результат достигается только путем осуществления унификации в различных сферах экономики стран-участников, создания соответствующих фондов для финансирования наднациональных программ и стимулирования развития отсталых регионов [5, с. 10].

В целях определения оптимальной стратегии валютной интеграции для страны с малой открытой экономикой, например Республики Беларусь, осуществим сравнительный анализ возможного экономического развития. Потенциальная возможность реализации экономической интеграции Беларуси со странами Евросоюза ограничивается различием макроэкономических процессов данных государств и жестки-

ми требованиями. Кроме того, республика имеет тесные торговые, производственные, технологические и культурные взаимосвязи с Россией, что свидетельствует в пользу интеграции именно с данной страной. По ряду макроэкономических показателей данные страны имеют схожую динамику. Поэтому можно сделать вывод о том, что не всегда в условиях валютной интеграции страна с малой открытой экономикой должна присоединяться к валютному блоку с самым высоким уровнем развития.

Кроме того, на практике валютная интеграция не получит своей реализации и не приведет к положительным результатам, пока не будет произведено сближение в большинстве экономических областей. При принятии решения о валютной интеграции необходимо достичь высокого уровня номинальной и реальной конвергенции экономик объединяющихся стран. Опыт создания и развития интеграционных объединений в регионе СНГ/ЕврАзЭС выявил ряд проблем, препятствующих развитию евразийской валютно-экономической интеграции:

- весьма неоднородные структуры экономик, уровни развития и темпы роста национальных экономик интегрируемых стран в сочетании с усилением такой неоднородности;
- сложная демографическая ситуация, которая усугубляется увеличением миграционных потоков, проблемами бедности и имущественной поляризации, что в совокупности определяет наличие политической нестабильности в некоторых странах;
- слабая реальная конвергенция, прежде всего макроэкономическая нестабильность, ценовая нестабильность и существенная разница в темпах инфляции, нестабильность валютных курсов ряда стран, различные уровни развития и структуры финансовых рынков, степени диверсификации экспорта и импорта товаров;
- преобладание экспортно-сырьевой модели экономического развития многих стран СНГ и практически всех стран ЕврАзЭС;
- отсутствие общей стратегии экономического развития, общей научно-технической, инновационной, промышленной, патентной, лицензионной, торговой, аграрной политики;
- невысокая производительность труда [6, с. 25–30].

Существенным недостатком политики валютной интеграции также является отсутствие четких сроков реализации конкретных мероприятий, а также плана действий, что создает риск затягивания данного процесса на долгие годы.

Необходима проработка четкой стратегии реализации валютной интеграции ЕАЭС. Ее возможно разделить на два этапа. На первом этапе происходит гармонизация и унификация национальных эконо-

мик, создаются надгосударственные координирующие органы в финансовой сфере (например, Ассоциация коммерческих банков Евразии) и в иных областях. Постепенно осуществляется уход от расчетов в долларах и евро во внешних транзакциях и расширяется использование национальных валют. На втором этапе становится возможным введение надгосударственной коллективной денежной единицы [5, с. 10–15].

Надгосударственную коллективную денежную единицу можно использовать для предоставления межгосударственных кредитов и займов, выпуска евразийских облигаций. Также целесообразно формировать надгосударственные фонды, вести статистику союзных стран. Кроме того, следует уделить внимание использованию расчетной единицы на частном уровне, позволив физическим и юридическим лицам формировать депозиты в данной единице, выпускать ценные бумаги и осуществлять безналичные расчеты по внешнеторговым сделкам. Для предотвращения спекулятивных атак на расчетную единицу предлагается создание Евразийского стабилизационного фонда, куда государства-участники ЕАЭС будут отчислять процент своих золотовалютных резервов и получать взамен соответствующую сумму расчетной единицы.

Введение наднациональной расчетной единицы в Евразийском экономическом союзе должно учитывать ошибки введения ЭКЮ, такие как ограниченная эмиссия на государственном уровне, недостаточная интеграция финансовых рынков, слабость экономических систем объединяющихся стран. При этом необходимо обеспечивать стабильность расчетной единицы благодаря установлению жестких пределов колебаний национальных валют союза по отношению друг к другу и к данной расчетной единице, а также в результате формирования Евразийского стабилизационного фонда.

Резюмируя, отмечу, что в настоящее время приоритетными направлениями евразийской валютно-экономической интеграции должны стать обеспечение устойчивого социально-экономического развития стран-участниц, опирающегося на инновационную модель, углубление в этих рамках экономического, в том числе валютно-финансового сотрудничества. Прежде всего, это касается линии формирования межгосударственного инновационного пространства, расширения использования национальных валют во взаимной торговле, создания интегрированного биржевого пространства [6, с. 25–30].

Литература

1. Ежегодный доклад Интеграционного клуба при Председателе Совета Федерации Федерального собрания за 2014 год «Формирование Евразийского экономического союза: риски и шансы». URL: <http://council.gov.ru>
2. Маклюен М. Понимание медиа. М., 2003.
3. Поланьи К. Семантика использования денег // Историко-экономический альманах. Вып. 1. М., 2004.
4. Абрамова С.Б. Социологический подход к исследованию денег: основания и перспективы // Известия Уральского государственного университета. № 4(70). 2009. С. 133–141.
5. Лузгина А.Н. Становление и формы эволюции валютных отношений стран-партнеров в условиях экономической интеграции (на примере Республики Беларусь). Автореф... дисс. канд. экон. наук. Минск, 2014. С. 10-15.
6. Алексеев П.В., Котляров Н.Н. Оценка перспектив евразийской валютно-экономической интеграции // Деньги и кредит. 2014. № 6. С. 25–30.

С.А. Шпагин **Ростовская область — «западный форпост»** **на юге России**

Опыт внешних связей Ростовской области стал объектом академического и ведомственного анализа еще в ходе первого, по существу, пилотного совместного проекта МИД РФ и Института Европы РАН [1].

Ростов-на-Дону явился последним, тринадцатым регионом России, где был открыт Центр европейской документации (ныне Центр Европейского союза на юго-западе России) [2]. В научных, культурных, экономических связях региона с зарубежными партнерами принимают участие субъекты внешне ориентированной деятельности разного уровня, и эффект этих связей в разных сферах был различным.

Что важно отметить, интенсивность и эффективность внешних связей не всегда зависела от характера именно региональных связей. Старт и последующие связи региона выстраивались преимущественно на основе перевода имевшихся отраслевых межреспубликанских связей в рамках Советского Союза на новые, международные. Наиболее тесные связи были и оставались с соседней Украиной, Арменией и другими государствами Закавказья, так что отмеченное выше западное направление, преимущественно европейское, носило скорее научно-информационный характер. Провинциальный, по сути, характер бывших межреспубликанских связей Ростовской области лишь внешне

носил форму регионального международного сотрудничества, включая и участие в программе «Еврорегион Донбасс». Собственно международные внешние связи региона определялись либо федеральными «разнарядками», основанными на наличии в регионе специфического производства экспортной продукции (военные вертолеты для Индии и т.д.) или связями многочисленных диаспор с метрополиями.

Другая особенность региональных международных связей — размытый характер понятия «регион» применительно к югу РФ, складывавшийся исторически в связи с характером расширения контроля российского государства над территориями, постепенно входившими в его состав. Это создавало ситуацию несколько аналогичную фронтиру при формировании США и своеобразную ментальность местного населения. Речь идет о том, что основной проблемой внутренней стабилизации и дестабилизации под воздействием внешнего воздействия является до сих пор этнический фактор. Наличие связей диаспор с метрополиями приводило к этнизации региональной политики и этатизации этнических аспектов в регионе, придавая им международное звучание как со знаком плюс, так и со знаком минус. Частые изменения территориально-административных границ в регионе накладывают отпечаток на взаимоотношения Ростовской области с регионами РФ и сопредельных государств. Для более точной характеристики Ростовской области введено понятие полиэтничного макрорегиона [3].

События в Украине и вокруг Украины привлекли внимание к югу России, Ростовской области и самому городу Ростову-на-Дону. Масштаб проблем, недооценка влияния уже произошедших событий и поливариантность развития ситуации делают актуальным анализ нынешней и будущей роли Ростова-на-Дону и региона, административной столицей которого он является. Проблема заключается в том, что за важными, но рутинными даже в ситуации военного конфликта на востоке Украины событиями, теряется политика формирования новой ситуации — интернационализация всех процессов, носивших ранее внутренний и региональный характер на юге России.

В основе переформатирования Ялтинской системы международных отношений лежит отказ от Вестфальской системы, основанной на балансе интересов национальных государств, который подкреплялся балансом сил вначале «великих», а затем «сверхдержав». «Холодная война» являлась инструментом сдерживания силы путем предложения альтернативных идеологически окрашенных экономических моделей и политических систем для суверенных, то есть цельных государств. Регионы и другие не этатические единицы не являлись акторами международных отношений. Биполярность Ялтинской системы была по-

следним оплотом «ограниченного суверенитета», приведенного к общим знаменателям во внешне альтернативных и антагонистических блоках — «Восток и Запад», «социализм и капитализм», которым как казалось, никогда не сойтись вместе.

Крах биполярности Ялтинской системы разрушил основные элементы фактически единой для европоцентристской цивилизации Утрехтской системы международных отношений. Утратив идеологическую альтернативность, глобальный мир превратил международные отношения, то есть иерархическую систему отношений между суверенными государствами, взаимосвязанных угрозой санкций за нарушение баланса сил коллективными жандармскими санкциями (типа Крымской войны против России), в мировую политику.

Мировая политика в данном случае — это более частое переформатирование архитектуры миропорядка транснациональными силами, офис которых формально может находиться на территории условно суверенных США в условиях провоцируемого (не обязательно контролируемого) хаоса. В результате, акторами выступают не государства, а корпоративные бюрократические и отраслевые группы в государствах, регионы и различные транснациональные группы, более или менее структурированные, будь то ИГИЛ, международный терроризм, наркобароны, сепаратисты.

В этих условиях возрастает роль регионов как объектов такой политики постоянного переформатирования мира от состояния хаоса к новой тотальности, поскольку эта новая Постутрехтская система миропорядка не знает альтернативности ни в формате биполярности, ни в формате многополярности. «Мягкая сила» не предполагает соблюдения прежнего баланса, основанного на признании интересов государства. Размытие суверенитета означает как пространственную фрагментацию, подаваемую в качестве регионализации, так и фрагментацию интересов, не цементируемых более религией, идеологией, единством понятия «родина» в форме централизованного суверенного государства. Сегодня есть опасность превращения юга России, искусственно вовлеченного в хаос Украины, в катализатор регионализации единого исторического пространства и суверенного государства Российская Федерация. Ростовская область и Ростов-на-Дону незаметно для руководства и рядовых граждан приобретают имидж «Сараева XXI века».

Литература

1. Международное сотрудничество субъектов Российской Федерации: состояние, проблемы, способы совершенствования (на примере Ростовской области). Материалы научно-практического семинара в

рамках научно-исследовательского проекта. Ростов-на-Дону, 6–7 июня 2003 г. Ростов-на-Дону, 2003.

2. Институт истории и международных отношений. Сайт. URL: [http://sfedu.ru/www/rsu\\$elements\\$.info?p_es_id=5](http://sfedu.ru/www/rsu$elements$.info?p_es_id=5)

3. Всероссийская конференция «Проблемы полиэтнического макро-региона в условиях дестабилизации Каспийско-Черноморского зарубежья» // Южный научный центр РАН. Официальный сайт. URL: <http://ssc-ras.ru/page430.html>

I.V. Demidova

***Challenges and Prospects of the Russia's Far East District
in the Context of Cross-Border Cooperation
with the North East of China***

Russia's Far East Federal District is a vast territory (6,169,300 km²) uniting 9 federal regions. It makes about 36% of the territory of the Russian Federation. The region has access to two oceans: the Pacific and the Arctic. The district borders China by land and Japan and Alaska by sea.

The region is rich in natural resources:

- it accounts one-third of all coal reserves and hydraulic power resources in Russia;
- Far East forests account for over 35% of Russia's resources;
- 80% of soybeans come from the district;
- 40% of Russian fish and seafood;
- wide swathes of unfarmed fertile land;
- 95% of Russia's reserves of strategic raw materials (molybdenum, vanadium, timber, copper and tungsten).

The main branches of industry of the Far East district are extraction and processing of non-ferrous metals, diamond mining, fishing, forestry, pulp and paper, shipbuilding, ship repair.

Russia's 2010 census said that the population of the Far East was 6.3 million, of whom three-quarters live in the cities, primarily the port of Vladivostok. But the population has been shrinking at an alarming rate as young people move to the European regions of the country in search of better economic opportunities. The future of the Russian Far East has been a troublesome issue for the authorities for many years. The depopulation of the Russian Far East is particularly troubling because just over the border, in northeastern China's Heilongjiang and Inner Mongolia regions, 70 million people live with too little land and resources. As a result of the depopulation and the opening up of Russia's borders, there is a fear of massive Chinese immigration into the region. Given the vast mineral deposits, fertile

land, energy reserves, the region is unlikely to remain underdeveloped for long.

The most recent research on the sociocultural environment in Russia's Far East was done by Anna Nemirovskaya, Senior Research Fellow at the HSE's Laboratory for Comparative Social Research, who examined a number of ratings and indices reflecting both economic development and sociological aspects environment in the region [1]. The research showed that despite the wealth of natural resources and good economic potential, the area's macroeconomic indicators are fairly low for Russia. For her research Anna Nemirivskaya used data available from Rosstat and from the Centre for the Study of Social and Cultural Change (CSSCC) at the RAS Institute of Philosophy. A. Nemirovskaya published her findings in the Sociological Research journal.

The following are the main conclusions which were reached after thorough examination of the data:

- despite all the efforts to support economic development in the Far East of Russia, this area still lags behind in terms of modernization. Many of its residents are planning to migrate to elsewhere in Russia or even another country. It is obvious that without large investments, including international, the goal to populate the empty territories cannot be achieved;

- depopulation roots in many factors: undiversified economy, underdeveloped social infrastructure and harsh climate, high cost of living, poor housing, etc. More than half of the local respondents (64%) have not noticed any positive changes in the local situation, while 10% believe it is getting worse;

- paternalistic attitudes appear to prevail, the survey found the highest level of agreement in the Far East with the statement the state should provide a minimum income to citizens', surpassing even the federally-subsidised North Caucasus in this respect. The local public seems to rely on the federal government to make it happen. Therefore, Anna concludes, that the federal authorities should step up their efforts to assist the region and monitor its development;

- uneven development across its constituent regions is a major challenge for the Far East Federal district. The decline in modernisation indices was observed in Kamchatka between 2000 and 2005. In Primorsky Krai and the Amur Region, modernisation does not seem to be moving forward, while Chukotka and Sakhalin — Russia's leading local economies coming first and third, respectively, in terms of per capita GDP — still experience economic instability. Yakutia is the only part of the FEDF with positive modernisation dynamics;

– to analyze the factors influencing economic development process in the district correctly we have to distinguish between primary modernization, based on the economic, social and knowledge-related characteristics of society, and secondary modernization driven by innovation, knowledge transfer, quality of life and quality of economy.

Thus, the federal and local authorities are expected to take steps to ensure economic development and social stability in the district, to strengthen control over the Far East. There can be numerous geopolitical and economic risks if the steps are not taken. That is why in May, 2012 Ministry for Development of Russian Far East was established. According to the expert s, up to 700 billion dollars (30% of Russia's GDP) were needed for the modernization of Russian Far East, while the federal budget allocates annually only \$3 billion annually.

The government has introduced a program of incentives for ethnic Russians from Central Asia to move to the Russian Far East. The federal authorities have also tried to mitigate the problem of the vast distance between the Far East and European Russia: Vladivostok, on the Pacific Ocean, is a seven-day train ride from Moscow, and seven time zones away. So, the Russian government has subsidized airfares for some Russians in the Far East to travel to Moscow. There was an attempt even to decrease the number of time zones in the country to three or four so that businesspeople and bureaucrats at both ends of the country could work more easily together. One of the recent solutions of the demographic problem was so-called "homestead act". Free land (1 hectare) was offered free to anyone willing to move from the western Russia to the Far East and to the residents of the region. The authorities expected this act to be a good start in a private business like forestry, farming, game fishing and hunting, etc. Unfortunately, this initiative has not created any enthusiasm among people. The free homesteads are far more likely to attract Chinese pioneers than increasingly city-oriented Russians.

Vladivostok, which is considered to be the country's 'Gateway to the Pacific,' hosted the Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC) summit in 2012. The idea of the event was to boost the integration of the Russian Far East with the economic powerhouses of northern Asia. That summit was the reason to lavish at least \$21 billion on building roads, bridges, airport terminals, universities and business districts [2].

On May 29, 2015 the International Conference "Russia and China: a New Partnership in the Changing World" was held. It gathered about 500 participants who represented different areas of life: Russian and Chinese governments, expert community and civil society. It was noted that the foreign trade turnover of the Far Eastern regions with China is more than 10

billion US dollars. Cooperation with the Chinese partners is perspective and beneficial. Joint programs between the Far East regions and Northeast China are implemented. But only 10 out of 30 of them are in the active productive stage. The current level of trade, investment and economic interaction between the Russia and China is not satisfying and has to be intensified. Considering the situation with the sanctions on the western markets, Russia is interested in prospective cooperation with China.

Innovative initiatives on the creation of fast-track development territories, implementation of Free Port Vladivostok project and state support for investment projects will be discussed in detail at East Russia Economic Forum in Vladivostok from September 3 to September 5, 2015. In the Far East, nine approved fast-track development territories are being created, and at least three of them have Chinese residents. Thus, the first foreign investor of FDT Khabarovsk was the company Baoli Bitumina. Chinese investors intend to build two compact building material production plants in FDT Kangalassy (Yakutiya). At the same time, Sirius Group, as well as becoming a resident of FDT Priamurskaya, wants to take part in the management of this territory in the Amur region. Mr. Shereiin also recalled the law prepared by the ministry on the Free Port Vladivostok. This new Free Port regime will include the international transport corridors Primorye-1 and Primorye-2 (from North-Eastern China to the Pacific ports of Russian Primorye). This will make cargo transit as simple as possible as well as the entrance of our Chinese and other partners in the southern part of the Primorsky Region.

There is considerable scope for cooperating on technology and innovation and therefore making use of growth prospects that are going to unfold for the countries.

One of the reasons of slow cooperation of the two countries is bad cross-border infrastructure. A few projects of construction of bridges connecting some regions of the countries will intensify economic and cultural ties. The 2,215-metre bridge Nizhneleninskoye (Jewish Autonomous Region) — Tongjiang (PRC) will be put in motion. The project of the Russian-Chinese Investment Fund, it will make it possible to handle 21 million tons of cargo traffic annually and will be finalized by 2016. China has already invested about \$153.7 million in the project with its total investment expected to be \$425 million. The new route will reduce the distance to customers by about 700 kilometers compared to other rail routes. Moreover, today the projects of construction of similar bridges in Blagoveshchensk and Poltavka in Primorsky region are considered as well. The framework of bilateral agreements was considered to be prospective. For example, Great

Ussuriysk island development plan was based on the principle “one island — the two countries.”

One of the major areas of cooperation for the countries is energy security. Russia is an energy surplus country, whereas, China is energy deficient. At present, around 80 percent of China’s energy is imported from the Middle East and West Africa. New joint projects can facilitate the flow of oil and gas from Russia into China. About 80 % of China’s energy is imported from the Middle East and West Africa. In case of any conflict in these areas the supplies of the vital resources may be cut off, which represents a major strategic vulnerability for China. Closer economic cooperation in this area with Russia must help reduce this problem: oil and gas supplies will be provided via more easily protected and controlled overland pipelines.

There are important areas of cooperation in innovation and technology activities, entrepreneurial projects, education, skilled labor and manufacturing capability, cultural exchanges and space exploration. I would add the vital possibility to stem the shipment of drugs from Afghanistan to the West via cooperation between the FSKN (anti-narcotics agency in Russia) and the Chinese authorities. One more aspect of constructive cooperation between our countries should be reaching agreements on use and protection of water resources in cross-border rivers as well as establishing of cross-border nature reserves to protect biodiversity. China and Russia have also stepped up financial cooperation on such multilateral platforms as the Silk Road Fund and the Asia Infrastructure Development Bank.

More and more people realize that international cooperation will help develop the district. A recent research has shown that in the light of recent global developments, a growing number of Russians have a positive view towards China. According to a September 2014 poll conducted in 130 cities and 42 regions across Russia by the All-Russia Center for Public Opinion, 51 percent of Russians see China as Russia’s main geo-political ally, up from 23 percent in 2008. China is developing at a rapid pace and that it would be in Russia’s interests to invite the Chinese to jointly develop the border areas. Russia and China have had a long history of interaction, exchange, cooperation and close relationships. There have also been periods of near-total breakdown and actual hostilities. However, what has become clear to state that in the Russian Far East there is a good deal of Sinophilia. Russian public opinion with attitudes towards China is rapidly improving as those towards the West have soured. Indeed, according to an opinion survey conducted by the Levada Center in January 2015, a full 81 percent of Russians now regard the United States negatively whilst 80 percent have positive views of China. Each figure is the highest recorded in the history of the survey [3].

References

1. Немировская А.В. Ожидаемая модернизация регионов Дальневосточного федерального округа. URL: <http://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/144087425>
2. «Саммит АТЭС по-русски: дело тонкое». URL: <http://top.rbc.ru/story/634152.shtml>
3. Эксперт: партнерство России и Китая — залог многополярного мира // РИА Новости. URL: <http://ria.ru/world/20140520/1008561233.html>.

Список литературы, подготовленный Алтайской краевой универсальной научной библиотекой им. В.Я. Шишкова*

«Алтай — Азия 2014», международный образовательный форум (2014; Барнаул). II Международный образовательный форум «Алтай — Азия 2014» «Евразийское образовательное пространство: новые вызовы и лучшие практики», 25–26 сентября 2014 г., Барнаул : сборник материалов / [редкол.: С. В. Землюков и др.]. — Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. — 379 с.

Dadabaeva, Z. A. Transformation processes in Central Asia on the background of intraregional conflicts / Z. A. Dadabaeva = Трансформационные процессы в Центральной Азии на фоне внутрирегиональных конфликтов // Право и политика. — 2015. — № 4. — С. 454–460.

Аванесова, Г. А. Теория локальных цивилизаций и практика глобальных межкультурных взаимодействий / Г. А. Аванесова // Социально-гуманитарные знания. — 2015. — № 2. — С. 230–241.

Аванесова, Г. А. Теория локальных цивилизаций и практика глобальных межкультурных взаимодействий / Г. А. Аванесова // Социально-гуманитарные знания. — 2015. — № 1. — С. 236–246.

Ан, Е. А. Пространственная интеграция науки, образования, производственных систем трансграничных территорий / Ан Евгений Алексеевич ; М-во сел. хоз-ва Рос. Федерации, ФГБОУ ВПО Алт. гос. аграр. ун-т, Нац. исслед. Казах. техн. ун-т. — Барнаул : Азбука, 2012. — 415 с.

Ан, Е. А. Формирование базиса пространственно локализованной инновационной подсистемы трансграничных регионов : автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра экон. наук/ Ан Е. А. ; [Алт. гос. аграр. ун-т]. — Барнаул : [б. и.], 2015. — 54 с.

Ангапова, О. Б. Классификация приграничных регионов Российской Федерации / О. Б. Ангапова // Вестник Бурятского государственного университета. — 2014. — Вып. 2: Экономика. Право. — С. 76–80.

Балакин, В. И. Восточноазиатская интеграция как объективный процесс межкультурного соперничества / В. И. Балакин // Проблемы Дальнего Востока. — 2014. — № 6. — С. 81–85.

Барина, Е. Б. Этнокультурные отношения Китая с народами Центральной Азии в древности и Средневековье / Е. Б. Барина //

* Составитель — А.Н. Левкович, главный библиотекарь читального зала общественно-научной литературы АКУНБ им. В. Я. Шишкова.

Вестник РГГУ. – 2014. – № 13: Серия «Исторические науки. Всеобщая история». – С. 23–36.

Башкуева, Е. Ю. Потенциал сотрудничества приграничных муниципальных образований Забайкальского края и сопредельных территорий Китая : (Приаргунский и Забайкальский районы) / Е. Ю. Башкуева, Н. И. Атанов // ЭКО. – 2014. – № 11. – С. 55–69.

Беляева, Е. Е. Культурная интеграция как основная стратегия культурной политики Европейского союза : монография / Е. Е. Беляева ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. проф. образования «Моск. пед. гос. ун-т». – Москва : МПГУ : Прометей, 2012. – 97 с.

Бердигалиева, Р. А. «Приграничный Е-архив» – проект освоения общего культурного наследия Эстонии, Латвии и России / Р. А. Бердигалиева/ В. Э. Шталс //Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии. – 2014. – № 3. – С. 20–21.

Библиотека и культурное многообразие : материалы Ежегодного совещания руководителей федеральных и центральных региональных библиотек России (Санкт-Петербург, 25-26 октября 2011 г.) / [сост.: И. А. Трушина, Н. Ю. Кузина]. – Санкт-Петербург : Изд-во РНБ, 2012. – 128 с.

Библиотечное обслуживание полиэтнического населения региона : культурная компетентность библиотекаря : справ. пособие / Рос. нац. б-ка ; [сост. Л. Д. Данильянц, В. С. Крейденко]. – Санкт-Петербург : Изд-во РНБ, 2009. – 166 с.

Большой Алтай – перекресток цивилизаций : материалы VII Междунар. конф. по науч.-техн., экон. и культур. сотрудничеству в регионе (г. Белокуриха, Алт. край, 20–21 мая 2013 г.). – Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2014. – 157 с.

Браславский, Р. Цивилизационный анализ и советский модерн / Р. Браславский, М. Масловский //Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. – 2014. – № 6 (98) (ноябрь–декабрь). – С. 45–55.

Вардомский, Л. Б. Российское порубежье в условиях глобализации / Л. Б. Вардомский; Рос. акад. наук, Ин-т экономики. – Москва : URSS: ЛИБРОКОМ, 2009. – 212 с.

Взаимодействие культур в условиях глобализации : [материалы междунар. науч. конф., посвящ. памяти Гейдара Алиева (Москва, 15–16 июня 2009 г.)] / [под общ. ред. Н. М. Мамедова, А. Н. Чумакова ; сост. и отв. ред. А. А. Гезалов, И. Р. Мамед-заде]. – Москва : Канон+, 2010. – 527 с.

Вильчак, Я. Калининград : россияне, которым до нас ближе всего / Я. Вильчак // Новая Польша. – 2013. – № 12. – С. 35–37.

Владимирова, Т. Е. Призванные в общение : русский дискурс в межкультурной коммуникации / Т. Е. Владимирова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва : URSS, 2010. – 299 с.

Воронченко, Т. В. Трансформация культуры пограничья в эпоху глобализации / Т. В. Воронченко, авт. Н. Н. Сокольских // Гуманитарный вектор. – 2012. – № 3 (31). – С. 187–192.

Глазырина, И. П. Восточное приграничье России : проблема сохранения человеческого капитала / И. П. Глазырина, Л. М. Фалейчик // ЭКО. – 2014. – № 11. – С. 5–19.

Го Син Путешествие товаров по Шелковому пути / Го Син // Китай. – 2014. – № 7. – С. 38–41.

Гордеева, С. В. Языковая компетенция потомков русских эмигрантов в приграничном Китае во втором поколении / С. В. Гордеева // Вестник Воронежского государственного университета. – 2014. – № 3. – С. 76–78.

Горный Алтай : проблемы билингвизма в поликультурном пространстве : [материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Горно-Алтайск, 28-30 июня 2011 г.] : сб. науч. ст. / [отв. ред. Н. И. Черкаева]. – Горно-Алтайск : РИО ГАГУ, 2011. – 243 с.

Горы Алтая-трансграничная биосферная территория устойчивого развития : [материалы конф., Новосибирск, 12-16 марта 2002 г.]. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2002. – 179 с.

Гражданская идентичность и социальная интеграция этнических сообществ в полиэтнической среде приграничных регионов России : сб. материалов [Междунар. науч. конф., 25 декабря 2014 г./ редкол.: А. А. Экарт и др.]. – Барнаул : Концепт, 2015. – 294 с.

Гражданская идентичность и социальная интеграция этнических сообществ в полиэтнической среде приграничных регионов России : сб. материалов [Междунар. науч. конф., 25 декабря 2014 г./ редкол.: А. А. Экарт и др.]. – Барнаул : Концепт, 2015. – 294 с.

Гуленко, В. В. Интегральные типы современных цивилизаций / В. В. Гуленко // Менеджмент и кадры: психология управления, соционика и социология. – 2014. – № 1. – С. 18–24.

Дальневосточное пограничье : культурное и информационное сотрудничество: материалы науч.-практ. конф., 5-6 окт. 2004 г./ Вторые Муравьевские чтения ; [сост. И. В. Дымова]. – Благовещенск, 2005. – Ч. 2. – 2005. – 83 с.

Дейнеко, Л. В. Трансграничное сотрудничество в системе управления региональным развитием: европейский опыт и украинская практика / Л. В. Дейнеко, Э. И. Шелудько//Регион: экономика и социология. – 2014. – № 4. – С. 203–219.

Десять лет международного студенческого сотрудничества на Алтае, 2002–2012 гг. : (доклады студентов и преподавателей-экспертов). – Барнаул : АКОФ «Алтай – 21 век», 2012. – 171 с.: ил.

Древности Сибири и Центральной Азии. – Горно-Алтайск : РИО ГАГУ, 2009. – № 6 (18) : Межкультурный диалог на евразийском пространстве : [сб. материалов междунар. науч. конф., Горно-Алтайск, 22–25 октября 2013 г. / отв. ред.: В. Г. Бабин, В. И. Соенов]. – 2013. – 195 с.

Журавская, Т. Н. Конфигурация и функционирование социальных сетей в приграничном регионе / Т. Н. Журавская // Пространственная экономика. – 2014. – № 3. – С. 67–94.

Изотов, Д. А. Сотрудничество российского Дальнего Востока со странами Северо-Восточной Азии / Д. А. Изотов // Пространственная экономика. – 2014. – № 2. – С. 188–190.

Информационно-коммуникативное пространство : перспективные векторы развития учреждений культуры региона : материалы заочной конф., 27 февраля – 2 марта 2015 г. / [редкол. : Р. А. Трофимова и др. ; ред.-сост. А. А. Фомина]. – Барнаул : Изд-во Алт. гос. акад. культуры и искусств, 2015. – 179 с.

Казахи и русские : сохранение и развитие национальной культуры и языка в диаспорных условиях : сборник материалов круглого стола, Барнаул, 17 апреля. 2013 г. / [редкол.: Волохов С. П. и др.]. – Барнаул : АлтГПА, 2013. – 49 с.

Калугина, З. И. Человеческий потенциал развития приграничных регионов Сибири / З. И. Калугина // ЭКО. – 2014. – № 11. – С. 70–87.

Касенова, М. Б. Трансграничное управление интернетом : основные термины и понятия / М. Б. Касенова // Юридический мир. – 2014. – № 2. – С. 58–63.

Кириллова, О. Культурное пограничье в творчестве Иво Андрича. К проблеме коммуникации я/другие/ О. Кириллова // Итоги литературного развития в XX веке в проблемно-типологическом освещении. Центральная и Юго-Восточная Европа : [сб. ст.]/ Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения ; [редкол.: Ю. В. Богданов (отв. ред.) и др.]. – Москва : Индрик, 2006. – С. 244–256.

Кирюхин, А. М. Приграничный белорусско-российско-украинский университетский консорциум как отражение интеграционных процессов на постсоветском пространстве / А. М. Кирюхин // Информационно-библиотечный центр Тюменского государственного университета. – 2013. – № 2. – С. 182–186.

Козулин, В. Н. Россия и Запад. Очерки истории взаимодействия культур : монография / В. Н. Козулин ; М-во образования и науки РФ, Алт. гос. ун-т. – Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2015. – 147, [2] с.

Кондратьева, Н. Россия – ЕС: трансграничное сотрудничество вне конъюнктуры / Н. Кондратьева // Современная Европа. – 2014. – № 4. – С. 33–47.

Константы культуры России и Монголии: очерки истории и теории : монография / Рос. гуманитар. науч. фонд, Каф. ЮНЕСКО Алт. гос. техн. ун-та им. И. И. Ползунова, Ховд. гос. ун-т (Монголия) ; [под общ. ред. Шишина М. Ю., Макаровой Е. В.]. – Барнаул : Алт. дом печати, 2010. – 313 с.

Королев, А. С. Проблемы в образовательной сфере между Волгоградским государственным университетом и университетами Республики Казахстан на современном этапе / А. С. Королев // Известия Волгоградского государственного технического университета. – 2014. – № 16. – С. 133–136.

Костин, А. И. Круглый стол «Проблемы глобальной политики в контексте кризиса цивилизаций» / А. И. Костин, рец. И. А. Чихарев, рец. О. В. Столетов // Вестник Московского университета. – 2014. – № 1. – С. 116–121.

Костяев, А. И. Новороссия как социокультурный феномен. Коды и смыслы / А. И. Костяев // Вопросы культурологии. – 2015. – № 1 (январь). – С. 98–102.

Кристаллинский, Л. Б. Великое княжество Финляндское и Царство Польское как приграничье России : практика обеспечения государственной безопасности / Л. Б. Кристаллинский // Социально-гуманитарные знания. – 2014. – № 5. – С. 269–281.

Кристаллинский, Л. Б. Пограничное пространство России: современные особенности и динамика изменения этнического состава / Л. Б. Кристаллинский // Вестник Поволжской академии государственной службы. – 2013. – № 5. – С. 18–23.

Кристаллинский, Л. Б. Пограничное пространство Российской Федерации: связь этнических особенностей регионов с государственной безопасностью / Л. Б. Кристаллинский // Власть. – 2014. – № 1. – С. 12–16.

Крюков, В. А. Растущая периферия / В. А. Крюков // ЭКО. – 2014. – № 11. – С. 2–4.

Кудрявцева, Ю. В. Двустороннее сотрудничество как фактор развития туризма в приграничных территориях / Ю. В. Кудрявцева // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. – 2014. – № 1. – С. 123–130.

Культура в евразийском пространстве : традиции и новации : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 40-летию Алт. гос. акад. культуры и искусств и 70-летию Победы в Великой Отечеств. войне, 8–9 апр. 2015 г. / [редкол.: В. И. Матис (гл. ред.) и др.]. – Барнаул : Изд-во Алт. гос. акад. культуры и искусств, 2015. – 283 с.

Культура приграничья : содействие межэтническому согласию // Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии. – 2012. – № 2. – С. 23.

Культура трансграничной области на Алтае как основание архитектурного и художественного образования : науч.-практ. конф. с междунар. участием : сб. ст. / [отв. ред. М. Ю. Шишин]. – Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2013. – 215 с.

Курас, Л. В. Регионы Сибири и Монголия : проблемы и перспективы приграничного сотрудничества / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Власть. – 2013. – № 7. – С. 188–192.

Курбанов, Р. А. Еврорегионы как европейская форма региональной интеграции / Р. А. Курбанов // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. – 2015. – № 2. – С. 131–133.

Кычанов, Е. И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров) / Е. И. Кычанов ; Рос. акад. наук, Ин-т вост. рукописей. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург : Петерб. лингвист. о-во, 2010. – 360, [3] с., [4] л. цв. ил.: ил. – (Nomadica: исследования по истории и культуре кочевых народов Евразии).

Леконцева, К. В. Особенности региональных практик трансграничного образования: результаты качественного исследования / К. В. Леконцева // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2014. – № 4 (107). – С. 109–116.

Лепехов, С. Ю. Исторический опыт взаимодействия народов и цивилизаций / С. Ю. Лепехов // Восток. – 2012. – № 1. – С. 139–148.

Лукашевич, А. М. Западный пограничный регион в военно-стратегических планах Российской империи (конец XVIII в. – 1812 г.): в 3 кн. / А. М. Лукашевич. – Минск : ИВЦ Минфина, 2012 – Кн. 1 : Политическая ситуация по данным служб разведки и контрразведки. – 2012. – 357, [1] с., [8] л. цв. ил., портр., карт.

Лукашевич, А. М. Западный пограничный регион в военно-стратегических планах Российской империи (конец XVIII в. – 1812 г.): в 3 кн./ А. М. Лукашевич. – Минск : ИВЦ Минфина, 2012 – Кн. 2 : Изучение, инженерная и топографическая подготовка театра войны. – 2012. – 357, [1] с., [8] л. карт.

Матис, В. И. Культура межнационального общения : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подгот. 071800 –

«Социально-культурная деятельность» (квалификация «бакалавр», «магистр») / В. И. Матис ; М-во культуры Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. проф. образования «Алт. гос. акад. культуры и искусств». – Барнаул : Изд-во Алт. гос. акад. культуры и искусств, 2013. – 399 с.

Межкультурная коммуникация и СМИ : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. / [редкол.: О. С. Саланина и др.]. – Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2013. – 87 с.

Межкультурная коммуникация и СМИ : материалы междунар. науч.-практ. конф. / [редкол.: О. С. Саланина и др.]. – Барнаул : Изд-во АГУ, 2010. – 221, [1] с.

Мещанинов, М. Б. Регионы России в торгово-экономическом сотрудничестве с Монголией / М. Б. Мещанинов ; Рос. акад. наук, Ин-т экономики. – Москва : URSS: ЛИБРОКОМ, 2009. – 164 с.

Миграции в эпоху глобализации / [Е. А. Анохина и др. ; редкол.: Ю. Г. Чернышов (отв. ред.) и др.] ; М-во образования и науки РФ, Алт. гос. ун-т. – Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. – 155 с.

Михалев, А. В. «Мягкая сила» современной Монголии и приграничные регионы России / А. В. Михалев // Россия и современный мир. – 2014. – № 1. – С. 93–101.

Муравлев, А. С. Неизвестный Алтай. Трансграничный маршрут : путешествие вокруг Алтайских гор по территории четырех стран / Анатолий Муравлев. – Барнаул : Алтай, 2012. – 234, [1] с.

Нагайцева, Е. А. Миграционные процессы в приграничном агропромышленном регионе России в годы реформ: тенденции, механизмы и проблемы регулирования : (опыт социол. анализа в Алт. крае в 1990–2002 гг.) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. социол. Наук / Е.А. Нагайцева. – Барнаул : Б. и., 2004. – 19 с.

Наркотизация в приграничном регионе России : вызовы, риски, угрозы / [С. Г. Максимова и др. ; под общ. ред. С. Г. Максимовой] ; Федер. агентство по образованию, Алт. гос. ун-т. – Барнаул : Изд-во АГУ, 2009. – 364, [1] с.

Народонаселение Сибири : стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII – начало XX века) : сб. ст./ Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т археологии и этнографии [и др. ; редкол.: А. В. Бауло (отв. ред.) и др.]. – Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. – 363 с. – (Этнография Сибири. Исследования и материалы – 2008).

Нееф, К. «Западный Берлин» Украины / К. Нееф ; пер.: В. Широков, [фото: В. Брайдов]. – (Der Spiegel) //Профиль. – 2015. – № 9 (898). – С. 41–44.

Новиков, А. Н. Гуманитарно-географические формы проявления трансграничной дополнительной / А. Н. Новиков // Гуманитарный вектор. – 2014. – № 2 (38). – С. 165–171.

Окунев, И. Ю. Наложение пространственных идентичностей в приграничных городах России / И. Ю. Окунев, Л. С. Жирнова // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. – № 6. – С. 324.

Осадчая, О. П. Основные формы организации приграничного сотрудничества: / О. П. Осадчая, Д. В. Ремизов. – Рубцовск : Рубц. индустр. ин-т, 2013. – 155 с.: ил.

Особенности формирования населения приграничных территорий Сибири / С. В. Соболева [и др.] // ЭКО. – 2014. – № 11. – С. 20–35.

От диалога культур – к гражданскому обществу : III Муравьевские чтения : материалы междунар. науч.-практ. конф., 20–21 июня 2006 г. : [доклады и сообщения / сост. И. В. Дымова]. – Благовещенск : АОНБ, 2006. – 92 с.

Павлов, П. В. Особые административно-правовые режимы осуществления внешнеторговой деятельности: проблемы и перспективы / П. В. Павлов. – Москва : Норма, 2012. – 366 с. : табл.

Панарин, С. А. Трансграничные вызовы и угрозы национальному государству / С. А. Панарин // Восток. – 2013. – № 6. – С. 131–133.

Пермякова, Е. С. Развитие приграничного агропромышленного региона в контексте экономической интеграции с сопредельными территориями : (на материалах Алт. края) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. экон. наук / Пермякова Е. С. ; [Алт. гос. техн. ун-т им. И. И. Ползунова]. – Барнаул : [б. и.], 2012. – 23, [1] с.: табл.

Перспективы межрегионального и приграничного сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств // Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии. – 2012. – № 1. – С. 16–18.

Полозков, М. Современные угрозы экономической безопасности приграничных территорий / М. Полозков, Н. Елифанова // Государственная служба. – 2015. – № 1. – С. 88–92.

Приграничные и трансграничные территории Азиатской России и сопредельных стран : (проблемы и предпосылки устойчивого развития) / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Байкал. ин-т природопользования, Ин-т вод. и экол. проблем, Ин-т географии, Ин-т природ. ресурсов, экологии и криологии, Тувин. ин-т комплекс. освоения природ. ресурсов, Дальневосточ. отд-ние, Тихоокеан. ин-т географии, Ин-т комплекс. анализа регион. проблем, Урал. отд-ние, Ин-т степи ; отв. ред. П. Я. Бакланов, А. К. Тулохонов. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2010. – 598, [10] с.: ил., карты, табл. – (Интеграционные проекты СО РАН; вып. 23).

Приграничный агропромышленный регион: предпосылки и перспективы экономической интеграции / И. Н. Сычева [и др.] ; Алт. ин-т финансового управления, Алт. гос. техн. ун-т им. И. И. Ползунова, Кубан. гос. аграр. ун-т. – Барнаул : Азбука, 2013. – 197 с.

Проблемы и практика межрегионального сотрудничества и приграничной торговли : Тезисы докл. и док. Межрегион. Совещания / [Междунар. выставка-ярмарка пригранич. торговли «Сибирь-Азия 98», Адм. Алт. края, Адм. г. Рубцовска и др.] ; Редкол.: А. В. Попов (отв. ред.) и др. – Рубцовск : Изд-во АГУ, 1998. – 132 с.

Проблемы истории России : сб. науч. тр./ Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького, Каф. истории России, НППМ "Волот"; [Редкол.: А.Т. Шашков (отв. ред.) и др.]. – Екатеринбург: Волот. Вып. 4: Евразийское пограничье. – 2001. – 378 с.

Прозорова, Ю. А. Постсоветские трансформации в России : цивилизационно-аналитический подход / Ю. А. Прозорова //Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. – 2014. – № 6 (98) (ноябрь–декабрь). – С. 56–67.

Пространственно-временные перекрестки культуры : сб. ст. и материалов всерос. науч. конф. с междунар. участием «Человек и мир человека», 30–31 октября 2008 г. / [редкол.: С. К. Севастьянова (отв. ред.) и др.]. – Рубцовск ; Барнаул : Изд-во АГУ, 2009. – 432 с.

Протопопова, Е. Н. Приграничные библиотеки: сотрудничество в интересах инновационного развития региона / Е. Н. Протопопова // Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии. – 2012. – № 4. – С. 30–31.

Пряженникова, М. В. Особенности культурных процессов в Забайкалье и Северном Китае в 1920–1930-е гг. / М. В. Пряженникова // Гуманитарный вектор. – 2013. – № 3 (35). – С. 99–103.

Райкова, Г. А. Межгосударственный круглый стол «Через библиотеку к согласию народов: диалог продолжается» / Г. А. Райкова // Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии. – 2012. – № 3. – С. 8.

Рассторгуев, В. О планетарной войне и толерантной нации / В. Рассторгуев // Молодая гвардия. – 2014. – № 1/2. – С. 3–9.

Ремизов, Д. В. Организационно-экономические аспекты развития приграничного сотрудничества регионов России : (на материалах Алтайского края) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. экон. наук / Р. Д. Валерьевич ; [Рубцов. индустр. ин-т (фил.), Алт. гос. техн. ун-т им. И. И. Ползунова]. – Барнаул : [б. и.], 2013 (Рубцовск). – 25 с.

Рожков, В. П. Нравственные основания субъекта межкультурного диалога России и Китая / В. П. Рожков // Известия Саратовского университета. Новая серия. – 2014. – Вып. 2. – С. 39–43.

Романова, Н. П. Трансграничный регион : эволюция теоретико-методологических подходов / Н. П. Романова, К. В. Леконцева // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2013. – № 6 (97). – С. 95–105.

Российско-Украинское пограничье : двадцать лет разделенного единства : [сборник] / Рос. акад. наук, Ин-т географии РАН; под ред. В. А. Колосова и О. И. Вендиной. – Москва : Новый хронограф, 2011. – 348, [3] с.: ил., карты. – (Социальное пространство).

Россия – Восток – Запад : [сб. ст.] / Рос. акад. наук, Отд-ние лит. и яз. ; [редкол.: Н.И. Толстой (отв. ред.) и др.]. – Москва : Наследие, 1998. – 423 с.

Россия в диалоге культур / [В. М. Межуев и др. ; редкол.: А. А. Гусейнов и др.] ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – Москва : Наука, 2010. – 430, [2] с.

Россия и Китай : четыре века взаимодействия : история, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / [А. И. Денисов и др.] ; под ред. А. В. Лукина; Дипломат. акад. МИД России. – Москва : Весь Мир, 2013. – 701, [1] с.

Садохин, А. П. Межкультурная коммуникация : учебное пособие по дисциплине «Культурология» / А. П. Садохин. – Москва : Альфа-М : ИНФРА-М, 2010. – 286, [1] с.

Сибирь в структуре трансасиатских связей : проблемы приграничной торговли и межрегионального взаимодействия : док. и материалы междунар. науч.-практ. конф. (в рамках второй междунар. выставки-ярмарки приграничной торговли «Сибирь-Азия. Сотрудничество без границ»), Барнаул, 31 окт. – 1 нояб. 2000 г. / Адм. Алт. края, Лаб. «Россия и Восток» Барнаул. гос. пед. ун-та, ЗАО «Алт. Ярмарка» ; [редкол.: В. С. Бойко (отв. ред.) и др.]. – Барнаул : ОАО «Алт. полигр. комб.», 2000. – 277 с.

Сибирь, Центральная Азия и Дальний Восток : взаимодействие народов и культур: вторые науч. чтения памяти Е.М. Залкинда, 20 мая 2005 г. : [сб. ст./ под ред. В.А. Моисеева]. – Барнаул : Азбука, 2005. – 333 с.

Силюк, Т. Сотрудничество без границ / Т. Силюк / Т. Силюк; беседовал Д. Мороз. – (Инновации и инвестиции) // Наука и инновации. – 2015. – № 1. – С. 37–38.

Соболева, С. В. Миграция населения в приграничных регионах Сибири / С. В. Соболева, Н. Е. Смирнова, О. В. Чудаева // ЭКО. – 2014. – № 8. – С. 18–31.

Современные трансформационные процессы в регионах Большого Алтая / [Ю. И. Винокуров и др.] ; отв. ред. Ю. И. Винокуров ; Рос.

акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т вод. и экол. проблем. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2014 (Барнаул). – 246 с.: ил. + 1 отд. л. карт.

Сорокина, Н. В. Национальные стереотипы в межкультурной коммуникации : монография / Н. В. Сорокина. – Москва : РИОР : ИНФРА-М, 2014. – 263, [1], II, [1] с.

Социальная безопасность населения юга Западной Сибири/ [под ред. Я. Н. Ишутина, Б. М. Редина]. – Барнаул : Азбука, 2003 – Вып. 12: Безопасность населения и территорий Алтайского края: материалы V междунар. науч.-практ. конф. «Снижение рисков и смягчение последствий чрезвычайн. ситуаций природ. и техноген. характера – приоритетные направления обеспечения соц. безопасности населения юга Зап. Сибири. Комплекс. безопасность и антитеррорист. защищенность региона на примере Алт. Края», г. Барнаул, 7 дек. 2007 г. – 2007. – 345 с.: ил.

Социальная интеграция и демографическая безопасность приграничных регионов России : проблемы старения, репродуктивного здоровья и миграции : сб. материалов [междунар. науч. Мероприятий / редкол.: В. А. Труевцев и др.]. – Барнаул : ИП Колмогоров И. А., 2013. – 341 с.

Социальное качество и структура смысловых ориентаций подростков российско-монгольского приграничья на Алтае : (опыт пилотного исследования Международного российско-монгольского проекта) / С. И. Григорьев [и др.] // Уровень жизни населения регионов России. – 2013. – № 9. – С. 70–77.

Социально-политические и культурные проблемы современности : сб. ст./ отв. ред. А. В. Головинов, Д. С. Петров. – Барнаул ; Алейск : Сизиф, 2011 – Вып. 1: к 100-летию со дня рождения Г. Алмонда. – 2011. – 164 с.

Социальный капитал гражданского общества: состояние и перспективы развития сектора негосударственных некоммерческих организаций в приграничных территориях современной России / [Максимова С. Г. и др. ; под общ. ред. С. Г. Максимовой]. – Барнаул : ИП Колмогоров И. А., 2014. – 230 с.: ил., табл.

Спирин, П. П. Проблемы и перспективы устойчивого развития приграничных территорий Алтайского края : (на примере Локтев. р-на) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. геогр. наук/ Спирин П. П. – Барнаул : [б. и.], 2007. – 23 с.

Традиции межнационального взаимодействия как профилактика рисков поликультурного пространства приграничного района / Е. В. Конькина [и др.] // Мир образования – образование в мире. – 2014. – № 4 (56). – С. 40–48.

Трансграничное сотрудничество: экономические и социально-гуманитарные аспекты развития Большого Алтая : материалы междунар. науч.-практ. конф., 28-31 августа 2010 г., Барнаул–Белокуриха / [под общ. ред. проф. Н. М. Никонova]. – Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2010. – 162 с.

Трансграничный Большой Алтай : оценка природного и историко-культурного потенциала для архитектурно-градостроительного проектирования / С. Б. Поморов [и др.] ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Алт. гос. техн. ун-т им. И. И. Ползунова. – Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2015. – 211 с.

Трансграничный терроризм : угрозы безопасности и императивы международного сотрудничества : латиноамериканский вектор / [Б. Ф. Мартынов и др. ; отв. ред. Б. Ф. Мартынов ; Рос. акад. наук, Ин-т Латин. Америки]. – Москва : Наука, 2006. – 236,[1] с.

Фадеева, О. П. Приграничные сельские территории Забайкалья : развитие или деградация? (заметки социолога) / О. П. Фадеева // ЭКО. – 2014. – № 11. – С. 36–54.

Филология и культура в трансграничном регионе «Алтай-Монголия» : полевые и лингвокультурологические исследования / Л. М. Дмитриева [и др.] ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Алт. гос. ун-т. – Барнаул : Азбука, 2012. – 219 с.

Формирование межкультурной, межконфессиональной, межнациональной компетентности, противодействие экстремизму в молодежной среде. Гражданско-патриотическое и правовое воспитание молодежи в современной России : материалы регион. науч.-практ. конф., апр. 2007 г. / Новосиб. гос. аграр. ун-т ; [редкол.: Е. А. Романькова (отв. ред.) и др.]. – Новосибирск : НГАУ, 2007. – 115 с.

Фролова, Е. А. Дальневосточные субъекты Российской Федерации как акторы контактности и барьерности границы / Е. А. Фролова // Власть. – 2014. – № 8. – С. 51–57.

Фролова, Е. А. Направления и формы трансграничного сотрудничества в пограничном пространстве Дальневосточного федерального округа и условия его реализации / Е. А. Фролова // Власть. – 2014. – № 10. – С. 91–98.

Харин, А. Н. Межцивилизационные пространства : Промежуточный регион или Великий лимитроф? / А. Н. Харин // Власть. – 2014. – № 1. – С. 152–156.

Хышиктуев, О. В. Правовая природа зарубежных связей субъектов Российской Федерации / О. В. Хышиктуев, А. В. Акчурина // Российская юстиция. – 2014. – № 10. – С. 12–14.

Цветкова, О. В. Феномен государственной границы / О. В. Цветкова // Власть. – 2014. – № 8. – С. 66–69.

Черный, А. И. Противодействие незаконной миграции и преступности мигрантов в приграничных регионах / А. И. Черный // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 4. – С. 169–171.

Чойропов, Ц. Ц. Трансграничное пространство и миграционные процессы (на материалах Республики Бурятия и Монголия) / Ц. Ц. Чойропов // Известия Волгоградского государственного технического университета. – 2014. – № 16. – С. 79–81.

Чужой и культурная безопасность / А. П. Романова [и др.]. – Москва : РОССПЭН, 2013. – 213, [1] с.

Экологические риски в трансграничном бассейне реки Иртыш / [Ю. И. Винокуров и др.] ; науч. ред. Ю. И. Винокуров; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т вод. и экол. проблем. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2014. – 159, [1] с.: ил., табл.

Этнокультурное взаимодействие народов в трансграничном пространстве Северной Азии : сб. науч. ст. памяти Якова Михайловича Кофмана / М-во образования и науки РФ, Алт. гос. ун-т ; [отв. ред.: Ю. М. Гончаров, Л. В. Кальмина]. – Барнаул : ИП Колмогоров И. А., 2013. – 225 с., [1] л. портр.

Ю Шаньшань Настоящее и прошлое Шелкового пути / Ю Шаньшань // Китай. – 2014. – № 7. – С. 26–27.

Юрченков, Е. М. Проблемы развития трансграничного туризма в Алтайском регионе/ Е. М. Юрченков // Туристско-рекреационные ресурсы Алтайского региона : проблемы и перспективы использования : материалы II междунар. науч.-практ. конф. (Барнаул, 15–16 нояб. 2006 г.) / [редкол.: С. Е. Цыганова (отв. ред.) и др.]. – Барнаул : Изд-во Алт-ГАКИ, 2007. – С. 105–106.

Ящук, Т. Ф. Правовое обеспечение приграничного сотрудничества при реализации уровневой системы высшего образования : на примере Омской области и Республики Казахстан / Т. Ф. Ящук // Право и образование. – 2013. – № 12. – С. 4–13.

Информация об Алтайской школе политических исследований

АШПИ возникла как общественное учреждение, зарегистрированное управлением юстиции Алтайского края 9 февраля 1996 г. Статус учебно-научной лаборатории Алтайского государственного университета Школа получила в 1998 г.

Директор АШПИ — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений АГУ, руководитель Алтайского отделения Российской ассоциации политической науки Юрий Георгиевич Чернышов. Заместитель директора — кандидат исторических наук, доцент Вячеслав Николаевич Козулин.

Деятельность Школы направлена на развитие межфакультетского и межвузовского сотрудничества в области политических наук. Главные принципы Школы — неангажированность, научность, демократизм. АШПИ стремится объединить ученых самых разных специальностей — историков, политологов, международников, социологов, экономистов, юристов и др. В работе Школы уже приняли участие десятки известных отечественных и зарубежных экспертов, докторов и кандидатов наук. В проектах Школы участвуют также представители власти, общественные деятели, предприниматели, журналисты. Студенты и аспиранты приобретают ценные практические навыки по организации научных конференций и проведению прикладных политологических исследований (в частности, в рамках молодежного отделения АШПИ — студенческой организации «Международник»).

Школа стремится сочетать в своей деятельности науку и практику, высокий профессионализм и активную гражданскую позицию.

Одно из главных направлений работы Школы — **проведение международных научно-практических конференций, издание сборников** по актуальным проблемам политической жизни.

Конференции, материалы которых были изданы в виде выпусков «Дневника АШПИ»:

28 мая 1996 г. — Тоталитаризм и его преодоление: актуальные уроки истории.

16 июля 1996 г. — Принципы самоуправления в федеральных системах России и Германии.

31 января 1997 г. — Власть и собственность: к итогам губернаторских выборов в России.

16–18 июля 1997 г. — Политическая система и политическая жизнь в современной России (проблемы федерального и регионального уровней).

27 января 1998 г. — Интеллигенция и власть.

17–18 июля 1998 г. — Становление гражданского общества в России: проблемы и перспективы.

30–31 июля 1999 г. — Роль парламента в демократическом государстве.

28 января 2000 г. — Интеллигенция и «новый авторитаризм».

16 мая 2000 г. — Становление демократического, правового, социального государства и профсоюзы: практика, проблемы, перспективы.

15–16 июля 2000 г. — Россия после выборов: перспективы экономического и политического развития.

10–11 февраля 2001 г. — Западная Сибирь: регион, экономика, инвестиции.

15–16 мая 2001 г. — Человек и мир работы: социально-политические, профессиональные, антропологические аспекты профсоюзной деятельности.

14–15 июля 2001 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития.

16–17 июля 2001 г. — Республика Алтай и реформы в экономике и федеративном устройстве России.

8 октября 2001 г. — Проблемы и перспективы сотрудничества третьего сектора с властью.

22 января 2002 г. — Реформа образования и гражданское общество.

2 июля 2002 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития. Вступление России в ВТО. Борьба с международным терроризмом. Женщина и политика.

1–2 июля 2003 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития. Постсоветское пространство: проблемы интеграции. Женщина и выборы.

29 апреля 2004 г. — Региональные выборы 2004 г. — волеизъявление народа или триумф технологий?

1–3 июля 2004 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (трансграничное сотрудничество и проблемы национальной безопасности).

1–2 июля 2005 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (национальная, региональная идентичность и международные отношения).

4–5 июля 2006 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (этноконфессиональные конфликты и вызовы XXI века).

27–28 сентября 2007 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (международный имидж России в XXI веке).

13–14 сентября 2008 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (роль российских регионов в формировании имиджа страны).

19–20 сентября 2009 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (роль политических лидеров в формировании имиджа страны и региона).

17–18 сентября 2010 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (Россия и Западная Европа: влияние образов стран на двусторонние отношения).

23–24 сентября 2011 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Разрешение межгосударственных конфликтов: актуальный опыт истории и современность).

20–21 сентября 2012 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Информационные войны в международных отношениях).

26–28 сентября 2013 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Запад и Восток: межкультурные взаимодействия и международные отношения).

25–27 сентября 2014 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Трансграничные мигранты и общество страны пребывания: взаимное восприятие и проблемы межкультурного взаимодействия).

28–30 сентября 2015 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Запад и Восток: регионы в трансграничном взаимодействии).

Кроме этого, Школа постоянно занимается **экспертной и просветительской работой** — организацией «круглых столов», чтением лекций, публикацией статей в газетах и т.д. Эксперты Школы много раз выступали в СМИ с оценками политической и международной ситуации. На телевидении и радио были проведены «круглые столы» на темы об итогах выборов в Государственную Думу, о президентских и губернаторских выборах, о многопартийной системе, о войне в Чечне, о Дне Независимости России, о национальной идее в России, о борьбе с терроризмом, о реформе избирательной системы, о соблюдении прав человека, о содержании различных законопроектов и т.д. Руководитель АШПИ представлял Алтайское отделение РАПН на Конгрессах политологов, проходивших в Москве; участвовал в работе Гражданского Форума в Москве и Санкт-Петербурге, в Конвенте РАМИ в МГИМО (У) МИД РФ и т.д.

Еще одно направление деятельности — **консультирование, проведение прикладных политологических исследований**. Во время выбо-

ров депутатов Государственной Думы, президентских и губернаторских выборов эксперты АШПИ неоднократно проводили фокус-группы, телефонные и анкетные опросы. Итоги большинства этих опросов опубликованы в печати.

Результаты научной деятельности АШПИ подробно представлены на интернет-сайте, где размещены тексты всех «Дневников АШПИ», а также отдельные статьи экспертов, материалы исследований, разнообразные информационные ресурсы. Этот сайт является победителем призового конкурса «Лучший сайт», проводившегося «Project Harmony» в рамках программы «Обучение и доступ к Интернет» в 2000 г., и 3-го регионального конкурса «Интернет — Мир без провинций» в 2001 г. В 2005 г. во Всероссийском конкурсе научных работ, проведенном Российской ассоциацией политической науки, «дневникам АШПИ» было присуждено второе место. В мае 2008 г. АШПИ — лауреат IV Интернационального конкурса «Имидж-директория» — была награждена Почетным дипломом в номинации «Проект года в имиджологической науке» за сборник «Дневник Алтайской школы политических исследований №23. Современная Россия и мир: альтернативы развития (международный имидж России в XXI веке).

АШПИ продолжает научно-просветительскую работу и приглашает к сотрудничеству всех, кто умеет самостоятельно мыслить, кто стремится сделать жизнь россиян более достойной и свободной.

Авторы статей, докладов и выступлений

Арляпова Елена Сергеевна

Кандидат политических наук, докторант кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД РФ, г. Москва

Арпентьева Мариям Равильевна

Кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры психологии развития и образования Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, г. Калуга

Аршинцева Ольга Алексеевна

Кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Барсуков Александр Михайлович

Кандидат политических наук, заместитель декана факультета политики и международных отношений Сибирского института управления — филиала РАНХиГС, г. Новосибирск

Бетмакаев Алексей Михайлович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Бикетова Екатерина Андреевна

Аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Бобров Денис Сергеевич

Аспирант кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Богословская Галина Викторовна

Аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Бородич Владимир Федорович

Кандидат юридических наук, заведующий Сектором исследования КПК и политической системы Китая Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока Российской академии наук, государственный советник Российской Федерации I класса, г. Москва

Бусленко Алиса Васильевна

Студентка географического факультета Алтайского госуниверситета, г. Барнаул

Вервекина Елена Андреевна

Аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Вилловых Анна Вячеславовна

Преподаватель кафедры социологии ФГКВБОУ ВПО «Военный университет», г. Москва

Гайкин Виктор Алексеевич

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВОРАН, г. Владивосток

Глазунов Дмитрий Александрович

Кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой востоковедения Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Головинов Александр Викторович

Кандидат философских наук, доцент кафедры политической истории Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Демидова Ирина Викторовна

Старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2 РЭУ им. Г.В. Плеханова, г. Москва

Демчик Евгения Валентиновна

Доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Дьяченко Алексей Юрьевич

Аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Заусаева Наталья Александровна

Кандидат философских наук, доцент кафедры политологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Исакова Снежанна Николаевна

Преподаватель кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Кан Ден Сик

Кандидат политических наук, доктор философии, доцент кафедры восточной филологии Киевского национального лингвистического университета, член Консультативного совета по вопросам мирного и демократического объединения Кореи, г. Киев, Украина

Кирсанова Ангелина Сергеевна

Студентка 3-го курса факультета психологии и педагогики Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Коваленко Людмила Георгиевна

Кандидат философских наук, доцент, г. Барнаул

Козлов Сергей Васильевич

Кандидат исторических наук, декан факультета политики и международных отношений Сибирского института управления – филиала РАН-ХиГС, г. Новосибирск

Козулин Вячеслав Николаевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, заместитель директора АШПИ, г. Барнаул

Колоткин Михаил Николаевич

Доктор исторических наук, профессор Сибирского государственного университета геосистем и технологий, г. Новосибирск

Колпакова Татьяна Владимировна

Кандидат философских наук, доцент кафедры востоковедения Забайкальского государственного университета, г. Чита

Коробкова Наталья Петровна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Котов Владимир Константинович

Студент факультета массовых коммуникаций, филологии и политологии Алтайского государственного университета (специальность «Филология»), г. Барнаул

Кротов Александр Викторович

Кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии и картографии Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Курныкин Олег Юрьевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Кучинская Татьяна Николаевна

Кандидат политических наук, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры востоковедения Забайкальского государственного университета, г. Чита

Лавренюк Маргарита Вадимовна

Студентка географического факультета Алтайского госуниверситета, г. Барнаул

Лысенко Марина Федоровна

Студентка исторического факультета Алтайского государственного университета

Лысенко Юлия Александровна

Доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения Алтайского государственного университета

Малышева Нина Сергеевна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Мартынов Виктор Сергеевич

Кандидат политических наук, доцент, заместитель директора по научным вопросам Института философии и права УрО РАН, г. Екатеринбург

Михайлов Андрей Сергеевич

Кандидат географических наук, начальник отдела маркетинга и аналитики Управления развития и стратегического планирования ФГАОУ ВПО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта», г. Калининград

Молдагазина Жулдыз

Магистрант Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Молодов Олег Борисович

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института социально-экономического развития территорий РАН, г. Вологда

Монина Любовь Владимировна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Муратшина Ксения Геннадьевна

Кандидат исторических наук, ассистент кафедры теории и истории международных отношений ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», департамент (факультет) международных отношений, г. Екатеринбург

Полтораков Алексей Юрьевич

Кандидат политических наук, ученый секретарь Института украинской политики, г. Киев, Украина

Райкин Роман Ильич

Кандидат физико-математических наук, доцент, проректор по развитию международной деятельности Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Реут Олег Чеславович

Кандидат технических наук, доцент кафедры истории стран Северной Европы Петрозаводского государственного университета, г. Петрозаводск

Роговая Анастасия Владимировна

Кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра региональной социологии и конфликтологии ФГБУН «Институт социологии РАН», г. Москва

Романова София Александровна

Студентка 3-го курса факультета психологии и педагогики Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Семененко Ирина Станиславовна

Доктор политических наук, зав. сектором прикладных социально-политических исследований ЦЭСПИ ИМЭМО РАН, г. Москва

Серов Вадим Валентинович

Доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Сковородников Александр Васильевич

Кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Смирнов Руслан Леонидович

Слушатель ФГКВООУ ВПО «Военный университет» МО РФ, г. Москва

Соболева Татьяна Николаевна

Кандидат исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Турьинская Христина Михайловна

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, Института Африки РАН, Москва

Ульянов Павел Владимирович

Магистрант исторического факультета Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Филиппов Василий Рудольфович

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, г. Москва

Филиппова Елена Ивановна

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, г. Москва

Хабенская Елена Олеговна

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Африки РАН, г. Москва

Халбасва Альбина Маратовна

Старший преподаватель кафедры политологии и социальной политики ФГБОУ ВПО «Российский государственный социальный университет», г. Москва

Харин Алексей Николаевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Кировского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Киров

Цыряпкина Юлия Николаевна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул

Чернышов Юрий Георгиевич

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, директор Алтайской школы политических исследований, г. Барнаул

Шашкова Ярослава Юрьевна

Доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой политологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Шпагин Сергей Алексеевич

Учитель истории гимназии «Ор Авнер», г. Ростов-на-Дону

Юн Ирина Михайловна

Заместитель руководителя департамента Фонда «Бюро экономического анализа» (БЭА), г. Москва

АШПИ
АЛТАЙСКАЯ ШКОЛА
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

✉ 656049 г. Барнаул,
просп. Ленина, 61, к. 310
☎ Tel./fax (3852) 29-12-74
📁 E-mail: ashpi@hist.asu.ru
💻 <http://ashpi.asu.ru/ic/>

Содержание

ЗАПАД И ВОСТОК: РЕГИОНЫ В ТРАНСГРАНИЧНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ (28–30 СЕНТЯБРЯ 2015 Г.).....3

*Бикетова Е.А., Козулин В.Н., Чернышов Ю.Г. Конференция о
трансграничном взаимодействии регионов4*

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕГИОНОВ..... 18

*Арпентьева М.Р. Аллология как наука о трансграничном
взаимодействии.....18*

Аришнцев О.А. Пространство как фактор мировой политики..24

*Бородич В.Ф. Институциональный подход к пониманию основ
межцивилизационного взаимодействия России и Китая:
теоретико-методологическое введение28*

*Бородич В.Ф. Институциональный подход к пониманию основ
межцивилизационного взаимодействия: сравнительный
анализ отношения к комплементарным институтам в
политической стратегии России и Китая в свете
международных отношений33*

*Козулин В.Н. Проблема восточной границы Европы: география,
идеология, культура. Часть I. «Малая Европа».....39*

*Козулин В.Н. Проблема восточной границы Европы: география,
идеология, культура. Часть II. «Большая Европа»47*

*Михайлов А.С. Методологические особенности идентификации
трансграничных кластеров.....53*

*Реут О.Ч. Институциональное направление российско-
европейского приграничного сотрудничества 1990-х —
2000-х гг.58*

Серов В.В. Понятие контактной зоны в исторической науке65

Харин А.Н. Уровни межцивилизационного взаимодействия71

*Чернышов Ю.Г. Пограничное пространство как барьер между
утопическими и реальными образами стран и регионов .76*

2. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ..... 82

Арляпова Е.С. Риски и опции трансграничности (Сербия)82

*Бетмакаев А.М. Германо-германская граница в годы «холодной
войны»86*

<i>Богословская Г.В. Особенности взаимовосприятия в российско-французских отношениях в 2000–2012 гг. (по материалам французской прессы).....</i>	<i>90</i>
<i>Глазунов Д.А. Управление внешними делами в регионах Китая (на примере провинции Хэйлунцзян).....</i>	<i>95</i>
<i>Дьяченко А.Ю. Основные теоретические подходы к проблеме римско-парфянской границы и восточного похода императора Траяна (114–117 гг.).....</i>	<i>101</i>
<i>Исакова С.Н. Проблема определения границ Австрии в связи с подготовкой Государственного договора в 1945–1949 гг.: позиция США.....</i>	<i>105</i>
<i>Кан Д.С. Ядерная проблема Корейского полуострова.....</i>	<i>110</i>
<i>Кирсанова А.С., Романова С.А. Межкультурная адаптация студентов вузов в аспекте интеграции образовательного пространства.....</i>	<i>115</i>
<i>Коваленко Л.Г. Проблема взаимодействия России с трансграничными территориями в новой геополитической ситуации.....</i>	<i>118</i>
<i>Козлов С.В. Историческая память как компонент региональной идентичности (на примере постсоветской Украины)...</i>	<i>125</i>
<i>Мальшиева Н.С. Рурская область как «пилотный регион» европейского сотрудничества: проблема управления Руром после Второй мировой войны.....</i>	<i>130</i>
<i>Молдагазинова Ж. История развития речного пароходства в Восточном Казахстане (XIX–XX вв.).....</i>	<i>134</i>
<i>Молодов О.Б. Интеграция России и государств Центральной Азии: лингвистический аспект.....</i>	<i>139</i>
<i>Монина Л.В. Вопрос о безопасности германских границ в период Веймарской республики.....</i>	<i>143</i>
<i>Полтораков А.Ю. Запад и восток Украины: политические регионы в конфликтном взаимодействии.....</i>	<i>148</i>
<i>Сковородников А.В. Проблема территориального устройства на Балканах на заключительном этапе Второй мировой войны.....</i>	<i>154</i>
<i>Турьинская Х.М. Киренаика: исторические границы, региональная идентичность, федеративная идея.....</i>	<i>159</i>
<i>Ульянов П.В. Основные факторы российско-германского взаимодействия в региональной политике (1905–1914 гг.)</i>	<i>163</i>
<i>Филиппов В.Р. Трансграничные взаимодействия в Африке.....</i>	<i>167</i>

<i>Хабенская Е.О. Пограничные конфликты в Африке (на примере сенегало-мавританского конфликта 1989 г.).....</i>	<i>171</i>
<i>Халбаева А.М. Интеграция трансграничных мигрантов в системе управления миграционными процессами: опыт Германии.....</i>	<i>176</i>
<i>Цыряпкина Ю.Н. Казахская модель межэтнической толерантности: проблемы и перспективы.....</i>	<i>181</i>
<i>Юн И.М. Две Кореи — три нации</i>	<i>186</i>
3. ОПЫТ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ В ПРИГРАНИЧНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ	190
<i>Барсуков А.М. Приграничное сотрудничество регионов Большого Алтая.....</i>	<i>190</i>
<i>Бикетова Е.А. Российско-белорусское взаимодействие в приграничных регионах и его влияние на восприятие Белоруссии и белорусов в России</i>	<i>196</i>
<i>Бобров Д.С., Соболева Т.Н. Политико-географические образы границы Российской империи в Верхнем Обь-Иртыше в первой половине XVIII в.</i>	<i>201</i>
<i>Вервекина Е.А. Сотрудничество Алтайского края и КНР: проблемы и перспективы.....</i>	<i>206</i>
<i>Виловатых А.В. Факторы распространения экстремизма в Кавказском регионе.....</i>	<i>212</i>
<i>Гайкин В.А. Тихоокеанская Россия в системе экономической кооперации Евразийского союза с Японией и Кореями....</i>	<i>216</i>
<i>Головинов А.В. Интеграционный потенциал межцивилизационного взаимодействия Востока и Запада в идеологии сибирских областников</i>	<i>221</i>
<i>Колоткин М.Н. Трансграничные туристские тренды Большого Алтая в условиях современных геополитических реалий.....</i>	<i>225</i>
<i>Колпакова Т.В. Перспективы реализации инновационного потенциала соразвития приграничных регионов РФ и КНР (на примере Байкальского региона РФ и Северо-Восточного региона КНР).....</i>	<i>228</i>
<i>Кротов А.В., Бусленко А.В. Экономико-географические предпосылки развития приграничных кластеров России и сопредельных государств</i>	<i>233</i>
<i>Кротов А.В., Лавренюк М.В. Приграничное положение Алтая как фактор, нивелирующий ультраконтинентальность региона</i>	<i>239</i>

<i>Курныкин О.Ю. Потенциал и факторы сотрудничества приграничных регионов России и Казахстана.....</i>	<i>244</i>
<i>Кучинская Т.Н. Практики культурного регионализма Китая в российско-китайском трансграничье</i>	<i>249</i>
<i>Лысенко Ю.А., Лысенко М.Ф. Особенности русско-казахского межэтнического взаимодействия в районе Иртышского десятиверстного пространства (XIX — начало XX в.) .</i>	<i>255</i>
<i>Мартьянов В.С. Арктический макрорегион России: от северного фронта к северному Эльдorado?</i>	<i>261</i>
<i>Мурашина К.Г. Программа сотрудничества приграничных регионов России и Китая в контексте перспектив и рисков в межрегиональном взаимодействии двух стран</i>	<i>267</i>
<i>Роговая А.В. Противодействие идеологии экстремизма и терроризма в проблемном регионе: социологический аспект (на примере Республики Дагестан)</i>	<i>272</i>
<i>Смирнов Р.Л. Валютная интеграция на пространстве ЕАЭС как фактор социального сближения государств-участников</i>	<i>276</i>
<i>Шпагин С.А. Ростовская область — «западный форпост» на юге России.....</i>	<i>281</i>
<i>Demidova I.V. Challenges and Prospects of the Russia's Far East District in the Context of Cross-Border Cooperation with the North East of China</i>	<i>284</i>

**СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ, ПОДГОТОВЛЕННЫЙ АЛТАЙСКОЙ
КРАЕВОЙ УНИВЕРСАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКОЙ
ИМ. В.Я. ШИШКОВА290**

**ИНФОРМАЦИЯ ОБ АЛТАЙСКОЙ ШКОЛЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ303**

АВТОРЫ СТАТЕЙ, ДОКЛАДОВ И ВЫСТУПЛЕНИЙ.....307

СОДЕРЖАНИЕ.....313

Серийное научное издание

**Дневник Алтайской школы политических исследований №31.
Современная Россия и мир: альтернативы развития
(Запад и Восток: регионы в трансграничном
взаимодействии)**

Сборник научных статей

Редактор В. Мозес

Подготовка оригинал-макета — А. Бетмакаев, В. Козулин

Подписано в печать 09.11.2015

Формат 60х84/16.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 17,9.

Тираж 250 экз. Заказ

Издательство Алтайского государственного университета

Отпечатано в типографии «Аркада»:

г. Барнаул, пр. Ленина, 148, оф. 4

тел. (3852) 360-113

E-mail: 779317@mail.ru